

Е. А. ИСАЕВА, Ж. В. КЛИМЕНКО

Интегрированный курс
ЛИТЕРАТУРА
(русская и мировая)

Учебник для 6 класса
общеобразовательных учебных заведений
с обучением на русском языке

*Рекомендовано
Министерством образования и науки Украины*

Харьков
«СИЦІЯ»
2014

УДК 821(100).09(075.3)
ББК 83.3(0)я721
I-85

*Рекомендовано Министерством образования и науки Украины
(приказ Министерства образования и науки Украины*

от 07.02.2014 г. № 123)

Підручник Литература 6 клас Ісаєва, Клименко 2014 нп pidruchnyk.com.ua

**ИЗДАНО ЗА СЧЁТ ГОСУДАРСТВЕННЫХ СРЕДСТВ.
ПРОДАЖА ЗАПРЕЩЕНА**

Научную экспертизу проводил
Институт литературы им. Т. Г. Шевченко НАН Украины

Эксперт — *Н. М. Сквиря, научный сотрудник отдела славянских литератур,
кандидат филологических наук*

Психолого-педагогическую экспертизу проводил
Институт педагогики НАПН Украины

Эксперт — *В. В. Снегирёва, старший научный сотрудник лаборатории
обучения русскому языку и языкам других этнических меньшинств,
кандидат педагогических наук*

Ответственные за подготовку учебника к изданию:

*Ж. А. Кошкина, научный сотрудник Института инновационных технологий
и содержания образования МОН Украины;*

*С. П. Фомина, завсектором научно-методического обеспечения
содержания образования общеобразовательных учебных заведений
с обучением на русском и других языках национальных меньшинств
отдела научно-методического обеспечения содержания образования
общеобразовательных учебных заведений с обучением на русском
и других языках национальных меньшинств и образовательных связей
с диаспорой Института инновационных технологий и содержания
образования МОН Украины*

Исаева Е. А.

I-85 Интегрированный курс «Литература (русская и мировая)»: учеб. для 6 кл. общеобразоват. учеб. заведений с обучением на рус. яз. / Е. А. Исаева, Ж. В. Клименко. — Харьков: СИЦИЯ, 2014. — 352 с.: илл.

ISBN 978-966-2542-65-3.

**УДК 821(100).09(075.3)
ББК 83.3(0)я721**

ISBN 978-966-2542-65-3

© Е. А. Исаева, Ж. В. Клименко, 2014
© Издательство «СИЦИЯ», 2014

ПРИГЛАШЕНИЕ К СОТРУДНИЧЕСТВУ

Страница здесь похожа на окно:
Открывшему увидеть мир дано...

Расул Гамзатов, дагестанский поэт

Дорогие наши читатели!

Приглашаем вас продолжить удивительное путешествие в мир русской и мировой литературы!

Вы, конечно, помните, что *литература — это вид искусства, творчески отражающий и переосмысливающий действительность при помощи слова.*

Воспроизведение жизни в словесных картинах — это характерная особенность литературы. Художественные картины жизни, созданные в произведениях литературы, — это не фотокопия действительности, а плод фантазии автора, который образно создаёт свой мир, отличный от реального. Однако великая тайна искусства заключается в том, что произведения настоящих мастеров слова не просто отражают происходящее вокруг них, но и воздействуют на наши чувства, заставляя нас смеяться и плакать, сопереживать и размышлять.

Вместе с литературными героями художественных произведений, изучение которых вам предстоит в 6 классе, вы сможете не только побывать в различных странах и эпохах, открыть для себя много интересного и загадочного, но и узнать новое о себе и своих сверстниках. Как и во всяком путешествии, вам предстоит не одно приключение. Надеемся, что вы сможете восхититься славными делами наших предков, улыбнуться нашим недостаткам и слабостям, почувствовать гордость за разум и мужество человека, его волю к жизни, ещё раз проверить, что такое настоящая дружба, убедиться, как важно быть добрым и милосердным, и, наконец, просто насладиться увлекательнейшим из занятий — *чтением.*

Итак, давайте читать, думать, обсуждать!

*С искренним уважением
и пожеланием увлекательного путешествия*

Авторы

Книга и чтение в нашей жизни	6
Писатель — произведение — читатель	7

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

Из тайников искусства слова. О чём могут поведать мифы 9

По страницам мифов Древней Греции 12

Прометей 16

Мифы о Геракле 27

Скотный двор царя Авгия (*шестой подвиг*) 27

Кербер (*одиннадцатый подвиг*) 29

К тайнам славянской мифологии 33

Миф о Солнце 36

**Мир глазами вечности,
или То, что открывает нам Библия...** 39

Из тайников искусства слова. Понятие о притче 42

Библейские предания и притчи 43

Вавилонская башня 43

Притча о добром самаритянине 45

Притча о блудном сыне 47

«А ВОТ О ТОМ КАК В БАСНЯХ ГОВОРЯТ...»

Из тайников искусства слова. Басня и аллегория 52

ЭЗОП (Мудрый раб Айсопос) 54

Лисица и виноград 56

Отец и сыновья 56

Волк и Ягнёнок 57

Иван Андреевич КРЫЛОВ

(Самый известный русский баснописец) 58

Волк и Ягнёнок 60

Свинья под Дубом 62

Осёл и Соловей 63

ПОЭТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Александр Сергеевич ПУШКИН

(Лицейские годы великого Поэта) 67

Из тайников искусства слова.

Двусложные размеры стиха. Понятие о строфе 70

Зимнее утро 72

Няне 73

Песнь о вещем Олеге 76

Михаил Юрьевич ЛЕРМОНТОВ

(Мастер поэтической живописи) 81

Парус 83

Три пальмы 84

«На севере диком стоит одиноко...»	87
Горные вершины...	89

В ПЛЕНУ УДИВИТЕЛЬНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Николай Васильевич ГОГОЛЬ

<i>(Гордость Нежинской гимназии)</i>	92
--	----

Ночь перед Рождеством <i>(в сокращении)</i>	95
---	----

<i>Из тайников искусства слова.</i> Понятие о повести	120
---	-----

Понятие о юморе	121
---------------------------	-----

Чарльз ДИККЕНС (Защитник униженных и оскорблённых)	124
---	-----

Рождественская песнь в прозе <i>(в сокращении)</i>	126
--	-----

Даниель ДЕФО (Отец знаменитого Робинзона)	170
--	-----

Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо... <i>(в сокращении)</i>	172
--	-----

Из тайников искусства слова.

Понятие о романе. Приключенческий роман	207
---	-----

Жюль ВЕРН (Гений приключенческого романа)	209
--	-----

Пятнадцатилетний капитан <i>(в сокращении)</i>	212
--	-----

Джек ЛОНДОН (Великий искатель сокровищ)	273
--	-----

Любовь к жизни <i>(в сокращении)</i>	274
--	-----

Из тайников искусства слова.

Пейзаж в художественном произведении	287
--	-----

УРОКИ ВОСПИТАНИЯ СЕРДЦА

Андрей Платонович ПЛАТОНОВ

<i>(«У человеческого сердца»)</i>	292
---	-----

Юшка	293
----------------	-----

Виктор Петрович АСТАФЬЕВ

<i>(«Настойчивый правдолюбец»)</i>	301
--	-----

Конь с розовой гривой <i>(в сокращении)</i>	303
---	-----

Людмила Стефановна ПЕТРУШЕВСКАЯ

<i>(«Человек-оркестр»)</i>	311
--------------------------------------	-----

Котёнок Господа Бога	313
--------------------------------	-----

ЛИТЕРАТУРА КРЫЛАТОЙ МЕЧТЫ

<i>Из тайников искусства слова.</i> Понятие о фантастике	318
--	-----

Рэй Дуглас БРЭДБЕРИ (Король фантастики)	320
--	-----

Каникулы	321
--------------------	-----

Улыбка	328
------------------	-----

Роберт ШЕКЛИ (Создатель фантастических миров)	334
--	-----

Запах мысли	335
-----------------------	-----

Познаём себя через книгу	348
------------------------------------	-----

Словарик литературоведческих терминов	349
---	-----

Образование человека есть путешествие... Это есть путешествие в стране духа, в мире человеческой культуры...

*Сергей Гессен,
российский философ и педагог*

КНИГА И ЧТЕНИЕ В НАШЕЙ ЖИЗНИ

Книги — корабли мысли, странствующие по волнам времени и бережно несущие свой драгоценный груз от поколения к поколению.

Фрэнсис Бэкон (1561–1626), английский философ

✓ Хорошая книга — как всхожее зерно, она прорастает в душе, и когда это происходит, книга становится взыскательным и строгим собеседником.

*Виктор Астафьев (1924–2001),
российский писатель*

✓ Есть преступления хуже, чем сжигать книги. Например — не читать их.

*Рэй Дуглас Брэдбери (1920–2012),
американский писатель-фантаст*

✓ Вопрос не в том, есть ли у меня время читать (время, которого, кстати, мне никто не даст), но в том, подарю я себе или нет счастье быть читателем.

*Даниэль Пеннак (род. 1944),
французский писатель*

ПИСАТЕЛЬ — ПРОИЗВЕДЕНИЕ — ЧИТАТЕЛЬ

Книга — мост между писателем и читателем...
Вениамин Каверин, российский писатель

О талантливом читателе

Поговорим о читателе. О нём говорят редко и мало. А между тем читатель — лицо незаменимое. [...]

Отдельные читатели могут иной раз ошибочно судить о книгах, но за Читателем в большом, собирательном значении этого слова — и притом на протяжении более или менее продолжительного периода времени — всегда остаётся последнее слово в оценке литературного произведения.

[...] Время идёт, одно поколение сменяет другое, и каждое из них по-своему оценивает дошедшее до него литературное наследство. И если прозаик или поэт сохраняют своё значение и вес в течение веков, то это объясняется не тем, что они были однажды зачислены в ряды гениев и классиков или увековечены воздвигнутыми в их честь монументами, а тем, что и новые поколения признают их ценными и нужными для жизни.

[...] Решает судьбу книги живой человек, читатель.

[...] Читатель перестаёт быть только читателем. Он становится участником всего, что пережил и перечувствовал поэт.

Литературе так же нужны талантливые читатели, как и талантливые писатели. Именно на них, на этих талантливых, чутких, обладающих творческим воображением читателей, и рассчитывает автор, когда напрягает все свои душевные силы в поисках верного образа, верного поворота действия, верного слова.

Самуил Маршак

ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ

...есть ценности, которые превыше всего, которые принадлежат всему человечеству и которые мы должны совместно оберегать.

*Святослав Рерих,
российский и индийский художник,
общественный деятель*

Читая страницы этого раздела, вы сможете:

- ✓ **понять**, что такое миф и притча;
- ✓ **раскрыть** смысл прочитанных мифов;
- ✓ **сделать выводы** о стихиях природы и происхождении человека;
- ✓ **узнать** больше о Библии и **осмыслить**, почему её называют Книгой Книг;
- ✓ **задуматься** над тем, чему нас учат библейские притчи

Из тайников искусства слова

О ЧЁМ МОГУТ ПОВЕДАТЬ МИФЫ

Помните: в каждом мифе есть зёрнышко истины, которое снова может стать нашим хлебом насущным.
Станислав Ежи Лец, польский писатель и мыслитель

В книге «Занимательная мифология» известный американский учёный и писатель Айзек Азимов так объяснял происхождение мифов народов мира: «Люди не были бы людьми, если бы не задавались вопросами об окружающем их мире. Много тысяч лет назад они выглядывали из пещер и задумывались о том, что представляло их взору. Отчего сверкает молния? Откуда прилетает ветер? Почему приходит зима и почему с её приходом все деревья и кустарники умирают? И каким образом все они снова оживают с наступлением весны?»

Люди задумывались и о самих себе. Почему временами болеют? Отчего стареют и умирают? Кто первым научил их пользоваться огнём и ткать полотно?

Они задавались множеством и других вопросов, но не находили на них ответов. В те времена не было науки; человечеству ещё только предстояло научиться ставить опыты, чтобы на основании их результатов открывать законы мироздания.

Единственное, что оставалось делать первобытному человеку, так это самому придумывать то, что представлялось ему наиболее логичными ответами».

Так родились **мифы** (от греческого — слово, сказание) — сказания, которые передавали представления древних людей о происхождении и устройстве мира, о богах и героях.

Мифы, как и народные сказки, возникли в глубокой древности и являются результатом коллективного творчества. Однако, если сказку древние люди сразу воспринимали как вымысел, то в правдивость рассказанного в мифах верили и повествователи, и слушатели. Если мифы объясняли происхождение и устройство мира, то сказки преследовали другую цель — отразить борьбу добра и зла, противостояние человеческих пороков и добродетелей. В отличие от сказок, которые повествовали, мифы часто передавали с помощью разнообразных сценок, иногда даже целых спектаклей.

Со временем люди поняли, что мифы в большинстве случаев рассказывают о нереальном, то есть таком, чего не могло быть в действительности. В связи с этим слова *миф* и *мифический* начали употреблять не только тогда, когда речь шла о древних сказаниях и принадлежности к ним (например, мифические события, персонажи), но и в совершенно другом значении — что-то неправдоподобное или невероятное. Так, современный человек, услышав явно выдуманную историю, которую повествователь выдаёт за действительность, часто говорит: «Это же миф!».

Хотя многое в мифах — плод вымысла, но некоторые из них отражают и реальные факты. Так, у разных народов существуют мифы, рассказывающие о всемирном потопе. Согласно же научным предположениям, в древности действительно имели место грандиозные наводнения, вызванные длительными проливными дождями или быстрым таянием ледников.

Со временем мифы разных народов начали собирать, записывать, учёные стремились разгадать их тайны. Возникло слово **мифология** (от греческих «*миф*» и «*логос*» — знание), которое имеет два значения. Первое — *наука, изучающая мифы*. Второе значение — *совокупность мифов определённых народов* (так, говорят: древнегреческая мифология, славянская мифология и тому подобное). Попробуйте и вы почувствовать себя

исследователями, которые стремятся раскрыть тайны древних сказаний и найти зёрнышко истины в каждом из прочитанных мифов.

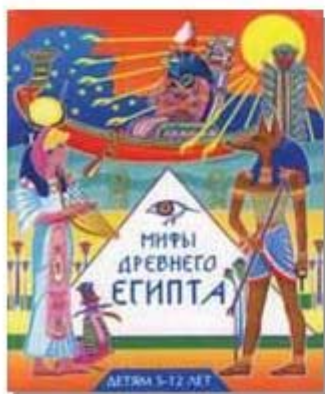

1. Внимательно прочитайте запись одного из учеников: «Мифы — это сказания, которые передают представления людей о происхождении мира». Всё ли тут правильно?
2. Расскажите, что способствовало появлению мифов.
3. Продолжите предложение: «Мифология — это ...».
4. Заполните в тетради такую таблицу:

Общие и различные черты мифа и сказки

МИФ	СКАЗКА
Общие черты	
Различия	

5. Почему современные люди иногда употребляют слова миф и мифический для обозначения чего-то неправдоподобного?
6. Как вы понимаете эпиграф к этой статье?
7. Рассмотрите обложки книг. В свободное время прочитайте те мифы, которые вас заинтересовали.

ПО СТРАНИЦАМ МИФОВ ДРЕВНЕЙ ГРЕЦИИ

Их можно назвать тем золотым фондом, который в сокровищнице своей памяти должен хранить каждый образованный человек.

*Андрей Белецкий,
украинский исследователь
художественной литературы*

Наше путешествие в мире мифов мы начинаем с Древней Греции, которую называют колыбелью европейской культуры. Её благодатная земля подарила миру народ с необычайно ярким воображением и великим литературным талантом, которые нашли своё отражение в богатейшей мифологии.

Древние греки верили, что весь мир возник из необозримого **Хаоса** — тёмной зияющей бездны. По их представлениям, правили миром **боги**, которые жили на горе Олимп¹, где царит веч-

Зевс — бог неба, грома и молний (античная статуя)

¹ *Олимп* — самая высокая гора Греции (2911 м).

ное лето. Самым могущественным из них был **Зевс** — бог неба, грома и молний, ведающий всем миром. Его часто изображали восседающим на троне со скипетром¹ или пучком молний в одной руке и статуей богини победы **Ники** — в другой. Рядом с тронem или на скипетре сидел орёл, которого считали царём птиц. Все моря были отданы во владения брату Зевса **Посейдону**. Древние греки часто представляли его мчавшимся по волнам на колеснице, запряжённой длинногривыми конями, с трезубцем, которым он вызывал бури и разбивал скалы. Подземным царством правил второй брат Зевса — бог **Аид**, обладавший властью над тенями умерших. Кроме трёх главных, на Олимпе обитали и другие боги. Среди них:

Гера — жена Зевса, покровительница брака;

Деметра — богиня плодородия и земледелия;

Гефест — бог огня и кузнечного ремесла;

Гермес — покровитель путешественников, торговцев и мошенников;

Афина — богиня мудрости и справедливой войны;

Афродита — богиня красоты и любви;

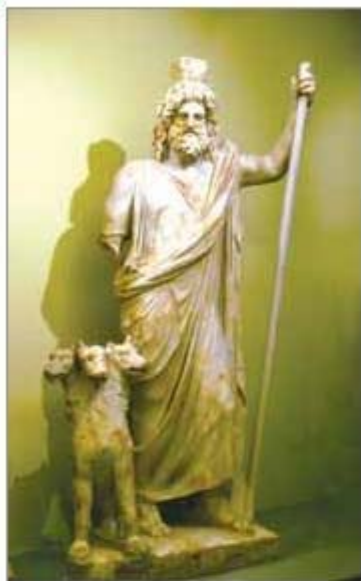
Аполлон — покровитель наук и искусств.

Греки верили, что все они не только мудрее, красивее и сильнее людей, но и, в отличие от них, наделены бессмертием. Согласно мифам, боги жили весёлой и привольной жизнью, проводя всё время в бесконечных пиршествах и развлечениях. Между ними, как и между людьми, возникали ссоры, они так же обманывали друг друга, плели всяческие интриги и так же, как простые смертные, влюблялись и рожали детей. Эллинам² казалось, что боги постоянно наблюдают за ними и карают за всяческие провинности. Так, гром и молнию они связывали с гневом Зевса, а грозный морской шторм воспринимали как наказание Посейдона.

Мир древнегреческих мифов населён не только богами. Важную роль в нём играют **герои**, которые совершают

¹ *Скипетр* — древнейший символ власти: украшенный жезл.

² *Эллины* — так себя называли древние греки, а свою страну — *Эллада*.

Аид с Кербером
(античная статуя)

самые различные подвиги. Так, **Ясón**, преодолев множество преград, добывает золотое руно, **Тесей** мужественно расправляется с разбойниками, а **Персей** побеждает страшную Горгону Медузу — чудовище, один взгляд на которое обращает человека в камень. Вас ожидает встреча с самым любимым героем древних греков — **Герáклом**.

Читая мифы, вы обязательно заметите, что, кроме названных персонажей, в них действуют и такие *фантастические существа*, как **кентавры** — полулюди-полукони, **Кёрбер** — трёхглавый пёс, **Минотáвр** — чудовище

с головой быка и человеческим туловищем.

Во многих древнегреческих мифах рассказывается о происхождении растений и явлений природы. Например, один из них повествует, откуда появился на земле такой прекрасный цветок, как нарцисс.

Интересную особенность мифов Эллады отметил Андрей Белецкий, который писал, что в них «отразились разные неосуществимые для тех давних времён мечты человечества: укрощение стихийных сил природы (подвиги Геракла, Персея, Тесея), освоение далёких земель и морей (путешествие аргонавтов и странствования Одиссея), овладение воздушным пространством (Дедал и Икар), победа над всеми болезнями и даже над самой смертью (мифо сыне Аполлона, божественном лекаре Асклепии)».

Древнегреческие мифы поражают силой своей фантазии и величию мысли. Многие люди из самых разных стран считают их знание обязательной составной собственной образованности.

Иван Айвазовский. Путешествие Посейдона по морю (1894)

1. Расскажите, что вы узнали о персонажах, действующих в древнегреческих мифах.
2. Какими греки представляли богов?
3. Кого люди изображали восседающим на троне со скипетром или пучком молний в руке?
4. Пользуясь материалами статьи, заполните по образцу в тетради такую таблицу:

Боги Олимпа

Имя бога	Краткое описание
Зевс	верховный бог, бог неба, грома и молний
Посейдон	
Аид	
Афина	

5. Какие мечты человечества нашли своё воплощение в мифах Эллады?
6. Читали ли вы раньше мифы Древней Греции? Если да, то какие? Поделитесь своими впечатлениями.

Прометей

Пустынная, дикая местность на самом краю земли, в стране скифов¹. Суровые скалы уходят за облака своими остроконечными вершинами. Кругом — никакой растительности, не видно ни единой травки, всё голо и мрачно. Всюду высятся тёмные громады камней, оторвавшихся от скал. Море шумит и грохочет, ударяясь своими валами о подножие скал, и высоко взлетают солёные брызги. Морской пеной покрыты прибрежные камни. Далеко за скалами виднеются снежные вершины кавказских гор, подёрнутые лёгкой дымкой. Постепенно заволакивают даль грозные тучи, скрывая горные вершины. Всё выше и выше поднимаются по небу тучи и закрывают солнце. Ещё мрачнее становится всё кругом. Безотрадная, суровая местность. Никогда ещё не ступала здесь нога человека. Сюда-то, на край земли, привели слуги Зевса скованного титана² Прометея, чтобы приковать его несокрушимыми цепями к вершине скалы. Неодолимые слуги громовержца, Сила и Власть, ведут Прометея. Громадные тела их словно высечены из гранита. Не знают сердца их жалости, в их глазах никогда не светится сострадание, их лица суровы, как скалы, которые стоят вокруг. Печальный, низко склонив

Дирк ван Бабюрен.
Вулкан, сковывающий
цепями Прометея (1623)

голову, идёт за ними бог Гефест со своим тяжёлым молотом. Ужасное дело предстоит ему. Он должен своими руками приковать друга своего Прометея. Глубокая скорбь за участь друга гнетёт Гефеста, но не смеет он послушаться своего отца, громовержца Зевса. Он знает, как неумолимо карает Зевс неповиновение.

Сила и Власть возвели Прометея на вершину скалы и торопят Гефеста приниматься за работу. Их жестокие речи заставляют Гефеста ещё сильнее страдать за друга. Неохотно берётся он за свой громадный молот, только необходимость заставляя его повиноваться. Но торопит его Сила:

¹ *Скйфы* — так древние греки называли народы, обитавшие в Восточной Европе и Азии.

² *Титаны* — боги первого поколения, дети богини земли Геи и бога неба Урана.

— Скорей, скорей бери оковы! Прикуй Прометея могучими ударами молота к скале. Напрасна твоя скорбь о нём, ведь ты скорбишь о враге Зевса.

Сила грозит гневом Зевса Гефесту, если он не прикуёт Прометея так, чтобы ничто не могло освободить его. Гефест приковывает к скале несокрушимыми цепями руки и ноги Прометея. Как ненавидит он теперь своё искусство — благодаря ему он должен приковать друга на долгие муки. Неумолимые служители Зевса всё время следят за его работой.

— Сильней бей молотом! Крепче стягивай оковы! Не смей их ослаблять! Хитёр Прометей, искусно умеет он находить выход и из неодолимых препятствий, — говорит Сила. — Крепче прикуй его, пусть здесь узнаёт он, каково обманывать Зевса.

— О, как подходят жестокие слова ко всему твоему суровому облику! — восклицает Гефест, принимаясь за работу.

Скала содрогается от тяжких ударов молота, и от края до края земли разносится грохот могучих ударов. Прикован, наконец, Прометей. Но это ещё не всё, нужно ещё прибить его к скале, пронзив ему грудь стальным, несокрушимым остриём. Медлит Гефест.

— О, Прометей! — восклицает он. — Как скорблю я, видя твои муки!

— Опять ты медлишь! — гневно говорит Гефесту Сила. — Ты всё скорбишь о враге Зевса! Смотри, как бы не пришлось тебе скорбеть о самом себе!

Наконец всё окончено. Всё сделано так, как повелел Зевс. Прикован титан, а грудь его пронзило стальное остриё. Издеваясь над Прометеем, говорит ему Сила:

— Ну вот, здесь ты можешь быть сколько хочешь надменным; будь горд по-прежнему! Давай теперь смертным дары богов, похищенные тобой! Посмотрим, в силах ли будут помочь тебе твои смертные. Придётся тебе самому подумать о том, как освободиться из этих оков.

Но Прометей хранит гордое молчание. За всё время, пока приковывал его Гефест к скале, он не проронил ни единого слова, даже тихий стон не вырвался у него, — ничем не выдал он своих страданий.

Ушли слуги Зевса, Сила и Власть, а с ними ушёл и печальный Гефест. Один остался Прометей; слышать его могли теперь лишь море да мрачные тучи. Только теперь тяжкий стон вырвался из пронзённой груди могучего титана, только теперь стал он сетовать на злую судьбу свою.

Громко воскликнул Прометей. Невыразимым страданием и скорбью звучали его сетования:

— О, божественный эфир¹ и вы, быстронесущиеся ветры, о, источники рек и несмолкающий рокот морских волн, о, земля, всеобщая прама́терь, о, всевидящее солнце, обегающее весь круг земли, — всех вас зову я в свидетели! Смотрите, что терплю я! Вы видите, какой позор должен нести я неисчислимые годы! О, горе, горе! Стонать я буду от мук и теперь, и много, много веков! Как найти мне конец моим страданиям? Но что же говорю я! Ведь я же знал всё, что будет. Муки эти не постигли меня неожиданно. Я знал, что неизбежны веления грозного рока. Я должен нести эти муки! За что же? За то, что я дал великие дары смертным, за это я должен страдать так невыносимо, и не избежать мне этих мук. О, горе, горе!

Но вот послышался тихий шум как бы от взмахов крыльев, словно полёт лёгких тел всколыхнул воздух. С далёких берегов седого Океана², из прохладного грота, с лёгким дуновением ветерка принесли на колеснице к скале океаниды³. Они слышали удары молота Гефеста, донесли до них и стоны Прометея. Слёзы заволокли, как пеленой, прекрасные очи океанид, когда увидели они прикованного к скале могучего титана. Родным был он океанидам. Отец его, Япет, был братом отца их, Океана, а жена Прометея, Гесиона, была их сестрой. Окружили скалу океаниды. Глубока их скорбь о Прометее. Но слова его, которыми клянёт он Зевса и всех богов-олимпийцев, пугают их. Они боятся, чтобы Зевс не сделал ещё более тяжкими страдания титана. За что постигла его такая кара, этого не знают океаниды. Полные сострадания, просят они Прометея поведать им, за что покарал его Зевс, чем прогневал его титан.

Прометей рассказывает им, как помог он Зевсу в борьбе с титанами, как убедил он мать свою Фемиду⁴ и великую богиню земли Гею стать на сторону Зевса. Зевс победил титанов и сверг их, по совету Прометея, в недра ужасного Тартара. Завладел Зевс властью над миром и разделил её с новыми богами-олимпийцами, а тем титанам, которые помогали ему, не дал громовержец власти в мире. Зевс ненавидит титанов, боится их грозной силы. Не доверял Зевс и Прометею и ненавидел его. Ещё сильнее разгорелась ненависть Зевса, когда Прометей стал защищать несчастных смертных людей,

¹ *Эфир* — по древнегреческой мифологии, верхний, наиболее лёгкий, прозрачный и лучезарный слой воздуха, верхний слой неба, которым дышат и в котором живут боги.

² *Океан* — титан, самый старший сын Урана и Геи. Древние греки представляли его громадной рекой, омывающей землю, дающей начало всем источникам и рекам. Греки верили, что из Океана восходят солнце, луна и звёзды.

³ *Океаниды* — дочери Океана, обитательницы морских и речных вод.

⁴ *Фемид* — богиня правосудия.

которые жили ещё в то время, когда правил Крон, и которых Зевс хотел погубить. Но Прометей пожалел не обладавших ещё разумом людей; он не хотел, чтобы сошли они несчастными в мрачное царство Аида. Он вдохнул им надежду, которой не знали люди, и похитил для них божественный огонь, хотя и знал, какая кара постигнет его за это. Страх ужасной казни не удержал гордого могучего титана от желания помочь людям. Не удержали его и предостережения его вещей матери, великой Фемиды.

С трепетом слушали океаниды рассказ Прометея. Но вот на быстроекрылой колеснице принесся к скале сам вещий старец Океан. Океан пытается уговорить Прометея покориться власти Зевса: ведь должен же он знать, что бесполезно бороться с победителем ужасного Тифона. Океан жалеет Прометея, он сам страдает, видя те муки, которые терпит Прометей. Вещий старец готов спешить на светлый Олимп, чтобы молить Зевса помиловать титана, хотя бы даже мольбами за него он навлёт на самого себя гнев громовержца. Он верит, что мудрое слово защиты часто смягчает гнев. Но напрасны все мольбы Океана, гордо отвечает ему Прометей:

— Нет, старайся спасти самого себя. Боюсь я, чтобы сострадание не принесло вреда тебе. До дна исчерпаю я всё зло, которое послала мне судьба. Ты же, Океан, страшись вызвать гнев Зевса мольбою за меня.

— О, вижу я, — грустно отвечает Океан Прометею, — что этими словами заставляешь ты меня вернуться назад, не достигнув ничего. Верь же мне, о Прометей, что привела меня сюда лишь забота о твоей судьбе и любовь к тебе!

— Нет! Уходи! Скорей, скорей спеши отсюда! Оставь меня! — восклицает Прометей.

С болью в сердце покинул Океан Прометея. Он умчался на своей крылатой колеснице, а Прометей продолжает рассказ свой океанидам о том, что сделал он для людей, как он облагодетельствовал их, нарушив волю Зевса. В горе Мосхе, на Лемносе, из горна своего друга Гефеста похитил Прометей огонь для людей. Он научил людей искусствам, дал им знания, научил их счёту, чтению и письму. Он познакомил их с металлами, научил, как в недрах земли добывать их и обрабатывать. Прометей смирил для смертных дикого быка и надел на него ярмо, чтобы могли пользоваться люди силой быков, обрабатывая свои поля. Прометей впряг коня в колесницу и сделал его послушным человеку. Мудрый титан построил первый корабль, оснастил его и распустил на нём льняной парус, чтобы быстро нёс человека корабль по безбрежному морю. Раньше люди не знали лекарств, не умели лечить болезни, беззащитны были про-

тив них люди, но Прометей открыл им силу лекарств, чтобы смирили они болезни. Он научил их всему тому, что облегчает горести жизни и делает её счастливее и радостнее. Этим и прогневал он Зевса, за это и покарал его громовержец.

Но не вечно будет страдать Прометей. Он знает, что злой рок постигнет и могучего громовержца. Не избегнет он своей судьбы! Прометей знает, что царство Зевса не вечно: будет он свергнут с высокого царственного Олимпа. Знает вещий титан и великую тайну, как избежать Зевсу злой судьбы, но не откроет он этой тайны Зевсу. Никакая сила, никакие угрозы, никакие муки не исторгнут её из уст гордого Прометея.

Кончил Прометей свою повесть. С изумлением слушали его океаниды. Дивились они великой мудрости и несокрушимой силе духа могучего титана, осмелившегося восстать против громовержца Зевса. Опять овладел ими ужас, когда услышали они, какой судьбой грозит Зевсу Прометей. Они знали, что если эти угрозы достигнут Олимпа, то ни перед чем не остановится громовержец, лишь бы узнать роковую тайну. Полными слёз глазами смотрят на Прометея океаниды, потрясённые мыслью о неизбежности велений сурового рока. Глубокое молчание воцарилось на скале; его прерывал лишь неумолкающий шум моря.

Вдруг вдали раздался чуть слышный, едва уловимый стон скорби и боли. Вот опять донёсся он до скалы. Всё ближе, громче этот стон. Гонимая громадным оводом, посланным Герой, вся в крови, покрытая пеной, несётся в неистовом, безумном беге обращённая в корову несчастная Ио, дочь речного бога Инаха, первого царя Арголиты. Истомлённая, обессиленная скитаниями, истерзанная жалом овода, остановилась Ио перед прикованным Прометеем. Громко стеная, рассказывает она, что пришлось вынести ей, и молит вещего титана:

— О Прометей! Здесь, на этом пределе моих скитаний, открой мне, молю тебя, когда же кончатся мои муки, когда же, наконец, найду я покой?

— О, верь мне, Ио! — ответил Прометей. — Лучше не знать тебе этого, чем знать. Много ещё стран пройдёшь ты, много встретишь ужасов на своём пути. Твой тяжкий путь лежит через страну скифов, через высокий снежный Кавказ, через страну амазонок¹ к проливу Босфору, так назовут его в честь тебя, когда ты переплывёшь его. Долго будешь ты затем блуждать по Азии. Ты пройдёшь мимо страны, где живут несущие смерть горгоны; на их головах извиваются,

¹ *Амазόνки* — в древнегреческой мифологии народ, состоявший исключительно из женщин, выходивший в походы под предводительством своей царицы и образовавший особое воинственное государство.

шипя, змеи, вместо волос. Остерегайся их! Остерегайся грифов¹ и однооких аримаспов²; и их ты встретишь на своём пути. Наконец, достигнешь ты Библинских гор, с них низвергает свои благодатные воды Нил. Вот там-то, в стране, которую орошает Нил, у его устья найдёшь ты, наконец, покой. Там вернёт тебе Зевс твой прежний прекрасный образ, и родится у тебя сын Эпаф. Он будет властвовать над всем Египтом и будет родоначальником славного поколения героев. Из этого рода произойдёт и тот смертный, который освободит меня из оков. Вот что, Ио, поведала мне о судьбе твоей мать моя, вещая Фемида.

Громко воскликнула Ио:

— О горе, горе! О, сколько страданий сулит мне ещё злой рок! Сердце трепещет в груди моей от ужаса! Вновь овладевает мной безумие, снова вонзилось огненное жало в моё истерзанное тело, опять лишаюсь я дара речи! О, горе, горе!

Безумно вращая глазами, в бешеном беге понеслась прочь от скалы Ио. Словно подхваченная вихрем, мчалась она вдаль. С громким жужжанием нёсся за ней овод, и, как огнём, жгло его жало несчастную Ио. Скрылась она в облаках пыли из глаз Прометея и океанид. Всё тише, тише доносились до скалы вопли Ио, и замерли они, наконец, вдали, подобно тихому стону скорби.

Молчали Прометей и океаниды, скорбя о несчастной Ио, но вот воскликнул гневно Прометей:

— Как ни мучь ты меня, громовержец Зевс, но всё же настанет день, когда и тебя повергнут в ничтожество. Лишишься ты царства и свергнут будешь во мрак. Исполнятся тогда проклятия отца твоего Крона! Никто из богов не знает, как предотвратить от тебя эту злую судьбу! Лишь я знаю это! Вот сидишь ты теперь, могучий, на светлом Олимпе и мечешь грома и молнии, но они тебе не помогут, они бессильны против неизбежного рока. О повергнутый во прах, узнаешь ты, какая разница между властью и рабством!

Страх затуманил очи океанид, и ужас согнал краску с их прекрасных ланит³. Наконец, простирая к Прометею свои руки, белые, как морская пена, воскликнули они:

— Безумный! Как не страшишься ты грозить так царю богов и людей Зевсу? О Прометей, ещё более тяжкие муки пошлёт он тебе! Подумай о судьбе своей, пожалей себя!

— На всё готов я!

¹ *Грифы* — чудовища с орлиными крыльями и головой и с львиным телом, сторожившие на крайнем севере Азии золотые россыпи.

² *Аримасы* — мифический народ, живший по соседству с грифами и ведший с ними непрекращавшуюся борьбу.

³ *Ланиты* — устаревшее, поэтическое щёки.

— Но ведь склоняется же мудрый пред неумолимым роком!

— О, молитесь, просите вы пощады! Ползите на коленях к грозному владыке! А мне — что мне громовержец Зевс? Чего бояться мне его? Не суждена мне смерть! Пусть делает, что хочет, Зевс. Недолго ему властвовать над богами!

Едва промолвил эти слова Прометей, как по воздуху быстро, словно падающая звезда, пронёсся посланник богов Гермес и, грозный, предстал перед Прометеем. Его послал Зевс потребовать, чтобы титан открыл тайну: кто свергнет Зевса и как избежать веления судьбы? Гермес грозит ужасной карой Прометею за неповиновение. Но могучий титан непреклонен, с насмешкой отвечает он Гермесу:

— Мальчишкой был бы ты, и детским был бы ум твой, если бы ты надеялся узнать хоть что-нибудь. Знай, что я не променяю своих скорбей на рабское служение Зевсу. Мне лучше быть здесь прикованным к скале, чем стать верным слугой тирана Зевса. Нет такой казни, таких мук, которыми мог бы Зевс утратить меня и вырвать из уст моих хоть единое слово. Нет, не узнает он, как спастись ему от судьбы, никогда не узнает тиран Зевс, кто отнимет у него власть!

— Так слушай же, Прометей, что будет с тобой, если ты откажешься исполнить волю Зевса, — отвечает титану Гермес. — Ударом своей молнии он низвергнет эту скалу с тобою вместе в мрачную бездну. Там, в каменной темнице, много, много веков лишённый света солнца, будешь терзаться ты в глубоком мраке. Пройдут века, и снова подымет тебя Зевс на свет из бездны, но не на радость подымет он тебя. Каждый день будет прилетать орёл, которого пошлёт Зевс, и острыми когтями и клювом будет он терзать твою печень; вновь и вновь будет вырастать она, и всё ужасней будут твои страдания. Так будешь ты висеть на скале до той поры, пока другой не согласится добровольно сойти вместо тебя в мрачное царство Аида. Подумай, Прометей, не лучше ль покориться Зевсу! Ведь ты же знаешь, что Зевс никогда не грозит напрасно!

Непреклонным остался гордый титан. Разве могло что-нибудь утратить его сердце? Вдруг задрожала земля, всё кругом потряслось; раздалась оглушительные раскаты грома, и сверкнула нестерпимым светом молния. Забушевал неистово чёрный вихрь. Словно громады гор, поднялись на море пенные валы. Заколебалась скала. Среди рёва бури, среди грома и грохота землетрясения раздался ужасный вопль Прометея:

— О, какой удар направил против меня Зевс, чтобы вызвать ужас в моём сердце! О высокочтимая мать Фемиды, о эфир, струящий всем свет! Смотрите, как несправедливо карает меня Зевс!

Рухнула со страшным грохотом скала с прикованным к ней Прометеем в неизмеримую бездну, в вековечный мрак.

Протекли века, и снова поднял Зевс на свет из тьмы Прометея. Но страдания его не кончились; ещё тяжелее стали они. Опять лежит он, распростёртый, на высокой скале, пригвождённый к ней, опутанный оковами. Жгут его тело палящие лучи солнца, проносятся над ним бури, его измождённое тело хлещут дожди и град, зимой же хлопьями падает снег на Прометея, и леденящий холод сковывает его члены. И этих мук мало! Каждый день громадный орёл прилетает, шумя могучими крыльями, на скалу. Он садится на грудь Прометея и терзает её острыми, как сталь, когтями. Орёл рвёт своим клювом печень титана. Потоками льётся кровь и обагрывает скалу; чёрными сгустками застывает кровь у подножья скалы; она разлагается на солнце и невыносимым смрадом заражает кругом воздух. Каждое утро прилетает орёл и принимается за свою кровавую трапезу. За ночь заживают раны, и вновь вырастает печень, чтобы днём дать новую пищу орлу. Годы, века длятся эти муки. Истомился могучий титан Прометей, но не сломлен его гордый дух страданиями.

Титаны давно примирились с Зевсом и покорились ему. Они признали его власть, и Зевс освободил их из мрачного Тартара. Теперь они, громадные, могучие, пришли на край земли к скале, где лежал скованный Прометей. Они окружили его скалу и убеждают Прометея покориться Зевсу. Пришла и мать Прометея, Фемиды, и молит сына смирить свой гордый дух и не противиться Зевсу. Она молит сына сжалиться над ней — ведь так невыносимо страдает она, видя муки сына. Сам Зевс забыл уже свой прежний гнев. Теперь держава его сильна, ничто не может поколебать её, ничто не страшно ему. Да и правит он уже не как тиран, он охраняет государства, хранит законы. Он покровительствует людям и правде среди них. Только одно беспокоит ещё громовержца — это та тайна, которую знает один Прометей. Зевс готов, если Прометей откроет ему роковую тайну, помиловать могучего титана. Уже близко время, когда кончатся муки Прометея. Уже родился и возмужал великий герой, которому суждено судьбой освободить от оков титана. Непреклонный Прометей по-прежнему хранит тайну, изнывая от мук, но и его начинают покидать силы.

Наконец, и великий герой, которому суждено освободить Прометея, во время своих странствований приходит сюда, на край земли. Герой этот — Геракл, сильнейший из людей, могучий, как бог. С ужасом смотрит он на мученья Прометея, и сострадание овладевает им. Титан рассказывает Гераклу о злой судьбе своей и пророчествует ему, какие ещё великие подвиги предстоит ему совершить. Полный внимания, слушает титана Геракл. Но ещё не весь ужас страданий Прометея видел Геракл. Вдали слышится шум могучих крыльев — это летит орёл на свой кровавый пир.

Он кружится высоко в небе над Прометеем, готовый спуститься к нему на грудь. Геракл не дал ему терзать Прометея. Он схватил свой лук, вынул из колчана смертоносную стрелу, призвал стреловержца Аполлона, чтобы верней направил он полёт стрелы, и пустил её. Громко зазвенела тетива лука, взвилась стрела, и пронзённый орёл упал в бурное море у самого подножья скалы. Миг освобождения настал. Принёсся с высокого Олимпа быстрый Гермес. С ласковой речью обратился он к могучему Прометею и обещал ему немедленное освобождение, если откроет он тайну, как избежать Зевсу злой судьбы. Согласился, наконец, могучий Прометей открыть Зевсу тайну и сказал:

— Пусть не вступает громовержец в брак с морской богиней Фетидой, так как богини судьбы, вестие мойры, вынули такой жребий Фетиде: кто бы ни был её мужем, от него родится у неё сын, который будет могущественней отца. Пусть боги отдадут Фетиду в жёны герою Пелею, и будет сын Фетиды и Пелея величайшим из смертных героев Греции.

Прометей открыл великую тайну. Геракл разбил своей тяжкой палицей его оковы и вырвал из груди его несокрушимое стальное остриё, которым пригвождён был титан к скале. Встал титан, теперь он был свободен. Кончились его муки. Так исполнилось его предсказание, что смертный освободит его. Громкими, радостными криками приветствовали титаны освобождение Прометея.

С тех пор носит Прометей на руке железное кольцо, в которое вставлен камень от той скалы, где терпел он столько веков невыразимые муки.

Вместо же Прометея в подземное царство душ умерших согласился сойти мудрый кентавр Хирон. Этим избавился он от страданий, которые причиняла ему неисцелимая рана, нанесённая ему нечаянно Гераклом.

Ян Коссирс.
Прометей, несущий
огонь на Землю (ок. 1637)

Пересказ Николая Куна

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Выразительно прочитайте первый абзац мифа.
2. Как описано место, куда привели Прометея слуги Зевса? Какое настроение возникает у читателя с первой страницы мифа?
3. Расскажите, какими вы представляете Силу и Власть.
4. Опишите состояние Гефеста, вынужденного исполнять приказ Зевса. Сочувствуете ли вы ему?
5. Как ведёт себя Прометей во время казни? Подтвердите свой ответ цитатами из текста.
6. Расскажите, за что Зевс покарал титана.
7. Проследите, как раскрывается характер Прометея в диалогах с Океаном и океанидами.
8. Выразительно прочитайте отрывок, в котором повествуется, чему титан научил людей.
9. Какое значение эти поступки Прометея имели для развития человечества? Как они характеризуют самого титана?
10. Почему Прометей отказался открыть тайну, как избежать Зевсу злой судьбы? Как вы оцениваете его поступок?
11. Какое повторное наказание придумал для Прометея Зевс?
12. Кто и как освободил титана от страшных мук?
13. Установите правильную последовательность пунктов плана к прочитанному тексту. Запишите их в тетрадь, проставив соответствующие номера. Обменявшись тетрадями с соседом (соседкой) по парте, проверьте правильность выполнения задания.

14. Воспользовавшись записанным планом, подготовьте краткий пересказ мифа о Прометее.
15. Расскажите, каким вы представляете Прометея. Нарисуйте его.
16. Выскажите своё отношение к образу Прометея, подтверждая ответ примерами из мифа.
17. Напишите сочинение-миниатюру на тему: «В чём секрет популярности образа Прометея?».
18. Найдите и прочитайте стихотворение М. Рильского «Прометей». Какие мифологические события отражены в этом произведении? Созвучны ли основные мысли стихотворения и мифа?
19. Объясните, почему о людях, которые служат народу, говорят, что в их сердцах горит искра неугасимого огня Прометея.

Читателю XXI столетия на заметку

Образ Прометея стал источником вдохновения для писателей разных стран и времён. К нему обращались в своём творчестве немец Иогани Вольфганг Гёте, англичанин Джордж Гордон Байрон, россиянин Михаил Ломоносов, украинские поэты Тарас Шевченко, Иван Франко, Максим Рильский и многие другие. Прометей был одним из любимых образов Лесии Украинки. Повестесе, которую часто называют «дочерью Прометея», принадлежат такие строки:

*Я честь віддам титану Прометею,
Що не творив своїх людей рабами,
Що світлив не словом, а вогнем,
Боровся не в покорі, а завзято...
Я вслід йому піду.*

Диалог искусств

Мифы привлекали не только писателей и художников, но и многих музыкантов. Среди них — венгр Ференц Лист, немцы Рихард Вагнер и Людвиг ван Бетховен, россиянин Александр Скрябин, украинец Кирилл Стеценко. Все они — авторы музыкальных произведений, созданных на основе мифа о Прометее.

МИФЫ О ГЕРАКЛЕ

Вы уже знаете, что самым любимым героем древних греков был **Геракл** — сын Зевса и смертной женщины Алкмёны. Традиционно его изображали высоким, могучим, одетым в львиную шкуру и вооружённым громадной палицей. В мифах рассказывается о том, что трусливый и заносчивый царь Эврисфэй, желая гибели Геракла, давал ему всяческие невероятные задания. Выполняя их, Геракл осуществил **двенадцать подвигов**. В частности, победил гигантского льва и девятиглавую гидру¹, поймал златорогую лань и укротил вепря-людоеда. Об этих и других подвигах самого знаменитого богатыря Эллады вы узнаете, прочитав мифы о Геракле.

Лисипп.
Геракл в борьбе со львом
(IV до н.э.)

СКОТНЫЙ ДВОР ЦАРЯ А́ВГИЯ (шестой подвиг)

Вскоре Эврисфей дал новое поручение Гераклу. Он должен был очистить от навоза весь скотный двор Авгия, царя Элиды², сына лучезарного Гелиоса. Бог солнца дал своему сыну неисчислимые богатства. Особенно многочисленны были стада Авгия. Среди его стад было триста быков с белыми, как снег, ногами, двести быков были красные, как сидонский пурпур, двенадцать быков, посвящённые богу Гелиосу, были белые, как лебеди, а один бык, отличавшийся необыкновенной красотой, сиял, подобно звезде. Геракл предложил Авгию очистить в один день весь его громадный скотный двор, если он согласится отдать ему десятую часть своих стад. Авгий согласился. Ему казалось невозможным выполнить такую работу в один день. Геракл же сломал с двух противоположных сторон стену, окружавшую скотный двор, и отвёл в него воду двух рек, Ал-

¹ *Гидра* — змееподобное чудовище с ядовитым дыханием, обитавшее в подземных водах.

² *Элида* — древняя область на северо-западе полуострова Пелопоннес (Греция).

фея и Пеней. Вода этих рек в один день унесла весь навоз со скотного двора, а Геракл опять сложил стены. Когда герой пришёл к Авгию требовать награды, то гордый царь не отдал ему обещанной десятой части стад, и пришлось ни с чем вернуться в Тиринф Гераклу.

Страшно отомстил великий герой царю Элиды. Через несколько лет, уже освободившись от службы у Эврисфея, Геракл вторгся с большим войском в Элиду, победил в кровопролитной битве Авгия и убил его своей смертоносной стрелой. После победы собрал Геракл войско и всю богатую добычу у города Писы, принёс жертвы олимпийским богам и учредил олимпийские игры¹, которые и проводились с тех пор всеми греками каждые четыре года на священной равнине, обсаженной самим Гераклом посвящёнными богине Афине-Палладе оливами.

Геракл отомстил и всем союзникам Авгия. Особенно же поплатился царь Пилоса Нелей. Геракл, придя с войском к Пилосу, взял город и убил Нелея и одиннадцать его сыновей. Не спасся и сын Нелея Периклимен, которому дал властитель моря Посейдон дар обращаться в льва, змею и пчелу. Геракл убил его, когда, обратившись в пчелу, Периклимен сел на одну из лошадей, запряжённых в колесницу Геракла. Один лишь сын Нелея Нестор остался в живых. Впоследствии прославился Нестор среди греков своими подвигами и великой мудростью.

Пересказ Николая Куна

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Расскажите, как Гераклу удалось очистить в один день скотный двор царя Авгия.
2. Согласны ли вы с тем, что этот поступок Геракла можно назвать подвигом? Обоснуйте свою мысль.
3. За что впоследствии Геракл отомстил царю Элиды?
4. Каково, согласно мифу, происхождение Олимпийских игр? Как эта традиция развивается в современном мире?

¹ *Олимпийские игры* — важнейшее из общегреческих празднеств, во время которого во всём государстве объявлялся всеобщий мир. За несколько месяцев до игр по всей Греции и греческим колониям рассылались послы, приглашавшие на игры в Олимпию. Игры проводились раз в четыре года. На них происходили состязания в беге, борьбе, кулачном бою, бросании диска и копья, а также в езде на колесницах. Победители получали в награду оливковый венок и пользовались большим почётом. Традиция, родившаяся в Древней Греции, вышла за пределы одной страны. Современные Олимпийские игры — это международные соревнования, собирающие спортсменов со всего мира.

5. Что нового о характере знаменитого героя Эллады вы узнали благодаря этому мифу?
6. Прочитайте материал рубрики «Читателю XXI столетия на заметку». Как вы думаете, почему словосочетание «авгиевы конюшни» стало крылатым выражением?

Читателю XXI столетия на заметку

Из мифов к нам пришло множество **крылатых слов и выражений**, которые и ныне довольно часто употребляются и в русском, и в украинском языках. Словно на крыльях, они перелетели из одной страны в другую, из древности в современность. Некоторые из них связаны с мифами о Геракле. Так, когда идёт речь о жуткой загрязнённости места или крайней запущенности дела, на помощь приходит выражение «авгиевы конюшни». Почему же именно конюшни? Как вы заметили, в прочитанном пересказе мифа речь идёт о скотном дворе. Однако существуют и другие версии этой истории, в которых царь Авгий представлен как владелец не стада быков, а огромного табу на лошадей.

А почему о некоторых людях говорят «злой, как Кербер», вы узнаете, прочитав следующий миф.

КЕРБЕР¹ (одиннадцатый подвиг)

Едва Геракл вернулся в Тиринф, как уже снова послал его на подвиг Эврисфей. Это был уже одиннадцатый подвиг, который должен был совершить Геракл на службе у Эврисфея. Невероятные трудности пришлось преодолеть Гераклу во время этого подвига. Он должен был спуститься в мрачное, полное ужасов подземное царство Аида и привести к Эврисфею стража подземного царства, ужасного адского пса Кербера. Три головы было у Кербера, на шее у него извивались змеи, хвост у него оканчивался головой дракона с громадной пастью. Геракл отправился в Лаконию и через мрачную пропасть у Тэнара² спустился во мрак подземного царства. У самых врат царства Аида увидел Геракл приросших к скале героев Тесея и Перифоя, царя Фессалии. Их наказали так боги за то, что они хотели похитить у Аида жену его Персефону. Взмолился Тесей к Гераклу:

— О великий сын Зевса, освободи меня! Ты видишь мои мучения! Один лишь ты в силах избавить меня от них!

¹ Иначе — Цёрбер.

² Тэнáр — название мыса.

Протянул Геракл Тесею руку и освободил его. Когда же он хотел освободить и Перифоя, то дрогнула земля, и понял Геракл, что боги не хотят его освобождения. Геракл покорился воле богов и пошёл дальше во мрак вечной ночи. В подземное царство Геракла ввёл вестник богов Гермес, проводник душ умерших, а спутницей великого героя была сама любимая дочь Зевса, Афина-Паллада. Когда Геракл вступил в царство Аида, в ужасе разлетелись тени умерших. Только не бежала при виде Геракла тень героя Мелеагра. С мольбой обратилась она к великому сыну Зевса:

— О великий Геракл, об одном молю я тебя в память нашей дружбы, сжался над осиротевшей сестрой моей, прекрасной Деянирой! Беззащитной осталась она после моей смерти. Возьми её в жёны, великий герой! Будь её защитником!

Геракл обещал исполнить просьбу друга и пошёл дальше за Гермесом. Навстречу Гераклу поднялась тень ужасной горгоны Медузы, она грозно протянула свои медные руки и взмахнула золотыми крыльями, на голове её зашевелились змеи. Схватился за меч бесстрашный герой, но Гермес остановил его словами:

— Не хватайся за меч, Геракл! Ведь это лишь бесплотная тень! Она не грозит тебе гибелью!

Много ужасов видел на пути своём Геракл; наконец, он предстал пред троном Аида. С восторгом смотрели властитель царства умерших и жена его Персефона на великого сына громовержца Зевса, бесстрашно спустившегося в царство мрака и печалей. Он, величественный, спокойный, стоял пред троном Аида, опершись на свою громадную палицу, в львиной шкуре, накинутой на плечи, и с луком за плечами. Аид милостиво приветствовал сына своего великого брата Зевса и спросил, что заставило его покинуть свет солнца и спуститься в царство мрака. Склонясь пред Аидом, ответил Геракл:

— О властитель душ умерших, великий Аид, не гневайся на меня за мою просьбу, всемогущий! Ты знаешь ведь, что не по своей воле пришёл я в твоё царство, не по своей воле буду я просить тебя. Позволь мне, владыка Аид, отвести в Микены твоего трёхглавого пса Керберы. Велел мне сделать это Эврисфей, которому служу я по повелению светлых богов-олимпийцев. Аид ответил герою:

— Я исполню, сын Зевса, твою просьбу; но ты должен без оружия укротить Керберы. Если ты укротишь его, то я позволю тебе отвести его к Эврисфею.

Геракл, Кербер и Эврисфей.
Роспись вазы
(около 525 г. до н.э.)

Долго искал Геракл Кербера по подземному царству. Наконец, он нашёл его на берегах Ахерона¹. Геракл обхватил своими руками, крепкими, как сталь, шею Кербера. Грозно завыл пёс Аида; всё подземное царство наполнилось его воем. Он силился вырваться из объятий Геракла, но только крепче сжимали могучие руки героя шею Кербера. Обвил хвост свой Кербер вокруг ног героя, впилась голова дракона своими зубами ему в тело, но всё напрасно. Могучий Геракл всё сильнее и сильнее сдавливал ему шею. Наконец, полузадушенный пёс Аида упал к ногам героя. Геракл укротил его и повёл из царства мрака в Микены. Испугался дневного света Кербер; весь покрылся он холодным потом, ядовитая пена капала из трёх его пастей на землю; всюду, куда капнула хоть капля пены, вырастали ядовитые травы.

Геракл привёл к стенам Микен Кербера. В ужас пришёл трусливый Эврисфей при одном взгляде на страшного пса. Чуть не на коленях молил он Геракла отвести обратно в царство Аида Кербера. Геракл исполнил его просьбу и вернул Аиду его страшного стража Кербера.

Пересказ Николая Куна

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Кого Гераклу довелось увидеть в подземном царстве до встречи с Аидом? Какова была его реакция на эти встречи?
2. Благодаря чему у читателя складывается представление о грозном Кербере?
3. Подумайте, почему и сейчас некоторых людей сравнивают с этим персонажем.
4. Кто из персонажей романа «Гарри Поттер и философский камень» Джоан Роулинг напоминает вам пса Кербера? Чем именно?
5. Выразительно прочитайте отрывок мифа от слов «*Много ужасов видел на пути своём Геракл...*» до конца текста.
6. Как описан герой в этом отрывке? Какие черты его характера подчёркнуты?
7. Рассмотрите внимательно роспись на древней вазе (с. 30). Какой эпизод мифа изображён? Как передано состояние Эврисфея?
8. Кратко перескажите миф.
9. Устно подготовьте характеристику Геракла на материале прочитанных мифов.

¹ Ахерон — река в подземном царстве.

Узнаём о выдающейся личности

Прочитанные вами пересказы мифов о Прометее и Геракле, а также многих других древнегреческих историй о богах и героях подарил читателям **Николай Альбертович Кун (1877–1940)** — русский историк, писатель, педагог. Подготовленная им книга «Что рассказывали древние греки и римляне о своих богах и героях» увидела свет ещё в 1914 г. С тех пор под названием «Легенды и мифы Древней Греции» она переиздавалась множество раз на языках разных народов, в том числе и на украинском.

У литературной карты мира

На литературных картах самых разных стран мира можно увидеть множество интересных мест, напоминающих о мифах Древней Греции. Есть такие места и в Украине. Так, величественный монумент Прометею стоит в городе Днепродзержинске (скульптор **Алексей Сокол**). Гостей парка в посёлке Партенит, размещённом на южном берегу Крыма, радует цветомузыкальный фонтан «Прометей», в центре которого — фигура знаменитого героя, несущего людям животворящий огонь (автор проекта скульптуры — **Зураб Церетели**).

Скульптура «Отдыхающий Геракл» в Евпатории (2003)

А на набережной Евпатории встречает жителей города и туристов «Отдыхающий Геракл». Именно так называется скульптурная композиция, установленная здесь в честь 2500-летия города (автор — **Алексей Шмаков**). Эта идея возникла в связи с тем, что во время раскопок греческих поселений, которые в древности находились на месте современной Евпатории, археологи нашли несколько изображений великого героя, отдыхающего после своих знаменитых подвигов.

К ТАЙНАМ СЛАВЯНСКОЙ МИФОЛОГИИ

Мы жили в зелёных просторах,
 Где воздух весной напоён,
 Мерцали в потупленных взорах
 Костры кочевавших племён...
 Одеты в косматые шкуры,
 Мы жертвы сжигали тебе,
 Тебе, о безумный и хмурый,
 Перун на высоком столбе.

Эдуард Багрицкий, российский писатель

Таковыми строками поэт охарактеризовал таинственный мир древних славян. Давайте представим себя в далёком-далёком прошлом и в своём воображении нарисуем людей, которые, завернувшись в звериные шкуры, греются у жаркого костра. Они, как и предки других народов, задумывались над тем, откуда появились земля и небо, кто создал моря, реки, леса и горы, как возникли первые люди. Их фантазия рисовала удивительные картины происхождения и устройства мира.

Древние славяне верили, что природа наделена необыкновенной силой, что и растения, и птицы, и реки, и солнце, и звёзды мыслят, чувствуют и общаются между собой. Они одушевляли природу, то есть придавали черты живого существа всем её элементам. Отсюда и появились в нашей речи такие выражения, как *снег идёт*, *ветер свистит*, *речка бежит*.

Силы природы воплощались у них в образы божеств¹. Как и древние греки, славяне верили, что Вселенная состоит из трёх миров:

- *небесного, где обитали боги, правящие людьми;*
- *земного, который населяли люди;*
- *подземного, куда человек уходил после земной жизни.*

К древнейшим богам относят **Сваро́га** — бога, которого считали отцом небесного огня и покровителем кузнечного дела. Он выковал первый плуг и жернова, научил людей пахать землю, молотить зерно и печь хлеб.

Матерью всех живых существ и растений считалась в славянском мире богиня **Мать-Сыра-Земля**, представляющая всю нашу планету. Её уподобляли женщине, волосы которой — это цветы, травы, деревья и кустарники, кости — каменные скалы, кровь — вода. В честь этой богини слагались песни, в которых звучала хвала за щедрые сокровища, подаренные людям: цветущие луга, богатые растительностью и живностью леса и полноводные реки.

Владыкой Вселенной, по представлению древних славян, был **Перу́н** — суровый бог грома и молнии, покровитель воинов. Предков славян неслучайно называли солнцепоклонниками, ведь они с особым почтением относились к Солнцу. В их мифологии даже существовало несколько солнечных божеств: **Дажбог** (один из наиболее известных богов восточнославянских племён²), **Хорс**, **Световид**, **Ярило** и другие. Славяне чтили **Велеса** — покровителя скотоводства, **Стрибо́га** — покровителя ветра, **Дану** — богиню воды, **Ла́ду** — богиню весны, весенней пахоты и сева, брака, любви, а также многих других богов.

Интересно, что в древние времена у славян не было ни храмов, ни священников. Как же они осуществляли обряд поклонения своим богам? С этой целью люди ставили на холмах идолов — деревянные или каменные изображения божеств, которым приносили жертвы.

¹ Признание сил природы божествами называют *обожествлением*.

² К восточным славянам относят украинцев, русских и белорусов.

Именно такой идол упоминается в эпитафье («*Перун на высоком столбе*»).

Кроме богов, воображаемый мир славян населяли **добрые** и **злые духи**. Так, к добрым относили **Домового** — хранителя домашнего очага, хотя он иногда наказывал людей за нарушение обычаев и непочтение. Злым духом считали **Лешего**, обитающего в лесу и доставляющего путникам разные неприятности. А в реках, озёрах и прудах, согласно народной фантазии, человека подстерегали **водяной** и **русалки**.

Все эти представления древних славян нашли яркое отражение в их многокрасочной мифологии, с которой связано множество народных обрядов. Некоторые из них живы и в наше время (например, праздник Ивана Купала, Масленица). Славянские мифы стали богатейшим источником творчества для многих писателей. Их образы и сюжеты использовали в своих произведениях русские и украинские мастера слова (А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, Н. В. Гоголь, Т. Г. Шевченко, Леся Украинка и многие другие).

1. Вспомните, что вы знаете о славянах. Как они относились к природе?
2. Расскажите, какие персонажи населяют мир славянской мифологии.
3. Как древние славяне представляли Мать-Сыру-Землю?
4. Какие из богов были связаны с земледелием и скотоводством? Почему, на ваш взгляд, они пользовались особым почётом у славян?
5. Подумайте, как образ жизни древнеславянских народов отразился на их мифологии.
6. Происхождение каких слов и выражений современной речи объясняют мифическими представлениями древних славян? С чем это связано?
7. Какие мифы вы читали на уроках украинской литературы? Что интересного узнали о богах, которым поклонялись предки украинцев?
8. Как вы думаете, почему эпитафией к статье «К тайнам славянской мифологии» выбраны поэтические строки Эдуарда Багрицкого?

Читателю XXI столетия на заметку

Среди солнечных богов некоторые учёные называют **Ярила** (иногда встречается Яр). Это персонаж восточнославянской мифологии, который символизировал весеннее солнце, пробуждение жизни, плодородие. Его имя связывают со словом *ярый*, одно из устаревших значений которого — *светлый*. Ярилу изображали молодым красивым юношей со светлыми глазами и золотистыми кудрями. Он появлялся в белой мантии, с венком из весенних цветов на голове. Восседаая на белом коне, держал в левой руке пучок ржаных колосьев как символ хорошего урожая, благополучия и счастья. Древние славяне верили, что Ярило на какое-то время засыпал, и тогда солнце переставало греть. Но стоило проснуться Яриле, и с его пробуждением оживала вся природа.

Скульптура Ярила (скульптор Григорий Кудлаенко) в парке «Украинская степь» в Донецке (2006)

МИФ О СОЛНЦЕ

Лежала Мать-Сыра-Земля во мраке и стуже. Мертва была — ни света, ни тепла, ни звуков, никакого движения. И сказал вечно юный, вечно радостный весёлый Яр: «Взглянем сквозь тьму крошечную на Мать-Сыру-Землю, хороша, пригожа ль она?» И пламень взора светлого Яра в одно мгновение пронизал неизмеримые слои мрака, что лежали над спавшею Землёю, и где Ярилин взор прорезал тьму, там воссияло солнце красное. И полились через солнце жаркие волны лучезарного Ярилиного света.

Мать-Сыра-Земля от сна проснулась и в юной красе раскинулась. Жадно пила она золотые лучи живоносного света, и от того света палящая жизнь и томящая нега разлились по недрам её... Любы Земле Ярилины речи, возлюбила она бога светлого, и от жарких его поцелуев разукрасилась злаками, цветами, тёмными лесами, синими морями, голубыми и реками, серебристыми озёрами и...

Пила она жаркие поцелуи Ярилины, и из недр её вылетали поднебесные птицы, из вертепов выбегали лесные и полевые звери, в

реках и морях заплывала рыба, в воздухе затолклись мелкие насекомые, мушки да мошки.

И всё жило, и всё любило, и всё пело хвалебные песни Отцу-Яриле, Матери-Сырой-Земле. Потом Земля породила человека. И когда вышел он из недр земных, ударил его Ярило по голове золотой вожжей — яркой молнией, и от той молнии ум в человеке зародился. Здравствовал Ярило любимого земнородного сына небесными громами, потоками молний, и от тех громов, от той молнии вся живая тварь в ужасе встрепенулась: разлетелись поднебесные птицы, попрятались в пещеры дубравные звери, один человек поднял к небу разумную голову и в речь отца громовую отвечал вещим словом, речью крылатою... И услышав то слово и узрев царя своего и владыку, все цветы и злаки перед ним преклонились.

Потом стала слабеть сила Ярилы, Мать-Сыра-Земля стала тосковать, боясь, что всё замёрзнет. Ярило утешил её, что опять вернётся, а пока для поддержания тепла на земле послал Огонь.

Так мыслили люди о смене лета зимою и о начале Огня. Оттого наши праотцы сжигали умерших — заснувшего смертным сном Ярилина сына отдавали живущему в огне отцу. А потом стали отдавать мертвецов их матери — опуская их в ложе её, т. е. зарывая в землю. Оттого наши предки и чествовали великими праздниками дарование Ярилой огня человеку. Праздники совершались в долгие летние дни, когда Солнце, не укорачивая ход, начинает расставаться с Землёю...

Из романа Павла Мельникова-Печерского «В лесах»¹

Виктор Корольков.
Ярило (2000)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Выразительно прочитайте первый абзац мифа. Какими здесь предстают Мать-Сыра-Земля и бог Яр?
2. Расскажите о пробуждении Земли. С помощью каких эпитетов и метафор оно описано?

¹ Мельников-Печёрский Павел Иванович (1818–1883) — русский писатель. В его произведении представлен авторский вымысел по мотивам славянской мифологии.

3. Как миф объясняет появление на земле человека, зарождение ума и речи?
4. Согласны ли вы с тем, что этот миф отражает представления славян о смене времён года? Обоснуйте свой ответ.
5. Какие художественные средства помогают читателю представить Ярилу?
6. Опишите бога Солнца, используя цитаты из текста.
7. Объясните, почему у славян называли солнцепоклонниками и.

Диалог искусств

На основе мифов известный русский писатель **Александр Островский** создал пьесу «Снегурочка» (1873), в которой отражены верования древних славян в бога Ярила. Пьеса многократно ставилась на сценах разных театров и стала источником для создания оперы «Снегурочка» (композитор **Николай Римский-Кóрсаков**, 1881), а также одноимённых кинофильма (режиссёр **Павел Кадочников**, 1968) и мультфильма (режиссёр **Иван Иванов-Ванó**, 1952). Все эти произведения и сейчас пользуются популярностью.

Снегурочка на картинах Виктора Васнецова, Михаила Вру́беля и Николая Рёриха

МИР ГЛАЗАМИ ВЕЧНОСТИ, или ТО, ЧТО ОТКРЫВАЕТ НАМ БИБЛИЯ...

Вот единственная Книга в мире: в ней всё есть!
Александр Пушкин

В этой святейшей Книге — тайна всех тайн.
Джордж Байрон, английский поэт

Из великого множества самых разных и прекрасных книг, существующих на земле, одну называют просто Книгой, а иногда даже и совсем не называют, а говорят: «Ибо сказано...» или «Ибо написано...». И все понимают, что речь идёт о «Книге Книг» — Библии.

Слово «библия» пришло к нам из греческого языка и в переводе обозначает «книги».

Библия — это древний памятник письменности, собрание разных по форме и содержанию религиозных и светских книг, созданных в период с XII ст. до н.э. по II ст.

Библию называют «ключевой книгой» нашей цивилизации. Мир вечности, древней мудрости открывает эта

Книга. Это один из самых ценных памятников духовной культуры человечества. Интересен тот факт, что по количеству переводов на другие языки Библия занимает первое место в мире.

Состоит Библия из двух частей: Ветхого Завета, который является «святым писанием» для таких религий, как иудаизм и христианство, и Нового Завета, который признают только христиане.

Само слово «завет» означает договор, союз, который, согласно представлениям христиан, был заключён между Богом и человеком, чтобы спасти людей.

Ветхий Завет — основная литературно-художественная часть Великой книги — состоит из религиозной лирики (псалмы), афоризмов, размышлений о смысле жизни, песнопений, назидательных повестей и хроник.

Новый Завет состоит из четырёх Евангелий (благовестия о жизни и учении Иисуса Христа), рассказанных его учениками — Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном, а также из примыкающих к ним других духовных книг.

Библия имеет особое значение в жизни человека. Во-первых, это священная для христиан всего мира книга, во-вторых, выдающийся литературно-исторический памятник.

По образному выражению академика Д. С. Лихачёва, Библию называют «кодом современного искусства», так как библейские темы и сюжеты на протяжении вот уже третьего тысячелетия находят своё осмысление и воплощение не только в литературе, но и во всех существующих видах искусств, ведь каждый, кто открывает Библию, находит в ней ответы на свои вопросы.

1. Расскажите, что вам известно о Библии.
2. Объясните, почему Библию называют «Книгой Книг».
3. Какие библейские истории вам уже известны? Из каких источников (кино- и мультипликационные фильмы, книги) вы их узнали?
4. Подготовьте сообщение на тему: «Библейские темы и сюжеты в разных видах искусства».

Читателю XXI столетия на заметку

Древнейшие фрагменты библейских текстов были обнаружены случайно в 1947 году в пещерах близ Мёртвого моря в пустынной местности Вади-Кумран (Иордания). Два юноши-пастуха искали заблудившуюся козу и неожиданно увидели отверстие в скале. Поддавшись мальчишескому любопытству, один из них бросил камень и через секунду услышал звук, похожий на звон разбитого кувшина. Вопреки ожиданиям юношей внутри кувшина было не серебро и не золото, а какой-то странный свиток. На тот момент они ещё не знали, что в их руках — древнейшая рукопись Библии, ценность которой не сравнима ни с каким золотом.

У литературной карты мира

В Иерусалиме (столице государства Израиль) существует музей Храм Книги, в котором хранятся редкие рукописи, в частности и Библии. Архитектура Храма Книги уникальна: музей имеет форму белого кувшина, в котором и были найдены библейские рукописи. Вдоль Храма тянется стена чёрного цвета. Выбор формы и цвета сооружения не случаен, они символизируют вечную борьбу добра и зла, света и тьмы.

Храм Книги в Иерусалиме (построен в 1965 году)

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЕ О ПРИТЧЕ

Существуют тексты, слушая или читая которые, мы пытаемся постичь их мудрость, понять смысл, проникнуть в их тайны, найти разгадку. Такие тексты возникли ещё в древности на Востоке, где любили говорить загадками. И называются они «притчами».

Притча — небольшой поучительный рассказ, который на простых жизненных примерах раскрывает какую-либо сложную проблему общечеловеческого (морального) или религиозного содержания.

Притча содержит некое поучение, высказанное в непрямой форме, без прямого наставления. Мораль из притчи каждый извлекает или не извлекает сам.

Богослов Александр Мень считал, что «притчи невольно захватывают слушателя и читателя, заставляют их включаться в переживания действующих лиц».

Убедиться, прав ли был проповедник, вы сможете сами, прочитав библейские притчи.

1. Как вы понимаете, что такое притча?
2. Где и почему возникли притчи?
3. С помощью Интернета подберите несколько притч о счастье, любви и смысле жизни. Обсудите их с одноклассниками и поделитесь с теми людьми, которые вам дороги.

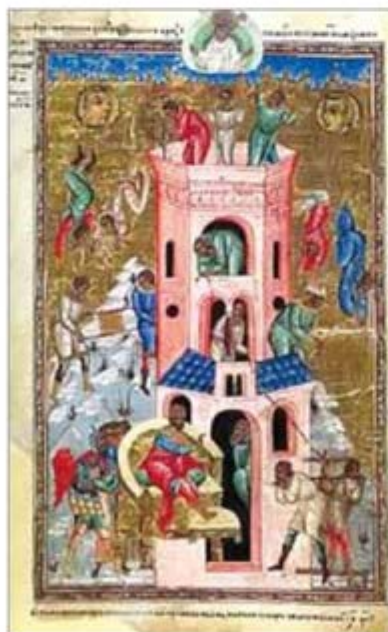

БИБЛЕЙСКИЕ ПРЕДАНИЯ И ПРИТЧИ

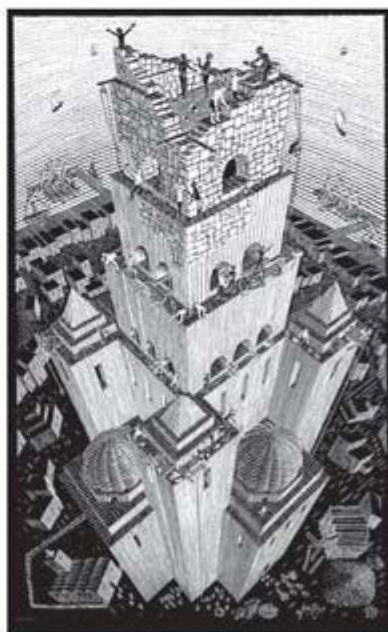
Вавилонская башня

На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они [люди] нашли в земле Сеннаар¹ равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжём огнём. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню, высоту до небес, и сделаем себе имя, прежде нежели расеемся по лицу всей земли. И сошёл Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Господь: вот, один народ, и один у всех язык: и вот что начали они делать, и не отстанут они от того, что задумали делать; сойдём же и смешаем там язык их, так чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город [и башню]. Посему дано ему имя; Вавилон, ибо там смешал Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле.

Из книги Бытия (Первая книга Моисеева)

Миниатюра
из древнерусской книги (1563)

Мауриц Корнелис Эшёр.
Вавилонская башня (1954)

¹ *Сеннаар* — упоминаемая в Библии местность в Месопотамии.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Расскажите, с какой целью жители Сеннаара решили построить город и башню.
2. Как вы думаете, почему Богу не понравилась затея людей?
3. Обоснуйте, как, по Библии, возникли разные языки.
4. Какие вы ещё знаете легенды о появлении языков народов мира?
5. Чему учит нас эта притча? Аргументируйте свой ответ.
6. вспомните, что вам известно о переводе и переводчиках. Как вы считаете, если бы среди жителей Вавилона был переводчик, смогли бы они достроить башню?
7. Прочитайте отрывок из произведения русского поэта Владимира Маяковского:

*Городов вавилонские башни,
Возгордась, возносим снова,
А Бог города на пашни
Рушит, мешая слова.*

Как эти поэтические строчки соотносятся с текстом прочитанной притчи? Обоснуйте свой ответ.

8. Подготовьтесь к пересказу прочитанного близко к тексту.

Питер Брейгель Старший. Вавилонская башня (1563)

Читателю XXI столетия на заметку

В древности Вавилон был одним из самых больших городов мира. Существует легенда, что правители города решили построить самую высокую в мире башню и этим прославиться. Но Бог разгневался на людей за их гордыню и как наказание смешал все языки, поэтому строители не смогли договориться, и башня по имени «Дом Земли и Неба» так и осталась недостроенной, а люди с тех пор заговорили на разных языках. Археологи откопали нижние укрытия и подвалы башни. Пирамида состояла из семи рядов, высота каждого из которых была 90 метров. Французский учёный Андре Парро доказал, что это и есть знаменитая Вавилонская башня.

Диалог искусств

Одна из знаменитых картин нидерландского живописца **Питера Брейгеля-старшего** (около 1525–1569) «Вавилонская башня» посвящена осмыслению одноимённой притчи. Художник создал несколько картин на этот сюжет. На полотне Брейгеля легко узнаваем знаменитый Колизей в Риме. На первый взгляд огромное строение кажется достаточно прочным, однако, если внимательно всмотреться, то видно, что все ярусы положены неровно, нижние этажи либо недостроены, либо уже рушатся, и само здание кренится в сторону города.

Притча о добром самаритянине¹

Один законник², желая испытать Иисуса Христа, спросил Его: «Учитель, какая наибольшая заповедь в законе»? Иисус Христос ответил ему: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим и всею душою твоею и всем разумением твоим. Это первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобна ей: возлюби ближнего, как самого себя. На этих двух заповедях утверждается весь закон и пророки».

¹ Эта притча также имеет следующие варианты названия: «Притча о добром самарянине», «Притча о милосердном самаритянине». *Самаритянин* — житель Самарии, области, расположенной к северу от Иерусалима.

² *Законник* — знаток закона Божьего, а также человек, который соблюдает законы Божьи или следит за их соблюдением.

Другой законник о второй заповеди спросил Его: «А кто мой ближний»? Иисус же Христос в ответ сказал ему такую притчу: «Один иудей¹ шёл из Иерусалима² и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставив его едва живым. Случайно той дорогой шёл священник, посмотрел на него и прошёл мимо. Также и левит³ был на том месте, подошёл, посмотрел и прошёл мимо. За ними тем же путём проезжал самаритянин. Увидев израненного иудея, он сжалился над ним, перевязал его раны, возливая на них елей⁴ и вино, посадил на своего осла, привёз в гостиницу и там заботился о нём. А на другой день, отъезжая, он дал хозяину гостиницы два динария⁵ и сказал: «Позаботься о нём и, если издержишь что более, я, когда возвращусь, отдам тебе».

После этого Иисус Христос спросил законника: «Как думаешь, кто из этих троих был ближний попавшемуся разбойникам»? — «Оказавший ему милость», — ответил законник. Тогда Иисус Христос сказал ему: «Иди, и ты поступай так же».

Из Евангелия от Луки

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какое впечатление произвела на вас прочитанная притча?
2. Как Вы считаете, какими качествами характера нужно обладать, чтобы следовать заповеди Христа «Люби ближнего своего, как самого себя». Свой ответ обоснуйте.
3. Как вы понимаете слово «ближний»? Какое значение вкладывает в это слово Иисус?
4. Подумайте, почему именно в самаритянине Христос видит ближнего. Кого противопоставляет он доброму самаритянину?
5. Можно ли согласиться с тем, что поведение священника и левита страшнее преступления разбойников? Аргументируйте свой ответ.
6. Напишите небольшое сочинение-миниатюру «Чему нас учит "Притча о добром самаритянине"».

¹ *Иудей* — житель Иудеи; в широком значении слова — еврей.

² *Иерусалим* — древний город на Ближнем Востоке, сейчас — столица государства Израиль.

³ *Левит* — представитель одного из еврейских сословий священнослужителей.

⁴ *Елей* — освящённое масло, обыкновенно оливковое с примесями благовоний. Елей с древних времён считался целебным веществом.

⁵ *Динарий* — римская монета, бывшая тогда в обращении.

Притча о блудном¹ сыне

У некоторого человека было два сына; и сказал младший из них отцу: отче! дай мне следующую мне часть имения. И отец разделил им имение. По прошествии немногих дней младший сын, собрав всё, пошёл в дальнюю сторону и там расточил имение своё, живя распутно.

Когда же он прожил всё, настал великий голод в той стране, и он начал нуждаться; и пошёл, пристал к одному из жителей страны той, а тот послал его на поля свои пасти свиней; и он рад был наполнить чрево² своё рожками, которые ели свиньи, но никто не давал ему.

Придя же в себя, сказал: «Сколько наёмников у отца моего избыточествуют хлебом, а я умираю от голода; встану, пойду к отцу моему и скажу ему: «Отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже не достоин называться сыном твоим; прими меня в число наёмников твоих».

Встал и пошёл к отцу своему. И когда он был ещё далеко, увидел отец его и сжалился; и, побежав, пал ему на шею и целовал его. Сын же сказал ему: «Отче! я согрешил против неба и пред тобою и уже не достоин называться сыном твоим».

А отец сказал рабам своим: «Принесите лучшую одежду и оденьте его, и дайте перстень на руку его и обувь на ноги; и приведите откормленного телёнка, и заколите; станем есть и веселиться! Ибо этот сын мой был мёртв и ожил, пропадал и нашёлся». И начали веселиться.

Старший же сын его был на поле; и, возвращаясь, когда приблизился к дому, услышал пение и ликование; и, призвав одного из слуг, спросил: «Что это такое?». Он сказал ему: «Брат твой пришёл, и отец твой заколол откормленного телёнка, потому что принял его здоровым».

Он осердился и не хотел войти. Отец же его, выйдя, звал его. Но он сказал в ответ отцу: «Вот, я столько лет служу тебе и никогда не преступал приказания твоего, но ты никогда не дал мне и козлёнка, чтобы мне повеселиться с друзьями моими; а когда этот сын твой, расточивший имение своё с блудницами, пришёл, ты заколол для него откормленного телёнка». Отец же сказал ему: «Сын мой! ты всегда со мною, и всё моё твоё, а о том надобно было радоваться и веселиться, что брат твой сей был мёртв и ожил, пропадал и нашёлся».

Из Евангелия от Луки

¹ *Блудный* — заблудший, совершивший ошибку, впавший в заблуждение.

² *Чрево* — устаревшее, книжное, то же, что живот.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Расскажите, как вы поняли прочитанное.
2. Как вы считаете, почему отец простил младшего сына и принял его?
3. Попробуйте определить главную мысль притчи о блудном сыне.
4. Подберите иллюстрации — репродукции известных картин, созданных на основе «Притчи о блудном сыне». Удалось ли художникам передать библейский сюжет? Аргументируйте свой ответ.
5. Посмотрите мультфильм «Притча о блудном сыне» (режиссёр — Сергей Антонов). Такими ли вы представляли героев притчи? Способствовала ли музыка, использованная в мультфильме, осмыслению притчи?
6. Докажите, что прочитанное произведение — притча.

Диалог искусств

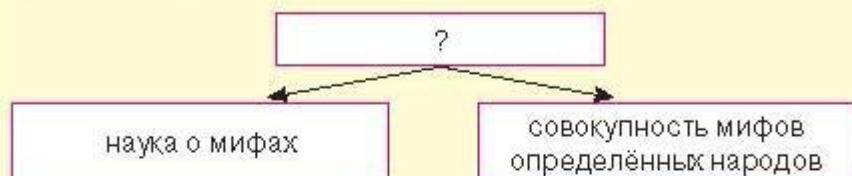
Величайшие мастера изобразительного искусства, такие как Леонардо да Винчи, Микеланджело Буонарроти, Сандро Боттичелли, Питер Пауль Рубенс, Рембрандт, Джотто, Иероним Босх, Рафаэль Санти, Караваджо и многие другие, в своих полотнах обращались к Библии. Одним из самых популярных библейских сюжетов, который использовали художники, стала история о блудном сыне.

Иероним Босх.
Блудный сын
(около 1494–1516)

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ В РАЗДЕЛЕ «ИЗ ГЛУБИНЫ ВЕКОВ»

1. Продолжите предложение: «*Мифы — это ...*».
2. Назовите слово, которого не хватает в этой схеме:

3. Устно установите правильное соответствие между двумя колонками:

<i>Зевс</i>	<i>титан, подаривший людям огонь</i>
<i>Геркул</i>	<i>верховный бог древних греков</i>
<i>Прометей</i>	<i>самый знаменитый герой Древней Греции</i>

4. Имя какого мифологического персонажа зашифровано в ребусе? В чём, на ваш взгляд, причины его популярности в современном мире?

О = Е К „

5. Подготовьте и запишите в тетрадь план к характеристике Прометея или Геракла.
6. Подумайте, почему древнегреческие мифы украинский учёный Андрей Белецкий назвал «золотым фондом, который в сокровищнице своей памяти должен сохранять каждый образованный человек».
7. Что в человеке ценили жители Эллады? Приведите примеры из прочитанных мифов.
8. Прочитайте материал рубрики «У литературной карты мира». Какие памятные места, связанные с древнегреческими мифами, видели вы? Расскажите о них.
9. Как вы понимаете такое предложение: «*Древние славяне одухотворяли и обожествляли природу*»?

10. Сравните «Миф о Солнце» с прочитанным вами на уроках украинской литературы мифом «Дажбог». Что в них общего, а что различного?
11. Почему, на ваш взгляд, древние славяне с особым почтением относились к земле и солнцу?
12. Есть ли что-то общее в мифологии греков и славян? Обоснуйте свой ответ.
13. Что обозначает слово «Библия» в переводе?
14. Обоснуйте, почему Библию называют «записной книжкой человечества». А какие бы вы сделали записи в такой книжке, прочитав библейские притчи?
15. Как вы считаете, почему Библия — одна из самых читаемых книг в мире? Аргументируйте свой ответ.
16. Какие произведения других видов искусств, созданные на основе библейских сюжетов, вам известны? Какие из них произвели на вас наибольшее впечатление и почему?
17. Какие новые слова и крылатые выражения вы узнали, прочитав мифы и библейские притчи? Объясните их значение.
18. Подготовьте устное сообщение на тему: «Мифологические и библейские сюжеты в мировом искусстве».
19. Напишите сочинение на одну из тем: «Мой любимый герой мифов»; «Моё путешествие по миру мифов Эллады»; «Нравственные уроки Библии».
20. Внимательно рассмотрите шмуцтитул к этому разделу. Какие образы-проводники были выбраны авторами и художником учебника? А вы разделяете такой выбор? Аргументируйте свой ответ. Предложите свой вариант оформления.
21. Перечитайте эпиграф к разделу «Из глубины веков». О каких ценностях говорит Святослав Рерих? А вы согласны с ним? Свой ответ обоснуйте.

Святослав Рерих.
Как в старые
времена (1938)

«А ВОТ О ТОМ КАК В БАСНЯХ ГОВОРЯТ...»

История твердит — вот человек каков,
а должен быть каким — вещает басня.
Вольтёр, французский писатель, философ

Читая страницы этого раздела, вы сможете:

- ✓ **узнать** больше о басне и баснописцах;
- ✓ **обогатиться** мудростью басен **Эзопа** и **Ивана Крылова**;
- ✓ **понять**, что такое «эзопов язык» и аллегория;
- ✓ **осмыслить** мораль прочитанных басен

Из тайников искусства слова

БАСНЯ И АЛЛЕГОРИЯ

Смеясь, говорить правду...
Древнегреческая поговорка

Наверное, у каждого из нас бывают ситуации, когда острым и ярким словом нам хочется осмеять какие-либо человеческие пороки или недостатки нашей жизни. И тогда нам на помощь приходят художественные произведения, которым присущи, говоря словами А. С. Пушкина, «лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться». И предназначены они для того, чтобы, посмеявшись, мы стали, может быть, немного лучше.

«Здається, байка просто бреше, а справді — правду ясну чеше...» — так писал украинский баснописец Леонид Глибов. Вот уже почти тридцать столетий басня стоит на страже общечеловеческих идеалов: добра, чести, справедливости, резко осуждая недостатки человека и общества. Басня — одно из самых древних произведений искусства слова. Как и миф, она стремилась дать многочисленные ответы на извечный вопрос: как жить и действовать в этом чрезвычайно сложном мире. Так что же такое басня?

Басня — это небольшое по объёму литературное произведение с поучительным смыслом, в котором в образах животных, предметов, разных природных явлений раскрываются человеческие отношения и характеры.

В баснях с помощью действующих персонажей животных, явлений природы или различных предметов раскрываются недостатки человеческого характера или проблемы общества. Такое изображение называется *аллегорией*.

Суть аллегории (от греческих слов «иной» и «говору») — иносказание, когда с помощью сравнения одного явления с другим создаётся конкретный образ, раскрывающий какое-то общее понятие.

Например, ягнёнок часто обозначает беззащитность, стрекоза является аллегорией легкомыслия, а муравей — трудолюбия.

Состоит басня из двух частей — повествования и нравоучительного вывода, который называется **моралью**. Моральный вывод в баснях часто настолько удачно сформулирован, что становится поговоркой, которую мы используем в нашей речи, даже не подозревая о её происхождении. Например: «Слона-то я и не приметил» или «А воз и ныне там».

Если сравнить басню с библейскими притчами или народными сказками, то нетрудно заметить, что у них много общего. Но басни более лаконичные по объёму и всегда содержат в себе какую-то мораль или назидательный вывод, которые раскрываются в аллегорической форме.

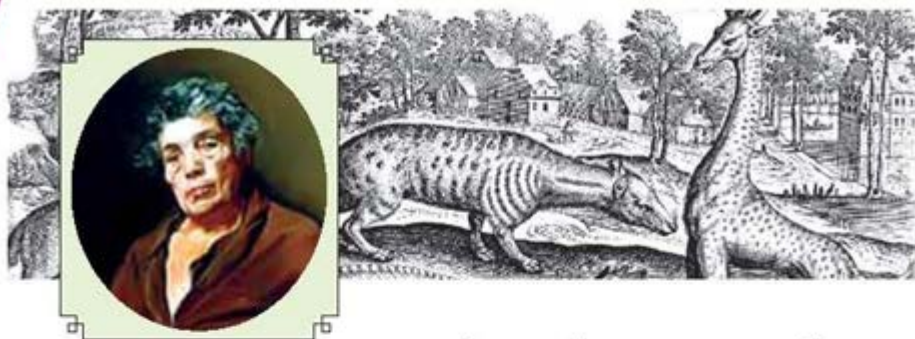

1. Что такое басня? Из каких частей она состоит?
2. Какие басни и каких авторов вы уже читали? Расскажите о них.
3. Раскройте суть понятия «аллегория».
4. Что такое мораль басни? Почему говорят, что басня обогащает своих читателей?
5. Расскажите, чем басня отличается от сказки или библейской притчи.

Читателю XXI столетия на заметку

Известный древнеримский оратор **Марк Фабий Квинтилиан** писал, что дети, которые хотят научиться выразительно и хорошо говорить, должны не выпускать из рук басни Эвопа. Он советовал сначала близко к тексту пересказывать басни, а потом записывать свои рассказы.

ЭЗÓП
(VII–VI ст.
до нашей эры)

Он — раб, но мудрее свободных;
он некрасивый, но лучше красавцев.
Бабрий,
древнегреческий поэт-баснописец

МУДРЫЙ РАБ АЙСÓПОС

Среди имён, покрытых тайной, — имя Эзопа. Жил он в Древней Греции, приблизительно в VII–VI столетии до нашей эры, и о нём не сохранилось почти никаких достоверных источников. Древние греки произносили его имя иначе, нежели мы: Айсопос. По легенде, был он не греком, а чужестранцем, рабом, очень некрасивым внешне: хромой, с большим животом, огромной головой, да ещё и горбатый. Но если всмотреться в портрет Эзопа, созданный известным испанским художником XVII столетия Диего Веласкесом, то мы увидим совсем не уродливого раба, а независимого, гордого человека. «Почему так?» — удивитесь вы. Потому, что художник знал: этот некрасивый баснописец отличался необыкновенным умом и мудростью, и слава его была огромной. О мудрости Эзопа слагались легенды. Вот одна из них.

Однажды господин Эзопа Ксанф, который считал себя философом, а на самом деле был ограниченным человеком, отправил своего раба на рынок с поручением принести ему самую дорогую вещь. Эзоп вернулся домой с языком. Ксанф попросил объяснить такой выбор. Тогда Эзоп сказал: «Что может быть на свете лучше языка! Язык — мощное оружие, с помощью которого можно пропо-

ведовать любовь, справедливость, совершать добрые поступки, дарить надежду, ценить и уважать людей, поэтому язык — самая дорогая вещь». Через некоторое время Ксанф опять отправил Эзопа на рынок и на этот раз приказал принести самую дешёвую вещь. Эзоп снова принёс язык и так объяснил свой выбор: «Язык может причинять зло, убивать или предавать, приносить боль, разочаровывать. Поэтому это самая дешёвая вещь».

Чтобы обогатить мудростью других людей, Эзоп начал придумывать свои басни. Но говорить прямо то, что думаешь, рабу было достаточно опасно. Поэтому Эзоп придумал свой язык, который намеренно маскировал мысль. Со временем появилось даже выражение «*эзопов язык*». Так стали называть речь, насыщенную намёками, недомолвками, в которой позиция автора представлена в замаскированной форме. Эзоп создавал басни в прозе, но не записывал их, а пересказывал. Записывать его басни стали значительно позже, где-то в начале V ст. до н.э.

Предлагаем и вам «набраться мудрости у Эзопа», прочитав его басни.

1. Расскажите, кто такой Эзоп.
2. Внимательно перечитайте высказывание об Эзопе, вынесенное в эпиграф к статье. Согласны ли вы с таким утверждением? Аргументируйте свой ответ.
3. Объясните, как вы понимаете выражение «эзопов язык».

Эзоп и лисица
(древнегреческий
медальон,
470 до н.э.)

Читателю XXI столетия на заметку

В украинской литературе басня имеет свои давние традиции. В этом жанре плодотворно выступал известный философ **Григорий Сковорода**. Возможно, потому на страницах школьных учебников XVIII века было представлено немало басен. В XIX столетии новое слово в развитие басни привнесли такие украинские писатели, как **Пётр Гулак-Артемовский**, **Леонид Боровиковский**, **Евгений Гребёнка** и особенно **Леонид Глибов**, с литературной деятельностью которого связывают расцвет басни. К басне в своём творчестве обращались также и **Иван Франко**, и **Борис Гринченко**, а в XX столетии — **Василь Блаkitный**, **Никита Годованец**, **Павел Глазовой** и другие.

Лисица и виноград

Голодная лисица увидела виноградную лозу со свисающими гроздьями и хотела до них добраться, да не смогла; и, уходя прочь, сказала сама себе: «Они ещё зелёные!».

Так и у людей: иные не могут добиться успеха по причине того, что сил нет, а винят в этом обстоятельства.

Перевод Михаила Гаспарова

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Перескажите басню близко к тексту.
2. Нарисуйте иллюстрации к прочитанному.
3. Найдите в тексте и зачитайте мораль басни. Подберите пословицы и поговорки, которые передают мораль этой басни.

Отец и сыновья

Отец приказывал сыновьям, чтобы жили в согласии; они не слушались. Вот и велел принести веник и говорит:

— Сломайте!

Сколько ни бились, не могли сломать. Тогда отец развязал веник и велел ломать по одному пруту. Они легко переломали прутья поодиночке. Отец и говорит:

— Так-то и вы, если в согласии жить будете, никто вас не одолеет; а если будете ссориться, да всё врозь, — вас всякий легко погубит.

Перевод Льва Толстого

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Расскажите, о чём эта басня.
2. Какие слова сказал отец сыновьям? Согласны ли вы со сказанным? Почему? Обоснуйте свой ответ.
3. Напишите свою басню с такой же моралью.
4. На примере прочитанной басни раскройте понятие «эзопов язык».
5. Вспомните и расскажите известные вам народные сказки на тему этой басни.

Волк и Ягнёнок

Волк увидел Ягнёнка, который пил воду из речки, и захотелось ему под благовидным предлогом Ягнёнка сожрать. Встал он выше по течению и начал попрекать Ягнёнка, что тот мутит ему воду и не даёт пить. Ответил Ягнёнок, что воды он едва губами касается, да и не может мутить ему воду, потому что стоит ниже по течению. Видя, что не удалось обвинение, сказал Волк: «Но в прошлом году ты бранными словами поносил моего отца!» Ответил Ягнёнок, что его тогда ещё и на свете не было. Сказал на это Волк: «Хоть ты и ловец оправдываться, а всё-таки я тебя съем!»

Басня показывает: кто заранее решился на злое дело, того и самые честные оправдания не остановят.

Перевод Михаила Гаспарова

*Жан Франсуа Мартэн.
Волк и Ягнёнок (2012)*

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Выразительно прочитайте басню.
2. Расскажите, какие недостатки раскрывает эта басня.
3. Докажите, что прочитанное произведение — басня.
4. Внимательно рассмотрите иллюстрацию современного художника Жана-Франсуа Мартэна к басне. Какие строки из басни можно к ней подобрать?

**Иван Андреевич
КРЫЛОВ**
(1769–1844)

Его басни переживут века.
Константин Батюшков,
русский поэт XIX в.

САМЫЙ ИЗВЕСТНЫЙ РУССКИЙ БАСНОПИСЕЦ

Ещё в раннем детстве вместе с замечательными сказками в нашу жизнь входят и басни. Действительно, кто не помнит маленькую собачонку Моську, смело лающую на огромного Слона, или избалованную Стрекозу, просящую помощи у серьёзного и трудолюбивого Муравья, или доверчивую Ворону, которая так глупо лишилась своего кусочка сыра?! Всё это герои известного русского баснописца Ивана Андреевича Крылова.

Жизнь писателя сложилась так, что он не смог получить систематического образования. Его детские и юношеские годы прошли в крайней бедности. Но следует сказать, что отец Крылова был большой любитель чтения, после него к сыну перешёл целый сундук книг. Именно из них черпал все основные знания будущий известный баснописец. Выучившись грамоте дома, а французскому языку в семье состоятельных знакомых — помещиков Львовых, уже в молодые годы Иван Андреевич стал одним из самых образованных людей своего времени: он прекрасно знал литературу, был неплохим математиком и музыкантом. Позже сам Крылов вспоминал, как в 13 лет читал свой перевод басни известного французского писателя Жана Лафонтэна «Ворона и Лисица».

С 14 лет И. А. Крылов живёт в Санкт-Петербурге. Он пишет комедии и стихи, занимается переводами, пытается заработать литературным трудом. И если сначала в творчестве Ивана Андреевича преобладали переводы знаменитых басен, как, например, известная нам с детства басня «Стрекоза и Муравей», то постепенно Крылов начал находить всё больше самостоятельных сюжетов, многие из которых были связаны со злободневными событиями жизни. Читатели под масками животных легко угадывали неправедных судей, лукавых и льстивых царедворцев, именитых вельмож.

В 1809 году И. А. Крылов выпускает первое отдельное издание своих басен, и этой небольшой книжечкой, состоявшей из 23 произведений, завоёвывает себе почётное место в русской литературе. С этого времени его жизнь — ряд непрерывных успехов и почестей. Всего он создал более 200 басен. Иван Андреевич не переставал писать до конца своих дней. Известен факт, что друзья и знакомые писателя последнее прижизненное издание его басен получили в 1844 году одновременно с извещением о смерти автора.

Секрет неслыханной популярности басен И. А. Крылова был, прежде всего, в их естественности. Ведь впервые в русской литературе зазвучал язык крестьян, мастеровых, бедных мещан, притом не только в репликах персонажей, но и в речи самого автора. Не случайно много изречений из его басен стали пословицами и поговорками. Н. В. Гоголь написал об И. А. Крылове: «Это наша крепкая русская голова, тот самый ум, который сродни уму наших пословиц, тот самый ум, которым крепок русский человек». Убедиться в этом вы сможете, прочитав басни поэта.

1. Расскажите, что вам известно о жизни и творчестве И. А. Крылова.
2. Какие басни поэта вы уже читали? Каких персонажей запомнили?
3. Перечитайте эпиграф к статье. Согласны ли вы с таким утверждением? Аргументируйте свой ответ.

Читателю XXI столетия на заметку

В 1797–1801 годах Иван Андреевич Крылов посетил Украину. Пребывание здесь стало важным этапом его биографии. Поэта восхищало «волшебное казачество», он любовался украинской природой, наслаждался прекрасными мелодиями народных песен. Произведения И. А. Крылова ещё при его жизни стали широко известны в нашей стране. **Тарас Шевченко** называл знаменитого баснописца «великим поэтом», не раз вспоминал о нём в дневниках, письмах. **Иван Франко**, подчёркивая выдающийся талант, высокое художественное мастерство И. А. Крылова, отмечал живучесть традиций русского поэта в творчестве украинских писателей, особенно **Леонида Глибова**. А украинский баснописец **Евгений Гребёнка** посвятил И. А. Крылову стихотворение «Лавровый листок».

Волк и Ягнёнок

У сильного всегда бессильный виноват:
 Тому в Истории мы тьму примеров слышим,
 Но мы Истории не пишем;
 А вот о том как в Баснях говорят.
 Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться;
 И надобно ж беде случиться,
 Что около тех мест голодный рыскал Волк.
 Ягнёнка видит он, на добычу стремится;
 Но, делу дать хотя законный вид и толк,
 Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
 Здесь чистое мутить питьё
 Моё
 С песком и с илом?
 За дерзость такову
 Я голову с тебя сорву». —
 «Когда светлейший¹ Волк позволит,
 Осмелюсь я донести², что ниже по ручью
 От Светлости его шагов я на сто пью;
 И гнаться напрасно он изволит:
 Питья мутить ему никак я не могу». —
 «Поэтому я лгу!

¹ *Светлейший* — почётное обращение к особенно знатным князьям.

² *Донести* (устаревшая форма) — здесь: сказать.

Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
 Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете¹
 Мне здесь же как-то нагрубил;
 Я этого, приятель, не забыл!» —
 «Помилуй, мне ещё и от роду нет году», —
 Ягнёнок говорит. «Так это был твой брат». —
 «Нет братьев у меня». — «Так это кум иль сват
 И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
 Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
 Вы все мне зла хотите
 И, если можете, то мне всегда вредите,
 Но я с тобой за их разведаюсь² грехи». —
 «Ах, я чем виноват?» — «Молчи! устал я слушать,
 Досуг³ мне разбирать вины твои, щенок!
 Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».
 Сказал и в тёмный лес Ягнёнка поволок.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Поделитесь своими впечатлениями о прочитанном произведении.
2. Какие человеческие качества воплощены в образах басни? С помощью каких слов отражаются в басне черты характера и общественное положение персонажей?
3. Сравните прочитанную басню с одноимённой басней Эзопа. Что в них общего, а чем они отличаются? Аргументируйте свой ответ.
4. Какие строчки этой басни стали крылатыми выражениями? Прочитайте их.
5. С помощью какого глагола И. А. Крылов передаёт состояние голодного Волка? Почему именно это слово использует автор? Обоснуйте свой ответ.
6. Внимательно рассмотрите иллюстрацию к басне художника Евгения Рачёва. Какими и строчками можно её подписать?

Евгений Рачёв.
 Иллюстрация к басне
 (1965)

¹ В запрошлом лете — два года назад.

² Разведаться — отомстить, отплатить за обиду.

³ Досуг — свободное время (здесь: некогда).

7. Найдите в тексте и прочитайте мораль басни. Объясните, как вы её понимаете. Не оказывались ли вы или ваши знакомые в подобной ситуации?
8. Выучите басню наизусть.

Свинья под Дубом

Свинья под Дубом вековым
 Наелась желудей досыта, до отвала;
 Наевшись, выспалась под ним;
 Потом, глаза продравши, встала
 И рылом подрывать у Дуба корни стала.
 «Ведь это дереву вредит»,
 Ей с Дубу ворон говорит:
 «Коль корни обнажишь, оно засохнуть может». —
 «Пусть сохнет», — говорит Свинья:
 «Ничуть меня то не тревожит;
 В нём проку мало вижу я;
 Хоть век его не будь, ничуть не пожалею,
 Лишь были б жёлуди: ведь я от них жирею». —
 «Неблагодарная!» — пром олвил Дуб ей тут:
 «Когда бы вверх могла поднять ты рыло,
 Тебе бы видно было,
 Что эти жёлуди на мне растут».

Невежда также в ослепленье
 Бранит науки и ученье,
 И все учёные труды,
 Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Понравилась ли вам басня? Объясните почему.
2. По ролям выразительно прочитайте басню, подбирая правильную интонацию для реплик Ворона, Свиньи, Дуба и автора.
3. Выучите наизусть мораль басни.
4. Подготовьте развёрнутый письменный ответ на вопрос: «Кого высмеивает И. А. Крылов в басне "Свинья под Дубом"?».
5. Нарисуйте иллюстрации к прочитанной басне и подпишите их цитатами из текста.

Осёл и Соловей

Осёл увидел Соловья
 И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!
 Ты, сказывают, петь великий мастерище.
 Хотел бы очень я
 Сам посудить, твоё услышав пенье,
 Велико ль подлинно твоё умение?»
 Тут Соловей являть своё искусство стал:
 Защёлкал, засвистал
 На тысячу ладов, тянул, переливался;
 То нежно он ослабевал
 И томной вдалеке свирелью отдавался,
 То мелкой дробью вдруг по роце рассыпался.
 Внимало всё тогда
 Любимцу и певцу Авроры¹:
 Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,
 И прилегли стада.
 Чуть-чуть дыша, пастух им любовался
 И только иногда,
 Внимая Соловью, пастушке улыбался.
 Скончал певец. Осёл, уставясь в землю лбом:
 «Изрядно, — говорит, — сказать нележно,
 Тебя без скуки слушать можно;
 А жаль, что незнаком
 Ты с нашим петухом;
 Ещё б ты боле наострился,
 Когда бы у него немножко поучился».
 Услыша суд такой, мой бедный Соловей
 Вспорхнул и — полетел за тридевять полей.
 Избави Бог и нас от этаких судей.

Осёл и Соловей.
 Фрагмент рисунка
 А. М. Лаптева
 (1951)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Выразительно прочитайте басню по ролям.
2. Расскажите, каким вы представляете Осла. Обоснуйте свой ответ.
3. Проследите по тексту, с помощью каких художественных средств поэт передаёт старание Соловья.
4. Прочитайте мораль басни. Согласны ли вы с таким выводом? Аргументируйте свой ответ.
5. Выучите басню наизусть.

¹ Аврора — в античной мифологии богиня утренней зари, рассвета.

Читателю XXI столетия на заметку

На титульном листе 4-го издания басен И. А. Крылова (1815 г.) были изображены сфинкс¹, пронзённый копьём, лира и сова. Именно такими символами художник передал основные особенности басни. Сфинкс показывал, что в облике животного скрывается человек, сова олицетворяла мудрость, лира — вдохновение, необходимое для творчества, а копьё — силу.

У литературной карты мира

В Санкт-Петербурге на аллее прекрасного парка «Летний сад» установлен памятник великому поэту-баснописцу. Он был сооружён на народные средства к 10-летию со дня смерти И. А. Крылова. Следует сказать, что популярность писателя была так велика, что в сборе денег участвовала вся Россия. Скульптор памятника, известный архитектор Пётр Клодт, запечатлел облик человека, которого хорошо знал и любил. Он изобразил поэта сидящим в простой, естественной позе с книжкой в руках, словно отдыхающим под липами Летнего сада. Фигуру И. А. Крылова окружают образы, созданные его творческой фантазией. Здесь и проказница Мартышка, Осёл, Козёл и косолапый Мишка с музыкальными инструментами, и перепуганный до смерти Ягнёнок, и кровожадный Волк, и многие другие известные персонажи.

¹ *Сфинкс* — в древнем Египте статуя лежащего льва с человеческой головой; в древнегреческой мифологии — крылатое существо с туловищем льва или большой собаки и с головой женщины.

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ В РАЗДЕЛЕ «А ВОТ О ТОМ КАК В БАСНЯХ ГОВОРЯТ...»

1. Что такое басня? Из каких структурных частей она состоит?
2. Кто является родоначальником басни? Расскажите, что вам известно о нём.
3. Объясните, как вы понимаете выражение «эзопов язык».
4. Каких баснописцев вы знаете? Расскажите о них.
5. Объясните, что такое аллегория. Приведите конкретные примеры.
6. Что общего у басни со сказкой и чем они отличаются? Аргументируйте свой ответ.
7. Какие из прочитанных басен произвели на вас наибольшее впечатление? Объясните почему.
8. Выразительно прочитайте выученные наизусть басни.
9. Подберите эпитеты к слову «басня» (например, *современная, жизненная* и т.д.).
10. В классе проведите конкурс по таким номинациям: лучший чтец басен; лучшая инсценизация басни; лучший иллюстратор басен.
11. И. А. Крылов говорил: «Люблю, где случай есть, пороки пощипать». Расскажите, какие пороки высмеиваются в прочитанных вами баснях.
12. И. С. Тургенев отмечал, что «иностранец, основательно изучивший басни Крылова, будет иметь более ясное представление о русском национальном характере, чем если прочтает множество сочинений, трактующих об этом предмете». Согласны ли вы с этим утверждением? Аргументируйте свой ответ.
13. Раскройте секрет популярности басен И. А. Крылова.
14. Прочитайте стихотворение Михаила Исаковского:

*Кто в жизни с ним не встретился своей?
Бессмертные творения Крылова
Мы с каждым годом любим всё сильней.
Со школьной партией с ними мы сживались,
В те дни букварь постигшие едва.
И в памяти навеки оставались
Крылатые крыловские слова.*

Расскажите, какие крылатые выражения из басен И. А. Крылова вы запомнили.

15. Прокомментируйте слова французского философа Вольтера, взятые в качестве эпиграфа к разделу «А вот о том как в баснях говорят...».

ПОЭТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

... вступайте смело
В священные поэзии пределы!
Как хорошо, как ясно и светло
Сияет многоцветное стекло!
Здесь новый свет откроется для вас.
Всё возвышает дух, пленяет глаз.

Иоганн Вольфганг Гёте, немецкий поэт-философ

Читая страницы этого раздела, вы сможете:

- ✓ **насладиться** поэзией **Александра Пушкина** и **Михаила Лермонтова**;
- ✓ **раскрыть** поэтические образы и картины в прочитанных произведениях;
- ✓ **узнать**, что такое стихотворный размер и какие бывают двусложные размеры стиха;
- ✓ **понять**, что называют строфой;
- ✓ **потренироваться** в выразительности чтения поэзии

Вспомните, какие сведения из жизни А. С. Пушкина вам уже известны.

Есть ли у вас любимые произведения, созданные А. С. Пушкиным? Расскажите о них.

**Александр Сергеевич
ПУШКИН**
(1799–1837)

Есть имена, как солнце! Имена —
как музыка! Как яблоня в расцвете!
Я говорю о Пушкине: поэте,
Действительном в любые времена!
Игорь Северянин,
русский поэт начала XX века

ЛИЦЕЙСКИЕ ГОДЫ ВЕЛИКОГО ПОЭТА

Пушкин! Слово, которое стало обозначением чего-то великого и грандиозного, без чего трудно представить жизнь современного образованного человека. «Солнце нашей поэзии — Солнце!» — эти слова одного из современников А. С. Пушкина литератора Александра Одоевского навсегда вошли в наши сердца.

Перелистаем несколько страниц биографии поэта...

Воспитание детей в семье Пушкиных ничем не отличалось от общепринятой тогда системы. Родители будущего поэта — Сергей Львович и Надежда Осиповна — занимались детьми мало. Как и во всех хороших домах того времени, о воспитанниках заботились учителя и няньки. Любимая няня Пушкиных Арина Родионовна Яковлева благодаря своей доброте и природному уму стала родной для всех детей в этой семье. Нежность и любовь к своей няне Александр Сергеевич сохранил на всю жизнь. Соединение добродушия и ворчливости, нежно-

го расположения к молодости с притворной строгостью оставили в сердце поэта самые тёплые и родственные воспоминания.

Но, безусловно, главным событием в жизни юного Пушкина, предопределившим всю его дальнейшую судьбу, стало зачисление его в Царскосельский Императорский лицей, открывшийся 19 октября 1811 года. Это было лучшее учебное заведение для мальчиков из родовитых дворянских семей. Отличавшийся необыкновенной начитанностью и хорошей памятью, двенадцатилетний Пушкин без особого труда сдал вступительный экзамен и был зачислен вместе с тридцатью мальчиками — вашими ровесниками. В лицее будущий поэт встретил лучших своих друзей — Антона Дёльвига, Ивана Пущина, Вильгельма Кюхельбёкера.

Юные лицеисты обучались точным наукам, языкам и даже искусству стихосложения. Иван Пущин вспоминал, что однажды на одном из таких уроков учитель дал задание описать розу стихами, и если «наши стихи вообще не клеились, то Пушкин мигом прочёл два четверостишия, которые всех нас восхитили».

Илья Репин. Александр Сергеевич Пушкин читает свою поэму перед Гавриилом Державиным на лицейском экзамене 1815 года (1911)

Именно в лицее после дебюта¹ со стихотворением «К другу стихотворцу» в журнале «Вестник Европы» в 1814 году А. С. Пушкин впервые приобрёл известность. Это было время поэтической учёбы у известных литераторов, ведь сюда приезжали лучшие поэты того времени — Василий Андреевич Жуковский, Евгений Абрамович Баратынский, Пётр Андреевич Вяземский и другие. В Царском Селе началось общение юного Пушкина с Николаем Михайловичем Карамзиным. Великий историк и писатель пожелал ему: «Пари, как орёл, но не останавливайся в полёте!» Здесь, в лицее, состоялась встреча со знаменитым поэтом Гавриилом Романовичем Державиным. Сам А. С. Пушкин спустя годы так вспоминал об этом: «Державина видел только однажды в жизни, но никогда того не забуду. Это было в 1815 году, на публичном экзамене в Лицее. Я прочёл мои “Воспоминания в Царском Селе”, стоя в двух шагах от Державина. Я не в силах описать состояние души моей: когда дошёл я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отрывчато зазвенел, а сердце забилося с упоительным восторгом... Не помню, как я кончил своё чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении; он меня требовал, хотел обнять... Меня искали, но не нашли...»

Шесть лет, проведённые в лицее, навсегда остались для поэта самыми светлыми:

*Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы, нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.*

После окончания лицея в 1817 году, поступив на службу, А. С. Пушкин занимается активной литературной деятельностью. Самые обыкновенные картины под пером поэта превращаются в прекрасные творения.

¹ Дебют — первое выступление.

В 1820 году выходит из печати поэма «*Руслан и Людмила*», которая принесла ему мгновенную славу.

Между тем судьба уже готовила А. С. Пушкину первые испытания...

1. Расскажите, что вам известно о лицейских годах поэта.
2. Какие события из жизни А. С. Пушкина имели особое значение в его судьбе?
3. Какие произведения А. С. Пушкина вы уже знаете? Расскажите о них.

Из тайников искусства слова

ДВУСЛОЖНЫЕ РАЗМЕРЫ СТИХА. ПОНЯТИЕ О СТРОФЕ

Вы, конечно, хорошо знаете, что упорядоченность и соразмерность стихотворной речи достигается благодаря ритму и рифме.

Напомним: **ритм** — это одинаковое чередование ударных и безударных слогов в строке; **рифма** — звуковые совпадения, созвучия в конце строк.

Возможно, вы также замечали, что во многих стихотворениях одинаково расположены ударные и безударные слоги, что создаёт особую музыкальность речи.

В зависимости от количества слогов и места ударения в стихе определяется стихотворный размер (порядок чередования слогов в поэтической строке). Чтобы выяснить, каким размером написано то или иное стихотворение, нужно прежде всего расставить в нём ударения. Рассмотрим, как в произведении А. С. Пушкина чередуются ударные и безударные слоги.

*Зима! Крестьянин, торжествуя,
На дровнях обновляет путь;
Его лошадка, снег почуя,
Плетётся рысью как-нибудь...*

Обозначим ударные слоги значком \acute{U} , а безударные значком —.

$$\begin{array}{cccc} _ \acute{U} _ \acute{U} _ _ _ \acute{U} _ \\ _ \acute{U} _ _ _ \acute{U} _ \acute{U} \\ _ \acute{U} _ \acute{U} _ \acute{U} _ \acute{U} _ \\ _ \acute{U} _ \acute{U} _ _ _ \acute{U} \end{array}$$

Нетрудно заметить, что в каждой строке одинаково повторяются группы из двух слогов: первый безударный (—), а второй ударный (\acute{U}). Такой размер стихов называется *двусложным*.

Двусложный размер стиха, в котором ударение падает на второй слог и другие последующие чётные слоги, называется *ямбом*.

Вместе с тем следует заметить, что часто встречаются пропуски ударений на положенном месте (*пиррихи*). Это способствует разнообразию ритма в поэзии.

Определим размер другого стихотворения А. С. Пушкина:

<i>Буря мглою небо кроет,</i>	$\acute{U} _ \acute{U} _ \acute{U} _ \acute{U} _$
<i>Вихри снежные крутя.</i>	$\acute{U} _ \acute{U} _ _ _ \acute{U}$
<i>То, как зверь, она завоет,</i>	$\acute{U} \acute{U} \acute{U} _ \acute{U} _ \acute{U} _$
<i>То заплачет, как дитя.</i>	$\acute{U} _ \acute{U} _ \acute{U} _ \acute{U}$

Мы видим, что в этом стихотворении также повторяются группы из двух слогов, но первый слог ударный (\acute{U}), а второй безударный (—).

Двусложный размер стиха, в котором ударение падает на первый слог и другие последующие нечётные слоги, называется *хореем*.

Но нельзя не увидеть, что в некоторых строчках есть отступление от схемы. «Чистые» двусложные размеры можно встретить очень редко.

Поэтические строки в стихотворении объединяются в строфы.

Строфа́ — группа строк (стихов) с определённым повторяющимся расположением рифм.

Характерный пример широко распространённой строфы мы находим в стихотворении А. С. Пушкина «Узник»:

*Мы вольные птицы: пора, брат, пора!
Туда, где за тучей белеет гора,
Туда, где синюют морские края,
Туда, где гуляем лишь ветер... да я!..*

Строки, составляющие строфу, при чтении отделяются друг от друга **паузой**.

1. Какие стихотворные размеры называют двусложными?
2. Расскажите, какие вы знаете двусложные размеры стихов.
3. Объясните, что такое строфа.

Зимнее утро

Мороз и солнце; день чудесный!
Ещё ты дремлешь, друг прелестный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
Навстречу северной Авроры¹,
Звездою севера явись!

Вечор², ты помнишь, вьюга злилась,
На мутном небе мгла носилась;
Луна, как бледное пятно,
Сквозь тучи мрачные желтела,
И ты печальная сидела —
А нынче... погляди в окно:

Под голубыми небесами
Великолепными коврами,

¹ Аврора — здесь: заря.

² Вечор — вчера вечером.

Блестя на солнце, снег лежит;
 Прозрачный лес один чернеет,
 И ель сквозь иней зеленеет,
 И речка подо льдом блестит.

Вся комната янтарным блеском
 Озарена. Весёлым треском
 Трещит затопленная печь.
 Приятно думать у лежанки.
 Но знаешь: не велеть ли в санки
 Кобылку бурую запречь?

Скользя по утреннему снегу,
 Друг милый, предадимся бегу
 Нетерпеливого коня
 И навестим поля пустые,
 Леса, недавно столь густые,
 И берег, милый для меня.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Каким настроением проникнуто стихотворение?
2. Какие художественные средства использует поэт для изображения красоты зимнего утра?
3. Подумайте, с какой целью рядом с описанием зимнего утра А. С. Пушкин рисует картину вчерашней вьюги.
4. Определите, каким размером написано это стихотворение.
5. Найдите в тексте сравнения и определите их роль в произведении.
6. Наизусть выразительно прочитайте стихотворение.
7. Расскажите о своих любимых местах в вашем городе или селе. Постарайтесь передать их красоту и вашу любовь к ним.

Няне

Подруга дней моих суровых,
 Голубка дряхлая моя!
 Одна в глуши лесов сосновых
 Давно, давно ты ждёшь меня.
 Ты под окном своей светлицы
 Горюешь, будто на часах,
 И медлят по минутно спицы
 В твоих нам орченных руках.

Яков Серяков.
 Няня Пушкина (1840-ые)

Глядишь в забытые ворота
 На чёрный отдалённый путь:
 Тоска, предчувствия, заботы
 Теснят твою всечасно грудь.
 То чудится тебе...

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какие чувства выразил поэт в стихотворении «Няне»?
2. Определите тему этого произведения.
3. Раскройте роль эпитетов в стихотворении.
4. Рассмотрите репродукцию картины Н. Н. Ге «А. С. Пушкин в селе Михайловском». Расскажите, какой эпизод из жизни поэта изобразил художник. Как няня воспринимает беседу друзей? Как это отражено на картине?
5. Какие глаголы в стихотворении передают отношение няни к поэту?
6. Найдите в тексте сравнение и объясните его значение.
7. Подготовьтесь к выразительному чтению стихотворения.
8. Выучите стихотворение наизусть.

Николай Ге. А. С. Пушкин в селе Михайловском (1875)

У литературной карты мира

Каждый год в начале июня, когда у домика няни поэта цветёт сирень, а в зарослях жасмина над рекой Соротью заливаются соловьи, тысячи людей приходят в село Михайловское Псковской области России на большой народный праздник — день рождения А. С. Пушкина, День поэзии.

Счастливы люди, имеющие таких великих предков, как Пушкин. Счастлив и Пушкин, имеющий таких благодарных потомков.

Читателю XXI столетия на заметку

В древнерусской летописи «Повесть временных лет» рассказывается о смерти киевского князя Олега, жившего во второй половине IX — начале X века: «Олег княжил в Киеве и жил в мире со всеми странами. Наступила осень, и вспомнил Олег про своего коня, которого он поставил кормить и не садился на него. Потому что он перед тем спрашивал волхвов, кудесников: «от чего мне суждено умереть?» И один из кудесников сказал ему: «Ты умрёшь от своего коня». Тогда Олег воскликнул: «Никогда больше не сяду на этого коня и даже не буду на него смотреть». И велел он кормить его и не приводить к себе. И прошло уже несколько лет, как он не видал его, вплоть до похода на греков. И вернувшись в Киев, он прожил ещё четыре года, на пятый год вспомнил про своего коня, от которого волхвы предсказали ему смерть. И призвал Олег своего старшего конюха и сказал ему: «Где мой конь, которого я велел кормить и беречь?» Конюх сказал: «Он умер». Олег же посмеялся и попрекнул кудесника, говоря: «Неправду говорят волхвы, всё это ложь: конь умер, а я жив». И велел оседлать себе коня: «Посмотрю на его кости». И приехал он на место, где лежали голые кости коня и его голый череп, и слез Олег с коня и посмеялся, сказав: «Не от этого ли черепа мне умереть?» и наступил ногою на череп; и выползла оттуда змея и ужалила ему ногу, он от этого разболелся и умер. И все плакали о нём великим плачем, и понесли его, погребли на горе, которая называется Щековица. Эта могила цела до сих пор: она сльвёт Олеговой могилой. Всего он княжил 33 года».

Виктор Васнецов. Из цикла иллюстраций к «Песне о вещем Олеге» (1899)

Легенда о смерти Олега была известна А. С. Пушкину с юности. Её драматизм поразил воображение поэта. Интересен тот факт, что он создаёт своё произведение на эту тему в 1822 году, когда непосредственно побывал в тех краях, где разворачиваются события «Песни о вещем Олеге».

Песнь о вещем¹ Олеге

Как ныне собирается вещий Олег
Отмстить неразумным хозарам²,
Их селы и нивы за буйный набег
Обрёк он мечам и пожарам³;
С дружиной своей, в цареградской броне,
Князь по полю едет на верном коне.

Из тёмного леса навстречу ему
Идёт вдохновенный кудесник⁴,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник,
В мольбах и гаданьях проведший весь век.
И к мудрому старцу подъехал Олег.

¹ *Вещий* — мудрый.

² *Хозары, хазары* — народ, живший в VIII–XI веках в низовьях Волги, Дона и на Северном Кавказе.

³ *Обрёк он мечам и пожарам* — решил разрушить и сжечь.

⁴ *Кудесник* — волхв, волшебник, колдун, предсказатель, прорицатель.

«Скажи мне, кудесник, любимец богов,
 Что сбудется в жизни со мною?
 И скоро ль, на радость соседей-врагов,
 Могильной засыплюсь землёю?
 Открой мне всю правду, не бойся меня:
 В награду любого возьмёшь ты коня».

«Волхвы не боятся могучих владык,
 А княжеский дар им не нужен;
 Правдив и свободен их вещий язык
 И с волей небесною дружен.
 Грядущие годы таятся во мгле;
 Но вижу твой жребий¹ на светлом челе.

Запомни же ныне ты слово моё:
 Воителю слава — отрада;
 Победой прославлено имя твоё;
 Твой щит на вратах Цареграда²;
 И волны и суша покорны тебе;
 Завидует недруг столь дивной судьбе.

И синего моря обманчивый вал
 В часы роковой непогоды,
 И пращ³, и стрела, и лукавый кинжал
 Щадят победителя годы...
 Под грозной бронёй ты не ведаешь ран;
 Незримый хранитель могущему дан.

Твой конь не боится опасных трудов;
 Он, чуя господскую волю,
 То смиренный стоит под стрелами врагов,
 То мчится по бранному полю.
 И холод и сеча⁴ ему ничего...
 Но примешь ты смерть от коня своего».

Олег усмехнулся — однако чело
 И взор омрачилися думой.
 В молчаньи, рукой опершись на седло,
 С коня он слезает, угрюмый;

¹ *Жребий* — здесь: будущее, судьба.

² По преданию, Олег прибил свой щит над воротами Цареграда в знак победы. Царьградом (Цареградом) называли на Руси Константинополь (сейчас: Стамбул) — столицу Византии.

³ *Пращ* или *пращá* — сложенный петлёю ремень или верёвка для метания камней.

⁴ *Сеча* — здесь: бой, битва.

И верного друга прощальной рукой
И гладит и треплет по шее крутой.

«Прощай, мой товарищ, мой верный слуга,
Расстаться настало нам время;
Теперь отдыхай! уж не ступит нога
В твоё позлащённое стремя.
Прощай, утешайся — да помни меня.
Вы, отроки-друзи¹, возьмите коня!

Покройте попоной, мохнатым ковром!
В мой луг под уздцы отведите;
Купайте, кормите отборным зерном;
Водой ключевую поите».

И отроки тотчас с конём отошли,
А князю другого коня подвели.

Пирует с дружиною вещей Олег
При звоне весёлом стакана.
И кудри их белы, как утренний снег
Над славной главою кургана...
Они поминают минувшие дни
И битвы, где вместе рубились они...

«А где мой товарищ? — промолвил Олег, —
Скажите, где конь мой ретивый?
Здоров ли? всё так же ль лёгок его бег?
Всё тот же ль он бурный, игривый?»
И внемлет ответу: на холме крутом
Давно уж почил непробудным он сном.

Могучий Олег головою поник
И думает: «Что же гаданье?
Кудесник, ты лживый, безумный старик!
Презреть бы твоё предсказанье!
Мой конь и доныне носил бы меня». —
И хочет увидеть он кости коня.

Вот едет могучий Олег со двора,
С ним Игорь и старые гости,
И видят: на холме, у берега Днепра,
Лежат благородные кости;
Их моют дожди, засыпает их пыль,
И ветер волнует над ними ковыль.

¹ *Отроки-друзи* — здесь: слуги князя.

Князь тихо на череп коня наступил
 И молвил: «Спи, друг одинокой!
 Твой старый хозяин тебя пережил:
 На тризне¹, уже недалёкой,
 Не ты под секирой ковыль обagriшь
 И жаркою кровью мой прах напоишь!
 Так вот где таилась погибель моя!
 Мне смертию кость угрожала!»
 Из мёртвой главы гробовая змия,
 Шипя, между тем выползала;
 Как чёрная лента, вокруг ног обвилась,
 И вскрикнул внезапно ужаленный князь.
 Ковши круговые, запенясь, шипят
 На тризне плачевной Олега;
 Князь Игорь и Ольга на холме сидят;
 Дружина пирует у берега;
 Бойцы поминают минувшие дни
 И битвы, где вместе рубились они.

Виктор Васнецов. Заставка к «Песне о вещем Олеге» (1899)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Поделитесь своими впечатлениями о прочитанном.
2. Расскажите, какая легенда положена в основу произведения А. С. Пушкина.
3. Сравните исторический источник и произведение А. С. Пушкина. Когда в нашем воображении возникает более яркая картина? Обоснуйте свой ответ.

¹ *Тризна* — поминки по умершим.

4. Подумайте, каким образом поэту удалось «перенести» нас в далёкий X век, приблизить «дела давно минувших дней».
5. Какими чертами наделены в произведении князь и кудесник? Определите отношение автора к своим героям.
6. А. С. Пушкин, работая над «Песней о вещем Олеге», тщательно подбирал эпитеты. Рассмотрите примеры, в которых дан первоначальный и окончательный варианты:
*Князь по полю едет на смирном (верном) коне.
И к гордому (мудрому) старцу подъехал Олег.*
Что изменилось в характеристике коня и кудесника в связи с заменой эпитета?
7. Составьте цитатный план характеристики князя Олега.
8. Устно охарактеризуйте главного героя.
9. Раскройте значение образа «вдохновенного кудесника» в произведении.
10. Внимательно рассмотрите репродукцию иллюстрации В. М. Васнецова к «Песне о вещем Олеге» (с. 76). Сравните её с произведением. Удалось ли художнику передать настроение стихотворения, его историческую основу?
11. В классе проведите конкурс на лучшего чтеца «Песни о вещем Олеге».

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ

1. Объясните, как вы понимаете утверждение российского поэта А. Т. Твардовского, что «у каждого из нас — свой Пушкин».
2. В стихотворении А. С. Пушкина «Зимнее утро» выделите слова и выражения, в которых наиболее ярко выражено чувство восхищения поэта красотой зимнего утра.
3. Расскажите, кому посвящено стихотворение А. С. Пушкина «Няне». Какое настроение создаёт это произведение?
4. Раскройте понятие «строфа». Приведите примеры из изученных произведений.
5. Сформулируйте тему «Песни о вещем Олеге» А. С. Пушкина.
6. Устно составьте «кинофильм» на основе сюжета «Песни о вещем Олеге»: продумайте место, где будут разворачиваться события «фильма»; поделите его на отдельные части; определите действующих лиц; отберите необходимые эпизоды, которые вы хотите «снять»; «устно нарисуйте» (создайте) кадры к каждой из частей «кинофильма». Нарисуйте иллюстрации к кадрам вашего «кинофильма». Подпишите их цитатами из текста.

Вспомните, что вы узнали о Михаиле Юрьевиче Лермонтове на уроках литературы в предыдущих классах.

Какое из стихотворений поэта произвело на вас наибольшее впечатление?

**Михаил Юрьевич
ЛЕРМОНТОВ**
(1814–1841)

Лермонтовым нельзя начитаться. Глубина мысли сочетается у него с великим совершенством выражения.

*Ираклий Андроников,
российский литературовед*

МАСТЕР ПОЭТИЧЕСКОЙ ЖИВОПИСИ

Известный исследователь творчества Лермонтова И. Андроников подчеркнул этим высказыванием важную особенность поэта, который, изображая виднеющийся в голубой дымке парус, растущие в песках знойной пустыни пальмы, умел передать самые яркие мысли, волновавшие лучших людей его поколения.

Как вы помните из изученного в 5 классе, родился Михаил Юрьевич Лермонтов **15 октября 1814 г.** в Москве. Его детство прошло в Тарханах¹, в имении заботливой по отношению к нему и жестокой к остальным людям бабушки — помещицы Елизаветы Алексеевны Арсеневой. Судьба будущего поэта сурово распорядилась с ним. Мальчику не было и трёх лет, когда умерла мать. Большим ударом для него оказалась и вынужденная разлука с отцом, который, став жертвой распри с бабушкой, был обречён на редкие встречи с горячо любимым сыном.

¹ *Тарханы* — село, расположенное в Пензенской губернии.

Душевные мучения рано осиротевшего ребёнка не могли не сказаться на дальнейшей жизни и творчестве Лермонтова. Неслучайно в его поэзии разных лет так часто звучат мысли об одиночестве, как, например, в стихотворениях *«Утёс»* (знакомом вам с 5 класса) и *«Парус»*, которое для многих стало визитной карточкой поэта.

Когда Мише исполняется 12 лет, бабушка перевозит его в Москву, а в 14-летнем возрасте он поступает в одно из самых знаменитых учебных заведений России — Благородный пансион при Московском университете. Наибольший интерес у одарённого юноши вызывали занятия русской словесностью, иностранными языками, немецкой литературой и рисованием. Увлечение произведениями немецких писателей ещё не раз напомнит о себе. Так, в последние годы жизни поэт подарит читателям два прекрасных стихотворения, созданных под влиянием поэзии великих немцев — Иоганна Вольфганга Гёте (*«Горные вершины...»*) и Генриха Гёйне (*«На севере диком...»*).

Яркие способности, неуёмное рвение к знаниям не могли быть не замечены преподавателями: Лермонтов занимал первые места при аттестации среди своих сверстников. Именно в это время стремительно развивается поэтический талант юного дарования. Интересно, что первые его стихи увидели свет в рукописных журналах и сборниках, которые выпускали сами воспитанники пансиона. Всего же за два неполных года обучения в пансионе он написал около 60 стихотворений! Кроме того, из-под пера поэта в этот период вышел и целый ряд больших поэтических произведений, о которых вы узнаете в старших классах.

Дух свободомыслия и творчества, который царил в Московском пансионе, способствовал развитию Лермонтова как личности, стремящейся к полезной деятельности, упорному труду. Именно эту жажду действия он передал в одном из своих лучших произведений, которое было написано уже гораздо позже и получило название *«Три пальмы»*. Мысли о непрестанном действии как

цели жизни пронизывают и упомянутое выше стихотворение «**Парус**».

Все названные произведения объединяет то, что каждое из них — это своеобразная пейзажная зарисовка или даже целая картина. Лермонтов любил рисовать и красками, и карандашами, и пером, но его лучшие творения нарисованы словом. Отмечая в нём талант художника, Ираклий Андроников писал: «Немного рождалось поэтов, которые бы так «слышали» мир и видели бы его так, — динамично, объёмно, красочно. В этом Лермонтову-поэту помогал его глаз художника. Не только с натуры, но и на память он мог воспроизводить на полотне, на бумаге фигуры, лица, пейзажи, кипение боя, скачку, преследование. И, обдумывая стихотворные строки, любил рисовать грозные профили и горячих, нетерпеливых коней. Если бы он профессионально занимался живописью, он мог бы стать настоящим художником».

Давайте же продолжим наше путешествие по страницам лермонтовской поэзии и, пристально вглядываясь в нарисованные его воображением картины, постараемся приблизиться к постижению глубины мысли великого поэта.

Михаил Лермонтов.
Парус (1832)

1. Подготовьте вопросы к классу о детских и юношеских годах Лермонтова.
2. Как обстановка, которая окружала поэта в это время, повлияла на развитие его творчества?
3. Какую особенность поэзии М. Ю. Лермонтова подчёркивал Ираклий Андроников?

Парус

Белеет парус одинокий
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далёкой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны — ветер свищет,
И мачта гнётся и скрипит...
Увы! он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Опишите картины, которые возникли в вашем воображении после прочтения каждой строфы.
2. Вспомните, что такое эпитет и метафора.
3. Понаблюдайте, с помощью каких эпитетов и метафор автор изображает парус и окружающее его пространство.
4. Подумайте, какую роль выполняют в этом произведении вопросительные и восклицательные предложения.
5. Согласны ли вы с тем, что в этом стихотворении звучат мысли об одиночестве человека, о его стремлении к свободе и наполненной яркими событиями жизни? Аргументируйте свой ответ.
6. Подготовьте выразительное чтение стихотворения наизусть.

Три пальмы

(Восточное сказание)

В песчаных степях аравийской земли¹
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью² зелёных листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студёной

¹ *Аравийская земля (пустыня)* — северо-восточная часть Сахары, между долиной Нила и Красным морем, в Египте.

² *Под сенью* — под защитой, под покровом.

Ещё не склонялся под кущей¹ зелёной,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колелемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли — в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые выюки,
И шёл, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твёрдых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И чёрные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке² наклоня,
Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой,
И прыгал, как барс³, поражённый стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса⁴ вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копьё на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их весёлый раскинулся стан.
Кувшины звуча налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студёный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!

Василий Поленов.
Три пальмы
(1891)

¹ *Куща* — густая листва.

² *Лука* — выступающий изгиб седла.

³ *Барс* — то же, что и леопард.

⁴ *Фарис* — всадник.

Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнём.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сужие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне всё дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка¹ о тени он просит —
Его лишь песок раскалённый заносит,
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какое впечатление произвело на вас стихотворение?
2. Подумайте, почему это произведение имеет подзаголовок «Восточное сказание». Что способствует тому, что в воображении читателя возникают восточные картины?
3. Расскажите, о чём мечтали пальмы. Как они встретили людей?
4. С помощью каких эпитетов изображены эти деревья?
5. Обратите внимание на описание природы аравийской пустыни, самого каравана. Какова роль эпитетов, метафор и сравнений в создании этих поэтических зарисовок?
6. Какие чувства вызвало у вас описание гибели пальм?
7. Сравните первую и последнюю строфу стихотворения. Какой вывод можно сделать?
8. Подумайте, какие глубокие мысли пронизывают это восточное сказание.
9. Внимательно рассмотрите репродукцию картины В. Полёнова «Три пальмы» (на с. 85). Какие строки из одноимённого произведения Лермонтова вы бы подписали под ней?

¹ Пророк — человек, который пророчит (оглашает, сообщает) людям слова Бога. Здесь идёт речь о пророке Мухаммеде (Магомёте) — арабском проповеднике единобожия и Пророке Ислама, центральной (после единого Бога) фигуре этой религии; согласно исламскому учению, Мухаммеду Бог ниспослал своё священное писание Коран.

10. Представьте себя художником, который оформляет книгу стихотворений Лермонтова. Какую иллюстрацию вы бы нарисовали к прочитанному стихотворению? Какие цвета выбрали бы для своего рисунка?
11. Подготовьте выразительное чтение наиболее понравившегося фрагмента стихотворения (3–4 строфы).

Читателю XXI столетия на заметку

Пальма — это не только стройная тропическая красавица, но и дерево, которое у многих народов считается священным. Её и ныне называют символом победы, славы, мира и долголетия. На Востоке пальме отводится такое же почётное место, как дубу в культуре европейских народов. Древние египтяне, живущие в аравийской пустыне, где происходят описанные Лермонтовым события, поклонялись финиковой пальме как Древу жизни. Согласно их поверьям, тот, кто съест её плоды, будет жить вечно. Пальмовые ветви совсем неслучайно служили опахалом для фараонов.

Символом возрождения и бессмертия пальму считают и в христианстве. Именно с пальмовой ветвью, означающей победу над смертью, часто изображают Иисуса Христа.

«На севере диком стоит одиноко...»

(Из Гейне¹)

На севере диком стоит одиноко
 На голой вершине сосна
 И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
 Одеята, как ризой², она.
 И снится ей всё, что в пустыне далёкой —
 В том крае, где солнца восход,
 Одна и грустна на утёсе горячем
 Прекрасная пальма растёт.

Иван Шишкин. «На севере диком...»
 (1891)

¹ Из Гейне — эта надпись указывает на то, что произведение написано под влиянием стихотворения Гейне «Ein Fichtenbaum...» («Ель»).

² Риза — одеяние, вытканное золотом или серебром.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Каким настроением пронизано стихотворение?
2. Какие мысли вызывает у вас образ сосны на голой вершине?
3. Найдите в этом произведении эпитеты и сравнения. С какой целью их употребляет автор?
4. Согласны ли вы с тем, что в основе этого стихотворения лежат раздумья об одиночестве человека?
5. вспомните, что такое оригинал.
6. Прочитайте материал рубрики «Читателю XXI столетия на заметку». Воспользовавшись таблицей, сравните тему и идею оригинала со стихотворением Лермонтова.

Оригинал	Дословный перевод
<p>Ein Fichtenbaum...</p> <p>Ein Fichtenbaum steht einsam Im Norden auf kahler Höh'. Ihn schläferet; mit weißer Decke Umhüllen ihn Eis und Schnee. Er träumt von einer Palme, Die, fern im Morgenland, Einsam und schweigend trauert Auf brennender Felsenwand.</p>	<p>Ель...¹</p> <p>Ель стоит одиноко На севере на холодной вершине. Он дремлет, белым покрывалом Окутывают его лёд и снег. Он мечтает о пальме, Которая далеко на востоке Одиноко и молча печалится На пылающей скале.</p>

7. Как вы думаете, почему лермонтовский текст называют вольным переводом стихотворения Генриха Гейне?

Читателю XXI столетия на заметку

Произведение Лермонтова «*На севере диком стоит одиноко...*» часто называют вольным переводом стихотворения немецкого поэта Генриха Гейне «*Ein Fichtenbaum*» («Ель»). Что же такое **вольный перевод**? Это вид перевода, который не требует точности в передаче оригинала, допускает вольное обращение с его содержанием (отсюда и название — *вольный*). Сравнивая его с оригиналом, внимательный читатель может заметить существенные отличия. Например, автор вольного перевода обя-

¹ В немецком языке это слово мужского рода.

зательно что-то изменяет в первоначальном тексте, исключает из него или наоборот добавляет что-то новое. Он не всегда стремится сохранить тему, идею и даже образы, заданные автором оригинала. Так, читатели стихотворения Генриха Гейне в образе ели (вспомните, что это слово в немецком языке мужского рода) видят мужчину, а в образе пальмы — женщину. Такое значение образов не сохранено в стихотворении Лермонтова, ведь слово *сосна* в русском языке женского рода. И речь здесь идёт уже не о любви мужчины к женщине, как в оригинале, а скорее об одиночестве человека. Итак, поэт создаёт, по сути, новое произведение на основе текста, принадлежащего к другой литературе.

Что же делать читателю, который не владеет языком оригинала, но хочет приблизиться к пониманию его содержания? В таком случае ему может помочь дословный перевод стихотворения¹. Он не сохраняет ни рифму, ни ритм, ни стихотворный размер оригинального текста, но, как правило, даёт довольно точное представление о его содержании.

Горные вершины

(Из Гёте)

Горные вершины
Спят во тьме ночной;
Тихие долины
Полны свежей мглой;

Не пылит дорога,
Не дрожат листы...
Подожди немного,
Отдохнёшь и ты.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какую картину вызвало в вашем воображении прочитанное стихотворение?
2. Понаблюдайте, как поэт передаёт состояние покоя в природе.
3. Согласны ли вы с тем, что это произведение можно назвать пейзажной зарисовкой?
4. Подумайте, какие мысли и чувства стремился передать автор.
5. На что указывает подзаголовок «Из Гёте»?
6. Подготовьте выразительное чтение стихотворения.

¹ Пример такого перевода вы прочитали на с. 88.

Диалог искусств

Вы уже знаете, что поэзию Лермонтова по богатству и силе красок сравнивают с изобразительным искусством. Неслучайно его произведения вдохновляли известных художников.

Интересно, что поэтические шедевры Лермонтова отличаются и необыкновенной музыкальностью. Поэтому многие его стихотворения стали песнями. Среди них и прочитанные вами «Парус», «На севере диком...», «Горные вершины...».

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ В РАЗДЕЛЕ «ПОЭТИЧЕСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ»

1. Какое место в вашей жизни занимает поэзия? Любите ли вы читать стихи? Почему? Свой ответ обоснуйте.
2. Объясните, как вы понимаете эпиграф к этому разделу.
3. Расскажите, что вам известно о жизни и творчестве А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова.
4. Определите стихотворный размер двух прочитанных произведений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова.
5. Какие верования древних славян отражены в пушкинском произведении «Песнь о вещем Олеге»?
6. Организуйте и проведите конкурс на лучшее чтение стихотворений А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова.
7. Как вы думаете, почему Лермонтова называют мастером поэтической живописи?
8. Сравните произведения Лермонтова «Парус» и «На севере диком стоит одиноко...». Что в них общего?
9. Напишите сочинение-рассуждение на тему «Почему уже многие поколения читателей изучают произведения А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова?».
10. К уроку внеклассного чтения подберите понравившиеся вам стихотворения А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова. Подготовьтесь к их выразительному чтению в классе. Одно или два произведения выучите наизусть.
11. Есть ли в вашем городе (населённом пункте) памятные места, связанные с именами А. С. Пушкина и М. Ю. Лермонтова? Расскажите о них.

В ПЛЕНУ УДИВИТЕЛЬНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ

Неужели у Приключения не бывает конца? Эх, видно, не бывает. Кому-то всегда приходится продолжать историю дальше...

Джон Робнальд Руэл Толкин, английский писатель

Читая страницы этого раздела, вы сможете:

- ✓ **ощутить на себе** магию настоящих приключений и испытаний, выпавших на долю героев **Николая Гоголя** и **Чарльза Диккенса**, **Даниеля Дефо**, **Жюль Верна** и **Джека Лондона**;
- ✓ **узнать**, какие произведения называются **повестью** и **романом**;
- ✓ **стать свидетелями** комических ситуаций, в которые попадают отдельные герои, и **подумать**, с какой целью писатель использует **юмор** в произведении;
- ✓ **понять**, что такое **пейзаж** и для чего он служит в художественном произведении;
- ✓ **задуматься над тем**, зачем жизнь посылает человеку приключения и испытания

**Николай
Васильевич
ГОГОЛЬ**
(1809–1852)

О Гоголь, наш бессмертный Гоголь!.. Перед Гоголем должно благоговеть¹, как перед человеком, одарённым самым глубоким умом и самую нежною любовью к людям!..

Тарас Шевченко

ГОРДОСТЬ НЕЖИНСКОЙ ГИМНАЗИИ

Николая Васильевича Гоголя по праву считают ярчайшим представителем как русской, так и украинской культуры. Сегодня это один из самых почитаемых писателей-классиков. Его бессмертные творения по-прежнему волнуют читателей, но не менее интересна и загадочна была жизнь писателя. Осветим некоторые факты биографии Н. В. Гоголя, особое внимание обратив на его детские и юношеские годы.

Родился будущий писатель в Украине **20 марта (1 апреля) 1809 года** в селе Великие Сорочинцы Миргородского уезда Полтавской области в семье небогатого помещика Василия Афанасьевича Гоголь-Яновского и Марии Ивановны, урождённой Косаровской. Его отец был страстным поклонником театра, писал стихи, остроумные комедии на русском и украинском языках, а мать владела немецким и французским, увлекалась музыкой и художественной литературой, знала множество сказок и преданий. В доме царил атмосфера глубокого уважения, любви и нежности друг к другу.

¹ *Благоговѣть* — относиться с глубоким уважением, почтением.

Первые девять лет жизни маленького Никоши прошли в родовом поместье Васильевке, расположенном на Полтавщине рядом со знаменитой Диканькой, краем легенд и поверий.

Когда Н. В. Гоголю исполнилось 9 лет, его и младшего брата Ивана отец отвёз на учёбу в Полтавское уездное училище. Палочная дисциплина и тупая зубрёжка, царившие в этом учебном заведении, конечно же, тяготили братьев. В Полтаве будущий писатель проучился всего год, и в связи с болезнью и смертью брата Ивана возвратился в Васильевку. Но надо было продолжать учёбу. В этот раз отец определил Никошу в Полтаву к учителю Сорочинскому для того, чтобы тот подготовил его сына к поступлению в Гимназию высших наук в Нежине Черниговской губернии. Это учебное заведение славилось как прогрессивное и одно из лучших своего времени. Здесь Н. В. Гоголь проучился семь лет — с 1821 по 1828 годы.

Вот как этот период жизни писателя описывает критик Н. С. Шер: «Гоголь был душой всех интересных начинаний в гимназии. [...] Когда в гимназии организовался театральный кружок, Гоголь сделался первым его участником. Он разыскивал пьесы для постановки, устраивал сцену, писал декорации, шил костюмы, вместе с товарищами иной раз сочинял пьесы.

[...] Не меньшим увлечением Гоголя в гимназические годы были книги. В нежинской гимназии была своя большая библиотека. Но гимназисты хотели лучше знать современную литературу и решили устроить свою особую библиотеку. Библиотекарем выбрали Гоголя. Он берёт книги как драгоценность, вспоминают товарищи, и, прежде чем выдать кому-нибудь книгу, тщательно осматривал у читателя руки, даже делал из бумаги наконечники и заставлял надевать на пальцы, чтобы как-нибудь не запачкать книгу.

[...] Когда Гоголь был в старших классах, в гимназии организовался литературный кружок. Гимназисты собирались каждую неделю, читали свои произведе-

ния, обсуждали их. При литературном кружке вскоре стали издаваться рукописные журналы, и Гоголь был редактором, художником и часто переписчиком этих журналов»¹.

С Нежином связаны и первые литературные пробы пера Н. В. Гоголя.

Но окончательное решение посвятить свою жизнь писательскому творчеству пришло к нему уже после окончания лицея, в Петербурге, где он познакомился со своим литературным кумиром — А. С. Пушкиным, а также с другими известными писателями.

В 1830 году вышел первый сборник Н. В. Гоголя *«Вечера на хуторе близ Диканьки»*, который сразу же принёс ему славу и был высоко оценён А. С. Пушкиным.

Мы предлагаем вам прочесть повесть из этого сборника — *«Ночь перед Рождеством»*.

1. Расскажите о детских годах писателя.
2. Подготовьте сообщение на тему: «Николай Гоголь — лицеист».
3. Как вы думаете, какие события жизни Н. В. Гоголя повлияли на развитие его литературного таланта? Обоснуйте свой ответ.

Марки «Вечера на хуторе близ Диканьки», выпущенные в Украине к 200-летию со дня рождения Гоголя (2009)

¹ Н. С. Шер. Николай Васильевич Гоголь // Рассказы о русских писателях. — М.: Детская литература, 1982.

НОЧЬ ПЕРЕД РОЖДЕСТВОМ

(в сокращении)

Последний день перед Рождеством прошёл. Зимняя, ясная ночь наступила. Глянули звёзды. Месяц величаво поднялся на небо по-светить добрым людям и всему миру, чтобы всем было весело колядовать¹ и славить Христа. Морозило сильнее, чем с утра; но зато так было тихо, что скрип мороза под сапогом слышался за полверсты. Ещё ни одна толпа парубков не показывалась под окнами хат; месяц один только заглядывал в них украдкой, как бы вызывая принаряживавшихся девушек выбежать скорее на скрипучий снег. Тут через трубу одной хаты клубами повалился дым и пошёл тучею по небу, и вместе с дымом поднялась ведьма верхом на метле.

Если бы в это время проезжал сорочинский заседатель на тройке обывательских лошадей, в шапке с барашковым околышком, сделанной по манеру уланскому, в синем тулупе, подбитом чёрными смушками², с дьявольски сплетённою плетью, которою имеет он обыкновение подгонять своего ямщика, то он бы, верно, приметил её, потому что от сорочинского заседателя ни одна ведьма на свете не ускользнёт. Он знает наперечёт, сколько у каждой бабы свинья мечет поросенков, и сколько в сундуке лежит полотна, и что именно из своего платья и хозяйства заложит добрый человек в воскресный день в шинке. Но сорочинский заседатель не проезжал, да и какое ему дело до чужих, у него своя волость³. А ведьма между тем поднялась так высоко, что одним только чёрным пятнышком мелькала вверх. Но где ни показывалось пятнышко, там звёзды, одна за другою, пропадали на небе. Скоро ведьма набрала их полный рукав. Три или четыре ещё блестили. Вдруг, с противной стороны, показалось другое пятнышко, увеличилось, стало растягиваться, и уже было не пятнышко. Близорукий, хотя бы надел на нос вместо очков колёса с

¹ *Колядовать* у нас называется петь под окнами накануне Рождества песни, которые называются колядками. Тому, кто колядует, всегда кинет в мешок хозяйка, или хозяин, или кто остаётся дома колбасу, или хлеб, или медный грош, чем кто богат. Говорят, что был когда-то болван Коляда, которого принимали за Бога, и что будто оттого пошли и колядки. Кто его знает? Не нам, простым людям, об этом толковать. Прошлый год отец Осип запретил было колядовать по хуторам, говоря, что будто сим народ угождает сатане. Однако ж если сказать правду, то в колядках и слова нет про Коляду. Поют часто про Рождество Христа; а при конце желают здоровья хозяину, хозяйке, детям и всему дому. (Примеч. Н. В. Гоголя).

² *Смушки* — бараний мех.

³ *Волость* — административно-территориальная единица в сельской местности.

Комиссаровой брички, и тогда бы не распознал, что это такое. Среди совершенно немец¹: узенькая, беспрестанно вертевшаяся и нюхавшая всё, что ни попадалось, мордочка оканчивалась, как и у наших свиней, кругленьким пяточком, ноги были так тонки, что если бы такие имел яресковский голова, то он переломал бы их в первом козачке. Но зато сзади он был настоящий губернский стряпчий² в мундире, потому что у него висел хвост, такой острый и длинный, как теперешние мундирные фалды; только разве по козлиной бороде под мордой, по небольшим рожкам, торчавшим на голове, и что весь был не белее трубочиста, можно было догадаться, что он не немец и не губернский стряпчий, а просто чёрт, которому последняя ночь осталась шататься по белому свету и выучивать грехам добрых людей. Завтра же, с первыми колоколами к заутрене, побежит он без оглядки, поджавши хвост, в свою берлогу.

Между тем чёрт крался потихоньку к месяцу и уже протянул было руку схватить его, но вдруг отдёнул её назад, как бы обжегшись, пососал пальцы, заболтал ногою и забежал с другой стороны, и снова отскочил и отдёнул руку. Однако ж, несмотря на все неудачи, хитрый чёрт не оставил своих проказ. Подбежавши, вдруг схватил он обеими руками месяц, кривляясь и дуя, перекидывал его из одной руки в другую, как мужик, доставший голыми руками огонь для своей люльки; наконец поспешно спрятал в карман и, как будто ни в чём не бывал, побежал далее. [...]

Теперь посмотрим, что делает, оставшись одна, красавица дочка. Оксане не минуло ещё и семнадцати лет, как во всём почти свете, и по ту сторону Диканьки, и по эту сторону Диканьки, только и речей было, что про неё. Парубки гуртом провозгласили, что лучшей девки и не было ещё никогда и не будет никогда на селе. Оксана знала и слышала всё, что про неё говорили, и была капризна, как красавица. Если бы она ходила не в плахте и запаске, а в каком-нибудь капоте³, то разогнала бы всех своих девок. Парубки гонялись за нею толпами, но, потерявши терпение, оставляли мало-помалу и обращались к другим, не так избалованным. Один только кузнец был упрям и не оставлял своего волокитства, несмотря на то что и с ним поступало было ничуть не лучше, как с другими.

По выходе отца своего она долго ещё принаряживалась и жеманилась перед небольшим в оловянных рамках зеркалом и не могла налюбоваться собою. «Что людям вздумалось расславлять, будто я

¹ Немцем называют у нас всякого, кто только из чужой земли, хоть будь он француз, или цесарец, или швед — всё немец. (Примеч. Н. В. Гоголя).

² Губёрнский стряпчий — должностное лицо.

³ Капóт — женская одежда свободного покроя.

хороша? — говорила она, как бы рассеянно, для того только, чтобы об чём-нибудь поболтать с собою. — Лгут люди, я совсем не хороша». Но мелькнувшее в зеркале свежее, живое в детской юности лицо с блестящими чёрными глазами и невыразимо приятной усмешкой, прожигавшей душу, вдруг доказало противное. «Разве чёрные брови и очи мои, — продолжала красавица, не выпуская зеркала, — так хороши, что уже равных им нет и на свете? Что тут хорошего в этом вздёрнутом кверху носе? и в щеках? и в губах? Будто хороши мои чёрные косы? Ух! их можно испугаться вечером: они, как длинные змеи, перевились и обвилились вокруг моей головы. Я вижу теперь, что я совсем не хороша! — и, отодвигая несколько подальше от себя зеркало, вскрикнула: — Нет, хороша я! Ах, как хороша! Чудо! Какую радость принесу я тому, кого буду женою! Как будет любоваться мною мой муж! Он не вспомнит себя. Он зацелует меня насмерть».

— Чудная девка! — прошептал вошедший тихо кузнец, — и хвастовства у неё мало! С час стоит, глядясь в зеркало, и не наглядится, и ещё хвалит себя вслух!

«Да, парубки, вам ли чета я? вы поглядите на меня, — продолжала хорошенькая кокетка, — как я плавно выступаю; у меня сорочка шита красным шёлком. А какие ленты на голове! Вам век не увидать богаче галуна! Всё это накопил мне отец мой для того, чтобы на мне женился самый лучший молодец на свете!» И, усмехнувшись, повернулась она в другую сторону и увидела кузнеца...

Вскрикнула и сурово остановилась перед ним.

Кузнец и руки опустил.

Трудно рассказать, что выражало смугловатое лицо чудной девушки: и суровость в нём была видна, и сквозь суровость какая-то издёвка над смутившимся кузнецом, и едва заметная краска досады тонко разливалась по лицу; и всё это так смешалось и так было неизобразимо хорошо, что расцеловать её миллион раз — вот всё, что можно было сделать тогда наилучшего.

— Зачем ты пришёл сюда? — так начала говорить Оксана. — Разве хочется, чтобы выгнала за дверь лопатою? Вы все мастера подъезжать к нам. Вмиг пронюхаете, когда отцов нет дома. О, я знаю вас! Что, сундук мой готов?

— Будет готов, моё серденько, после праздника будет готов. Если

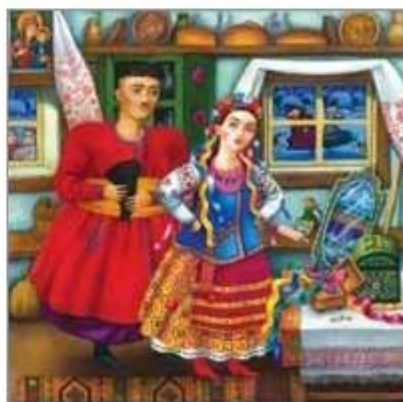

Иллюстрация Костя Лавро
(2005)

¹ Галу́н — тесьма.

бы ты знала, сколько возился около него: две ночи не выходил из кузницы; зато ни у одной поповны не будет такого сундука. Железо на оковку положил такое, какого не клал на сотникову таратайку, когда ходил на работу в Полтаву. А как будет расписан! Хоть весь околоток выходи своими беленькими ножками, не найдёшь такого! По всему полю будут раскиданы красные и синие цветы. Гореть будет, как жар. Не сердись же на меня! Позволь хоть поговорить, хоть поглядеть на тебя!

— Кто же тебе запрещает, говори и гляди!

Тут села она на лавку и снова взглянула в зеркало и стала поправлять на голове свои косы. Взглянула на шею, на новую сорочку, вышитую шёлком, и тонкое чувство самодовольствия выразилось на устах, на свежих ланитах и отсветилось в очах.

— Позволь и мне сесть возле тебя! — сказал кузнец.

— Садись, — проговорила Оксана, сохраняя в устах и в довольных очах то же самое чувство.

— Чудная, ненаглядная Оксана, позволь поцеловать тебя! — произнёс ободрённый кузнец и прижал её к себе, в намерении схватить поцелуй; но Оксана отклонила свои щёки, находившиеся уже на не приметном расстоянии от губ кузнеца, и оттолкнула его.

Чего тебе ещё хочется? Ему когда мёд, так и ложка нужна! Поди прочь, у тебя руки жёстче железа. Да и сам ты пахнешь дымом. Я думаю, меня всю обмарал сажею.

Тут она поднесла зеркало и снова начала перед ним охорашиваться.

«Не любит она меня, — думал про себя, повеся голову, кузнец. — Ей всё игрушки; а я стою перед нею как дурак и очей не свожу с неё. И всё бы стоял перед нею, и век бы не сводил с неё очей! Чудная девка! чего бы я не дал, чтобы узнать, что у неё на сердце, кого она любит! Но нет, ей и нужды нет ни до кого. Она любит сама собою; мучит меня, бедного; а я за грустью не вижу света; а я её так люблю, как ни один человек на свете не любил и не будет никогда любить».

— Правда ли, что твоя мать ведьма? — произнесла Оксана и засмеялась; и кузнец почувствовал, что внутри его всё засмеялось. Смех этот как будто разом отозвался в сердце и в тихо вострепённых жилах, и со всем тем досада запала в его душу, что он не во власти расцеловать так приятно засмеявшееся лицо.

— Что мне до матери? ты у меня мать, и отец, и всё, что ни есть дорогого на свете. Если б меня призвал царь и сказал: «Кузнец Вакула, проси у меня всего, что ни есть лучшего в моём царстве, всё отдам тебе. Прикажу тебе сделать золотую кузницу, и станешь ты ковать серебряными молотами». — «Не хоч, — сказал бы я царю, —

ни камней дорогих, ни золотой кузницы, ни всего твоего царства: дай мне лучше мою Оксану!»

— Видишь, какой ты! Только отец мой сам не промах. Увидишь, когда он не женится на твоей матери, — проговорила, лукаво усмехнувшись, Оксана. — Однако ж дивчата не приходят... Что б это значило? Давно уже пора колядовать. Мне становится скучно.

— Бог с ними, моя красавица!

— Как бы не так! с ними, верно, придут парубки. Тут-то пойдут балы. Воображаю, каких наговорят смешных историй!

— Так тебе весело с ними?

— Да уж веселее, чем с тобою. А! кто-то стукнул; верно, дивчата с парубками.

«Чего мне больше ждать? — говорил сам с собою кузнец. — Она издевается надо мною. Ей я столько же дорог, как перержавевшая подкова. Но если ж так, не достанется, по крайней мере, другому посмеяться надо мною. Пусть только я наверное замечу, кто ей нравится более моего; я отучу...»

Стук в двери и резко зазвучавший на морозе голос: «Отвори!» — прервал его размышления.

— Постой, я сам отворю, — сказал кузнец и вышел в сени, в намерении отломать с досады бока первому попавшемуся человеку.

Мороз увеличился, и вверху так сделалось холодно, что чёрт перепрыгивал с одного копытца на другое и дул себе в кулак, желая сколько-нибудь отогреть мёрзнувшие руки. Не мудрено, однако ж, и смерзнуть тому, кто толкался от утра до утра в аду, где, как известно, не так холодно, как у нас зимою, и где, надевши колпак и ставши перед очагом, будто в самом деле кухмистр¹, поджаривал он грешников с таким удовольствием, с каким обыкновенно баба жарит на Рождество колбасу.

Ведьма сама почувствовала, что холодно, несмотря на то что была тепло одета; и потому, поднявши руки кверху, отставила ногу и, приведши себя в такое положение, как человек, летящий на коньках, не сдвинувшись ни одним суставом, спустилась по воздуху, будто по ледяной покато́й горе, и прямо в трубу.

Чёрт таким же порядком отправился вслед за нею. [...]

В самом деле, едва только поднялась метель и ветер стал резать прямо в глаза, как Чуб уже изъясил раскаяние и, нахлобучивая глубже на голову капелюхи, угощал побранками себя, чёрта и кума. Впрочем, эта досада была притворная. Чуб очень рад был поднявшейся метели. До дьяка ещё оставалось в восемь раз больше того расстояния, которое они прошли. Путешественники повертели

¹ Кухмистр — повар.

назад. Ветер дул в затылок; но сквозь метущий снег ничего не было видно.

— Стой, кум! мы, кажется, не туда идём, — сказал, немного отошедши, Чуб, — я не вижу ни одной хаты. Эх, какая метель! Своротика ты, кум, немного в сторону, не найдёшь ли дороги; а я тем временем поищу здесь. Дёрнет же нечистая сила потаскаться по такой вьюге! Не забудь закричать, когда найдёшь дорогу. Эх, какую кучу снега напустил в очи сатана!

Дороги, однако ж, не было видно. Кум, отошедши в сторону, бродил в длинных сапогах взад и вперёд и, наконец, набрёл прямо на шинок. Эта находка так его обрадовала, что он позабыл всё и, страхнувши с себя снег, вошёл в сени, нимало не беспокоясь об оставшемся на улице куме. Чубу показалось между тем, что он нашёл дорогу; остановившись, принялся он кричать во всё горло, но, видя, что кум не является, решил идти сам. Немного пройдя, увидел он свою хату. Сугробы снега лежали около неё и на крыше. Хлопая намёрзнувшими на холоде руками, принялся он стучать в дверь и кричать повелительно своей дочери отпереть её.

— Чего тебе тут нужно? — сурово закричал вышедший кузнец.

Чуб, узнавши голос кузнеца, отступил несколько назад. «Э, нет, это не моя хата, — говорил он про себя, — в мою хату не забредёт кузнец. Опять же, если присмотреться хорошенько, то и не Кузнецова. Чья бы была это хата? Вот на! не распознал! это хромого Левченка, который недавно женился на молодой жене. У него одного только хата похожа на мою. То-то мне показалось и сначала немного чудно, что так скоро пришёл домой. Однако ж Левченко сидит теперь у дьяка, это я знаю; зачем же кузнец?.. Э-ге-ге! он ходит к его молодой жене. Вот как! хорошо!.. теперь я все понял».

— Кто ты такой и зачем таскаешься под дверями? — произнёс кузнец суровее прежнего и подойдя ближе.

«Нет, не скажу ему, кто я, — подумал Чуб, — чего доброго, ещё приколотит, проклятый выродок!» — и, переменив голос, отвечал:

— Это я, человек добрый! пришёл вам на забаву поколядовать немного под окнами.

— Убирайся к чёрту с своими колядками! — сердито закричал Вакула. — Что ж ты стоишь? Слышишь, убирайся сей же час вон!

Чуб сам уже имел это благоразумное намерение; но ему досадно показалось, что принуждён слушаться приказаний кузнеца. Казалось, какой-то злой дух толкал его под руку и вынуждал сказать что-нибудь наперекор.

— Что ж ты, в самом деле, так раскричался? — произнёс он тем же голосом, — я хочу колядовать, да и полно!

— Эге! да ты от слов не уймёшься!.. — Вслед за сими словами Чуб почувствовал пребольной удар в плечо.

— Да вот это ты, как я вижу, начинаешь уже драться! — произнёс он, немного отступая.

— Пошёл, пошёл! — кричал кузнец, наградив Чуба другим толчком.

— Что ж ты! — произнёс Чуб таким голосом, в котором изображалась и боль, и досада, и робость. — Ты, вижу, не в шутку дерёшься, и ещё больно дерёшься!

— Пошёл, пошёл! — закричал кузнец и захлопнул дверь.

— Смотри, как расхрабился! — говорил Чуб, оставшись один на улице. — Попробуй подойди! вишь, какой! вот большая цаца! Ты думаешь, я на тебя суда не найду? Нет, голубчик, я пойду, и пойду прямо к комиссару. Ты у меня будешь знать! Я не посмотрю, что ты кузнец и маляр. Однако ж посмотреть на спину и плечи: я думаю, синие пятна есть. Должно быть, больно поколотил, вражий сын! Жаль, что холодно и не хочется скинуть кожуха! Пстой ты, бесовский кузнец, чтоб чёрт поколотил и тебя, и твою кузницу, ты у меня напляшешься! Вишь, проклятый шибеник! Однако ж ведь теперь его нет дома. Солоха, думаю, сидит одна. Гм... оно ведь недалеко отсюда; пойти бы! Время теперь такое, что нас никто не застанет. Может, и того, будет можно... Вишь, как больно поколотил проклятый кузнец!

Тут Чуб, почесав свою спину, отправился в другую сторону. Приятность, ожидавшая его впереди при свидании с Солохою, умаливала немного боль и делала нечувствительным и самый мороз, который трещал по всем улицам, не заглушаемый вьюжным свистом. По временам на лице его, которого бороду и усы метель намылила снегом проворнее всякого цирюльника, тирански хватающего за нос свою жертву, показывалась полусладкая мина. Но если бы, однако ж, снег не крестил взад и вперёд всего перед глазами, то долго ещё можно было бы видеть, как Чуб останавливался, почёсывал спину, произносил: «Больно поколотил проклятый кузнец!» — и снова отправлялся в путь.

В то время, когда проворный франт с хвостом и козлиною бородою летал из трубы и потом снова в трубу, висевшая у него на перевязи при боку ладунка¹, в которую он спрятал украденный месяц, как-то нечаянно зацепившись в печке, растворилась и месяц, пользуясь этим случаем, вылетел через трубу Солохиной хаты и плавно поднялся по небу. Все осветилось. Метели как не бывало. Снег загорелся широким серебряным полем и весь обсыпался хрустальными звёздами. Мороз как бы потеплел. Толпы парубков и девушек показались с мешками. Песни зазвенели, и под редкою хатою не толпились колядующие.

¹ Ладунка — небольшая сумка.

Чудно блещет месяц! Трудно рассказать, как хорошо потолкаться в такую ночь между кучею хохочущих и поющих девушек и между парубками, готовыми на все шутки и выдумки, какие может только внушить весело смеющаяся ночь. Под плотным кожухом тепло; от мороза ещё живее горят щёки; а на шалости сам лукавый подталкивает сзади.

Кучи девушек с мешками вломились в хату Чуба, окружили Оксану. Крик, хохот, рассказы оглушили кузнеца. Все наперебой спешили рассказать красавице что-нибудь новое, выгружали мешки и хвастались паляницами, колбасами, варениками, которых успели уже набрать довольно за свои колядки. Оксана, казалось, была в совершенном удовольствии и радости, болтала то с той, то с другою и хохотала без умолку. С какой-то досадою и завистью глядел кузнец на такую весёлость и на этот раз проклинал колядки, хотя сам бывал от них без ума.

— Э, Одарка! — сказала весёлая красавица, оборотившись к одной из девушек, — у тебя новые черевики! Ах, какие хорошие! и с золотом! Хорошо тебе, Одарка, у тебя есть такой человек, который всё тебе покупает; а мне некому достать такие славные черевики.

— Не тужи, моя ненаглядная Оксана! — подхватил кузнец, — я тебе достану такие черевики, какие редкая панночка носит.

— Ты? — сказала, скоро и надменно поглядев на него, Оксана. — Посмотрю я, где ты достанешь черевики, которые могла бы я надеть на свою ногу. Разве принесёшь те самые, которые носит царица.

— Видишь, каких захотела! — закричала со смехом девичья толпа.

— Да, — продолжала гордо красавица, — будьте все вы свидетельницы: если кузнец Вакула принесёт те самые черевики, которые носит царица, то вот моё слово, что выйду тот же час за него замуж.

Девушки увели с собою капризную красавицу.

— Смейся, смейся! — говорил кузнец, выходя вслед за ними. — Я сам смеюсь над собою! Думаю, и не могу вздумать, куда девался ум мой. Она меня не любит, — ну, Бог с ней! будто только на всём свете одна Оксана. Слава Богу, дивчат много хороших и без неё на селе. Да что Оксана? С неё никогда не будет доброй хозяйки; она только мастерица рядиться. Нет, полно, пора перестать дурачиться.

Но в самое то время, когда кузнец готовился быть решительным, какой-то злой дух проносил пред ним смеющийся образ Оксаны, говорившей насмешливо: «Достань, кузнец, царицыны черевики, выйду за тебя замуж!» Всё в нём волновалось, и он думал только об одной Оксане.

Толпы колядующих, парубки особо, девушки особо, спешили из одной улицы в другую. Но кузнец шёл и ничего не видал и не участвовал в тех весёлостях, которые когда-то любил более всех. [...]

Чёрт между тем не на шутку разнежился у Солохи [...]. Солоха была не так жестока, притом же чёрт, как известно, действовал с нею заодно. Она таки любила видеть волочившуюся за собою толпу и редко бывала без компании; этот вечер, однако ж, думала провести одна, потому что все именитые обитатели села званы были на кутью к дьяку. Но все пошло иначе: чёрт только что представил своё требование, как вдруг послышался голос дюжего головы. Солоха побежала отворить дверь, а проворный чёрт влез в лежавший мешок.

Голова, стряхнув с своих капелюх снег и выпивши из рук Солохи чарку водки, рассказал, что он не пошёл к дьяку, потому что поднялась метель; а увидевши свет в её хате, завернул к ней, в намерении провести вечер с нею.

Не успел голова это сказать, как в дверь послышался стук и голос дьяка.

— Спрячь меня куда-нибудь, — шептал голова. — Мне не хочется теперь встретиться с дьяком.

Солоха думала долго, куда спрятать такого плотного гостя; наконец выбрала самый большой мешок с углём; уголь высыпала в кадку, и дюжий голова влез с усами, с головою и с капелюхами в мешок.

Дьяк вошёл, покряхтывая и потирая руки, и рассказал, что у него не был никто и что он сердечно рад этому случаю погулять немного у неё и не испугался метели. Тут он подошёл к ней ближе, кашлянул, усмехнулся, дотронулся своими длинными пальцами её обнажённой полной руки и произнёс с таким видом, в котором выказывалось и лукавство, и самодовольствие:

— А что это у вас, великолепная Солоха? — И, сказавши это, отскочил он несколько назад.

— Как что? Рука, Осип Никифорович! — отвечала Солоха.

— Гм! рука! хе! хе! хе! — произнёс сердечно довольный своим началом дьяк и прошёлся по комнате.

— А это что у вас, дражайшая Солоха? — произнёс он с таким же видом, приступив к ней снова и схватив её слегка рукою за шею, и таким же порядком отскочив назад.

— Будто не видите, Осип Никифорович! — отвечала Солоха. — Шея, а на шее монисто.

— Гм! на шее монисто! хе! хе! хе! — И дьяк снова прошёлся по комнате, потирая руки.

— А это что у вас, несравненная Солоха?.. — Неизвестно, к чему бы теперь притронулся дьяк своими длинными пальцами, как вдруг послышался в дверь стук и голос козака Чуба.

— Ах, Боже мой, стороннее лицо! — закричал в испуге дьяк. — Что теперь, если застанут особу моего звания?.. Дойдёт до отца Кондрата!..

Но опасения дьяка были другого рода: он боялся более того, чтобы не узнала его половина, которая и без того страшною рукою своею сделала из его толстой косы самую узенькую.

— Ради Бога, добродетельная Солоха, — говорил он, дрожа всем телом. — Ваша доброта, как говорит писание Луки глава трин... трин... Стучатся, ей-Богу, стучатся! Ох, спрячьте меня куда-нибудь!

Солоха высыпала уголь в кадку из другого мешка, и не слишком объёмистый телом дьяк влез в него и сел на самое дно, так что сверх его можно было насыпать ещё с полмешка угля.

— Здравствуй, Солоха! — сказал, входя в хату, Чуб. — Ты, может быть, не ожидала меня, а? правда, не ожидала? может быть, я помешал?.. — продолжал Чуб, показав на лице своём весёлую и значительную мину, которая заранее давала знать, что неповоротливая голова его трудилась и готовилась отпустить какую-нибудь колкую и затейливую шутку. — Может быть, вы тут забавлялись с кем-нибудь?.. может быть, ты кого-нибудь спрятала уже, а? — И, восхищённый таким своим замечанием, Чуб засмеялся, внутренне торжествуя, что он один только пользуется благосклонностью Солохи. — Ну, Солоха, дай теперь выпить водки. Я думаю, у меня горло замёрзло от проклятого морозу. Послал же Бог такую ночь перед Рождеством! Как схватилась, слышишь, Солоха, как схватилась... эх окостенели руки: не расстегну кожуха! как схватилась вьюга...

— Отвори! — раздался на улице голос, сопровождаемый толчком в дверь.

— Стучит кто-то, — сказал остановившийся Чуб.

— Отвори! — закричали сильнее прежнего.

— Это кузнец! — произнёс, схватясь за капелюхи, Чуб. — Слышишь, Солоха, куда хочешь девай меня; я ни за что на свете не захочу показаться этому выродку проклятому, чтоб ему набежало, дьявольскому сыну, под обоими глазами по пузырю в копну величиною!

Солоха, испугавшись сама, металась как угорелая и, позабывшись, дала знак Чубу лезть в тот самый мешок, в котором сидел уже дьяк. Бедный дьяк не смел даже изъявить кашлем и кряхтением боли, когда сел ему почти на голову тяжёлый мужик и поместил свои намёрзнувшие на морозе сапоги по обеим сторонам его висков.

Кузнец вошёл, не говоря ни слова, не снимая шапки, и почти повалился на лавку. Заметно, что он был весьма не в духе.

В то самое время, когда Солоха затворяла за ним дверь, кто-то постучался снова. Это был козак Свербыгуз. Этого уже нельзя было

спрятать в мешок, потому что и мешка такого нельзя было найти. Он был погрузнее телом самого головы и повыше ростом Чубова кума. И потому Солоха вывела его в огород, чтобы выслушать от него всё то, что он хотел ей объявить.

Кузнец рассеянно оглядывал углы своей хаты, вслушиваясь по временам в далеко разносившиеся песни колядующих; наконец остановил глаза на мешках: «Зачем тут лежат эти мешки? их давно бы пора убрать отсюда. Через эту глупую любовь я одурел совсем. Завтра праздник, а в хате до сих пор лежит всякая дрянь. Отнести их в кузницу!»

Тут кузнец присел к огромным мешкам, перевязал их крепче и готовился взвалить себе на плечи. Но заметно было, что его мысли гуляли Бог знает где, иначе он бы услышал, как зашипел Чуб, когда волоса на голове его прикрутила завязавшая мешок верёвка, и дюжий голова начал было икать довольно явственно.

— Неужели не выбьется из ума моего эта негодная Оксана? — говорил кузнец, — не хочу думать о ней; а всё думается, и, как нарочно, о ней одной только. Отчего это так, что дума против воли лезет в голову? Кой чёрт, мешки стали как будто тяжелее прежнего! Тут, верно, положено ещё что-нибудь, кроме угля. Дуренья я! я и позабыл, что теперь мне всё кажется тяжелее. Прежде, бывало, я мог согнуть и разогнуть в одной руке медный пятак и лошадиную подкову; а теперь мешков с углём не подыму. Скоро буду от ветра валиться. Нет — вскричал он, помолчал и ободрившись, — что я за баба! Не дам никому смеяться над собою! Хоть десять таких мешков, всё подыму. — И бодро взвалил себе на плеча мешки, которых не понесли бы два дюжих человека. — Взять и этот, — продолжал он, подымая маленький, на дне которого лежал, свернувшись, чёрт. — Тут, кажется, я положил струмент¹ свой. — Сказав это, он вышел вон из хаты, насвистывая песню: Мені с жінкой не возиться.

Шумнее и шумнее раздавались по улицам песни и крики. Толпы толкавшегося народа были увеличены ещё пришедшими из соседних деревень. Парубки шалили и бесились вволю. Часто между колядками слышалась какая-нибудь весёлая песня, которую тут же успел сложить кто-нибудь из молодых козаков. То вдруг один из толпы вместо колядки отпускал щедровку и ревел во всё горло:

*Щедрик, ведрик!
Дайте вареник,
Грудочку кашки,
Кільце ковбаски!*

¹ Струмэнт — искажённое «инструмент».

Хохот награждал затейника. Маленькие окна подымались, и сухощавая рука старухи, которые одни только вместе с степенными отцами оставались в избах, высовывалась из окошка с колбасою в руках или куском пирога. Парубки и девушки наперерыв подставляли мешки и ловили свою добычу. В одном месте парубки, зашедши со всех сторон, окружали толпу девушек: шум, крик, один бросал комом снега, другой вырывал мешок со всякой всячиной. В другом месте девушки ловили парубка, подставляли ему ногу, и он летел вместе с мешком стремглав на землю. Казалось, всю ночь напролёт готовы были повеселиться. И ночь, как нарочно, так роскошно теплилась! и ещё белее казался свет месяца от блеска снега.

Кузнец остановился со своими мешками. Ему почудился в толпе девушек голос и тоненький смех Оксаны. Все жилки в нём вздрогнули: бросивши на землю мешки так, что находившийся на дне дьяк заохал от ушибу и голова икнул во всё горло, побрёл он с маленьким мешком на плечах вместе с толпою парубков, шедших следом за девичьей толпою, между которою ему послышался голос Оксаны.

«Так, это она! стоит, как царица, и блестит чёрными очами! Ей рассказывает что-то видный парубок; верно, забавное, потому что она смеётся. Но она всегда смеётся». Как будто невольно, сам не понимая как, протёрся кузнец сквозь толпу и стал около неё.

— А, Вакула, ты тут! здравствуй! — сказала красавица с той же самой усмешкой, которая чуть не сводила Вакулу с ума. — Ну, много наколядовал? Э, какой маленький мешок! А черевики, которые носит царица, достал? достань черевики, выйду замуж! — И, засмеявшись, убежала с толпою.

Как вкопанный стоял кузнец на одном месте. «Нет, не могу; нет сил больше... — произнёс он наконец. — Но Боже Ты мой, отчего она так чертовски хороша? её взгляд, и речи, и всё, ну вот так и жжёт, так и жжёт... Нет, невмочь уже пересилить себя! Пора положить конец всему: пропадай душа, пойду утоплюсь в пролубе, и поминай как звали!»

Тут решительным шагом пошёл он вперёд, догнал толпу, поравнялся с Оксаною и сказал твёрдым голосом:

— Прощай, Оксана! Ищи себе какого хочешь жениха, дурачь кого хочешь; а меня не увидишь уже больше на этом свете.

Красавица казалась удивлённою, хотела что-то сказать, но кузнец махнул рукою и убежал.

— Куда, Вакула? — кричали парубки, видя бегущего кузнеца.

— Прощайте, братцы! — кричал в ответ кузнец. — Даст бог, увидимся на том свете; а на этом уже не гулять нам вместе. Прощайте, не поминайте лихом! Скажите отцу Кондрату, чтобы сотворил панихиду по моей грешной душе. Свечей к иконам Чудотворца и Божией

Матери, грешен, не обмалевал за мирскими делами. Всё добро, какое найдётся в моей скрыне, на церковь! Прощайте!

Проговоривши это, кузнец принялся снова бежать с мешком на спине.

— Он повредился!¹ — говорили парубки.

— Пропадшая душа! — набожно пробормотала проходившая мимо старуха. — Пойти рассказать, как кузнец повесился!

Вакула между тем, пробежавши несколько улиц, остановился перевести дух. «Куда я, в самом деле, бегу? — подумал он, — как будто уже всё пропало. Попробую ещё средство: пойду к запорожцу Пузатому Пацюку. Он, говорят, знает всех чертей и всё сделает, что захочет. Пойду, ведь душе всё же придётся пропадать!»

При этом чёрт, который долго лежал без всякого движения, запрыгал в мешке от радости; но кузнец, подумав, что он как-нибудь зацепил мешок рукою и произвёл сам это движение, ударил по мешку дюжим кулаком и, встряхнув его на плечах, отправился к Пузатому Пацюку.

Этот Пузатый Пацюк был точно когда-то запорожцем; но выгнали его или он сам убежал из Запорожья, этого никто не знал. Давно уже, лет десять, а может, и пятнадцать, как он жил в Диканьке. Сначала он жил, как настоящий запорожец: ничего не работал, спал три четверти дня, ел за шестерых косарей и выпивал за одним разом почти по целому ведру; впрочем, было где и поместиться, потому что Пацюк, несмотря на небольшой рост, в ширину был довольно увесист. Притом шаровары, которые носил он, были так широки, что какой бы большой ни сделал он шаг, ног было совершенно незаметно, и казалось — винокуренная кадь двигалась по улице. Может быть, это самое подало повод прозвать его Пузатым. Не прошло нескольких дней после прибытия его в село, как все уже узнали, что он знахарь. Бывал ли кто болен чем, тотчас призывал Пацюка; а Пацюку стоило только пошептать несколько слов, и недуг как будто рукою снимался. Случалось ли, что проголодавшийся дворянин подавился рыбьей костью, Пацюк умел так искусно ударить кулаком в спину, что кость отправлялась куда ей следует, не причинив никакого вреда дворянскому горлу. В последнее время его редко видали где-нибудь. Причина этому была, может быть, лень, а может, и то, что пролезать в двери делалось для него с каждым годом труднее. Тогда миряне должны были отправляться к нему сами, если имели в нём нужду.

Кузнец не без робости отворил дверь и увидел Пацюка, сидевшего на полу по-турецки, перед небольшою кадучкою, на которой

¹ Повредился — здесь: тронулся рассудком.

стояла миска с галушками. Эта миска стояла, как нарочно, наравне с его ртом. Не подвинувшись ни одним пальцем, он наклонил слегка голову к миске и хлебал жижу, схватывая по временам зубами галушки.

«Нет, этот, — подумал Вакула про себя, — ещё ленивее Чуба: тот, по крайней мере, ест ложкою, а этот и руки не хочет поднять!»

Пацюк, верно, крепко занят был галушками, потому что, казалось, совсем не заметил прихода кузнеца, который, едва ступивши на порог, отвесил ему пренизкий поклон.

— Я к твоей милости пришёл, Пацюк! — сказал Вакула, кланяясь снова.

Толстый Пацюк поднял голову и снова начал хлебать галушки.

— Ты, говорят, не во гнев будь сказано... — сказал, собираясь с духом, кузнец, — я веду об этом речь не для того, чтобы тебе нанести какую обиду, — приходишься немного сродни чёрту.

Проговоря эти слова, Вакула испугался, подумав, что выразился всё ещё напрямик и мало смягчил крепкие слова, и, ожидая, что Пацюк, схвативши кадушку вместе с мискою, пошлёт ему прямо в голову, отсторонился немного и закрылся рукавом, чтобы горячая жижа с галушек не обрызгала ему лица.

Но Пацюк взглянул и снова начал хлебать галушки. Ободрённый кузнец решил продолжить:

— К тебе пришёл, Пацюк, дай Боже тебе всего, добра всякого в довольствии, хлеба в пропорции! — Кузнец иногда умел ввернуть модное слово; в том он понаторел в бытность ещё в Полтаве, когда размалёвывал сотнику дощатый забор. — Пропадать приходится мне, грешному! ничто не помогает на свете! Что будет, то будет, приходится просить помощи у самого чёрта. Что ж, Пацюк? — произнёс кузнец, видя неизменное его молчание, — как мне быть?

— Когда нужно чёрта, то и ступай к чёрту! — отвечал Пацюк, не подымая на него глаз и продолжая убирать галушки.

— Для того-то я и пришёл к тебе, — отвечал кузнец, отвешивая поклон, — кроме тебя, думаю, никто на свете не знает к нему дороги.

Пацюк ни слова и доедал остальные галушки.

— Сделай милость, человек добрый, не откажи! — наступал кузнец, — свинины ли, колбас, муки гречневой, ну, полотна, пшена или

Иллюстрация *Костя Лавро*
(2005)

иного прочего, в случае потребности... как обыкновенно между добрыми людьми водится... не поскупимся. Расскажи хоть, как, примерно сказать, попасть к нему на дорогу?

— Тому не нужно далеко ходить, у кого чёрт за плечами, — произнёс равнодушно Пацюк, не изменяя своего положения.

Вакула уставил на него глаза, как будто бы на лбу его написано было изъяснение этих слов. «Что он говорит?» — безмолвно спрашивала его мина; а полуотверстый рот готовился проглотить, как галушку, первое слово. Но Пацюк молчал.

Тут заметил Вакула, что ни галушек, ни кадушки перед ним не было; но вместо того на полу стояли две деревянные миски: одна была наполнена варениками, другая сметаной. Мысли его и глаза невольно устремились на эти кушанья. «Посмотрим, — говорил он сам себе, — как будет есть Пацюк вареники. Наклоняться он, верно, не захочет, чтобы хлебать, как галушки, да и нельзя: нужно вареник сперва обмакнуть в сметану».

Только что он успел это подумать, Пацюк разинул рот, поглядел на вареники и ещё сильнее разинул рот. В это время вареник выплеснул из миски, шлёпнул в сметану, перевернулся на другую сторону, подскочил вверх и как раз попал ему в рот. Пацюк съел и снова разинул рот, и вареник таким же порядком отправился снова. На себя только принимал он труд жевать и проглатывать.

«Вишь, какое диво!» — подумал кузнец, разинув от удивления рот, и тот же час заметил, что вареник лезет и к нему в рот, и уже вымазал губы сметаной. Оттолкнувши вареник и вытерши губы, кузнец начал размышлять о том, какие чудеса бывают на свете и до каких мудростей доводит человека нечистая сила, замечая притом, что один только Пацюк может помочь ему. «Поклонюсь ему ещё, пусть растолкует хорошенько... Однако что за чёрт! ведь сегодня голодная кутья, а он ест вареники, вареники скоромные! Что я, в самом деле, за дурак, стою тут и греха набираюсь! Назад!» И набожный кузнец опрометью выбежал из хаты.

Однако ж чёрт, сидевший в мешке и заранее уже радовавшийся, не мог вытерпеть, чтобы ушла из рук его такая славная добыча. Как только кузнец опустил мешок, он выскочил из него и сел верхом на шею.

Мороз подрал по коже кузнеца; испугавшись и побледнев, не знал он, что делать; уже хотел перекреститься... Но чёрт, наклонив своё собачье рыльце ему на правое ухо, сказал:

— Это я — твой друг, всё сделаю для товарища и друга! Денег дам сколько хочешь, — пискнул он ему в левое ухо. — Оксана будет сегодня же наша, — шепнул он, заворотивши свою морду снова на правое ухо.

Кузнец стоял, размышляя.

— Изволь, — сказал он наконец, — за такую цену готов быть твоим!

Чёрт всплеснул руками и начал от радости галопировать на шее кузнеца. «Теперь-то попался кузнец! — думал он про себя, — теперь-то я вымещу на тебе, голубчик, все твои малеванья и небылицы, взводимые на чертей! Что теперь скажут мои товарищи, когда узнают, что самый набожнейший из всего села человек в моих руках?» Тут чёрт засмеялся от радости, вспомнив, как будет дразнить в аде всё хвостатое племя, как будет беситься хромым чёртом, считавшийся между ними первым на выдумки.

— Ну, Вакула! — пропищал чёрт, всё так же не слезая с шеи, как бы опасаясь, чтобы он не убежал, — ты знаешь, что без контракта ничего не делают.

— Я готов! — сказал кузнец. — У вас, я слышал, расписываются кровью; постой же, я достану в кармане гвоздь! — Тут он заложил назад руку — и хватъ чёрта за хвост.

— Вишь, какой шутник! — закричал, смеясь, чёрт. — Ну, полно, довольно уже шалить!

— Постой, голубчик! — закричал кузнец, — а вот это как тебе покажется? — При сём слове он сотворил крест¹, и чёрт сделался так тих, как ягнёнок. — Постой же, — сказал он, стаскивая его за хвост на землю, — будешь ты у меня знать подучивать на грехи добрых людей и честных христиан! — Тут кузнец, не выпуская хвоста, вскочил на него верхом и поднял руку для крестного знамения.

— Помилуй, Вакула! — жалобно простонал чёрт, — всё что для тебя нужно, всё сделаю, отпусти только душу на покаяние: не клади на меня страшного креста!

— А, вот каким голосом запел, немец проклятый! Теперь я знаю, что делать. Вези меня сей же час на себе, слышишь, неси, как птица!

— Куда? — произнёс печальный чёрт.

— В Петербург, прямо к царице!

И кузнец обомлел от страха, чувствуя себя подымающимся на воздух.

Сначала страшно показалось Вакуле, когда поднялся он от земли на такую высоту, что ничего уже не мог видеть внизу, и пролетел как муха под самым месяцем так, что если бы не наклонился немного, то зацепил бы его шапкою. Однако ж мало спустя он ободрился и уже стал подшучивать над чёртом. Его забавляло до крайности, как чёрт чихал и кашлял, когда он снимал с шеи кипарисный крестик и подносил к нему. Нарочно поднимал он руку почесать голову, а

¹ Сотворил крест — перекрестился.

чёрт, думая, что его собираются крестить, летел ещё быстрее. Всё было светло в вышине. Воздух в лёгком серебряном тумане был прозрачен. Всё было видно, и даже можно было заметить, как вихрем пронёсся мимо их, сидя в горшке, колдун; как звёзды, собравшись в кучу, играли в жмурки; как клубился в стороне облаком целый рой духов; как плясавший при месяце чёрт снял шапку, увидавши кузнеца, скачущего верхом; как летела возвращавшаяся назад метла, на которой, видно, только что съездила куда нужно ведьма... много ещё дряни встречали они. Всё, видя кузнеца, на минуту останавливалось поглядеть на него и потом снова несло дальше и продолжало своё; кузнец всё летел; и вдруг заблестел перед ним Петербург весь в огне. (Тогда была по какому-то случаю иллюминация.) Чёрт, перелетев через шлагбаум, оборотился в коня, и кузнец увидел себя на лихом бегуне среди улицы.

Боже мой! стук, гром, блеск; по обеим сторонам громоздятся четырехэтажные стены; стук копыт коня, звук колеса отзывались громом и отдавались с четырёх сторон; дома росли и будто подымались из земли на каждом шагу; мосты дрожали; кареты летали; извозчики, форейторы¹ кричали; снег свистел под тысячью летящих со всех сторон саней; пешеходы жались и теснились под домами, унизанными площадками, и огромные тени их мелькали по стенам, дотягая головой труб и крыш. С изумлением оглядывался кузнец на все стороны. Ему казалось, что все дома устремили на него свои бесчисленные огненные очи и глядели. Господин в крытых сукном шубах он увидел так много, что не знал, кому шапку снимать. «Боже ты мой, сколько тут панства! — подумал кузнец. — Я думаю, каждый, кто ни пройдёт по улице в шубе, то и заседатель, то и заседатель! а те, что катаются в таких чудных бричках со стёклами, те когда не городничие, то, верно, комиссары, а может, ещё и больше». Его слова прерваны были вопросом чёрта: «Прямо ли ехать к царице?» «Нет, страшно, — подумал кузнец. — Тут где-то, не знаю, пристали заповожды, которые проезжали осенью через Диканьку. Они ехали из Сечи с бумагами к царице; всё бы таки посоветоваться с ними».

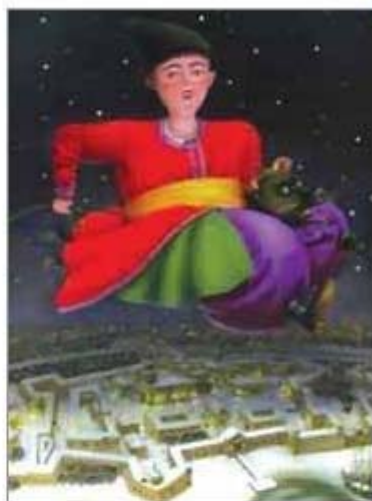

Иллюстрация Костя Лавро
(2005)

¹ *Форейтор* — кучер, сидящий верхом на одной из передних лошадей.

— Эй, сатана, полезай ко мне в карман да веди к запорожцам!

Чёрт в одну минуту похудел и сделался таким маленьким, что без труда влез к нему в карман. А Вакула не успел оглянуться, как очутился перед большим домом, вошёл, сам не зная как, на лестницу, отворил дверь и подался немного назад от блеска, увидевши убранную комнату; но немного ободрился, узнавши тех самых запорожцев, которые проезжали через Диканьку, сидевших на шёлковых диванах, поджав под себя намазанные дёгтем сапоги, и куривших самый крепкий табак, называемый обыкновенно корешками.

— Здравствуйте, панове! помогай Бог вам! вот где увиделись! — сказал кузнец, подошедши близко и отвесивши поклон до земли.

— Что там за человек? — спросил сидевший перед самым кузнецом другого, сидевшего подальше.

— А вы не узнали? — сказал кузнец, — это я, Вакула, кузнец! Когда проезжали осенью через Диканьку, то прогостили, дай Боже вам всякого здоровья и долголетия, без малого два дни. И новую шину тогда поставил на переднее колесо вашей кибитки!

— А! — сказал тот же запорожец, — это тот самый кузнец, который малюет важно. Здорово, земляк, зачем тебя Бог принёс?

— А так, захотелось поглядеть, говорят...

— Что ж, земляк, — сказал, приосанясь, запорожец и желая показать, что он может говорить и по-русски, — што балшой город?

Кузнец и себе не хотел осрамиться и показаться новичком, притом же, как имели случай видеть выше сего, он знал и сам грамотный язык.

— Губерния знатная! — отвечал он равнодушно. — Нечего сказать: дома балшущие, картины висят скрозь важные. Многие дома исписаны буквами из сусального золота до чрезвычайности. Нечего сказать, чудная пропорция!

Запорожцы, услышавши кузнеца, так свободно изъясняющегося, вывели заключение очень для него выгодное.

— После потолкуем с тобою, земляк, побольше; теперь же мы едем сейчас к царице.

— К царице? А будьте ласковы, панове, возьмите и меня с собою!

— Тебя? — произнёс запорожец с таким видом, с каким говорит дядька четырёхлетнему своему воспитаннику, просящему посадить его на настоящую, на большую лошадь. — Что ты будешь там делать? Нет, не можно. — При этом на лице его выразилась значительная мина. — Мы, брат, будем с царицею толковать про своё.

— Возьмите! — настаивал кузнец. — Проси! — шепнул он тихо чёрту, ударив кулаком по карману.

Не успел он этого сказать, как другой запорожец проговорил:

- Возьмём его, в самом деле, братцы!
- Пожалуй, возьмём! — произнесли другие.
- Надевай же платье такое, как и мы.

Кузнец схватился натянуть на себя зелёный жупан, как вдруг дверь отворилась и вошедший с позументами¹ человек сказал, что пора ехать.

Чудно снова показалось кузнецу, когда он понёсся в огромной карете, качаясь на рессорах, когда с обеих сторон мимо его бежали назад четырёхэтажные дома и мостовая, гремя, казалось, сама катилась под ноги лошадям.

«Боже Ты мой, какой свет! — думал про себя кузнец. — У нас днём не бывает так светло».

Кареты остановились перед дворцом. Запорожцы вышли, вступили в великолепные сени и начали подыматься на блистательно освещённую лестницу.

— Что за лестница! — шептал про себя кузнец, — жаль ногами топтать. Экие украшения! Вот, говорят, лгут сказки! кой чёрт лгут! Боже ты мой, что за перила! какая работа! тут одного железа рублей на пятьдесят пошло!

Уже взобравшись на лестницу, запорожцы прошли первую залу. Робко следовал за ними кузнец, опасаясь на каждом шагу поскользнуться на паркете. Прошли три залы, кузнец всё ещё не переставал удивляться. Вступивши в четвёртую, он невольно подошёл к висевшей на стене картине. Это была Пречистая Дева с Младенцем на руках. «Что за картина! что за чудная живопись! — рассуждал он, — вот, кажется, говорит! кажется, живая! а Дитя Святое! и ручки прижало! и усмехается, бедное! а краски! Боже ты мой, какие краски! тут вохры², я думаю, и на копейку не пошло, всё ярь³ да бакан⁴: а голубая так и горит! важная работа! должно быть, грунт наведён был блейвасом⁵. Сколь, однако ж, ни удивительны сии малевания, но эта медная ручка, — продолжал он, подходя к двери и щупая замок, — ещё большего достойна удивления. Эк какая чистая выделка! это всё, я думаю, немецкие кузнецы, за самые дорогие цены делали...»

Может быть, долго ещё бы рассуждал кузнец, если бы лакей с галунами не толкнул его под руку и не напомнил, чтобы он не отставал от других. Запорожцы прошли ещё две залы и остановились. Тут велено им было дожидаться. В зале толпилось несколько генералов в

¹ *Позумэнт* — шитая золотом или мишурой тесьма.

² *Вóхра* — природная краска красно-коричневого или жёлтого цвета.

³ *Ярь* — блестящая белая краска.

⁴ *Бакáн* — ярко-красная краска.

⁵ *Блейвáс* — свинцовые белила.

шитых золотом мундирах. Запорожцы поклонились на все стороны и стали в кучу.

Минуту спустя вошёл в сопровождении целой свиты величественного роста, довольно плотный человек в гетьманском мундире, в жёлтых сапожках. Волосы на нём были растрёпаны, один глаз немного крив, на лице изображалась какая-то надменная величественность, во всех движениях видна была привычка повелевать. Все генералы, которые расхаживали довольно спесиво в золотых мундирах, засуетились и с низкими поклонами, казалось, ловили его каждое слово и даже малейшее движение, чтобы сейчас лететь выполнять его. Но гетьман не обратил даже и внимания, едва кивнул головою и подошёл к запорожцам. Запорожцы отвесили все поклон в ноги.

— Все ли вы здесь? — спросил он протяжно, произнося слова немного в нос.

— Та вси, батько! — отвечали запорожцы, кланяясь снова.

— Не забудете говорить так, как я вас учил?

— Нет, батько, не позабудем.

— Это царь? — спросил кузнец одного из запорожцев.

— Куда тебе царь! это сам Потёмкин¹, — отвечал тот.

В другой комнате послышались голоса, и кузнец не знал, куда деть свои глаза от множества вошедших дам в атласных платьях с длинными хвостами и придворных в шитых золотом кафтанах и с пучками назади. Он только видел один блеск и больше ничего. Запорожцы вдруг все пали на землю и закричали в один голос:

— Помилуй, мамо! помилуй!

Кузнец, не видя ничего, растянулся и сам со всем усердием на полу.

— Встаньте, — прозвучал над ними повелительный и вместе с тем приятный голос. Некоторые из придворных засуетились и толкали запорожцев.

— Не встанем, мамо! не встанем! умрём, а не встанем! — кричали запорожцы.

Потёмкин кусал себе губы, наконец подошёл сам и повелительно шепнул одному из запорожцев. Запорожцы поднялись.

Тут осмелился и кузнец поднять голову и увидел стоявшую перед собою небольшого роста женщину, несколько даже дородную, напудренную, с голубыми глазами и вместе с тем величественно улыбающимся видом, который так умел покорять себе всё и мог только принадлежать одной царствующей женщине.

¹ Потёмкин Григорий Александрович (1739–1791) — российский государственный деятель, возвысившийся во времена императрицы Екатерины II.

— Светлейший обещал меня познакомить сегодня с моим народом, которого я до сих пор ещё не видела, — говорила дама с голубыми глазами, рассматривая с любопытством запорожцев. — Хорошо ли вас здесь содержат? — продолжала она, подходя ближе.

— Та спасиб, мамо! Провиянт дают хороший, хотя бараны здешние совсем не то, что у нас на Запорожье, — почему ж не жить как-нибудь?..

Потёмкин поморщился, видя, что запорожцы говорят совершенно не то, чему он их учил...

Один из запорожцев, приосанясь, выступил вперёд:

— Помилуй, мамо! зачем губишь верный народ? чем прогневили? Разве держали мы руку поганого татарина; разве соглашались в чем-либо с турчином; разве изменили тебе делом или помышлением? За что ж немилость? Прежде слышали мы, что приказываешь везде строить крепости от нас; после слышали, что хочешь поворотить в карабинеры; теперь слышим новые напасти. Чем виновато запорожское войско? тем ли, что перевело твою армию чрез Перекоп и помогло твоим генералам порубать крымцев?..

Потёмкин молчал и небрежно чистил небольшою щёткою свои бриллианты, которыми были унижены его руки.

— Чего же хотите вы? — заботливо спросила Екатерина. Запорожцы значительно взглянули друг на друга. «Теперь пора! Царица спрашивает, чего хотите!» — сказал сам себе кузнец и вдруг повалился на землю.

— Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать! Из чего, не во гнев будь сказано вашей царской милости, сделаны черевички, что на ногах ваших? Я думаю, ни один швец ни в одном государстве на свете не сумеет так сделать. Боже Ты мой, что, если бы моя жинка надела такие черевички!

Государыня засмеялась. Придворные засмеялись тоже. Потёмкин и хмурился и улыбался вместе. Запорожцы начали толкать под руку кузнеца, думая, не с ума ли он сошёл.

— Встань! — сказала ласково государыня. — Если так тебе хочется иметь такие башмаки, то это нетрудно сделать. Принесите ему сей же час башмаки самые дорогие, с золотом! Право, мне очень нравится это простодушие! Вот вам, — продолжала государыня, устремив глаза на стоявшего подалее от других средних лет человека с полным, но несколько бледным лицом, которого скромный кафтан с большими перламутровыми пуговицами показывал, что он не принадлежал к числу придворных, — предмет, достойный остроумного пера вашего!

— Вы, ваше императорское величество, слишком милостивы. Сюда нужно, по крайней мере, Лафонтена! — отвечал,

поклоняясь, человек с перламутровыми пуговицами.

— По чести скажу вам: я до сих пор без памяти от вашего «Бригадира»¹. Вы удивительно хорошо читаете! Однако ж, — продолжала государыня, обращаясь снова к запорожцам, — я слышала, что на Сечи у вас никогда не женятся.

— Якже, мамо! ведь человеку, сама знаешь, без жинки нельзя жить, — отвечал тот самый запорожец, который разговаривал с кузнецом, и кузнец удивился, слыша, что этот запорожец, зная так хорошо грамотный язык, говорит с царицею, как будто нарочно, самым грубым, обыкновенно называемым мужицким наречием. «Хитрый народ! — подумал он сам себе, — верно, недаром он это делает».

— Мы не чернецы, — продолжал запорожец, — а люди грешные. Падки, как и всё честное христианство, до скромного. Есть у нас не мало таких, которые имеют жён, только не живут с ними на Сечи. Есть такие, что имеют жён в Польше; есть такие, что имеют жён в Украине; есть такие, что имеют жён и в Турещине.

В это время кузнецу принесли башмаки.

— Боже ты мой, что за украшение! — вскрикнул он радостно, ухватив башмаки. — Ваше царское величество! Что ж, когда башмаки такие на ногах, и в них чаятельно, ваше благородие, ходите и на лёд ковзаться, какие ж должны быть самые ножки? думаю, по малой мере из чистого сахара.

Государыня, которая точно имела самые стройные и прелестные ножки, не могла не улыбнуться, слыша такой комплимент из уст простодушного кузнеца, который в своём запорожском платье мог почесться красавцем, несмотря на смуглое лицо.

Обрадованный таким благосклонным вниманием, кузнец уже хотел было расспросить хорошенько царицу о всём: правда ли, что цари едят один только мёд да сало, и тому подобное; но, почувствовав, что запорожцы толкают его под бока, решился замолчать; и когда государыня, обратившись к старикам, начала расспрашивать, как у них живут на Сечи, какие обычаи водятся, — он, отошед-

Иллюстрация Костя Лавро (2005)

¹ «Бригадир» — комедия российского писателя Дмитрия Ивановича Фонвизина (1745–1792), особо популярного во времена Екатерины II.

ши назад, нагнулся к карману, сказал тихо: «Выноси меня отсюда скорее!» — и вдруг очутился за шлагбаумом. [...]

Настало утро. Вся церковь ещё до света была полна народа. Пожилые женщины в белых намитках, в белых суконных свитках набожно крестились у самого входа церковного. Дворянки в зелёных и жёлтых кофтах, а иные даже в синих кунтушах с золотыми назади усами, стояли впереди их. Дивчата, у которых на головах намотана была целая лавка лент, а на шее монист, крестов и дукатов, старались пробраться ещё ближе к иконостасу. Но впереди всех были дворяне и простые мужики с усами, с чубами, с толстыми шеями и только что выбритыми подбородками, всё большею частию в кобеняках, из-под которых выказывалась белая, а у иных и синяя свитка. На всех лицах, куда ни взглянь, виден был праздник. Голова облизывался, воображая, как он разговееется колбасою; дивчата помышляли о том, как они будут ковзаться с хлопцами на льду; старухи усерднее, нежели когда-либо, шептали молитвы. По всей церкви слышно было, как козак Свербыгуз клал поклоны. Одна только Оксана стояла как будто не своя: молилась и не молилась. На сердце у неё столпилось столько разных чувств, одно другого досаднее, одно другого печальнее, что лицо её выражало одно только сильное смущение; слёзы дрожали на глазах. Дивчата не могли понять этому причины и не подозревали, чтобы виною был кузнец. Однако ж не одна Оксана была занята кузнецом. Все миряне заметили, что праздник — как будто не праздник; что как будто все чего-то недостаёт. Как на беду, дьяк после путешествия в мешке охрип и дребезжал едва слышным голосом; правда, приезжий певчий славно брал баса, но куда бы лучше, если бы и кузнец был, который всегда, бывало, как только пели «Отче наш» или «Иже херувимы», всходил на крылос и выводил оттуда тем же самым напевом, каким поют и в Полтаве. К тому же он один исправлял должность церковного титара. Уже отошла заутреня; после заутрени отошла обедня... куда же это, в самом деле, запропастился кузнец?

Ещё быстрее в остальное время ночи нёсся чёрт с кузнецом назад. И мигом очутился Вакула около своей хаты. В это время пропел петух. «Куда? — закричал он, ухватя за хвост хотевшего убежать чёрта, — стой, приятель, ещё не всё: я ещё не поблагодарил тебя». Тут, схвативши хворостину, отвесил он ему три удара, и бедный чёрт припустил бежать, как мужик, которого только что выпарил заседатель. Итак, вместо того чтобы провесть, соблазнить и одурачить других, враг человеческого рода был сам одурачен. После сего Вакула вошёл в сени, зарылся в сено и проспал до обеда. Проснувшись, он испугался, когда увидел, что солнце уже высоко: «Я проспал заутреню и обедню!» Тут благочестивый кузнец погрузился в уныние, рассуждая, что это, верно, Бог нарочно, в наказание за грешное его намерение погубить свою

душу, наслал сон, который не дал даже ему побывать в такой торжественный праздник в церкви. Но, однако ж, успокоив себя тем, что в следующую неделю исповедается в этом попу и с сегодняшнего же дня начнёт бить по пятидесяти поклонов через весь год, заглянул он в хату; но в ней не было никого. Видно, Солоха ещё не возвращалась. Бережно вынул он из пазухи башмаки и снова изумился дорогой работе и чудному происшествию минувшей ночи; умылся, оделся как можно лучше, надел то самое платье, которое достал от запорожцев, вынул из сундука новую шапку из решетиловских смушек с синим верхом, которой не надевал ещё ни разу с того времени, как купил её ещё в бытность в Полтаве; вынул также новый всех цветов пояс; положил всё это вместе с нагайкою в платок и отправился прямо к Чубу.

Чуб выпучил глаза, когда вошёл к нему кузнец, и не знал, чему дивиться: тому ли, что кузнец воскрес, тому ли, что кузнец смел к нему прийти, или тому, что он нарядился таким щёголем и запорожцем. Но ещё больше изумился он, когда Вакула развязал платок и положил перед ним новёхонькую шапку и пояс, какого не видано было на всём селе, а сам повалился ему в ноги и проговорил умоляющим голосом:

— Помилуй, батько! не гневись! вот тебе и нагайка: бей, сколько душа пожелает, отдаюсь сам; во всём каюсь; бей, да не гневись только! Ты ж когда-то братался с покойным батьком, вместе хлеб-соль ели и магарыч пили.

Чуб не без тайного удовольствия видел, как кузнец, который никому на селе в ус не дул, сгибал в руке пятаки и подковы, как гречневые блины, тот самый кузнец лежал у ног его. Чтоб ещё больше не уронить себя, Чуб взял нагайку и ударил его три раза по спине.

— Ну, будет с тебя, вставай! старых людей всегда слушай! Забудем всё, что было меж нами! Ну, теперь говори, чего тебе хочется?

— Отдай, батько, за меня Оксану!

Чуб немного подумал, поглядел на шапку и пояс: шапка была чудная, пояс также не уступал ей; вспомнил о вероломной Солохе и сказал решительно:

— Добре! Присылай сватов!

— Ай! — вскрикнула Оксана, переступив через порог и увидев кузнеца, и вперила с изумлением и радостью в него очи.

— Погляди, какие я тебе принёс черевики! — сказал Вакула, — те самые, которые носит царица.

— Нет! нет! мне не нужны черевиков! — говорила она, махая руками и не сводя с него очей, — я и без черевиков... — Далее она не договорила и покраснела.

Кузнец подошёл ближе, взял её за руку; красавица и очи потупила. Ещё никогда не была она так чудно хороша. Восхищённый кузнец тихо поцеловал её, и лицо её пуще загорелось, и она стала ещё лучше.

Проезжал через Диканьку блаженной памяти архиерей, хвалил место, на котором стоит село, и, проезжая по улице, остановился перед новою хатою.

— А чья это такая размалёванная хата? — спросил преосвященный у стоявшей близ дверей красивой женщины с дитятей на руках.

— Кузнеца Вакулы, — сказала ему, кланяясь, Оксана, потому что это именно была она.

— Славно! славная работа! — сказал преосвященный, разглядывая двери и окна. А окна все были обведены кругом красною краскою; на дверях же везде были козаки на лошадях, с трубками в зубах.

Но ещё больше похвалил преосвященный Вакулу, когда узнал, что он выдержал церковное покаяние и выкрасил даром весь левый крылос зелёною краскою с красным и цветами. Это, однако ж, не всё: на стене сбоку, как войдёшь в церковь, намалевал Вакула чёрта в аду, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо; а бабы, как только расплакивалось у них на руках дитя, подносили его к картине и говорили: «Он бачь, яка кака намалёвана!» — и дитя, удерживая слезенки, косилось на картину и жалось к груди своей матери.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Поделитесь своими впечатлениями от прочитанного.
2. Найдите в тексте и выразительно прочитайте описание ночи накануне Рождества.
3. Какую роль играет описание ночи перед Рождеством для дальнейшего развития действия в произведении? Свой ответ обоснуйте.
4. Расскажите, зачем чёрт украл месяц с неба и как ему это удалось сделать.
5. По ролям прочитайте сцену «Кузнец Вакула у Оксаны». Какую героиню «Сказки о мёртвой царевне и о семи богатырях» А. С. Пушкина напоминает Оксана в этой сцене?
6. Как герои относятся друг к другу? Свой ответ подтвердите примерами из текста.
7. Как вы считаете, любит ли кого-нибудь, кроме себя, Оксана? Какое условие она поставила Вакуле?
8. По ролям выразительно прочитайте, что происходило в доме у Солохи накануне Рождества. Какие эмоции вызывает у вас этот фрагмент текста?
9. Зачем Вакула пошёл к Пузатому Пацуку?

10. Близко к тексту перескажите сцену «Кузнец Вакула у Пузатого Пацюка».
11. Обоснуйте, почему чёрт так радуется, что кузнец готов отдать ему свою душу.
12. Найдите в тексте и прочитайте, как кузнецу удалось обхитрить чёрта.
13. Расскажите, какие приключения ожидали кузнеца в Петербурге.
14. Изменилось ли отношение Оксаны к Вакуле, когда она поняла, что потеряла его? Свой ответ аргументируйте текстом.
15. Перескажите, как заканчивается произведение. Ожидаемым ли для вас был такой финал? Обоснуйте свой ответ.

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЕ О ПОВЕСТИ

Прочитанное вами произведение Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» — **повесть**. Давайте выясним, что мы называем повестью.

Своей историей повесть восходит ещё к сказкам и притчам. Значение этого слова очень характерно и определённо. Так, часть слова «*по*» указывает на принадлежность к прошедшему времени, а «*весть*» означает сообщение, рассказ о чём-либо. То есть «*повесть*» — это весть о прошедшем, рассказ о том, что когда-то свершилось. Слово «*повесть*» также связано с глаголом «поведать», что уже указывает на её принадлежность к прозаическим произведениям. Характер развития действия в повести сложнее, чем в рассказе, но менее развёрнут, чем в романе. Повесть обычно посвящена нескольким эпизодам из жизни главного персонажа, в то время как рассказ — преимущественно одному.

Повесть — это среднее по объёму прозаическое художественное произведение, в котором раскрывается несколько эпизодов из жизни литературного героя на фоне изображения судеб других персонажей.

1. Объясните, что такое повесть.
2. Какие повести вы уже читали?
3. Докажите, что произведение Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» — повесть.

Читателю XXI столетия на заметку

Н. В. Гоголь, работая над литературными произведениями, не раз обращался за помощью к своей матери Марии Ивановне. Он писал ей: «Дорогая моя маменька! Вы имеете тонкий наблюдательный ум, вы знаете обычаи и нравы малороссиян наших, и поэтому, я знаю, вы не откажитесь сообщить мне их в нашей переписке. Это мне очень нужно. В следующем письме я ожидаю от вас описания полного наряда сельского дьячка, от верхнего платья до самых сапогов, с поименованием, как всё это называлось у самых закоренелых, самых древних, самых наименее переменившихся малороссиян, — равным образом названия платья, носимого нашими крестьянскими девками до последней ленты, также нынешними замужними и мужиками.

Ещё обстоятельное описание свадьбы, не упуская наималейших подробностей... Ещё несколько слов о колядках, о Иване Купале, о русалках...».

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЕ О ЮМОРЕ

Наверняка, когда вы читали повесть «Ночь перед Рождеством», отдельные эпизоды произведения вызывали у вас улыбку и смех. Именно смех, создаваемый словом, некоторые писатели, в том числе и Н. В. Гоголь, выбирают своим оружием в борьбе за судьбы мира и человечества. Но почему смех? — спросите вы. Потому что смех — это своеобразная форма протеста, он очищает от зла, уничтожает кривое зеркало и открывает истину.

Конечно же, смех бывает разным: добродушным и злым, жизнеутверждающим и мстительным и т.д.

Добродушный, жизнеутверждающий вид смешного называется юмором (в переводе с английского — настроение).

Юмор передаёт серьёзное отношение к какому-либо явлению с лёгкой усмешкой. По выражению известного английского писателя Уильяма Теккерея, юмор — это «соединение остроты с любовью». Таким образом, при помощи юмора высмеиваются несовершенство мира, человека, отдельных явлений жизни, но при этом сохраняется симпатия и сочувствие к предмету или явлению.

1. Объясните, что такое юмор.
2. Какие эпизоды из прочитанной повести Н. В. Гоголя вызвали у вас улыбку и смех? Перескажите их.
3. Как вы думаете, что высмеивает писатель, описывая, как голова, Чуб и дьякон оказались в мешках у Солохи?

Диалог искусств

Произведение Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством» нашло своё воплощение и в других видах искусства. На основе сюжета повести Н. В. Гоголя были созданы такие известные оперные произведения, как «Черевички» **П. И. Чайковского**, «Ночь перед Рождеством» **Н. А. Римского-Корсакова**, «Рождественская ночь» **Н. В. Лысенко**.

К гоголевскому тексту неоднократно обращался и кинематограф. Первая экранизация произведения состоялась ещё в 1913 году. Это был немой художественный фильм «Ночь перед Рождеством» режиссёра **Владислава Старевича**, который сумел сохранить атмосферу первоисточника. Но самой известной и удачной экранизацией гоголевской повести остаётся художественный фильм «Вечера на хуторе близ Диканьки», созданный режиссёром **Александром Рёв** в 1961 году.

Популярностью у юных и взрослых зрителей также пользуется и мультфильм «Ночь перед Рождеством», поставленный по повести Гоголя на музыку Н. А. Римского-Корсакова в 1951 году режиссёрами **Зинаидой и Валентиной Брумберг**.

У литературной карты мира

Город Нежин Черниговской области по праву можно назвать городом Н. В. Гоголя. Местные жители помнят и чтят великого писателя. Первый в мире памятник Гоголю появился именно в Нежине ещё в 1881 году. Существует легенда, что автор памятника — знаменитый скульптор **Пармён Забыла** — в складках плаща Гоголя «спрятал» и свой профиль, оставив автограф таким необычным образом.

Памятник
Н. В. Гоголю в Нежине

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ

1. Какие народные обычаи и забавы нашли своё отражение в произведении Н. В. Гоголя? Свой ответ подтвердите примерами из текста.
2. Расскажите, как в повести Н. В. Гоголя соотносится реальное и фантастическое.
3. Какие герои повести Н. В. Гоголя уже знакомы вам из народных сказок? Как вы думаете, с какой целью автор в своём произведении использует сказочных персонажей?
4. Объясните, как вы понимаете пословицу «*Что имеем — не храним, потерявши — плачем*». К кому из героев повести она относится?
5. Какие произведения других видов искусства, созданные по мотивам повести Н. В. Гоголя, вам известны? Сопоставьте их с прочитанным текстом.
6. Продолжите предложения: «*Повесть — это ...*»; «*Юмор — это ...*».
7. Какие фрагменты произведения вызывали у вас улыбку и смех? Расскажите о них.
8. Внимательно рассмотрите иллюстрации к произведению, помещённые в учебнике. Подберите цитаты из текста, которыми их можно было бы подписать.

**Чарльз
ДИККЕНС**
(1812–1870)

Милосердие, сострадание, щедрость, вот на что должен был я направить свою деятельность.

Чарльз Диккенс

ЗАЩИТНИК УНИЖЕННЫХ И ОСКОРБЛЁННЫХ

Путешествуя по миру литературы, мы попадаем в Англию. На юге страны близ города Портсмут **7 февраля 1812 года** родился Чарльз Диккенс — писатель, которого по праву называют защитником униженных и оскорблённых.

С детства он был наделён удивительной наблюдательностью и даром перевоплощения. Мальчик подмечал в людях их наиболее характерные черты и, как настоящий актёр, передавал манеру поведения, жесты, интонации. В семье часто устраивали домашние спектакли, непременным участником которых всегда был Чарльз. Но больше всего его интересовали книги: «Робинзон Крузо» Дефо, «Дон Кихот» Сервантеса, сборник арабских сказок «Тысяча и одна ночь». Маленький Диккенс часами пропадал в комнате, где находилась библиотека. Позже писатель напишет в одном из романов: «Из этой драгоценной для меня комнатки выходила славная рать, чтобы составить мне компанию...». Так поэтично он говорил о своих воображаемых друзьях — литературных героях, заполонивших его детскую фантазию.

Однако жизненные неурядицы слишком рано вырвали мальчика из волшебного мира театра и литературы.

Когда ему исполнилось десять лет, обедневшая семья Диккенсов переехала в Лондон. Отец не мог возратить одолженные деньги и попал в долговую тюрьму. На плечи маленького мечтателя и фантазёра свалились совсем не детские проблемы. Рассказывая об этих временах в биографии Диккенса, литературовед Нина Михальская отмечает: «В жизни каждого человека бывают периоды, когда его характер подвергается тяжёлым испытаниям. Иногда это случается в детстве. И тот, кто выдержит, смело идёт по жизни дальше, становясь сильнее, чем прежде». Самым тяжёлым испытанием для Чарльза стала работа на фабрике. В тёмном сыром помещении он был вынужден по 10–16 часов на день наклеивать этикетки на банки с ваксой. «Так началось моё рабство», — с болью вспоминал о своих детских страданиях писатель. Пережитое в те страшные годы никогда не покидало Диккенса. Неслучайно он написал *«Приключения Оливера Твиста»* — произведение об одиноком мальчике, которому, как и Чарльзу, судьба уготовила многочисленные жизненные испытания.

Но, несмотря на бедность, голод и непосильный труд, Диккенс сохранил веру в чудеса, желание дарить людям милосердие, сочувствие и щедрость. Яркое свидетельство тому — *«Рождественская песнь в прозе»*. Эта повесть призывает читателей задуматься, к чему приводят человека жадность, эгоизм и жестокость. Вместе с тем в произведении звучит гимн¹ истинным человеческим ценностям, о торжестве которых так мечтал Диккенс.

1. Какие черты характера Диккенса способствовали его становлению как писателя?
2. Материал для своих произведений английский писатель черпал из опыта, приобретённого, по его словам, «в годы обучения в Школе Жизни». Как вы понимаете такое высказывание?
3. Подготовьте рассказ о Чарльзе Диккенсе.

¹ Гимн — торжественная песня, восхваляющая и прославляющая кого-либо или что-либо.

Читателю XXI столетия на заметку

Англичане особенно любят рождественские праздники, в которых воплощена вся прелесть домашнего уюта. Вспомним английскую поговорку: «*My home is my castle*» («Мой дом — моя крепость»). Такое ощущение особенно сильно в ненастную зимнюю ночь, когда в крепости опущена решётка и поднят мост. С давних времён в праздничную ночь англичане собираются у камина. Их согревает не только открытый огонь, но и вера в рождественские чудеса. Свой дом по старинному обычаю они украшают веточками *остролиста* — вечнозелёного куста с колючими листиками и красными ягодами. Это растение стало в Англии символом Рождества. К празднику, как и во времена Диккенса, готовят фаршированного гуся и пудинг — английский десерт из яиц, сахара, молока и муки с добавлением фруктов и пряностей.

Рождество было самым любимым праздником Диккенса, с ним он связывал самые светлые чувства. В рождественские дни 1843 года писатель подарил своим соотечественникам литературное чудо — повесть с привидениями и духами, названную «Рождественской песней в прозе».

*По книге Леонида Гамбурга
«Гулливер, Алиса, Вики-Пух и все-все-все...»*

РОЖДЕСТВЕНСКАЯ ПЕСНЬ В ПРОЗЕ

Святочный рассказ с привидениями

(в сокращении)

Строфа первая

ТЕНЬ МАРЛИ

Начать с того, что Марли был мёртв. Сомневаться в этом не приходилось. Свидетельство о его погребении было подписано священником, причётником¹, хозяином похоронного бюро и старшим могильщиком. Оно было подписано Скруджем. А уже если Скрудж прикладывал к какому-либо документу руку, эта бумага имела на бирже вес.

Итак, старик Марли был мёртв, как гвоздь в притолоке [...].

Знал ли об этом Скрудж? Разумеется. Как могло быть иначе? Скрудж и Марли были компаньонами с незапамятных времён. Скрудж был единственным доверенным лицом Марли, его единственным уполномоченным во всех делах, его единственным душе-

¹ Причётник — церковнослужитель.

приказчиком, его единственным законным наследником, его единственным другом и единственным человеком, который проводил его на кладбище. И всё же Скрудж был не настолько подавлен этим печальным событием, чтобы его деловая хватка могла ему изменить, и день похорон своего друга он отметил заключением весьма выгодной сделки...

Скрудж не вымарал имени Марли на вывеске. Оно красовалось там, над дверью конторы, ещё годы спустя: СКРУДЖ и МАРЛИ. Фирма была хорошо известна под этим названием. И какой-нибудь новичок в делах, обращаясь к Скруджу, иногда называл его Скруджем, а иногда — Марли. Скрудж отзывался, как бы его ни окликнули. Ему было безразлично.

Ну и сквалыга¹ же он был, этот Скрудж! Вот уж кто умел выжимать соки, вытягивать жилы, вколачивать в гроб, загребать, захватывать, заграбастывать, вымогать... Умел, умел старый греховодник! Это был не человек, а камень. Да, он был холоден и твёрд, как камень, и ещё никому ни разу в жизни не удалось высечь из его каменного сердца хоть искру сострадания. Скрытный, замкнутый, одинокий — он прятался как устрица в свою раковину. Душевный холод заморозил изнутри старческие черты его лица, заострил крючковатый нос, сморщил кожу на щеках, сковал походку, заставил посинеть губы и покраснеть глаза, сделал ледяным его скрипучий голос. И даже его щетинистый подбородок, редкие волосы и брови, казалось, заиндевели от мороза. Он всюду вносил с собой эту леденящую атмосферу. Присутствие Скруджа замораживало его контору в летний зной, и он не позволял ей оттаять ни на полградуса даже на весёлых святках.

Жара или стужа на дворе — Скруджа это беспокоило мало. Никакое тепло не могло его обогреть, и никакой мороз его не пробирал. Самый яростный ветер не мог быть злее Скруджа, самая лютая метель не могла быть столь жестока, как он, самый проливной дождь не был так беспощаден. Непогода ничем не могла его пронять. Ливень, град, снег могли похвалиться только одним преимуществом перед Скруджем — они нередко сходили на землю в щедром изобилии, а Скруджу щедрость была неведома.

Никто никогда не останавливал его на улице радостным возгласом: «Милейший Скрудж! Как поживаете? Когда зайдёте меня проведать?» Ни один нищий не осмеливался протянуть к нему руку за подаянием, ни один ребёнок не решался спросить у него, который час, и ни разу в жизни ни единая душа не попросила его указать дорогу. Казалось, даже собаки, поводыри слепцов, понимали, что он за человек, и, завидев его, спешили утащить хозяина в первый попавшийся подъезд или в подворотню, а потом долго виляли

¹ *Сквалыга* — просторечное: скупой, жадный человек.

хвостом, как бы говоря: «Да по мне, человек без глаз, как ты, хозяин, куда лучше, чем сдурным глазом».

А вы думаете, это огорчало Скруджа? Да нисколько. Он совершал свой жизненный путь, сторонясь всех, и те, кто его хорошо знал, считали, что отпугивать малейшее проявление симпатии ему даже как-то сладко.

И вот однажды — и притом не когда-нибудь, а в самый солнечный, — старик Скрудж корпел у себя в конторе над счётными книгами. Была холодная, унылая погода, да к тому же ещё туман, и Скрудж слышал, как за окном прохожие сновали взад и вперёд, громко топя по тротуару, отдуваясь и колотя себя по бокам, чтобы согреться. Городские часы на колокольне только что пробили три, но становилось уже темно, да в тот день и сутра всё, и огоньки свечей, затеплившихся в окнах контор, ложились багровыми мазками на тёмную завесу тумана — такую плотную, что, казалось, её можно пощупать рукой. Туман заползал в каждую щель, просачивался в каждую замочную скважину, и даже в этом тесном дворе дома напротив, едва различимые за густой грязно-серой пеленой, были похожи на призраки. Глядя на клубы тумана, спускавшиеся всё ниже и ниже, скрывая от глаз все предметы, можно было подумать, что сама Природа открыла где-то по соседству пивоварню и варит себе пиво к празднику.

Скрудж держал дверь конторы приотворённой, дабы иметь возможность приглядывать за своим клерком, который в тёмной маленькой каморке, вернее сказать чуланчике, переписывал бумаги. Если у Скруджа в камине угля было маловато, то у клерка¹ и того меньше, — казалось, там тлеет один-единственный уголёк. Но клерк не мог подбросить угля, так как Скрудж держал ящик с углём у себя в комнате, и стоило клерку появиться там с каминным совком, как хозяин начинал выражать опасение, что придётся ему расстаться со своим помощником. Поэтому клерк обмотал шею потуже белым шерстяным шарфом и попытался обогреться у свечки, однако, не обладая особенно пылким воображением, и тут потерпел неудачу.

— С наступающим праздником, дядюшка! Желаю вам хорошенько пове-

Иллюстрация
Роберта Инглена
(80-ые годы XX ст.)

¹ Клерк — служащий учреждения, конторы.

селиться на святках! — раздался жизнерадостный возглас. Это был голос племянника Скруджа. Молодой человек столь стремительно ворвался в контору, что Скрудж не успел поднять голову от бумаг, как племянник уже стоял возле его стола.

— Вздор! — проворчал Скрудж. — Чепуха!

Племянник Скруджа так разогрелся, бодро шагая по морозцу, что казалось, от него пышет жаром, как от печки. Щёки у него рдели — прямо любо-дорого смотреть, глаза сверкали, а изо рта валил пар.

— Это святки — чепуха, дядюшка? — переспросил племянник. — Верно, я вас не понял!

— Слыхали! — сказал Скрудж. — Повеселиться на святках! А ты-то по какому праву хочешь веселиться? Какие у тебя основания для веселья? Или тебе кажется, что ты ещё недостаточно беден?

— В таком случае, — весело отозвался племянник, — по какому праву вы так мрачно настроены, дядюшка? Какие у вас основания быть угрюмым? Или вам кажется, что вы ещё недостаточно богаты?

На это Скрудж, не успев приготовить более вразумительного ответа, повторил своё «вздор» и присовокупил ещё «чепуха!».

— Не ворчите, дядюшка, — сказал племянник.

— А что мне прикажешь делать, — возразил Скрудж, — ежели я живу среди таких остолопов, как ты? Весёлые святки! Весёлые святки! Да провались ты со своими святками! Что такое святки для таких, как ты? Это значит, что пора платить по счетам, а денег хоть шаром покати. Пора подводить годовой баланс, а у тебя из месяца в месяц никаких прибылей, одни убытки, и хотя к твоему возрасту прибавилась единица, к капиталу не прибавилось ни единого пенни. Да будь моя воля, — негодующе продолжал Скрудж, — я бы такого олуха, который бегаёт и кричит: «Весёлые святки! Весёлые святки!» — сварил бы живьём вместе с начинкой для святочного пудинга, а в могилу ему вогнал кол из остролиста.

— Дядюшка! — взмолился племянник.

— Племянник! — отрезал дядюшка. — Справляй свои святки как знаешь, а мне предоставь справлять их по-своему.

— Справлять! — воскликнул племянник. — Так вы же их никак не справляете!

— Тогда не мешай мне о них забыть. Много проку тебе было от этих святков! Много проку тебе от них будет!

— Мало ли есть на свете хороших вещей, от которых мне не было проку, — отвечал племянник. — Вот хотя бы и рождественские праздники. Но всё равно, помимо благоговения, которое испытываешь перед этим священным словом, и благочестивых воспоминаний, которые неотделимы от него, я всегда ждал этих дней

как самых хороших в году. Это радостные дни — дни милосердия, доброты, всепрощения. Это единственные дни во всём календаре, когда люди, словно по молчаливому согласию, свободно раскрывают друг другу сердца и видят в своих ближних, — даже в неимущих и обездоленных, — таких же людей, как они сами, бредущих одной с ними дорогой к могиле, а не каких-то существ иной породы, которым подобает идти другим путём. А посему, дядюшка, хотя это верно, что на святках у меня ещё ни разу не прибавилось ни одной монетки в кармане, я верю, что рождество приносит мне добро и будет приносить добро, и да здравствует рождество!

Клерк в своём закутке невольно захлопал в ладоши, но тут же, осознав всё неприличие такого поведения, бросился мешать кочергой угли и погасил последнюю худосочную искру...

— Эй, вы! — сказал Скрудж. — Ещё один звук, и вы отпразднуете ваши святки где-нибудь в другом месте. А вы, сэр, — обратился он к племяннику, — вы, я вижу, краснобай. Удивляюсь, почему вы не в парламенте.

— Будет вам гневаться, дядюшка! Наведайтесь к нам завтра и отобедайте у нас.

Скрудж отвечал, что скорее он наведается к... Да, так и сказал, без всякого стеснения, и в заключение добавил ещё несколько крепких словечек.

— Да почему же? — вскричал племянник. — Почему?

— А почему ты женился? — спросил Скрудж.

— Влюбился, вот почему.

— Влюбился! — проворчал Скрудж таким тоном, словно услышал ещё одну отчаянную нелепость вроде «весёлых святок». — Ну, честь имею!

— Но послушайте, дядюшка, вы же и раньше не жаловали меня своими посещениями, зачем же теперь сваливать всё на мою женитьбу?

— Честь имею! — повторил Скрудж.

— Да я же ничего у вас не прошу, мне ничего от вас не надобно. Почему нам не быть друзьями?

— Честь имею! — сказал Скрудж.

— Очень жаль, что вы так непреклонны. Я ведь никогда не ссорился с вами, и никак не пойму, за что вы на меня сердитесь. И всё-таки я сделал эту попытку к сближению ради праздника. Ну что ж, я своему праздничному настроению не изменю. Итак, желаю вам весёлого рождества, дядюшка.

— Честь имею! — сказал Скрудж.

— И счастливого Нового года!

— Честь имею! — повторил Скрудж. И всё же племянник, покидая контору, ничем не выразил своей досады. В дверях он задержался, чтобы принести свои поздравления клерку, который хотя и окоченел от холода, тем не менее оказался теплее Скруджа и сердечно отвечал на приветствие.

— Вот ещё один умалишённый! — пробормотал Скрудж, подслушавший ответ клерка. — Какой-то жалкий писец, с жалованием в пятнадцать шиллингов, обременённый женой и детьми, а туда же — толкует о весёлых святках! От таких впору хоть в Бедлам сбежать!

А бедный умалишённый тем временем, выпустив племянника Скруджа, впустил новых посетителей. Это были два дородных джентльмена приятной наружности, в руках они держали какие-то папки и бумаги. Сняв шляпы, они вступили в контору и поклонились Скруджу.

— Скрудж и Марли, если не ошибаюсь? — спросил один из них, сверившись с каким-то списком. — Имею я удовольствие разговаривать с мистером Скруджем или мистером Марли?

— Мистер Марли уже семь лет как покоится на кладбище, — отвечал Скрудж. — Он умер в сочельник, ровно семь лет назад.

— В таком случае, мы не сомневаемся, что щедрость и широта натуры покойного в равной мере свойственна и пережившему его компаньону, — произнёс один из джентльменов, предъявляя свои документы.

И он не ошибся, ибо они стоили друг друга, эти достойные компаньоны, эти родственные души. Услыхав злое слово «щедрость», Скрудж нахмурился, покачал головой и возвратил посетителю его бумаги.

— В эти праздничные дни, мистер Скрудж, — продолжал посетитель, беря с конторки перо, — более чем когда-либо подобает нам по мере сил проявлять заботу о сырых и обездоленных, кои особенно страдают в такую суровую пору года. Тысячи бедняков терпят нужду в самом необходимом. Сотни тысяч не имеют крыши над головой.

— Разве у нас нет острогов¹? — спросил Скрудж.

— Острогов? Сколько угодно, — отвечал посетитель, кладя обратно перо.

— А работные дома? — продолжал Скрудж. — Они действуют по-прежнему?

— К сожалению, по-прежнему. Хотя, — заметил посетитель, — я был бы рад сообщить, что их прикрыли.

— Значит, и принудительные работы существуют и закон о бедных остаётся в силе?

¹ *Острóг* — тюрьма.

— Ни то, ни другое не отменено.

— А вы было напугали меня, господа. Из ваших слов я готов был заключить, что вся эта благая деятельность по каким-то причинам свелась на нет. Рад слышать, что я ошибся.

— Будучи убеждён в том, что все эти законы и учреждения ничего не дают ни душе, ни телу, — возразил посетитель, — мы решили провести сбор пожертвований в пользу бедняков, чтобы купить им некую толику еды, питья и тёплой одежды. Мы избрали для этой цели сочельник именно потому, что в эти дни нужда ощущается особенно остро, а изобилие даёт особенно много радости. Какую сумму позволите записать от вашего имени?

— Никакой.

— Вы хотите жертвовать, не открывая своего имени?

— Я хочу, чтобы меня оставили в покое, — отрезал Скрудж. — Поскольку вы, джентльмены, пожелали узнать, чего я хочу, — вот вам мой ответ. Я не балую себя на праздниках и не имею средств баловать бездельников. Я поддерживаю упомянутые учреждения, и это обходится мне недёшево. Нуждающиеся могут обращаться туда.

— Не все это могут, а иные и не хотят — скорее умрут.

— Если они предпочитают умирать, тем лучше, — сказал Скрудж. — Это сократит излишек населения. А кроме того, извините, меня это не интересует.

— Это должно бы вас интересовать.

— Меня всё это совершенно не касается, — сказал Скрудж. — Пусть каждый занимается своим делом. У меня, во всяком случае, своих дел по горло. До свидания, джентльмены!

Видя, что настаивать бесполезно, джентльмены удалились, а Скрудж, очень довольный собой, вернулся к своим прерванным занятиям в необычно весёлом для него настроении.

[...]

Наконец пришло время закрывать контору. Скрудж с неохотой слез со своего высокого табурета, подавая этим безмолвный знак изнывавшему в чулане клерку, и тот мгновенно задул свечу и надел шляпу.

— Вы небось завтра вовсе не намерены являться на работу? — спросил Скрудж.

— Если только это вполне удобно, сэръ.

— Это совсем неудобно, — сказал Скрудж, — и недобросовестно. Но если я удержу с вас за это полкроны, вы ведь будете считать себя обиженным, не так ли?

Клерк выдавил некоторое подобие улыбки.

— Однако, — продолжал Скрудж, — вам не приходит в голову, что я могу считать себя обиженным, когда плачу вам жалование даром.

Клерк заметил, что это бывает один раз в году.

— Довольно слабое оправдание для того, чтобы каждый год, двадцать пятого декабря, запускать руку в мой карман, — произнёс Скрудж, застёгивая пальто на все пуговицы. — Но, как видно, вы во что бы то ни стало хотите прогулять завтра целый день. Так извольте послезавтра явиться как можно раньше.

Клерк пообещал явиться как можно раньше, и Скрудж, продолжая ворчать, шагнул за порог. Во мгновение ока контора была заперта. [...]

Скрудж съел свой унылый обед в унылом трактире, где он имел обыкновение обедать, просмотрел все имевшиеся там газеты и, скоротав остаток вечера над приходно-расходной книгой, отправился домой спать. Он проживал в квартире, принадлежавшей когда-то его покойному компаньону. Это была мрачная анфилада комнат, занимавшая часть невысокого угрюмого здания в глубине двора. Дом этот был построен явно не на месте, и невольно приходило на ум, что когда-то на заре своей юности он случайно забежал сюда, играя с другими домами в прятки, да так и застрял, не найдя пути обратно. Теперь уж это был весьма старый дом и весьма мрачный, и, кроме Скруджа, в нём никто не жил, а все остальные помещения сдавались внаём под конторы. Во дворе была такая темень, что даже Скрудж, знавший там каждый булыжник, принуждён был пробираться ощупью, а в чёрной подворотне дома клубился такой густой туман и лежал такой толстый слой инея, словно сам злой дух непогоды сидел там, погружённый в тяжёлое раздумье.

И вот. Достоверно известно, что в дверном молотке, висевшем у входных дверей, не было ничего примечательного, если не считать его непомерно больших размеров. Неоспоримым остаётся и тот факт, что Скрудж видел этот молоток ежеутренне и ежевечерне с того самого дня, как поселился в этом доме. Не подлежит сомнению и то, что Скрудж отнюдь не мог похвалиться особенно живой фантазией. Необходимо заметить ещё, что Скрудж, упомянув днём о своём компаньоне, скончавшемся семь лет назад, больше ни разу не вспомнил о покойном. А теперь пусть мне кто-нибудь объяснит, как могло случиться, что Скрудж, вставив ключ в замочную скважину, внезапно увидел перед собой не колотушку, которая, кстати сказать, не подверглась за это время решительно никаким изменениям, а лицо Марли.

Лицо Марли, оно не утопало в непроницаемом мраке, как все остальные предметы во дворе, а напротив того — излучало призрачный свет, совсем как гнилой омар в тёмном погребе. Оно не выражало ни ярости, ни гнева, а взирало на Скруджа совершенно так же, как смотрел на него покойный Марли при жизни, сдвинув свои бесцветные очки на бледный, как у мертвеца, лоб. Только волосы

как-то странно шевелились, словно на них веяло жаром из горячей печи, а широко раскрытые глаза смотрели совершенно неподвижно, и это в сочетании с трупным цветом лица внушало ужас. И всё же не столько самый вид или выражение этого лица было ужасно, сколько что-то другое, что было как бы вне его.

Скрудж во все глаза уставился на это диво, и лицо Марли тут же превратилось в дверной молоток.

Мы бы покривили душой, сказав, что Скрудж не был поражён и по жилам у него не пробежал тот холодок, которого он не ощущал с малолетства. Но после минутного колебания он снова решительно взялся за ключ, повернул его в замке, вошёл в дом и зажёл свечу.

[...]

Скрудж прошёлся по комнатам, чтобы удостовериться, что всё в порядке. И не удивительно — лицо покойного Марли всё ещё стояло у него перед глазами...

И тотчас откуда-то снизу донеслось бряцание железа — словно в погребе кто-то волочил по бочкам тяжёлую цепь. Невольно Скруджу припомнились рассказы о том, что, когда в домах появляются привидения, они обычно влачат за собой цепи.

Тут дверь погреба распахнулась с таким грохотом, словно выстрелили из пушки, и звон цепей стал доноситься ещё явственнее. Вот он послышался уже на лестнице и начал приближаться к квартире Скруджа.

— Всё равно вздор! — молвил Скрудж. — Не верю я в привидения.

Однако он изменился в лице, когда увидел одно из них прямо перед собой. Без малейшей задержки привидение проникло в комнату через запёртую дверь и остановилось перед Скруджем. И в ту же секунду пламя, совсем было угасшее в очаге, вдруг ярко вспыхнуло, словно хотело воскликнуть: «Я узнаю его! Это — Дух Марли!» — и снова померкло.

Да, это было его лицо. Лицо Марли. Да, это был Марли, со своей косицей, в своей неизменной жилетке, панталонах в обтяжку и сапогах. Кисточки на сапогах торчали, волосы на голове торчали, косица торчала, полы сюртука оттопыривались. Длинная цепь опоясывала его и волочилась за ним по полу на манер хвоста. Она была составлена (Скрудж отлично её рассмотрел) из ключей, висячих замков, копилков, документов, гроссбухов и тяжёлых кошельков с железными застёжками. Тело призрака было совершенно прозрачно, и Скрудж, разглядывая его спереди, отчётливо видел сквозь жилетку две пуговицы сзади на сюртуке.

Скруджу не раз приходилось слышать, что у Марли нет сердца, но до той минуты он никогда этому не верил.

Да он и теперь не мог этому поверить, хотя снова и снова сверлил глазами призрак и ясно видел, что он стоит перед ним, и отчётливо ощущал на себе его мертвящий взгляд. Он разглядел даже, из какой ткани шит платок, которым была окутана голова и шея призрака, и подумал, что такого платка он никогда не видал у покойного Марли. И всё же он не хотел верить своим глазам.

— Что это значит? — произнёс Скрудж язвительно и холодно, как всегда. — Что вам от меня надобно?

— Очень многое. — Не могло быть ни малейшего сомнения в том, что это голос Марли.

— Кто вы такой?

— Спроси лучше, кем я был?

— Кем же вы были в таком случае? — спросил Скрудж, повисив голос. — Для привидения вы слишком приве... разборчивы. — Он хотел сказать привередливы, но побоялся, что это будет смахивать на каламбур.

— При жизни я был твоим компаньоном, Джейкобом Марли.

— Не хотите ли вы... Не можете ли вы присесть? — спросил Скрудж, с сомнением вглядываясь в духа.

— Могу.

— Так сядьте.

Задавая свой вопрос, Скрудж не был уверен в том, что такое бес-телесное существо в состоянии занимать кресло, и опасался, как бы не возникла необходимость в довольно щекотливых разъяснениях. Но призрак как ни в чём не бывало уселся в кресло по другую сторону камина. Казалось, это было самое привычное для него дело.

— Ты не веришь в меня, — заметил призрак.

— Нет, не верю, — сказал Скрудж.

— Что же, помимо свидетельства твоих собственных чувств, могло бы убедить тебя в том, что я существую?

— Не знаю.

— Почему же ты не хочешь верить своим глазам и ушам?

— Потому что любой пустяк воздействует на них, — сказал Скрудж. — Чуть что неладно с пищеварением, и им уже нельзя доверять. Может быть, вы вовсе не вы, а непереваренный кусок говядины, или лишняя капля горчицы, или ломтик сыра, или непрожаренная картофелина. Может быть, вы явились не из царства духов, а из духовки, почём я знаю!

[...]

При этих словах призрак испустил вдруг такой страшный вопль и принялся так неистово и жутко греметь цепями, что Скрудж вцепился в стул, боясь свалиться без чувств. Но и это было ещё ничто по сравнению с тем ужасом, который объял его, когда призрак вдруг

размотал свой головной платок (можно было подумать, что ему стало жарко!) и у него отвалилась челюсть.

Заломив руки, Скрудж упал на колени.

— Пощади! — взмолился он. — Ужасное видение, зачем ты мучаешь меня!

— Суетный ум! — отвечал призрак. — Веришь ты теперь в меня или нет?

— Верю, — воскликнул Скрудж. — Как уж тут не верить! Но зачем вы, духи, блуждаете по земле, и зачем ты явился мне?

— Душа, заключённая в каждом человеке, — возразил призрак, — должна общаться с людьми и, повсюду следуя за ними, соучаствовать в их судьбе. А тот, кто не исполнил этого при жизни, обречён мыкаться после смерти. Он осуждён колесить по свету и — о, горе мне! — взирать на радости и горести людские, разделить которые он уже не властен, а когда-то мог бы — себе и другим на радость.

И тут из груди призрака снова исторгся вопль, и он опять загремел цепями и стал ломать свои бестелесные руки.

— Ты в цепях? — пролепетал Скрудж, дрожа. — Скажи мне — почему?

— Я ношу цепь, которую сам сковал себе при жизни, — отвечал призрак. — Я ковал её звено за звеном и ярд за ярдом. Я опоясался ею по доброй воле и по доброй воле её ношу. Разве вид этой цепи не знаком тебе?

Скруджа всё сильнее пробирала дрожь.

— Быть может, — продолжал призрак, — тебе хочется узнать вес и длину цепи, которую таскаешь ты сам? В некий сочельник семь лет назад она была ничуть не короче этой и весила не меньше. А ты ведь немало потрудился над нею с той поры. Теперь это надёжная, увесистая цепь!

Скрудж глянул себе под ноги, ожидая увидеть обвивавшую их железную цепь ярдов сто длиной, но ничего не увидел.

— Джейкоб! — взмолился он. — Джейкоб Марли, старина! Поговорим о чём-нибудь другом! Утешь, успокой меня, Джейкоб!

— Я не приношу утешения, Эбинизер Скрудж! — отвечал призрак. — Оно исходит из иных сфер. Другие вестники приносят его и людям другого сорта. И открыть тебе всё то, что мне бы хотелось, я тоже не могу. Очень немногое дозволено мне. Я не смею отдыхать, не смею медлить, не смею

Иллюстрация
Патрика Джеймса Линча
(на чело XXI ст.)

останавливаться нигде. При жизни мой дух никогда не улетал за тесные пределы нашей конторы — слышишь ли ты меня! — никогда не блуждал за стенами этой норы — нашей меняльной лавки, — и годы долгих, изнурительных странствий ждут меня теперь.

Скрудж, когда на него нападало раздумье, имел привычку засовывать руки в карманы панталон. Размышляя над словами призрака, он и сейчас машинально сунул руки в карманы, не вставая с колен и не подымая глаз.

— Ты, должно быть, странствуешь не спеша, Джейкоб, — почтительно и смиренно, хотя и деловито заметил Скрудж.

— Не спеша! — фыркнул призрак.

— Семь лет как ты мертвец, — размышлял Скрудж. — И всё время в пути!

— Всё время, — повторил призрак. — И ни минуты отдыха, ни минуты покоя. Непрестанные угрызения совести.

— И быстро ты передвигаешься? — поинтересовался Скрудж.

— На крыльях ветра, — отвечал призрак.

— За семь лет ты должен был покрыть порядочное расстояние, — сказал Скрудж.

Услышав эти слова, призрак снова испустил ужасающий вопль и так неистово загремел цепями, тревожа мёртвое безмолвие ночи, что постовой полисмен имел бы полное основание привлечь его к ответственности за нарушение общественной тишины и порядка.

— О, раб своих пороков и страстей! — вскричало привидение. — Не знать того, что столетия неустанного труда душ бессмертных должны кануть в вечность, прежде чем осуществится всё добро, которому надлежит восторжествовать на земле! Не знать того, что каждая христианская душа, творя добро, пусть на самом скромном поприще, найдёт свою земную жизнь слишком быстротечной для безграничных возможностей добра! Не знать того, что даже веками раскаяния нельзя возместить упущенную на земле возможность сотворить доброе дело. А я не знал! Не знал!

— Но ты же всегда хорошо вёл свои дела, Джейкоб, — пробормотал Скрудж, который уже начал применять его слова к себе.

— Дела! — вскричал призрак, снова заламывая руки. — Забота о ближнем — вот что должно было стать моим делом. Общественное благо — вот к чему я должен был стремиться. Милосердие, сострадание, щедрость, вот на что должен был я направить свою деятельность. А занятия коммерцией — это лишь капля воды в безбрежном океане предначертанных нам дел.

И призрак потряс цепью, словно в ней-то и крылась причина всех его бесплодных сожалений, а затем грохнул ею об пол.

— В эти дни, когда год уже на исходе, я страдаю особенно сильно, — промолвило привидение. — О, почему, проходя в толпе ближних своих, я опускал глаза долу и ни разу не поднял их к той благословенной звезде, которая направила стопы волхвов к убогому крову. Ведь сияние её могло бы указать и мне путь к хижине бедняка.

У Скруджа уже зуб на зуб не попадал — он был чрезвычайно напуган тем, что призрак всё больше и больше приходит в волнение.

— Внемли мне! — вскричал призрак. — Моё время истекает.

— Я внемлю, — сказал Скрудж, — но пожалей меня. Джейкоб, не изъясняйся так возвышенно. Прошу тебя, говори попроще!

— Как случилось, что я предстал пред тобой в облике, доступном твоему зрению, — я тебе не открою. Незримый, я сидел возле тебя день за днём.

Открытие было не из приятных. Скруджа опять затрясло как в лихорадке, и он отёр выступавший на лбу холодный пот.

— И, поверь мне, это была не лёгкая часть моего искусства, — продолжал призрак. — И я прибыл сюда этой ночью, дабы возвестить тебе, что для тебя ещё не всё потеряно. Ты ещё можешь избежать моей участи, Эбинизер, ибо я похлопотал за тебя.

— Ты всегда был мне другом, — сказал Скрудж. — Благодарю тебя.

— Тебя посетят, — продолжал призрак, — ещё три Духа.

Теперь и у Скруджа отвисла челюсть.

— Уж не об этом ли ты похлопотал, Джейкоб, не в этом ли моя надежда? — спросил он упавшим голосом.

— В этом.

— Тогда... тогда, может, лучше не надо, — сказал Скрудж.

— Если эти Духи не явятся тебе, ты пойдёшь по моим стопам, — сказал призрак. — Итак, ожидай первого Духа завтра, как только пробьёт Час Пополуночи.

— А не могут ли они прийти всё сразу, Джейкоб? — робко спросил Скрудж. — Чтобы уж поскорее с этим покончить?

— Ожидай второго на следующую ночь в тот же час. Ожидай третьего — на третьи сутки в полночь, с последним ударом часов. А со мной тебе уже не суждено больше встретиться. Но смотри, для своего же блага запомни твёрдо всё, что произошло с тобой сегодня.

Промолвив это, дух Марли взял со стола свой платок и снова обмотал им голову. Скрудж догадался об этом, услышав, как лягнули зубы призрака, когда подтянутая платком челюсть стала на место. Тут он осмелился поднять глаза и увидел, что его потусторонний пришелец стоит перед ним, вытянувшись во весь рост и перекинув цепь через руку на манер шлейфа. Призрак начал пятиться к окну,

и одновременно с этим рама окна стала потихоньку подыматься. С каждым его шагом она подымалась всё выше и выше, и когда он достиг окна, оно уже было открыто [...].

Скрудж затворил окно и обследовал дверь, через которую проник к нему призрак Марли. Она была по-прежнему заперта на два оборота ключа, — ведь он сам её запер, — и все засовы были в порядке. Скрудж хотел было сказать «чепуха!», но осёкся на первом же слогe. И то ли от усталости и пережитых волнений, то ли от разговора с призраком, который навеял на него тоску, а быть может и от соприкосновения с Потусторонним Миром или, наконец, просто от того, что час был поздний, но только Скрудж вдруг почувствовал, что его нестерпимо клонит ко сну. Не раздеваясь, он повалился на постель и тотчас заснул как убитый.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Выразительно прочитайте отрывок текста от слов: «Ну и сквалыга же он был, этот Скрудж!» до слов: «... ему даже как-то сладко». Какое впечатление произвёл на вас Скрудж? Как характер этого персонажа отразился на его внешности?
2. С помощью каких художественных средств создан портрет Скруджа?
3. Прочитайте в лицах диалог Скруджа и его племянника (от слов: «С наступающим праздником, дядюшка!» до слов: «... и да здравствует Рождество!»). Как в этом эпизоде раскрываются характеры обоих персонажей? Чья точка зрения вам ближе?
4. Вспомните, когда и кому Скрудж говорит такие слова: «Пусть каждый занимается своим делом». Согласны ли вы с такой позицией? Обоснуйте ответ.
5. Объясните значение слова *сквалыга*. Какие факты подтверждают авторский возглас: «Ну и сквалыга же он был, этот Скрудж!»?
6. Какие краски вы бы выбрали, чтобы нарисовать жилище Скруджа? Почему?
7. Кому принадлежат такие слова: «Я ношу цепь, которую сам сковал себе при жизни»? О какой цепи идёт речь?
8. Подготовьте краткий пересказ отрывка «Удивительное приключение со Скруджем».

Строфа вторая ПЕРВЫЙ ИЗ ТРЁХ ДУХОВ

Когда Скрудж проснулся, было так темно, что, выглянув из-за полога, он едва мог отличить прозрачное стекло окна от непроницаемо чёрных стен комнаты [...].

— Динь-дон!

— Четверть первого, — принялся отсчитывать Скрудж.

— Динь-дон!

— Половина первого! — сказал Скрудж.

— Динь-дон!

— Без четверти час, — сказал Скрудж.

— Динь-дон!

— Час ночи! — воскликнул Скрудж, торжествуя. — И всё! И никого нет!

Он произнёс это прежде, чем услышал удар колокола. И тут же он прозвучал: густой, гулкий, заунывный звон — ЧАС. В то же мгновение вспышка света озарила комнату, и чья-то невидимая рука откинула полог кровати.

[...]

Скрудж увидел перед собой очень странное существо, похожее на ребёнка, но ещё более на старичка, видимого словно в какую-то сверхъестественную подзорную трубу, которая отдаляла его на такое расстояние, что он уменьшился до размеров ребёнка. Его длинные рассыпавшиеся по плечам волосы были белы, как волосы старца, однако на лице не видно было ни морщинки и на щеках играл нежный румянец. Руки у него были очень длинные и мускулистые, а кисти рук производили впечатление недюжинной силы. Ноги — обнажённые так же, как и руки, — поражали изяществом формы. Облачено это существо было в белоснежную тунику, подпоясанную дивно сверкающим кушаком, и держало в руке зелёную ветку остролиста, а подол его одеяния, в странном несоответствии с этой святочной эмблемой зимы, был украшен живыми цветами. Но что было удивительнее всего, так это яркая струя света, которая била у него из макушки вверх и освещала всю его фигуру. Это, должно быть, и являлось причиной того, что под мышкой Призрак держал гасилку в виде колпака, служившую ему, по-видимому, головным убором в тех случаях, когда он не был расположен самоосвещаться.

Впрочем, как заметил Скрудж, ещё пристальней взглядевшись в своего гостя, не это было наиболее удивительной его особенностью. Ибо, подобно тому как пояс его сверкал и переливался огоньками, которые вспыхивали и потухали то в одном месте, то в другом, так и вся его фигура как бы переливалась, теряя то тут, то там отчёт-

ливість очертаний, и Призрак становился то одноруким, то одноногим, то вдруг обрастал двадцатью ногами зараз, но лишался головы, то приобретал нормальную пару ног, но терял все конечности вместе с туловищем и оставалась одна голова. При этом, как только какая-нибудь часть его тела растворялась в непроницаемом мраке, казалось, что она пропадала совершенно бесследно. И не чудо ли, что в следующую секунду недостающая часть тела была на месте, и Привидение как ни в чем не бывало приобретало свой прежний вид.

— Кто вы, сэр? — спросил Скрудж. — Не тот ли вы Дух, появление которого было мне предсказано?

— Да, это я.

Голос Духа звучал мягко, даже нежно, и так тихо, словно долетал откуда-то издалека, хотя Дух стоял рядом.

— Кто вы или что вы такое? — спросил Скрудж.

— Я — Святочный Дух Прошлых Лет.

— Каких прошлых? Очень давних? — осведомился Скрудж, приглядываясь к этому карлику.

— Нет, на твоей памяти.

Скруджу вдруг нестерпимо захотелось, чтобы Дух надел свой головной убор. Почему возникло у него такое желание, Скрудж, вероятно, и сам не смог бы объяснить, если бы это потребовалось, но так или иначе он попросил Привидение надеть колпак.

— Как! — вскричал Дух. — Ты хочешь своими нечистыми руками погасить благой свет, который я излучаю? Тебе мало того, что ты — один из тех, чьи пагубные страсти создали эту гасилку и вынудили меня год за годом носить её, надвинув на самые глаза!

Скрудж как можно почтительнее заверил Духа, что он не имел ни малейшего намерения его обидеть и, насколько ему известно, никогда и ни при каких обстоятельствах не мог принуждать его к ношению колпака. Затем он позволил себе осведомиться, что привело Духа к нему.

— Забота о твоём благе, — отвечивал Дух.

Скрудж сказал, что очень ему обязан, а сам подумал, что не мешали бы ему лучше спать по ночам, — вот это было бы благо. Как видно, Дух услышал его мысли, так как тотчас сказал:

— О твоём спасении, в таком случае. Берегись! С этими словами он протянул к Скруджу свою сильную руку и легко взял его за локоть.

— Встань! И следуй за мной!

Скрудж хотел было сказать, что час поздний и погода не располагает к прогулкам, что в постели тепло, а на дворе холодище — много ниже нуля, что он одет очень легко — халат, колпак и ночные туфли, — а у него и без того уже насморк... но руке, которая так нежно, почти как женская, сжимала его локоть, нельзя было противиться.

Скрудж встал с постели. Однако заметив, что Дух направляется к окну, он в испуге уцепился за его одеяние.

— Я простой смертный, — взмолился Скрудж, — я могу упасть.

— Дай мне коснуться твоей груди, — сказал Дух, кладя руку ему на сердце. — Это поддержит тебя, и ты преодолеешь и не такие препятствия.

С этими словами он прошёл сквозь стену, увлекая за собой Скруджа, и они очутились на пустынной просёлочной дороге, по обеим сторонам которой расстилались поля. Город скрылся из глаз. Он исчез бесследно, а вместе с ним рассеялись и мрак и туман. — Был холодный, ясный, зимний день, и снег устилал землю.

— Боже милостивый! — воскликнул Скрудж, всплеснув руками и озираясь по сторонам. — Я здесь рос! Я бегал здесь мальчишкой!

Дух обратил к Скруджу кроткий взгляд. Его лёгкое прикосновение, сколь ни было оно мимолётно и невесомо, разбудило какие-то чувства в груди старого Скруджа. Ему чудилось, что на него повеяло тысячью запахов, и каждый запах будил тысячи воспоминаний о давным-давно забытых думах, стремлениях, радостях, надеждах.

— Твои губы дрожат, — сказал Дух. — А что это катится у тебя по щеке?

Скрудж срывающимся голосом, — вещь для него совсем необычная, — пробормотал, что это так, пустяки, и попросил Духа вести его дальше.

— Узнаешь ли ты эту дорогу? — спросил Дух.

— Узнаю ли я? — с жаром воскликнул Скрудж. — Да я бы прошёл по ней с закрытыми глазами.

— Не странно ли, что столько лет ты не вспоминал о ней! — заметил Дух. — Идём дальше.

Они пошли по дороге, где Скруджу был знаком каждый придорожный столб, каждое дерево. Наконец вдали показался небольшой городок с церковью, рыночной площадью и мостом над прихотливо извивающейся речкой. Навстречу стали попадаться мальчишки верхом на трусивших рысцой косматых лошадёнках или в тележках и двуколках, которыми правили фермеры. Все ребяташки задорно перекликались друг с другом, и над простором полей стоял такой весёлый гомон, что морозный воздух, казалось, дрожал от смеха, радуясь их веселью.

— Всё это лишь тени тех, кто жил когда-то, — сказал Дух. — И они не подозревают о нашем присутствии.

Весёлые путники были уже совсем близко, и по мере того как они приближались, Скрудж узнавал их всех, одного за другим, и называл по именам. Почему он был так безмерно счастлив при виде их? Что блеснуло в его холодных глазах и почему сердце так запрыгало

у него в груди, когда ребяташки поравнялись с ним? Почему душа его исполнилась умиления, когда он услышал, как, расставаясь на перекрёстках и разъезжаясь по домам, они желают друг другу весёлых святок? Что Скруджу до весёлых святок? Да пропади они пропадом! Был ли ему от них какой-нибудь прок?

— А школа ещё не совсем опустела, — сказал Дух. — Какой-то бедный мальчик, позабытый всеми, остался там один-одинёшенек.

Скрудж отвечал, что он это знает, и всхлипнул.

Они свернули с проезжей дороги на памятную Скруджу тропинку и вскоре подошли к красному кирпичному зданию, с увенчанной флюгером небольшой круглой башенкой, внутри которой висел колокол. Здание было довольно большое, но находилось в состоянии полного упадка.

Скрудж и его спутник вступили в мрачную прихожую; и, заглядывая то в одну, то в другую растворённую дверь, они увидели огромные холодные и почти пустые комнаты.

В доме было сыро, как в склепе, и пахло землёй, и что-то говорило вам, что здесь очень часто встают при свечах и очень редко едят досьята.

Они направились к двери в глубине прихожей. Дух впереди, Скрудж — за ним. Она распахнулась, как только они приблизились к ней, и их глазам предстала длинная комната с уныло голыми стенами, казавшаяся ещё более унылой оттого, что в ней рядами стояли простые некрашенные парты. За одной из этих парт они увидели одинокую фигурку мальчика, читавшего книгу при скудном огоньке камина, и Скрудж тоже присел за парту и заплакал, узнав в этом бедном, всеми забытом ребёнке самого себя, каким он был когда-то. Всё здесь: писк и возня мышей за деревянными панелями, и доносившееся откуда-то из недр дома эхо и звук капли из оттаявшего жёлоба на сумрачном дворе, и вздохи ветра в безлистных сучьях одинокого тополя, и скрип двери пустого амбара, раскачивающейся на ржавых петлях, и потрескивание дров в камине — всё находило отклик в смягчившемся сердце Скруджа и давало выход слезам.

Дух тронул его за плечо и указал на его двойника — погружённого в чтение ребёнка. Внезапно за окном появился человек в чужеземном одеянии, с топором, заткнутым за пояс. Он стоял перед ними как живой, держа на поводу осла, навьюченного дровами.

— Да это же Али Баба! — не помня себя от восторга, вскричал Скрудж. — Это мой дорогой, старый, честный Али Баба! Да, да, я знаю! Как-то раз на святках, когда этот заброшенный ребёнок остался здесь один, позабытый всеми, Али Баба явился ему. Да, да, взаправду явился, вот как сейчас! Ах, бедный мальчик! А вот и

Валентин и его лесной брат Орсон¹ — вот они, вот! А этот, как его, ну тот, кого положили, пока он спал, в исподнем у ворот Дамаска, — разве вы не видите его? А вон конюх султана, которого джины перевернули вверх ногами! Вон он — стоит на голове! Поделом ему! Я очень рад. Как посмел он жениться на принцессе!

То-то были бы поражены все коммерсанты Лондонского Сити, с которыми Скрудж вёл дела, если бы они могли видеть его счастливое, восторженное лицо и слышать, как он со всей присущей ему серьёзностью несёт такой вздор да ещё не то плачет, не то смеётся самым диковинным образом!

— А вот и попугай! — восклицал Скрудж. — Сам зелёный, хвостик жёлтый, и на макушке хохолок, похожий на пучок салата! Вот он! «Бедный Робин Крузо, — сказал он своему хозяину, когда тот возвратился домой, проплыв вокруг острова. — Бедный Робин Крузо! Где ты был, Робин Крузо?» Робинзон думал, что это ему пригрезилось, только ничуть не бывало — это говорил попугай, вы же знаете. А вон и Пятница — мчится со всех ног к бухте! Ну же! ну! Скорей! — И тут же, с внезапностью, столь несвойственной его характеру, Скрудж, глядя на самого себя в ребячьем возрасте, вдруг преисполнился жалости и, повторяя: — Бедный, бедный мальчуган! — снова заплакал. — Как бы я хотел... — пробормотал он затем, утирая глаза рукавом, и сунул руку в карман. Потом, оглядевшись по сторонам, добавил: — Нет, теперь уж поздно.

— А чего бы ты хотел? — спросил его Дух.

— Да ничего, — отвечал Скрудж. — Ничего. Вчера вечером какой-то мальчуган запел святочную песню у моих дверей. Мне бы хотелось дать ему что-нибудь, вот и всё.

Дух задумчиво улыбнулся и, взмахнув рукой, сказал:

— Поглядим на другое рождество.

При этих словах Скрудж-ребёнок словно бы подрос на глазах, а комната, в которой они находились, стала ещё темнее и грязнее. Теперь видно было, что панели в ней рассохлись, оконные рамы растрескались, от потолка отвалились куски штукатурки, обнажив дранку. Но когда и как это произошло, Скрудж знал не больше, чем мы с вами. Он знал только, что так и должно быть, что именно так всё и было. И снова он находился здесь совсем один, в то время как все другие мальчишки отправились домой встречать весёлый праздник.

Но теперь он уже не сидел за книжкой, а в унынии шагал из угла в угол.

Тут Скрудж взглянул на Духа и, грустно покачав головой, устремил в тревожном ожидании взгляд на дверь.

¹ Валентин и Орсон — герои средневекового французского романа.

Дверь распахнулась, и маленькая девочка, несколькими годами моложе мальчика, вбежала в комнату. Кинувшись к мальчику на шею, она принялась целовать его, называя своим дорогим братцем.

— Я приехала за тобой, дорогой братец! — говорила малютка, всплескивая тоненькими ручонками, восторженно хлопая в ладоши и перегибаясь чуть не пополам от радостного смеха. — Ты поедешь со мной домой! Домой! Домой!

— Домой, малютка Фэн? — переспросил мальчик.

— Ну, да! — воскликнуло дитя, сияя от счастья. — Домой! Совсем! Навсегда! Отец стал такой добрый, совсем не такой, как прежде, и дома теперь как в раю. Вчера вечером, когда я ложилась спать, он вдруг заговорил со мной так ласково, что я не побоялась, — взяла и попросила его ещё раз, чтобы он разрешил тебе вернуться домой. И вдруг он сказал: «Да, пускай приедет», и послал меня за тобой. И теперь ты будешь настоящим взрослым мужчиной, — продолжала малютка, глядя на мальчика широко раскрытыми глазами, — и никогда больше не вернёшься сюда. Мы проведём вместе все святки, и как же мы будем веселиться!

— Ты стала совсем взрослой, моя маленькая Фэн! — воскликнул мальчик.

Девочка снова засмеялась, захлопала в ладоши и хотела погладить мальчика по голове, но не дотянулась и, заливаясь смехом, встала на цыпочки и обхватила его за шею. Затем, исполненная детского нетерпения, потянула его к дверям, и он с охотой последовал за ней.

Тем временем сундучок юного Скруджа был водружён на крышу почтовой кареты, и дети, не мешкая ни секунды, распрощались с учителем, уселись в экипаж и весело покатали со двора. Быстро замелькали спицы колёс, сбивая снег с тёмной листвы вечнозелёных растений.

— Хрупкое создание! — сказал Дух. — Казалось, самое лёгкое дуновение ветерка может её погубить. Но у неё было большое сердце.

— О да! — вскричал Скрудж. — Ты прав, Дух, и не мне это отрицать, Боже упаси!

— Она умерла уже замужней женщиной, — сказал Дух. — И помнится, после неё остались дети.

— Один сын, — поправил Скрудж.

— Верно, — сказал Дух. — Твой племянник. Скруджу стало как будто не по себе, и он буркнул:

— Да.

Всего секунду назад они покинули школу, и вот уже стояли на людной улице, а мимо них сновали тени прохожих, и тени повозок и карет катили мимо, прокладывая себе дорогу в толпе. Словом,

они очутились в самой гуще шумной городской толчеи. Празднично разубранные витрины магазинов не оставляли сомнения в том, что снова наступили святки. Но на этот раз был уже вечер, и на улицах горели фонари [...].

— Моё время истекает, — заметил Дух. — Поспеши!

Слова эти не относились к Скруджу, а вокруг не было ни души, и тем не менее они тотчас произвели своё действие, Скрудж снова увидел самого себя. Но теперь он был уже значительно старше — в расцвете лет. Черты лица его ещё не стали столь резки и суровы, как в последние годы, но заботы и скопидомство¹ уже наложили отпечаток на его лицо. Беспокойный, алчный блеск появился в глазах, и было ясно, какая болезненная страсть пустила корни в его душе и что станет с ним, когда она вырастет и чёрная её тень поглотит его целиком.

Он был не один. Рядом с ним сидела прелестная молодая девушка в трауре. Слёзы на её ресницах сверкали в лучах исходившего от Духа сияния.

— Ах, всё это так мало значит для тебя теперь, — говорила она тихо. — Ты поклоняешься теперь иному божеству, и оно вытеснило меня из твоего сердца. Что ж, если оно сможет поддержать и утешить тебя, как хотела бы поддержать и утешить я, тогда, конечно, я не должна печалиться.

— Что это за божество, которое вытеснило тебя? — спросил Скрудж.

— Деньги.

— Нет справедливости на земле! — молвил Скрудж. — Беспощаднее всего казнит свет бедность, и не менее сурово — на словах, во всяком случае, — осуждает погоню за богатством.

— Ты слишком трепещешь перед мнением света, — кротко укорила она его. — Всем своим прежним надеждам и мечтам ты изменил ради одной — стать неуязвимым для его булавочных уколов. Разве не видела я, как все твои благородные стремления гибли одно за другим и новая всепобеждающая страсть, страсть к наживе, мало-помалу завладела тобой целиком!

— Ну и что же? — возразил он. — Что плохого, даже если я и поумнел наконец? Моё отношение к тебе не изменилось.

Она покачала головой.

— Разве не так?

— Наша помолвка — дело прошлое. Оба мы были бедны тогда и довольствовались тем, что имели, надеясь со временем увеличить

¹ Скопидомство — страсть к накоплению, чрезмерная, доходящая до скупоности бережливость.

наш достаток терпеливым трудом. Но ты изменился с тех пор. В те годы ты был совсем иным.

— Я был мальчишкой, — нетерпеливо отвечал он.

— Ты сам знаешь, что ты был не тот, что теперь, — возразила она. — А я всё та же. И то, что сулило нам счастье, когда мы были как одно существо, теперь, когда мы стали чужими друг другу, предвещает нам только горе. Не стану рассказывать тебе, как часто и с какой болью размышляла я над этим. Да, я много думала и решила вернуть тебе свободу.

— Разве я когда-нибудь просил об этом?

— На словах — нет. Никогда.

— А каким же ещё способом?

— Всем своим новым, изменившимся существом. У тебя другая душа, другой образ жизни, другая цель. И она для тебя важнее всего. И это сделало мою любовь ненужной для тебя. Она не имеет цены в твоих глазах. Признайся, — сказала девушка, кротко, но вместе с тем пристально и твёрдо глядя ему в глаза, — если бы эти узы не связывали нас, разве стал бы ты теперь домогаться моей любви, стараться меня завоевать? О нет!

Казалось, он помимо своей воли не мог не признать справедливости этих слов. Но всё же, сделав над собой усилие, ответил:

— Это только ты так думаешь.

— Видит Бог, я была бы рада думать иначе! — отвечала она. — Уж если я должна была, наконец, признать эту горькую истину, значит как же она сурова и неопровержима! Ведь не могу же я поверить, что, став свободным от всяких обязательств, ты взял бы в жёны бесприданницу! Это — ты-то! Да ведь даже изливая мне свою душу, ты не в состоянии скрыть того, что каждый твой шаг продиктован Корыстью! Да если бы даже ты на миг изменил себе и остановил свой выбор на такой девушке, как я, разве я не понимаю, как быстро пришли бы вслед за этим раскаяние и сожаление! Нет, я понимаю всё. И я освобождаю тебя от твоего слова. Освобождаю по доброй воле — во имя моей любви к тому, кем ты был когда-то.

Он хотел что-то сказать, но она продолжала, отворачиваясь от него:

— Быть может... Когда я вспоминаю прошлое, я верю в это... Быть может, тебе будет больно разлучиться со мной. Но скоро, очень скоро это пройдёт, и ты с радостью позабудешь меня, как пустую, бесплодную мечту, от которой ты вовремя очнулся. А я могу только пожелать тебе счастья в той жизни, которую ты себе избрал! — С этими словами она покинула его, и они расстались навсегда.

— Дух! — вскричал Скрудж. — Я не хочу больше ничего видеть. Отведи меня домой. Неужели тебе доставляет удовольствие терзать меня!

— Ты увидишь ещё одну тень Прошлого, — сказал Дух.

— Ни единой, — крикнул Скрудж. — Ни единой. Я не желаю её видеть! Не показывай мне больше ничего!

Но неумолимый Дух, возложив на него обе руки, заставил взирать на то, что произошло дальше.

Они перенеслись в иную обстановку, и иная картина открылась их взору. Скрудж увидел комнату, не очень большую и не богатую, но вполне удобную и уютную. У камина, в котором жарко, позимнему, пылали дрова, сидела молодая красивая девушка. Скрудж принял было её за свою только что скрывшуюся подружку — так они были похожи, — но тотчас же увидал и ту. Теперь это была женщина средних лет, всё ещё приятная собой. Она тоже сидела у камина напротив дочери. В комнате стоял невообразимый шум, ибо там было столько ребятишек, что Скрудж в своём взволнованном состоянии не смог бы их даже пересчитать. [...]

Всё это просто не поддаётся описанию! Скажем только, что один за другим все ребятишки, — а вместе с ними и шумные изъявления их чувств, — были удалены из гостиной наверх и водворены в постели, где мало-помалу и угомонились.

Теперь Скрудж устремил всё своё внимание на оставшихся, и слеза затуманила его взор, когда хозяин дома вместе с женой и нежно прильнувшей к его плечу дочерью занял своё место у камина. Скрудж невольно подумал о том, что такое же грациозное, полное жизни создание могло бы и его называть отцом и обогревать дыханием своей весны суровую зиму его преклонных лет!

— Бэлл, — сказал муж с улыбкой, оборачиваясь к жене, — а я видел сегодня твоего старинного приятеля.

— Кого же это?

— Угадай!

— Как могу я угадать? А впрочем, кажется, догадываюсь! — воскликнула она и расхохоталась вслед за мужем. — Мистера Скруджа?

— Вот именно. Я проходил мимо его конторы, а он работал там при свече, не закрыв ставен, так что я при всём желании не мог его не увидеть. Его компаньон, говорят, при смерти, и он, понимаешь, сидит там у себя один-одинёшенек. Один, как перст, на всём белом свете.

— Дух! — произнёс Скрудж надломленным голосом. — Уведи меня отсюда.

— Я ведь говорил тебе, что всё это — тени минувшего, — отвечал Дух. — Так оно было, и не моя в том вина.

— Уведи меня! — взмолился Скрудж. — Я не могу это вынести.

Он повернулся к Духу и увидел, что в лице его каким-то непостижимым образом соединились отдельные черты всех людей, кото-

рых тот ему показывал. Вне себя Скрудж сделал отчаянную попытку освободиться.

— Пусти меня! Отведи домой! За что ты преследуешь меня!

Борясь с Духом, — если это можно назвать борьбой, и бо Дух не оказывал никакого сопротивления и даже словно бы не замечал усилий своего противника, — Скрудж увидел, что сноп света у Духа над головой разгорается всё ярче и ярче. Безотчётно чувствуя, что именно здесь скрыта та таинственная власть, которую имеет над ним это существо, Скрудж схватил колпак-гасилку и решительным движением нахлобучил Духу на голову.

Дух как-то сразу осел под колпаком, и он покрыл его до самых пят. Но как бы крепко ни прижимал Скрудж гасилку к голове Духа, ему не удалось потушить света, струившегося из-под колпака на землю.

Страшная усталость внезапно овладела Скруджем. Его стало непреодолимо клонить ко сну, и в ту же секунду он увидел, что снова находится у себя в спальне. В последний раз надавил он что было мочи на колпак-гасилку, затем рука его ослабла, и, повалившись на постель, он уснул мёртвым сном.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Опишите внешность гостя, который посетил Скруджа.
2. Что Святочный Дух Прошлых лет показал Скруджу? Как старик реагировал на увиденное? Свои ответы подтвердите текстом.
3. Прочитайте отрывок от слов: «*Да это же Али-Баба...*» до слов: «*...Нет, теперь уже поздно...*». Почему воспоминания о любимых литературных героях так преобразили Скруджа?
4. Можно ли детство Скруджа назвать счастливым? Обоснуйте свой ответ.
5. Прочитайте в лицах отрывок от слов: «*Слова эти не относились к Скруджу, а вокруг не было ни души...*» до слов: «*Сэти-ми словами она покинула его, и они расстались навсегда*».
6. Как девушка охарактеризовала Скруджа? Сравните сказанное ею и поступки главного героя, описанные в первой строфе. Какой вывод можно сделать?
7. Объясните, почему Скрудж не хотел больше путешествовать с Духом Прошлых лет.
8. Как вы думаете, зачем Дух неумолимо показывал Скруджу тени минувшего?

Строфа третья ВТОРОЙ ИЗ ТРЁХ ДУХОВ

Громко всхрипнув, Скрудж проснулся и сел на кровати, стараясь собраться с мыслями. На этот раз ему не надо было напоминать о том, что часы на колокольне скоро пробьют Час Полуночи. Он чувствовал, что проснулся как раз вовремя, так как ему предстояла беседа со вторым Духом, который должен был явиться к нему благодаря вмешательству в его дела Джейкоба Марли. Однако, раздумывая над тем, с какой стороны кровати отёрнется на этот раз полог, Скрудж ощутил вдруг весьма неприятный холодок и поспешил сам, своими руками, отбросить обе половинки полога, после чего улёгся обратно на подушки и окинул зорким взглядом комнату. Он твёрдо решил, что на этот раз не даст застать себя врасплох и напугать и первый окликнет Духа...

Однако будучи готов почти ко всему, он менее всего был готов к полному отсутствию чего бы то ни было, и потому, когда часы на колокольне пробили час и никакого привидения не появилось, Скруджа затрясло как в лихорадке. Прошло ещё пять минут, десять, пятнадцать — ничего. Однако всё это время Скрудж, лёжа на кровати, находился как бы в самом центре багрово-красного сияния, которое лишь только часы пробили один раз, начало струиться непонятно откуда, и именно потому, что это было всего-навсего сияние и Скрудж не мог установить, откуда оно взялось и что означает, оно казалось ему страшнее целой дюжины привидений.

[...]

Скрудж подумал всё же, наконец, что источник призрачного света может находиться в соседней комнате, откуда, если приглядеться внимательнее, этот свет и струился. Когда эта мысль полностью проникла в его сознание, он тихонько сполз с кровати и, шаркая туфлями, направился к двери. Лишь только рука его коснулась дверной щеколды, какой-то незнакомый голос, назвав его по имени, повелел ему войти. Скрудж повиновался.

Это была его собственная комната. Сомнений быть не могло. Но она странно изменилась. Все стены и потолок были убраны живыми растениями, и комната скорее походила на рощу. Яркие блестящие ягоды весело проглядывали в зелёной листве. Свежие твёрдые листья остролиста, омелы и плюща так и сверкали, словно маленькие зеркальца, развешенные на ветвях, а в камине гудело такое жаркое пламя, какого и не снилось этой древней окаменелости, пока она находилась во владении Скруджа и Марли и одну долгую зиму за другой холодала без огня. На полу огромной грудой, напоминающей трон, были сложены жареные индейки, гуси, куры, дичь, свиные

околока, большие куски говядины, молочные поросята, гирлянды сосисок, жареные пирожки, плумпудинги, бочонки с устрицами, горячие каштаны, румяные яблоки, сочные апельсины, ароматные груши, громадные пироги с ливером и дымящиеся чаши с пуншем, душистые пары которого стлались в воздухе, словно туман. И на этом возвышении непринуждённо и величаво восседал такой весёлый и сияющий Великан, что сердце радовалось при одном на него взгляде. В руке у него был факел, несколько похожий по форме на рог изобилия, и он поднял его высоко над головой, чтобы хорошенько осветить Скруджа, когда тот просунул голову в дверь.

— Войди! — крикнул Скруджу Призрак. — Войди, и будем знакомы, старина!

Скрудж робко шагнул в комнату и стал, понутив голову, перед Призраком. Скрудж был уже не прежний, угрюмый, суровый старик и не решался поднять глаза и встретить ясный и добрый взор Призрака.

— Я Дух Нынешних Святых, — сказал Призрак. — Взгляни на меня!

Скрудж почтительно повиновался. Дух был одет в простой темно-зелёный балахон, или мантию, отороченную белым мехом. Одевание это свободно и небрежно спало с его плеч, и широкая грудь великана была обнажена, словно он хотел показать, что не нуждается ни в каких искусственных покровках и защите. Ступни, видневшиеся из-под пышных складок мантии, были босы, и на голове у Призрака тоже не было никакого убора, кроме венчика из остролиста, на котором сверкали кое-где льдинки. Длинные тёмно-каштановые кудри рассыпались по плечам, доброе открытое лицо улыбалось, глаза сияли, голос звучал весело, и всё — и жизнерадостный вид, и свободное обхождение, и приветливо протянутая рука, — всё в нём было приятно и непринуждённо. На поясе у Духа висели старинные ножны, но — пустые, без меча, да и сами ножны были порядком изъедены ржавчиной.

— Ты ведь никогда ещё не видал таких, как я! — воскликнул Дух.

— Никогда, — отвечал Скрудж.

— Никогда не общался с молодым и членами нашего семейства,

Джон Лич.
Дух Сегодняшнего
Рождества (1843)

из которых я — самый младший? Я хочу сказать — с теми из моих старших братьев, которые рождались в последние годы? — продолжал допрашивать Призрак.

— Как будто нет, — сказал Скрудж. — Боюсь, что нет. А у тебя много братьев, Дух?

— Свыше тысячи восьмисот, — отвечал Дух.

— Вот так семейка! Изволь-ка её прокормить! — пробормотал Скрудж.

Святочный Дух встал.

— Дух, — сказал Скрудж смиренно. — Веди меня куда хочешь. Прошлую ночь я шёл по принуждению и получил урок, который не пропал даром. Если этой ночью ты тоже должен чему-нибудь научить меня, пусть и это послужит мне на пользу.

— Коснись моей мантии.

Скрудж сделал, как ему было приказано, да уцепился за мантию покрепче.

Остролист, омела, красные ягоды, плющ, индейки, гуси, куры, битая птица, свиные окорока, говяжьи туши, поросята, сосиски, устрицы, пироги, пудинги, фрукты и чаши с пуншем — всё исчезло в мгновение ока. А с ними исчезла и комната, и пылающий камин, и багрово-красное сияние факела, и ночной мрак, и вот уже Дух и Скрудж стояли на городской улице. Было утро, рождественское утро и хороший крепкий мороз, и на улице звучала своеобразная музыка, немного резкая, но приятная, — счищали снег с тротуаров и сгребали его с крыш, к безумному восторгу мальчишек, смотревших, как, рассыпаясь мельчайшей пылью, рушатся на землю снежные лавины. [...]

Но вот заблаговестили на колокольне, призывая всех добрых людей в храм божий, и весёлая, празднично разодетая толпа повалила по улицам. И тут же изо всех переулков и закоулков потекло множество народу: это бедняки несли своих рождественских гусей и уток в пекарни¹. Вид этих бедных людей, собравшихся попировать, должно быть очень заинтересовал Духа, ибо он остановился вместе со Скруджем в дверях пекарни и, приподымая крышки с проносимых мимо кастрюль, стал кропить на пищу маслом из своего светильника. И, видно, это был совсем необычный светильник, так как стоило кому-нибудь столкнуться в дверях и завязать перебранку, как Дух кропил из своего светильника спорщиков и к ним тотчас возвращалось благодущие. Стыдно, говорили они, ссориться в первый день рождества. И верно, ещё бы не стыдно!...

¹ До 80-х годов XIX века среди бедного населения английских городов было принято, за неимением в доме удобной печи, носить заготовленные блюда в пекарню, где их жарили или пекли за небольшую плату.

... Надо сказать, что Дух обладал одним удивительным свойством, на которое Скрудж обратил внимание, когда они ещё находились возле пекарни: невзирая на свой исполинский рост, этот Призрак чрезвычайно легко приспосабливался к любому месту и стоял под самой низкой кровлей столь же непринуждённо, как если бы это были горделивые своды зала, и нисколько не терял при этом своего неземного величия.

И то ли доброму Духу доставляло удовольствие проявлять эту свою особенность, то ли он сделал это потому, что был по натуре великодушен и добр и жалел бедняков, но только прямо к жилищу клерка — того самого, что работал у Скруджа в конторе, — направился он и повлёк Скруджа, крепко уцепившегося за край его мантии, за собой. На пороге дома Боба Крэтчита Дух остановился и с улыбкой окропил его жилище из своего светильника. Подумайте только! Жилище Боба, который и получал-то всего каких-нибудь пятнадцать «бобиков», сиречь шиллингов, в неделю! Боба, который по субботам клал в карман всего-навсего пятнадцать материальных воплощений своего христианского имени! И тем не менее святочный Дух удостоил своего благословения все его четыре коморки.

Тут встала миссис Крэтчит, супруга мистера Крэтчита, в дешёвом, дважды перелицованном, но зато щедро отделанном лентами туалете — всего на шесть пенсов ленты, а какой вид! — и расстелила на столе скатерть, в чём ей оказала помощь Белинда Крэтчит, её вторая дочка, тоже щедро отделанная лентами, а юный Питер Крэтчит погрузил тем временем вилку в кастрюлю с картофелем, и когда концы гигантского воротничка (эта личная собственность Боба Крэтчита перешла по случаю великого праздника во владение его сына, и прямого наследника) полезли от резкого движения ему в рот, почувствовал себя таким франтом, что загорелся желанием немедленно щегольнуть своим крахмальным бельём на великосветском гулянье в парке.

— Куда это запропастился ваш бесценный папенька? — спросила миссис Крэтчит. — И ваш братец Малютка Тим! Да и Марте уже полчаса как надо бы прийти. В прошлое Рождество она не запаздывала так.

— Марта здесь, маменька, — произнесла молодая девушка, появляясь в дверях.

— Марта здесь, маменька! — закричали младшие Крэтчиты. — Ура! А какой у нас будет гусь, Марта!

— Господь с тобой, душа моя, где это ты нынче запропала! — приветствовала дочку миссис Крэтчит и, расцеловав её в обе щёки, хлопотливо помогла ей освободиться от капора и шали.

— Вчера допоздна сидели, маменька, надо было закончить всю работу, — отвечала девушка. — А сегодня всё утро прибирались.

— Ладно! Слава Богу, что пришла наконец! — сказала миссис Крэтчит. — Садись поближе к огню, душенька моя, обогрейся.

— Нет, нет! Папенька идёт! — запищали младшие Крэтчиты, которые умудрялись поспевать решительно всюду. — Спрячься, Марта! Спрячься!

Марта, разумеется, спряталась, а в дверях появился сам отец семейства — щуплый человечек в поношенном костюме, подштанном и вычищенном сообразно случаю, в тёплом шарфе, свисавшем спереди фута на три, не считая бахромы, и с Малюткой Тимом на плече. Бедняжка Тим держал в руке маленький костыль, а ноги у него были в металлических шинах.

— А где же наша Марта? — вскричал Боб Крэтчит, озираясь по сторонам.

— Она не придёт, — объявила миссис Крэтчит.

— Не придёт? — повторил Боб Крэтчит упавшим голосом. А он-то мчался из церкви, как кровный скакун с Малюткой Тимом в седле, и пришёл домой галопом! — Не придёт к нам на первый день Рождества?

Конечно, это была только шутка, но огорчённый вид отца так расстрогал Марту, что она, не выдержав характера, выскочила из-за двери кладовой и бросилась отцу на шею, а младшие Крэтчиты завладели Малюткой Тимом и потащили его на кухню — послушать, как бурлит вода в котле, в котором варится завернутый в салфетку пудинг.

— А как вёл себя наш Малютка Тим? — осведомилась миссис Крэтчит, вдоволь посмеявшись над доверчивостью мужа, в то время как тот радостно расцеловался с дочкой.

— Это не ребёнок, а чистое золото, — отвечал Боб. — Чистое золото. Он, понимаешь ли, так часто остаётся один и всё сидит себе и раздумывает, и до такого иной раз додумается — просто диву даёшься. Возвращаемся мы с ним домой, а он вдруг и говорит мне: хорошо, дескать, что его видели в церкви. Ведь он калека, и, верно, людям приятно, глядя на него, вспомнить в первый день Рождества, кто заставил хромым ходить и слепых сделал зрячими.

Голос Боба заметно дрогнул, когда он заговорил о своём маленьком сыночке, а когда он прибавил, что Тим день ото дня становится всё крепче и здоровее, голос у него задрожал ещё сильнее.

Боб не успел больше ничего сказать — раздался стук маленького проворного костыля, и Малютка Тим в сопровождении братца и сестрицы возвратился к своей скамеечке у огня. Тем временем юный Питер и двое вездесущих младших Крэтчитов отправились за гусём, с которым вскоре и возвратились в торжественной процессии.

Появление гуся произвело невообразимую суматоху. Можно было подумать, что эта домашняя птица такой феномен, по сравнению с которым чёрный лебедь самое заурядное явление. А впрочем, в этом бедном жилище гусь и впрямь был диковинкой. Миссис Крэтчит подогрела подливку (приготовленную заранее в маленькой кастрюльке), пока она не зашипела. Юный Питер с нечеловеческой энергией принялся разминать картофель. Мисс Белинда добавила сахару в яблочный соус. Марта обтёрла горячие тарелки. Боб усадил Малютку Тима в уголке, рядом с собой, а Крэтчиты младшие расставили для всех стулья, не забыв при этом и себя, и застыли у стола на сторожевых постах, закупорив себе ложками рты, дабы не попросить кусочек гуся, прежде чем до них дойдёт черёд.

Но вот стол накрыт. Прочли молитву. Наступает томительная пауза. Все затаили дыхание, а миссис Крэтчит, окинув испытующим взглядом лезвие ножа для жаркого, приготовилась вонзить его в грудь птицы. Когда же нож вонзился, и брызнул сок, и долгожданный фарш открылся взору, единодушный вздох восторга пронёсся над столом, и даже Малютка Тим, подстрекаемый младшими Крэтчитами, постучал по столу рукояткой ножа и слабо пискнул:

— Ура!

Нет, не бывало ещё на свете такого гуся! Боб решительно заявил, что никогда не поверит, чтобы где-нибудь мог сыскаться другой такой замечательный фаршированный гусь! Все наперебой восторгались его сочностью и ароматом, а также величиной и дешёвизной. С дополнением яблочного соуса и картофельного пюре его вполне хватило на ужин для всей семьи. Да, в самом деле, они даже не смогли его прикончить, как восхищённо заметила миссис Крэтчит, обнаружив уцелевшую на блюде микроскопическую косточку. Однако каждый был сыт, а младшие Крэтчиты не только наелись до отвала, но перемазались луковой начинкой по самые брови. Но вот мисс Белинда сменила тарелки, и миссис Крэтчит в полном одиночестве покинула комнату, дабы вынуть пудинг из котла. Она так волновалась, что пожелала сделать это без свидетелей.

А ну как пудинг не дошёл! А ну как он развалится, когда его будут выкладывать из формы! А ну как его стащили, пока они тут веселились и уплетали гуся! Какой-нибудь злоумышленник мог ведь перелезть через забор, забраться во двор и похитить пудинг с чёрного хода! Такие предположения заставили младших Крэтчитов помертветь от страха. Словом, какие только ужасы не полезли тут в голову!

И вот появляется миссис Крэтчит — раскрасневшаяся, запыхавшаяся, но с горделивой улыбкой на лице и с пудингом на блюде, — таким необычайно твёрдым и крепким, что он более всего похож на рябое пушечное ядро. Пудинг охвачен со всех сторон пламенем от

горящего рома и украшен рождественской веткой остролиста, воткнутой в самую его верхушку.

О дивный пудинг! Боб Крэтчит заявил, что за всё время их брака миссис Крэтчит ещё ни разу ни в чём не удавалось достигнуть такого совершенства, а миссис Крэтчит заявила, что теперь у неё на сердце полегчало, и она может признаться, как грызло её беспокойство — хватит ли муки. У каждого было что сказать во славу пудинга, но никому и в голову не пришло не только сказать, но хотя бы подумать, что это был очень маленький пудинг для такого большого семейства. Это было бы просто кощунством. Да каждый из Крэтчитов сгорел бы со стыда, если бы позволил себе подобный намёк.

Но вот с обедом покончено, скатерть убрали со стола, в камине подмели, разожгли огонь.

[...]

Затем Боб провозгласил:

— Весёлых святков, друзья мои! И да благословит нас всех Господь!

И все хором повторили его слова.

— Да осенит нас Господь своею милостью! — промолвил и Малютка Тим, когда все умолкли.

Он сидел на своей маленькой скамеечке, тесно прижавшись к отцу. Боб любовно держал в руке его худенькую ручонку, словно боялся, что кто-то может отнять у него сынишку, и хотел всё время чувствовать его возле себя.

— Дух, — сказал Скрудж, охваченный сочувствием, которого никогда прежде не испытывал. — Скажи мне, Малютка Тим будет жить?

— Я вижу пустую скамеечку возле этого нищего очага, — отвечал Дух. — И костыль, оставшийся без хозяина, но хранимый с любовью. Если Будущее не внесёт в это изменений, ребёнок умрёт.

— Нет, нет! — вскричал Скрудж. — О нет! Добрый Дух, скажи, что судьба пощадит его!

— Если Будущее не внесёт в это изменений, — повторил Дух, — дитя не доживёт до следующих святков. Но что за беда? Если ему суждено умереть, пускай себе умирает, и тем сократит излишек населения!

Услышав, как Дух повторяет его собственные слова, Скрудж повесил голову, терзаемый раскаянием и печалью.

— Человек! — сказал Дух, — Если в груди у тебя сердце, а не камень, остерегись повторять эти злые и пошлые слова, пока тебе ещё не дано узнать, ЧТО есть излишек и ГДЕ он есть. Тебе ли решать, кто из людей должен жить и кто — умереть? Быть может, ты сам в глазах небесного судии куда менее достоин жизни, нежели миллионы та-

ких, как ребёнок этого бедняка. О боже! Какая-то букашка, пристроившись на былинке, выносит приговор своим голодным собратьям за то, что их так много расплодилось и копошится в пыли!

Скрудж согнулся под тяжестью этих укоров и потупился, трепеща. Но тут же поспешно вскинул глаза, услышав своё имя.

— За здоровье мистера Скруджа! — сказал Боб. — Я предлагаю тост за мистера Скруджа, без которого не справить бы нам этого праздника.

— Скажешь тоже — не справить! — вскричала миссис Крэтчит, вспыхнув. — Жаль, что его здесь нет. Я бы такой тост предложила за его здоровье, что, пожалуй, ему не поздоровилось бы!

— Моя дорогая! — укорил её Боб. — При детях! В такой день!

— Да уж воистину только ради этого великого дня можно пить за здоровье такого гадкого, бесчувственного, жадного скареды, как мистер Скрудж, — заявила миссис Крэтчит. — И ты сам это знаешь, Роберт! Никто не знает его лучше, чем ты, бедняга!

— Моя дорогая, — кротко отвечал Боб. — Сегодня Рождество.

— Так и быть, выпью за его здоровье ради тебя и ради праздника, — сказала миссис Крэтчит. — Но только не ради него. Пусть себе живёт и здравствует. Пожелаем ему весёлых святок и счастливого Нового года. То-то он будет весел и счастлив, могу себе представить!

Вслед за матерью выпили и дети, но впервые за весь вечер они пили не от всего сердца. Малютка Тим выпил последним — ему тоже был как-то не по душе этот тост. Мистер Скрудж был злым гением этой семьи. Упоминание о нём чёрной тенью легло на праздничное сборище, и добрых пять минут ничто не могло прогнать эту мрачную тень.

[...]

Конечно, всё это было довольно убого и заурядно, никто в этом семействе не отличался красотой, никто не мог похвалиться хорошим костюмом, — насчёт одежды у них вообще было небогато, — башмаки у всех просили каши, а юный Питер, судя по некоторым признакам, уже не раз имел случай познакомиться с осудной кассой. И тем не менее все здесь были счастливы, довольны друг другом, рады празднику и благодарны судьбе, а когда они стали исчезать, растворяясь в воздухе, лица их как-то особенно засветились, ибо Дух окропил их на прощанье маслом из своего факела, и Скрудж не мог оторвать от них глаз, а в особенности — от Малютки Тима.

Тем временем уже стемнело, и повалил довольно густой снег, и когда Скрудж в сопровождении Духа снова очутился на улице, в каждом доме во всех комнатах, от кухонь до гостиных, уже жарко пылали каминные и в окнах заманчиво мерцало их весёлое пламя...

... Дух со Скруджем снова пустились в странствие.

В это мгновение часы пробили полночь.

Скрудж оглянулся, ища Духа, но его уже не было. Когда двенадцатый удар колокола прогудел в тишине, Скрудж вспомнил предсказание Джейкоба Марли и, подняв глаза, увидел величественный Призрак, закутанный с ног до головы в плащ с капюшоном и, подобно облаку или туману, плывший над землёй к нему у навстречу.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Выразительно прочитайте отрывок от слов: «*Это была его собственная комната*» до слов: «... *да и сами ножны были порядком изъедены ржавчиной*». Какое впечатление произвело на вас описание комнаты Скруджа? Какие признаки подсказывают читателю, что это английское жилище, украшенное к Рождеству?
2. Какие советы вы бы дали художнику, который собрался нарисовать Духа Нынешних Святков?
3. Сравните литературный и живописный портреты (с. 151) Духа, созданные Чарльзом Диккенсом и Джоном Личем¹.
4. Перескажите отрывок «В семье Боба Крэтчита».
5. Какая атмосфера царила в его доме? Обоснуйте свой ответ.
6. Сравните отношение к Рождеству Скруджа и членов семьи клерка.
7. Подумайте, почему автор так детально описывает рождественские блюда.
8. Название какого растения спряталось в ребусе? В связи с чем оно упоминается в тексте и какое значение имеет для англичан?

РО

9. Вспомните, когда Скрудж спросил Духа: «*Скажи мне, Малютка Тим будет жить ?*» О каких изменениях в душе старика свидетельствует этот вопрос?
10. Попробуйте предвидеть, что далее произойдёт со Скруджем.

¹ Джон Лич (1817–1864) — известный английский художник, первый иллюстратор «Рождественской песни в прозе».

Строфа четвёртая ПОСЛЕДНИЙ ИЗ ДУХОВ

Дух приближался — безмолвно, медленно, сурово. И когда он был совсем близко, такой мрачной таинственностью повеяло от него на Скруджа, что тот упал перед ним на колени.

Чёрное, похожее на саван одеяние Призрака скрывало его голову, лицо, фигуру — видна была только одна простёртая вперёд рука. Не будь этой руки, Призрак слился бы с ночью и стал бы неразличим среди окружавшего его мрака.

Благоговейный трепет объял Скруджа, когда эта высокая величавая и таинственная фигура остановилась возле него. Призрак не двигался и не произносил ни слова, а Скрудж испытывал только ужас — больше ничего.

— Дух Будущих Святых, не ты ли почтил меня своим посещением? — спросил, наконец, Скрудж.

Дух ничего не ответил, но рука его указала куда-то вперёд.

— Дух Будущих Святых! — воскликнул Скрудж. — Я страшусь тебя. Ни один из являвшихся мне призраков не пугал меня так, как ты. Но я знаю, что ты хочешь мне добра, а я стремлюсь к добру и надеюсь стать отныне другим человеком и потому готов с сердцем, исполненным благодарности следовать за тобой. Разве ты не хочешь сказать мне что-нибудь?

Призрак ничего не ответил. Рука его по-прежнему была простёрта вперёд.

— Веди меня! — сказал Скрудж. — Веди! Ночь быстро близится к рассвету, и каждая минута для меня драгоценна — я знаю это. Веди же меня, Призрак!

Привидение двинулось вперёд так же безмолвно, как и появилось. Скрудж последовал за ним в тени его одеяния, которое как бы поддерживало его над землёй и увлекало за собой.

Они вступили в город — вернее, город, казалось, внезапно сам вырос вокруг них и обступил их со всех сторон. И вот они уже очутились в центре города — на Бирже, в толпе коммерсантов, которые сновали туда и сюда и собирались группами, и поглядывали на часы, и позванивали монетами в кармане, и в раздумье перебирали массивные золотые брелоки, словом, всё было, как всегда, — знакомая Скруджу картина.

Дух остановился возле небольшой кучки дельцов. Заметив, что рука Призрака указывает на них, Скрудж приблизился и стал прислушиваться к их разговору.

— Нет, — сказал огромный тучный мужчина с чудовищным тройным подбородком. — Об этом мне ничего не известно. Знаю только, что он умер.

— Когда же это случилось? — спросил кто-то.

— Да как будто прошедшей ночью.

— А что с ним было? — спросил третий, беря изрядную понюшку табаку из огромной табакерки. — Мне казалось, он всех переживёт.

— А бог его знает, — промолвил первый и зевнул.

— Что же он сделал со своими деньгами? — спросил краснолицый господин, у которого с самого кончика носа свисал нарост, как у индюка.

— Не слышал, не знаю, — отвечал человек с тройным подбородком и снова зевнул.

— Оставил их своей фирме, должно быть. Мне он их не оставил. Это-то уж я знаю доподлинно.

Шутка была встречена общим смехом.

— Похоже, пышных похорон не будет, — продолжал человек с подбородком. — Пропади я пропадом, если кто-нибудь придёт его хоронить. Может, нам собраться компанией и показать пример?

— Что ж, если будут поминки, я не прочь, — отозвался джентльмен с наростом на носу. — За такой труд не грех и покормить.

Снова смех.

— Я, видать, бескорыстнее всех вас, — сказал человек с подбородком, — так как никогда не надеваю чёрных перчаток и никогда не завтракаю второй раз, но тем не менее готов пойти, если кто-нибудь присоединится. Ведь рассудить, так я, пожалуй, был самым близким его приятелем. Как-никак, а при встречах мы всегда останавливались потолковать. Ну, до завтра, господа.

Собеседники разошлись в разные стороны и смешались с другими группами дельцов, а Скрудж, который знал всех этих людей, вопросительно посмотрел на Духа, ожидая от него объяснения.

[...]

— Дух! — промолвил Скрудж, дрожа с головы до пят. — Я понял, понял! Участь этого несчастного могла быть и моей участью. Всё шло к тому...

И снова ему почудилось, что Призрак вперил в него взгляд.

— Если есть в этом городе хоть одна душа, которую эта смерть не оставит равнодушной, — вне себя от муки вскричал Скрудж, — покажи мне её, Дух, молю тебя!

Чёрный плащ Призрака распростёрся перед ним наподобие крыла, а когда он опустился, глазам Скруджа открылась освещённая солнцем комната, в которой находилась мать с детьми.

Мать, видимо, кого-то ждала — с тревогой, с нетерпением. Она ходила из угла в угол, вздрагивая при каждом стуке, поглядывала то на часы, то в окно, бралась за шитьё и тотчас его бросала, и видно было, как донимают её возгласы ребятишек, увлечённых игрой. Наконец раздался долгожданный стук, и она бросилась отворить

дверь. Вошёл муж. Он был ещё молод, но истомлённое заботой лицо его говорило о перенесённых невзгодах. Впрочем, сейчас оно хранило какое-то необычное выражение: казалось, он чему-то рад и вместе с тем смущён и тщетно пытается умерить эту радость.

Он сел за стол — обед уже давно ждал его у камина, — и когда жена после довольно длительного молчания нерешительно спросила его, какие новости, этот вопрос окончательно привёл его в замешательство.

— Скажи только — хорошие или дурные? — спросила она снова, стараясь прийти ему на помощь.

— Дурные, — последовал ответ.

— Мы разорены?

— Нет, Кэрелайн, есть ещё надежда.

— Да ведь это, если он смягчится! — недоумевающе ответила она. — Конечно, если такое чудо возможно, тогда ещё не всё потеряно.

— Смягчиться уже не в его власти, — отвечал муж. — Он умер.

Если внешность его жены не была обманчива, — то это было кроткое, терпеливое создание. Однако, услышав слова мужа, она возблагодарила в душе судьбу и, всплеснув руками, открыто выразила свою радость. В следующую секунду она уже устыдилась своего порыва и пожалела о нём, но всё же таково было первое движение её сердца.

— Выходит, эта полупьяная особа сообщила мне истинную правду вчера, когда я пытался проникнуть к нему и получить отсрочку на неделю, — помнишь, я рассказывал тебе. Я-то думал, что это просто отговорка, чтобы отделаться от меня. Но оказывается, он и в самом деле был тяжко болен. Более того — он умирал!

— Кому же должны мы теперь выплачивать долг?

— Не знаю. Во всяком случае, теперь мы успеем как-нибудь обернуться. А если и не успеем, то не может быть, чтобы наследник оказался столь же безжалостным кредитором, как покойный. Это была бы неслыханная неудача. Нет, мы можем сегодня заснуть спокойно, Кэрелайн!

Да, как бы ни пытались они умерить свою радость, у них отлегло от сердца. И у детей, которые, сбившись в кучку возле родителей, молча прислушивались к малопонятным для них речам, личики тоже невольно просветлели. Смерть человека принесла счастье в этот дом — вот что показал Дух Скруджу...

[...]

— Дух, — сказал Скрудж. — Что-то говорит мне, что час нашего расставанья близок. Я знаю это, хотя мне и неизвестно — откуда. Скажи, кто был этот усопший человек, которого мы видели?

Дух Будущих Святых снова повлёк его дальше и, как показалось Скруджу, перенёс в какое-то иное время.

Призрак остановился среди могил и указал на одну из них. Скрудж, трепеща, шагнул к ней. Ничто не изменилось в обличье Призрака, но Скрудж с ужасом почувствовал, что какой-то новый смысл открывается ему в этой величавой фигуре.

— Прежде чем я ступлю последний шаг к этой могильной плите, на которую ты указываешь, — сказал Скрудж, — ответь мне на один вопрос, Дух. Предстали ли мне призраки того, что будет, или призраки того, что может быть?

Но Дух всё также безмолвствовал, а рука его указывала на могилу, у которой он остановился.

— Жизненный путь человека, если неуклонно ему следовать, ведёт к предопределённому концу, — произнёс Скрудж. — Но если человек сойдёт с этого пути, то и конец будет другим. Скажи, ведь так же может измениться и то, что ты показываешь мне сейчас?

Но Призрак по-прежнему был безмолвен и неподвижен.

Дрожь пробрала Скруджа с головы до пят. На коленях он подполз к могиле и, следуя взглядом за указующим перстом Призрака, прочёл на заросшей травой каменной плите своё собственное имя: ЭБИНІЗЕР СКРУДЖ.

— Так это был я — тот, кого видели мы на смертном одре? — возопил он, стоя на коленях.

Рука Призрака указала на него и снова на могилу.

— Нет, нет, Дух! О нет!

Рука оставалась неподвижной.

— Дух! — вскричал Скрудж, цепляясь за его подол. — Выслушай меня! Я уже не тот человек, каким был. И я уже не буду таким, каким стал бы, не доведись мне встретиться с тобой. Зачем показываешь ты мне всё это, если нет для меня спасения!

В первый раз за всё время рука Призрака чуть приметно дрогнула.

— Добрый Дух, — продолжал молить его Скрудж, распростёршись перед ним на земле. — Ты жалеешь меня, самая твоя природа побуждает тебя к милосердию. Скажи же, что, изменив свою жизнь, я могу ещё спастись от участи, которая мне уготована.

Благостная рука затрепетала.

— Я буду чтить рождество в сердце своём и хранить память о нём весь год. Я искуплю своё Прошлое Настоящим и Будущим, и воспоминание о трёх Духах всегда будет живо во мне. Я не забуду их памятных уроков, не затворю своего сердца для них. О, скажи, что я могу стереть надпись с этой могильной плиты!

И Скрудж в беспредельной муке схватил руку Призрака. Призрак

сделал попытку освободиться, но отчаяние придало Скруджу силы, и он крепко вцепился в руку. Всё же Призрак оказался сильнее и оттолкнул Скруджа от себя.

Воздев руки в последней мольбе, Скрудж снова воззвал к Духу, чтобы он изменил его участь, и вдруг заметил, что в обличье Духа произошла перемена. Его капюшон и мантия сморщились, обвисли, весь он съёжился и превратился в резную колонку кровати.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Чем внешность третьего Духа отличалась от вида его предшественников? Какая деталь подчёркивает его мрачную таинственность?
2. Расскажите, что Скрудж узнал о своём будущем.
3. Выразительно прочитайте концовку четвёртой строфы (от слов: «Дух! — вскричал Скрудж...»). Какой урок вынес старик из увиденного?
4. Почему Скрудж захотел измениться? Что именно, на ваш взгляд, ему необходимо изменить в собственной жизни?

Строфа пятая ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Да! И это была колонка его собственной кровати, и комната была тоже его собственная. А лучше всего и замечательнее всего было то, что и Будущее принадлежало ему и он мог ещё изменить свою судьбу.

— Я искуплю своё Прошлое Настоящим и Будущим! — повторил Скрудж, проворно вылезая из постели. — И память о трёх Духах будет вечно жить во мне! О Джейкоб Марли! Возблагодарим же Небо и светлый праздник Рождества! На коленях возношу я им хвалу, старина Джейкоб! На коленях!

Он так горел желанием осуществить свои добрые намерения и так был взволнован, что голос не повиновался ему, а лицо всё ещё было мокро от слёз, ибо он рыдал навзрыд, когда старался умиловать Духа.

— Он здесь! — кричал Скрудж, хватаясь за полог и прижимая его к груди. — Он здесь, и кольца здесь, и никто его не срывал! Все здесь... и я здесь... и да сгинут призраки того, что могло быть! И они сгинут, я знаю! Они сгинут!

Говоря так, он возился со своей одеждой, выворачивал её наизнанку, надевал задом наперёд, совал руку не в тот рукав, и ногу

не в ту штанину, — словом, проделывал в волнении кучу всяких несообразностей.

— Сам не знаю, что со мной творится! — вскричал он, плача и смеясь и с помощью обвившихся вокруг него чулок превращаясь в некое подобие Лаокоона¹. — Мне так легко, словно я пушинка, так радостно, словно я ангел, так весело, словно я школьник! А голова идёт кругом, как у пьяного! Поздравляю с рождеством, с весёлыми святками всех, всех! Желаю счастья в Новом году всем, всем на свете! Гоп-ля-ля! Гоп-ля-ля! Ура! Ура! Ой-ля-ля!

Подбежав к окну, Скрудж поднял раму и высунулся наружу. Ни мглы, ни тумана! Ясный, погожий день. Колкий, бодрящий мороз. Он свистит в свою ледяную дудочку и заставляет кровь, приплясывая, бежать по жилам. Золотое солнце! Лазурное небо! Прозрачный свежий воздух! Весёлый перезвон колоколов! О, как чудесно! Как дивно, дивно!

— Какой нынче день? — свесившись вниз, крикнул Скрудж какому-то мальчишке, который, вырядившись, как на праздник, торчал у него под окнами и глазел по сторонам.

— ЧЕГО? — в неопишемом изумлении спросил мальчишка.

— Какой у нас нынче день, милый мальчуган? — повторил Скрудж.

— Нынче? — снова изумился мальчишка. — Да ведь нынче РОЖДЕСТВО!

«Рождество! — подумал Скрудж. — Так я не пропустил праздника! Духи свершили всё это в одну ночь. Они всё могут, стоит им захотеть. Разумеется, могут. Разумеется».

— Послушай, милый мальчик!

— Эге? — отозвался мальчишка.

— Ты знаешь курятную лавку, через квартал отсюда, на углу? — спросил Скрудж.

— Ну как не знать! — отвечал тот.

— Какой умный ребёнок! — восхитился Скрудж. — Изумительный ребёнок! А не знаешь ли ты, продали они уже индюшку, что висела у них в окне? Не маленькую индюшку, а большую, премированную?

— Самую большую, с меня ростом?

— Какой поразительный ребёнок! — воскликнул Скрудж. — Поговорить с таким одно удовольствие. Да, да, самую большую, пострелёнок ты этакий!

— Она и сейчас там висит, — сообщил мальчишка.

— Висит? — сказал Скрудж. — Так сбегай купи её.

— Пошёл ты! — буркнул мальчишка.

¹ *Лаоко́н* — здесь: скульптурная группа, изображающая смертельную борьбу греческого жреца Лаокоона и его сыновей со змеями.

— Нет, нет, я не шучу, — заверил его Скрудж. — Поди купи её и вели принести сюда, а я скажу им, куда её доставить. Приведи сюда приказчика и получишь от меня шиллинг. А если обернёшься в пять минут, получишь полкроны!

Мальчишка полетел стрелой, и, верно, искусна была рука, спустившая эту стрелу с тетивы, ибо она не потеряла даром ни секунды.

— Я пошлю индюшку Бобу Крэтчиту! — пробормотал Скрудж и от восторга так и покатился со смеху. — То-то он будет голову ломать — кто это ему прислал. Индюшка-то, пожалуй, вдвое больше крошки Тима. Даже Джо Миллеру¹ никогда бы не придумать такой штуки, — послать индюшку Бобу!

[...]

Наконец, приодевшись по-праздничному, он вышел из дому. По улицам уже валом валил народ — совсем как в то рождественское утро, которое Скрудж провёл с Духом Нынешних Святых, и, заложив руки за спину, Скрудж шагал по улице, сияющей улыбкой приветствуя каждого встречного. И такой был у него счастливый, располагающий к себе вид, что двое-трое прохожих, дружелюбно улыбнувшись в ответ, сказали ему:

— Доброе утро, сэр! С праздником вас!

И Скрудж не раз говаривал потом, что слова эти прозвучали в его ушах райской музыкой.

Не успел он отдалиться от дому, как увидел, что навстречу ему идёт дородный господин — тот самый, что, зайдя к нему в контору в сочельник вечером, спросил:

— Скрудж и Марли, если не ошибаюсь?

У него упало сердце при мысли о том, каким взглядом подарит его этот почтенный старец, когда они сойдутся, но он знал, что не должен уклоняться от предначертанного ему пути.

— Приветствую вас, дорогой сэр, — сказал Скрудж, убыстря шаг и протягивая обе руки старому джентльмену. — Надеюсь, вы успешно завершили вчера ваше предприятие? Вы затеяли очень доброе дело. Поздравляю вас с праздником, сэр!

— Мистер Скрудж?

— Совершенно верно, — отвечал Скрудж. — Это имя, но боюсь, что оно звучит для вас не очень-то приятно. Позвольте попросить у вас прощения. И вы меня очень обяжете, если... — Тут Скрудж прошептал ему что-то на ухо.

— Господи помилуй! — вскричал джентльмен, разинув рот от удивления. — Мой дорогой мистер Скрудж, вы шутите?

¹ *Миллер Джо* — автор опубликованного в 1739 году сборника шуток и анекдотов.

— Ни в коей мере, — сказал Скрудж. — И прошу вас, ни фартингом меньше. Поверьте я этим лишь оплачиваю часть своих старинных долгов. Можете вы оказать мне это одолжение?

— Дорогой сэръ! — сказал тот, пожимая ему руку. — Я просто не знаю, как и благодарить вас, такая щедр...

— Прошу вас, ни слова больше, — прервал его Скрудж. — Доставьте мне удовольствие — зайдите меня проведать. Очень вас прошу.

— С радостью! — вскричал старый джентльмен, и не могло быть сомнения, что это говорилось от души.

— Благодарю вас, — сказал Скрудж. — Тысячу раз благодарю! Премного вам обязан. Дай вам бог здоровья!

Скрудж побывал в церкви, затем побродил по улицам. Он приглядывался к прохожим, спешившим мимо, гладил по головке детей, беседовал с нищими, заглядывал в окна квартир и в подвальные окна кухонь, и всё, что он видел, наполняло его сердце радостью. Думал ли он когда-нибудь, что самая обычная прогулка — да и вообще что бы то ни было — может сделать его таким счастливым!

А когда стало смеркаться, он направил свои стопы к дому племянника.

Не раз и не два прошёлся он мимо дома туда и обратно, не решаясь постучать в дверь. Наконец, собравшись с духом, поднялся на крыльцо.

— С нами крёстная сила! — вскричал Фред. — Кто это?

— Это я, твой дядюшка Скрудж. Я пришёл к тебе пообедать. Ты примешь меня, Фред?

Примет ли он дядюшку! Да он на радостях едва не оторвал ему напрочь руку. Через пять минут Скрудж уже чувствовал себя как дома. Такого сердечного приёма он ещё отродясь не встречал.

Ах, какой это был чудесный вечер! И какие чудесные игры! И какое чудесное единодушие во всём! Какое счастье!

А наутро, чуть свет, Скрудж уже сидел у себя в конторе. О да, он пришёл спозаранок. Он горел желанием попасть туда раньше Боба Крэтчита и уличить клерка в том, что он опоздал на работу. Скрудж просто мечтал об этом.

И это ему удалось! Да, удалось! Часы пробили девять. Боба нет. Четверть десятого. Боба нет. Он опоздал ровно на восемнадцать

Иллюстрация
Патрика Джеймса
Линча

с половиной минут. Скрудж сидел за своей конторкой, настезь распахнув дверь, чтобы видеть, как Боб проскользнёт в свой чуланчик.

Ещё за дверью Боб стащил с головы шляпу и размотал свой тёплый шарф. И вот он уже сидел на табурете и с такой быстротой скрипел по бумаге пером, словно хотел догнать и оставить позади ускользнувшие от него девять часов.

— А вот и вы! — проворчал Скрудж, подражая своему собственному вечному брюзжанию. — Как прикажете понять ваше появление на работе в этот час дня?

— Прошу прощения, сэр, — сказал Боб. — Я в самом деле немного опоздал!

— Ах, вот как! Вы опоздали? — подхватил Скрудж. — О да, мне тоже сдаётся, что вы опоздали. Будьте любезны, потрудитесь подойти сюда, сэр.

— Ведь это один-единственный раз за весь год, сэр, — жалобно проговорил Боб, выползая из своего чуланчика. — Больше этого не будет, сэр. Я позволил себе вчера немного повеселиться.

— Ну вот, что я вам скажу, приятель, — промолвил Скрудж. — Больше я этого не потерплю, а посему... — Тут он соскочил со стула и дал Бобу такого тумака под ложечку, что тот задом влетел обратно в свой чулан. — А посему, — продолжал Скрудж, — я намерен прибавить вам жалования!

Боб задрожал и украдкой потянулся к линейке. У него мелькнула было мысль оглушить Скруджа ударом по голове, скрутить ему руки за спиной, крикнуть караул и ждать, пока принесут смирительную рубашку.

— Поздравляю вас с праздником, Боб, — сказал Скрудж, хлопнув Боба по плечу, и на этот раз видно было, что он в полном разуме. — И желаю вам, Боб, дружище, хорошенько развлечься на этих святках, а то прежде вы по моей милости не очень-то веселились. Я прибавлю вам жалования и постараюсь что-нибудь сделать и для вашего семейства. Сегодня вечером мы потолкуем об этом за бокалом рождественского глинтвейна, а сейчас, Боб Крэтчит, прежде чем вы нацарапаете ещё хоть одну запятую, я приказываю вам сбегать купить ведёрко угля да разжечь пожарче огонь.

И Скрудж сдержал своё слово. Он сделал всё, что обещал Бобу, и даже больше, куда больше. А Малютке Тиму, который, к слову сказать, вскоре совсем поправился, он был всегда вторым отцом. И таким он стал добрым другом, таким тароватым¹ хозяином, и таким щедрым человеком, что наш славный старый город может им только гордиться. Да и не только наш — любой добрый старый город,

¹ *Тароватый* — великодушный, щедрый.

или городишко, или селение в любом уголке нашей доброй старой земли. Кое-кто посмеивался над этим превращением, но Скрудж не обращал на них внимания — смейтесь на здоровье! Он был достаточно умён и знал, что так уж устроен мир, — всегда найдутся люди, готовые подвергнуть осмеянию доброе дело. Он понимал, что те, кто смеётся, — слепы, и думал: пусть себе смеются, лишь бы не плакали! На сердце у него было весело и легко, и для него этого было вполне довольно.

Больше он уже никогда не водил компании с духами, — в этом смысле он придерживался принципов полного воздержания, — и про него шла молва, что никто не умеет так чтить и справлять святки, как он. Ах, если бы и про нас могли сказать то же самое! Про всех нас! А теперь нам остаётся только повторить за Малюткой Тимом: да осенит нас всех Господь Бог своею милостью!

Перевод Татьяны Озёрской

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Дайте советы по выразительному чтению пятой строфы.
2. Назовите слова, пропущенные в этой цитате: «*Мне так легко, словно я ..., так радостно, словно я ..., так весело, словно я ...!*» Какое художественное средство и с какой целью использовал автор?
3. Расскажите от имени Скруджа о его добрых делах.
4. Вспомните своё впечатление от первой встречи со Скруджем. Изменилось ли ваше отношение к нему? Обоснуйте свой ответ.

У литературной карты мира

Гуляя по Лондону, можно увидеть множество мест, связанных с именем Диккенса. Прежде всего, это музей писателя, расположенный в доме на Даути-стрит, где он поселился, будучи уже известным автором. Здесь всё напоминает о бывшем хозяине: камин, возле которого он грелся, письменный стол, за которым работал пятнадцать лет. Но наиболее часто посетителей привлекает грубая рама с маленьким мутным окошечком. Именно через него Чарльз смотрел на улицу, когда семья Диккенсов, переживая тяжёлые времена, вынуждена была ютиться в полуподвальном помещении.

Читателю XXI столетия на заметку

Произведениями Диккенса интересовались **Тарас Шевченко, Иван Франко, Леся Украинка. Пантелеймон Кулиш** называл Диккенса *«самым великим живописцем быта, обычаев и страстей человеческих»*.

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ

1. Почему Диккенса называют защитником униженных и оскорблённых?
2. Представьте фантастическую ситуацию: вы встретились со Скруджем. О чём бы вы с ним поговорили?
3. Каковы, на ваш взгляд, причины того, что Скрудж стал скупым, эгоистичным и жестоким человеком?
4. Что способствовало его изменению?
5. Узнайте персонажа повести по его краткому описанию:
 - ✓ *«очень странное существо, похожее на ребёнка, но ещё более на старичка»;*
 - ✓ *«такой весёлый и сияющий Великан, что сердце радовалось при одном на него взгляде»;*
 - ✓ *«длинная цепь опоясывала его и волочилась за ним по полу на манер хвоста».*
6. Объясните смысл названия произведения. Чем «Рождественская песнь в прозе» отличается от известных нам рождественских песен-колядок?
7. Вспомните, что такое повесть. Почему «Рождественскую песнь в прозе» называют повестью?
8. Как в «Рождественской песне в прозе» отражена реальная жизнь англичан в XIX веке?
9. Присутствуют ли в этом произведении фантастические элементы? Если да, то какие именно и какова их роль?
10. Прочитайте высказывание Пантелеймона Кулиша о Диккенсе в рубрике «Читателю XXI столетия на заметку». Каким образом эти слова касаются «Рождественской песни в прозе»?
11. Смотрели ли вы художественный или мультипликационный фильмы, созданные по этому произведению Диккенса? Если да, поделитесь своими впечатлениями.
12. Напишите сочинение на одну из тем: «Рождественское превращение Скруджа»; «Что в жизни человека наиболее ценно?».

**Даниель
ДЕФÓ**
(1660–1731)

Судеб таких изменчивых
никто не испытал,
тринадцать раз я был богат,
и снова беден стал.

Даниель Дефо

ОТЕЦ ЗНАМЕНИТОГО РОБИНЗОНА

Эти стихотворные строчки английский писатель Даниель Дефо написал, когда ему шёл седьмой десяток. Судьба у него была и в самом деле изменчивой. Сын мясника, фамилия которого была Фо (это Даниель добавил к ней частичку «де»), он против воли отца решил стать купцом. Дефо совершил путешествия в Испанию и Португалию, Италию и Голландию, но купец из него так и не получился. Лишь на 40-м году жизни Даниель нашёл своё призвание. Он стал журналистом. И последующие пятнадцать лет посвятил карьере писателя и политика.

Его перо не знало покоя. Тюрьма и позорный столб, преследования и нищета — всё пришлось испытать в жизни Даниелю Дефо. Невзирая на все беды, этот сильный духом и необыкновенно энергичный человек никогда не изменял своим убеждениям и до последних дней боролся с пером в руках за свои идеалы. Из 350 произведений, принадлежащих Д. Дефо, мировую известность ему принёс роман о приключениях Робинзона Крузо на необитаемом острове.

Вот уж действительно мечты сбываются! Ведь Дефо мечтал написать настоящую морскую историю и осуществил свой замысел, когда ему исполнилось 59 лет.

Интересна история создания этого произведения. По мнению исследователей творчества Дефо, непосредственным толчком к написанию романа стал эпизод из корабельного дневника капитана Роджерса, опубликованного под названием «Путешествие вокруг света в 1708–1711 годах». Вскоре по материалам этого дневника известный журналист Стиль напечатал статью о приключениях шотландского матроса Александра Селькирка, который, как считают, в определённой степени стал прототипом¹ Робинзона Крузо.

В отеле «Ландогер Трау» состоялась встреча Даниеля Дефо с Александром Селькирком. Писатель узнал, что Селькирк был штурманом судна «Пять портов», и его за непокорность капитану высадили на безлюдный остров Хуан-Фернандес возле берегов Чили, на котором он прожил 4 года. Результатом беседы писателя с Александром Селькирком и стало произведение о Робинзоне Крузо. В романе Дефо перенёс остров, на котором происходят события, в другое место, время действия отодвинул приблизительно на 15 лет назад, увеличил сроки пребывания своего героя на острове в 7 раз.

Так и появился роман, полное название которого звучит так: *«Жизнь, необыкновенные и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове, у берегов Америки, близ устья великой реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля, кроме него, погиб, с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим».*

1. Расскажите, что вам известно о Даниеле Дефо.
2. Раскройте историю создания романа о Робинзоне Крузо.

¹ Прототип — реальное лицо, представление о котором послужило автору основой для создания литературного персонажа.

ЖИЗНЬ И УДИВИТЕЛЬНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ РОБИНЗОНА КРУЗО...

(в сокращении)

[...] В недобрый час, 1-го сентября 1659 года, я взошёл на корабль. Это был тот самый день, в который восемь лет тому назад я убежал от отца и матери в Гулль, — тот день, когда я восстал против родительской власти и так глупо распорядился своею судьбой.

Наше судно было вместимостью около ста двадцати тонн: на нём было шесть пушек и четырнадцать человек экипажа, не считая капитана, юнга¹ и меня. Тяжёлого груза у нас не было, и весь он состоял из разных мелких вещиц, какие обыкновенно употребляются для меновой торговли с неграми: из ножниц, ножей, топоров, зеркалац, стекляшек, раковин, бус и тому подобной дешёвки.

Как уже сказано, я сел на корабль 1-го сентября, и в тот же день мы снялись с якоря. Сначала мы направились к северу вдоль берегов Бразилии, рассчитывая свернуть к африканскому материка, когда дойдём до десятого или двенадцатого градуса северной широты, таков в те времена был обыкновенный курс судов. Всё время, покуда мы держались наших берегов, до самого мыса Св. Августина, стояла прекрасная погода, было только чересчур жарко. От мыса Св. Августина мы повернули в открытое море и вскоре потеряли из виду землю. Мы держали курс приблизительно на остров Фернандо де Норонха, т. е. на северо-восток. Остров Фернандо остался у нас по правой руке. После двенадцатидневного плавания мы пересекли экватор² и находились, по последним наблюдениям, под 7° 22' северной широты, когда на нас неожиданно налетел жестокий шквал. Это был настоящий ураган. Он начался с юго-востока, потом пошёл в обратную сторону и, наконец, задул с северо-востока с такою ужасающей силой, что в течение двенадцати дней мы могли только носиться по ветру и, отдавшись на волю судьбы, плыть, куда нас гнала ярость стихий. Нечего и говорить, что все эти двенадцать дней я ежечасно ожидал смерти, да и никто на корабле не чаял остаться в живых.

Но наши беды не ограничились страхом бури: один из наших матросов умер от тропической лихорадки, а двоих — матроса и юнга — смыло с палубы. На двенадцатый день шторм стал стихать, и капитан произвёл по возможности точное вычисление. Оказалось, что мы находимся приблизительно под одиннадцатым градусом северной широты, но что нас отнесло на двадцать два градуса

¹ Юнга — подросток на судне, обучающийся морскому делу.

² Экватор — условная линия, которая делит земной шар на Северное и Южное полушария.

к западу от мыса Св. Августина. Мы были теперь недалеко от берегов Гвианы или северной части Бразилии, за рекой Амазонкой, и ближе к реке Ориноко, более известной в тех краях под именем Великой Реки.

[...] Ранним утром, когда мы бедствовали таким образом — ветер всё ещё не сдавал — один из матросов крикнул: «Земля!», но не успели мы выскочить из каюты в надежде узнать, где мы находимся, как судно село на мель. В тот же миг от внезапной остановки вода хлынула на палубу с такой силой, что мы уже считали себя погибшими: стремглав бросились мы вниз в закрытые помещения, где и укрылись от брызг и пены.

Тому, кто не бывал в подобном положении, трудно дать представление, до какого отчаяния мы дошли. Мы не знали, где мы находимся, к какой земле нас прибило, остров это или материк, обитаемая земля или нет. А так как буря продолжала бушевать, хоть и с меньшей силой, мы не надеялись даже, что наше судно продержится несколько минут, не разбившись в щепки; разве только каким-нибудь чудом ветер вдруг переменится. Словом, мы сидели, глядя друг на друга и ежеминутно ожидая смерти, и каждый готовился к переходу в иной мир, ибо в здешнем мире нам уже нечего было делать. Единственным нашим утешением было то, что, вопреки всем ожиданиям, судно было всё ещё цело, и капитан сказал, что ветер начинает стихать.

Но хотя нам показалось, что ветер немного стих, все же корабль так основательно сел на мель, что нечего было и думать сдвинуть его с места, и в этом отчаянном положении нам оставалось только позаботиться о спасении нашей жизни какой угодно ценой. У нас было две шлюпки; одна висела за кормой, но во время шторма её разбило о руль, а потом сорвало и потопило или унесло в море. На неё нам нечего было рассчитывать. Оставалась другая шлюпка, но как спустить её на воду? — это был большой вопрос. А между тем нельзя было мешкать: корабль мог каждую минуту расколоться на двое; некоторые даже говорили, что он уже дал трещину.

В этот критический момент помощник капитана подошёл к шлюпке и с помощью остальных людей экипажа перебросил её через борт; мы все, одиннадцать человек, вошли в шлюпку, отчалили и, поручив себя милосердию Божью, отдались на волю бушующих волн; хотя шторм значительно поулёгся, всё-таки на берег набегали страшные валы, и море могло быть по справедливости названо *den vild Zee* (дикое море), — как выражаются голландцы.

Наше положение было поистине плачевно: мы ясно видели, что шлюпка не выдержит такого волнения и что мы неизбежно потонем. Идти на парусе мы не могли: у нас его не было, да и всё равно он

был бы нам бесполезен. Мы гребли к берегу с камнем на сердце, как люди, идущие на казнь: мы все отлично знали, что как только шлюпка подойдёт ближе к земле, её разнесёт прибоем на тысячу кусков. И, подгоняемые ветром и течением, предавши душу свою милосердию божию, мы налегли на вёсла, собственноручно приближая момент нашей гибели.

Какой был перед нами берег — скалистый или песчаный, крутой или отлогий, — мы не знали. Единственной для нас надеждой на спасение была слабая возможность попасть в какую-нибудь бухточку или залив, или в устье реки, где волнение было слабее и где мы могли бы укрыться под берегом с наветренной стороны. Но впереди не было видно ничего похожего на залив, и чем ближе подходили мы к берегу, тем страшнее казалась земля, — страшнее самого моря.

Когда мы отошли или, вернее, нас отнесло, по моему расчёту, мили¹ на четыре от того места, где застрял наш корабль, вдруг огромный вал, величиной с гору, набежал с кормы на нашу шлюпку, как бы собираясь похоронить нас в морской пучине. В один миг опрокинул он нашу шлюпку. Мы не успели крикнуть: «Боже!», как очутились под водой, далеко и от шлюпки, и друг от друга.

Ничем не выразить смятения, овладевшего мною, когда я погрузился в воду. Я очень хорошо плаваю, но я не мог сразу вынырнуть на поверхность и чуть не задохся. Лишь когда подхватившая меня волна, пронеся меня изрядное расстояние по направлению к берегу, разбилась и отхлынула назад, оставив меня почти на суше полумёртвым от воды, которой я нахлебался, я перевёл немного дух и опомнился. У меня хватило настолько самообладания, что, увидев себя ближе к земле, чем я ожидал, я поднялся на ноги и опрометью пустился бежать в надежде достичь земля прежде, чем нахлынет и подхватит меня другая волна, но скоро увидел, что мне от неё не уйти; море шло горой и догоняло, как разъярённый враг, бороться с которым у меня не было ни силы, ни средств. Мне оставалось только, задержав дыхание, вынырнуть на гребень волны и плыть к берегу, насколько хватит сил. Главной моей заботой было справиться по возможности с новой волной так, чтобы, поднеся меня ещё ближе к берегу, она не увлекла меня за собой в своём обратном движении к морю.

Набежавшая волна похоронила меня футов² на двадцать, на тридцать под водой. Я чувствовал, как меня подхватило и с невероятной силой и быстротой долго несло к берегу. Я задержал дыхание и поплыл по течению, изо всех сил помогая ему. Я уже почти задышался, как вдруг почувствовал, что поднимаюсь кверху; вскоре, к великому

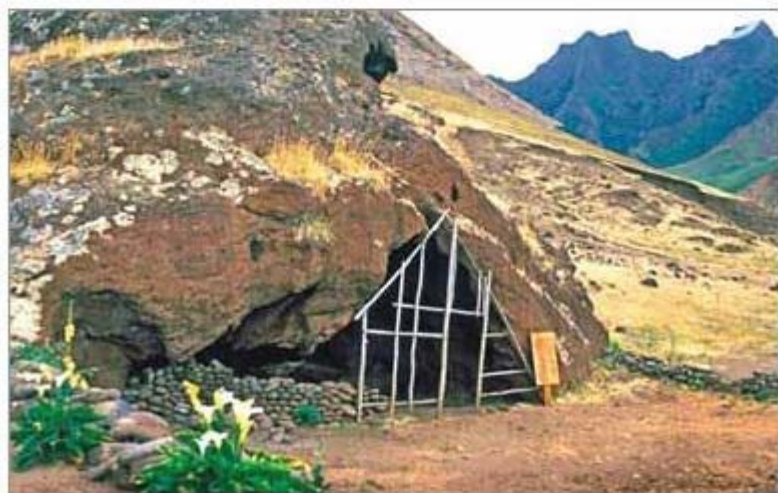
¹ *Миля* — мера длины; морская миля — 1852 м.

² *Фут* — мера длины (30,5 см).

моему облегчению, мои руки и голова оказались над водой, и хотя я мог продержаться на поверхности не больше двух секунд, однако успел перевести дух, и это придало мне силы и мужества. Меня снова захлестнуло, но на этот раз я пробыл под водой не так долго. Когда волна разбилась и пошла назад, я не дал ей увлечь себя обратно и скоро почувствовал под ногами дно. Я простоял несколько секунд, чтобы отдышаться, и, собрав остаток сил, снова опрометью пустился бежать к берегу. Но и теперь я ещё не ушёл от ярости моря: ещё два раза оно меня изгоняло, два раза меня подхватывало волной и несло всё дальше и дальше, так как в этом месте берег был очень отлогий.

Последний вал едва не оказался для меня роковым: подхватив меня, он вынес или, вернее, бросил меня на скалу с такой силой, что я лишился чувств и оказался совершенно беспомощным: удар в бок и в грудь совсем отшиб у меня дыхание, и, если б море снова подхватило меня, я бы неминуемо захлебнулся. Но я пришёл в себя как раз вовремя: увидев, что сейчас меня опять накроет волной, я крепко уцепился за выступ моей скалы и, задержав дыхание, решил переждать, пока волна не схлынет. Так как ближе к земле волны были уже не столь высоки, то я продержался до её ухода. Затем я снова пустился бежать, и очутился настолько близко к берегу, что следующая волна хоть и перекатилась через меня, но уже не могла поглотить меня и унести обратно в море. Пробежав ещё немного, я, к великой моей радости, почувствовал себя на суше, вскарабкался на прибрежные скалы и опустился на траву. Здесь я был в безопасности: море не могло достать до меня.

(Продолжение следует.)

«Пещера Робинзона» на острове Мас-а-Тьерра у берегов Чили

У литературной карты мира

В благодарность за историю о Робинзоне Крузо два тихоокеанских острова, расположенные недалеко от столицы Чили — Сантьяго, названы именами Робинзона Крузо и Александра Селькирка.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Заинтересовало ли вас прочитанное? Поделитесь своими впечатлениями.
2. Расскажите от имени главного героя, что с ним случилось.
3. Найдите в тексте и прочитайте описание моря во время бури. Какие художественные средства помогают читателю представить эту картину?
4. Как вы думаете, что дальше произойдёт с главным героем? Обоснуйте, на чём основаны ваши предположения.

[...]

Очутившись на земле целым и невредимым, я поднял взор к небу, возблагодарил Бога за спасение моей жизни, на которое всего лишь несколько минут тому назад у меня почти не было надежды. Я думаю, что нет таких слов, которыми можно было бы изобразить с достаточной яркостью восторг души человеческой, восставшей, так сказать, из гроба, и я ничуть не удивляюсь тому, что, когда преступнику, уже с петлёй на шее, в тот самый миг, как его должны вздёргнуть на виселицу, объявляют помилование, — я не удивляюсь, повторяю, что при этом всегда присутствует и врач, чтобы пустить ему кровь, иначе неожиданная радость может слишком сильно потрясти помилованного и остановить биение его сердца.

Внезапная радость, как и скорбь, ума лишает.

Иллюстрация
из первого издания
«Робинзона Крузо» (1719)

Я ходил по берегу, воздевал руки к небу и делал тысячи других жестов и движений, которых теперь не могу уже описать. Все моё существо было, если можно так выразиться, поглощено мыслями о моём спасении. Я думал о своих товарищах, которые все утонули, и о том, что, кроме меня, не спаслась ни одна душа; по крайней мере, никого из них я больше не видел; от них и следов не осталось, кроме трёх шляп, одной фуражки да двух непарных башмаков, выброшенных морем.

Взглянув в ту сторону, где стоял на мели наш корабль, я едва мог рассмотреть его за высоким прибоем, — так он был далеко, и я сказал себе: «Боже! каким чудом мог я добраться до берега?»

Утешившись этими мыслями о благополучном избавлении от смертельной опасности, я стал осматриваться кругом, чтобы узнать, куда я попал и что мне прежде всего делать. Моё радостное настроение разом упало: я понял, что хотя я и спасён, но не избавлен от дальнейших ужасов и бед. На мне не оставалось сухой нитки, переодеться было не во что; мне нечего было есть, у меня не было даже воды, чтобы подкрепить свои силы, а в будущем мне предстояло или умереть голодной смертью, или быть растерзанным хищными зверями. Но что всего ужаснее — у меня не было оружия, так что я не мог ни охотиться за дичью для своего пропитания, ни обороняться от хищников, которым вздумалось бы напасть на меня. У меня, вообще, не было ничего, кроме ножа, трубки да коробочки с табаком. Это было всё моё достояние. И, раздумавшись, я пришёл в такое отчаяние, что долго, как сумасшедший, бегал по берегу. Когда настала ночь, я с замирающим сердцем спрашивал себя, что меня ожидает, если здесь водятся хищные звери: ведь они всегда выходят на добычу по ночам.

Единственно, что я мог тогда придумать, это — взобраться на росшее поблизости толстое, ветвистое дерево, похожее на ель, но с колючками, и просидеть на нём всю ночь, а когда придёт утро, решить, какую смертью лучше умереть, ибо я не видел возможности жить в этом месте. Я прошёл с четверть мили в глубь страны посмотреть, не найду ли я пресной воды, и, к великой моей радости, нашёл ручеёк. Напившись и положив в рот немного табаку, чтобы заглушить голод, я воротился к дереву, взобрался на него и постарался устроиться таким образом, чтобы не свалиться в случае, если засну. Затем я вырезал для самозащиты коротенький сук, вроде дубинки, уселся на своём седалище поплотнее и от крайнего утомления крепко уснул. Я спал так сладко, как, я думаю, немногим спалось бы на моём месте, и никогда не пробуждался от сна таким свежим и бодрым.

Когда я проснулся, было совсем светло: погода прояснилась, ветер утих, и море больше не бушевало, не вздымалось. Но меня крайне поразило то, что корабль очутился на другом месте, почти у самой той скалы, о которую меня так сильно ударило волной: должно быть, за ночь его приподняло с мели приливом и пригнало сюда. Теперь он стоял не дальше мили от того места, где я провёл ночь, и так как держался он почти прямо, то я решил побывать на нём, чтобы запастись едой и другими необходимыми вещами.

Покинув своё убежище и спустившись с дерева, я ещё раз осмотрелся кругом, и первое, что я увидел, была наша шлюпка, лежавшая милях в двух вправо, на берегу, куда её, очевидно, выбросило море. Я пошёл было в том направлении, думая дойти до неё, но оказалось, что в берег глубоко врезывался заливчик шириною с полмили и преграждал путь. Тогда я повернул назад, ибо мне было важнее попасть поскорей на корабль, где я надеялся найти что-нибудь для поддержания своего существования.

После полудня волнение на море совсем улеглось, и отлив был так низок, что мне удалось подойти к кораблю по суше на четверть мили. Тут я снова почувствовал приступ глубокого горя, ибо мне стало ясно, что если бы мы остались на корабле, то все были бы живы: переждав шторм, мы бы благополучно перебрались на берег, и я не был бы, как теперь, несчастным существом, совершенно лишённым человеческого общества. При этой мысли слёзы выступили у меня на глазах, но слезами горю не помочь, и я решил добратся всё-таки до корабля. Раздевшись (так как день был нестерпимо жаркий), я вошёл в воду. Но когда я подплыл к кораблю, возникло новое затруднение: — как на него взобраться? Он стоял на мелком месте, весь выступал из воды, и уцепиться было не за что. Два раза я оплыл кругом него и во второй раз заметил верёвку (удивляюсь, как она сразу не бросилась мне в глаза). Она свешивалась так низко над водой, что мне, хоть и с большим трудом, удалось поймать её конец и взобраться по ней на бак корабля. Судно дало течь, и я нашёл в трюме много воды; однако, оно так увязло килем¹ в песчаной или, скорее, илистой отмели, что корма была приподнята, а нос почти касался воды. Таким образом, вся кормовая часть оставалась свободной от воды, и всё, что там было сложено, не подмокло. Я сразу обнаружил это, так как, разумеется, мне прежде всего хотелось узнать, что из вещей было попорчено и что уцелело. Оказалось, во-первых, что весь запас провизии был совершенно сух, а так как меня мучил голод, то я отправился в кладовую, набил карманы суха-

¹ Киль — продольный брус, проходящий по всей длине судна в середине его днища.

рями и ел их на ходу, чтобы не терять времени. В кают-компании я нашёл бутылку рому и отхлебнул из неё несколько хороших глотков, ибо очень нуждался в подкреплении сил для предстоящей работы.

Прежде всего мне нужна была лодка, чтобы перевезти на берег те вещи, которые, по моим соображениям, могли мне понадобиться. Однако бесполезно было сидеть, сложа руки, и мечтать о том, чего нельзя было получить. Нужда изощряет изобретательность, и я живо принялся за дело. На корабле были запасные мачты, стеньги и реи. Из них я решил построить плот. Выбрав несколько брёвен полегче, я перекинул их за борт, привязав предварительно каждое верёвкой, чтобы их не унесло. Затем я спустился с корабля, притянул к себе четыре брёвна, крепко связал их между собою по обоим концам, скрепив ещё сверху двумя или тремя коротенькими досками, положенными накрест. Мой плот отлично выдерживал тяжесть моего тела, но для большого груза был слишком лёгок. Тогда я снова принялся за дело и с помощью пилы нашего корабельного плотника распилил запасную мачту на три куска, которые и приладил к своему плоту. Эта работа стоила мне невероятных усилий, но желание запастись по возможности всем необходимым для жизни поддерживало меня, и я сделал то, на что, при других обстоятельствах, у меня не хватило бы сил.

Теперь мой плот был достаточно крепок и мог выдержать порядочную тяжесть. Первым моим делом было нагрузить его и уберечь мой груз от морского прибоя. Над этим я раздумывал недолго. Прежде всего я положил на плот все доски, какие нашлись на корабле: на эти доски я спустил три сундука, принадлежащих нашим матросам, предварительно взломав в них замки и опорожнив их. Затем, прикинув в уме, что из вещей могло мне понадобиться больше всего, я отобрал эти вещи и наполнил ими все три сундука. В один я сложил съестные припасы: рис, сухари, три круга голландского сыру, пять больших кусков вяленой козлятины (служившей нам главной мясной пищей) и остатки зерна, которое мы везли для бывшей на судне птицы и часть которого осталась, так как птиц мы уже давно съели. Это был ячмень, перемешанный с пшеницей; к великому моему разочарованию, он оказался попорченным крысами. Я нашёл также несколько ящиков вин и пять или шесть галлонов арака или рисовой водки, принадлежавших нашему шкиперу¹. Все эти ящики я поставил прямо на плот, так как в сундуках они бы не поместились, да и надобности не было их прятать. Между тем, пока я был занят нагрузкой, начался прилив, и к великому моему огорчению я увидел, что мой камзол, рубашку и жилетку, оставленные мною на берегу,

¹ Шкипер — капитан.

унесло в море. Таким образом, у меня остались из платья только чулки да штаны (полотняные и коротенькие, до колен), которых я не снимал. Это заставило меня подумать о том, чтобы запастись одеждой. На корабле было довольно всякого платья, но я взял пока только то, что было необходимо в данную минуту: меня гораздо больше соблазняло многое другое и прежде всего рабочие инструменты. После долгих поисков я нашёл ящик нашего плотника, и это была для меня поистине драгоценная находка, которой я не отдал бы в то время за целый корабль с золотом. Я поставил на плот этот ящик, как он был, даже не заглянув в него, так как мне было приблизительно известно, какие в нём инструменты.

Теперь мне осталось запастись оружием и зарядами. В кают-компании я нашёл два прекрасных охотничьих ружья и два пистолета, которые и переправил на плот вместе с пороховницей, небольшим мешком с дробью и двумя старыми заржавленными саблями. Я знал, что у нас было три бочонка пороху, но не знал, где их хранил наш канонир¹. Однако, поискав хорошенько, я нашёл их все три. Один казался подмокшим, а два были совершенно сухи, и я перетащил их на плот вместе с ружьями и саблями. Теперь мой плот был достаточно нагружен, и я начал думать, как мне добраться до берега без паруса, без вёсел и без руля: ведь довольно было самого слабого ветра, чтоб опрокинуть всё моё сооружение.

Три обстоятельства ободряли меня: во-первых, полное отсутствие волнения на море; во-вторых, прилив, который должен был гнать меня к берегу; в-третьих, небольшой ветерок, дувший тоже к берегу и, следовательно, попутный. Итак, разыскав два или три сломанных весла от корабельной шлюпки, прихватив ещё две пилы, топор и молоток (кроме тех инструментов, что были в ящике), я пустился в море. С милю или около того мой плот шёл отлично; я заметил только, что его относит от того места, куда накануне меня выбросило море. Это навело меня на мысль, что там, должно быть, береговое течение и что, следовательно, я могу попасть в какой-нибудь заливчик или речку, где мне будет удобно пристать с моим грузом.

[...]

Наконец, на правом берегу я высмотрел крошечный заливчик, к которому и направил свой плот. С большим трудом провёл я его поперёк течения и вошёл в заливчик, упёршись в дно вёслами. Но здесь я снова рисковал вывалить весь мой груз: берег был здесь настолько крут, что если бы только мой плот наехал на него одним концом, то неминуемо бы наклонился к воде другим, и моя поклажа была бы в опасности. Мне оставалось только выжидать ещё боль-

¹ *Канонир* — артиллерист, который обслуживает пушку.

шего подъёма воды. Высмотрев удобное местечко, где берег заканчивался ровной площадкой, я пододвинул туда плот и, упираясь в дно веслом, держал его как на якорю; я рассчитал, что прилив покроет эту площадку водой. Так и случилось. Когда вода достаточно поднялась — мой плот сидел в воде на целый фут, — я толкнул плот на площадку, укрепил его с двух сторон при помощи вёсел, воткнув их в дно, и стал дожидаться отлива. Таким образом, мой плот со всем грузом оказался на сухом берегу.

Следующей моей заботой было осмотреть окрестности и выбрать себе удобное местечко для жилья, где бы я мог сложить своё добро в безопасности от всяких случайностей. Я всё ещё не знал, куда я попал: на материк или на остров, в населённую или в необитаемую страну; не знал, грозит ли мне опасность со стороны хищных зверей, или нет. Приблизительно в полумиле от меня виднелся холм, крутой и высокий, по-видимому, господствовавший над грядой возвышенностей, тянувшейся к северу. Вооружившись ружьём, пистолетом и пороховницей, я отправился на разведку. Когда я взобрался на вершину холма (что стоило мне немалых усилий), мне стала ясна моя горькая участь: я был на острове; кругом со всех сторон тянулось море, за которым нигде не видно было земли, если не считать торчавших в отдалении нескольких скал да двух маленьких островов, поменьше моего, лежавших милях в десяти к западу.

Я сделал и другие открытия: мой остров был совершенно не возделан и, судя по всем признакам, даже необитаем. Может быть, на нём и были хищные звери, но пока я ни одного не видал. Зато пернатые водились во множестве, но все неизвестных мне пород, так что потом, когда мне случалось убить дичь, я никогда не мог определить по её виду, годится ли она в пищу или нет. Спускаясь с холма, я подстрелил большую птицу, сидевшую на дереве у опушки леса. Я думаю, что это был первый выстрел, раздавшийся здесь с сотворения мира: не успел я выстрелить, как над рощей взвилась туча птиц; каждая из них кричала по-своему, но ни один из этих криков не походил на крики известных мне пород. Что касается убитой мной птицы, то, по-моему, это была разновидность нашего ястреба: она очень напоминала его окраской перьев и формой клюва, только когти у неё были гораздо короче, её мясо отдавало падалью и не годилось в пищу.

Удовольствовавшись этими открытиями, я воротился к плоту и принялся перетаскивать вещи на берег. Это заняло у меня весь остаток дня. Я не знал, как и где устроиться мне на ночь. Лечь прямо на землю я боялся, не будучи уверен, что меня не загрызёт какой-нибудь хищник. Впоследствии оказалось, что эти страхи были неосновательны.

Поэтому, наметив на берегу местечко для ночлега, я загородил его со всех сторон сундуками и ящиками, а внутри этой ограды соорудил из досок нечто вроде шалаша. Что касается пищи, то я не знал ещё, как буду добывать себе впоследствии пропитание: кроме птиц да двух каких-то зверьков, вроде нашего зайца, выскочивших из роци при звуке моего выстрела, никакой живности я здесь не видел. Но теперь я думал только о том, как бы забрать с корабля всё, что там оставалось и что могло мне пригодиться, прежде всего паруса и канаты. Поэтому я решил, если ничто не помешает, предпринять второй рейс к кораблю. А так как я знал, что при первой же буре его разобьёт в щепки, то постановил отложить все другие дела, пока не свезу на берег всего, что только могу взять. Я стал держать совет (с самим собой, конечно), брать ли мне плот с собой. Это показалось мне непрактичным, и, дождавшись отлива, я пустился в путь, как в первый раз. Только на этот раз я разделся в шалаше, оставшись в одной нижней клетчатой рубашке, в полотняных кальсонах и в туфлях на босу ногу.

Как и в первый раз, я взобрался на корабль по верёвке; затем построил новый плот. Но, умудрённый опытом, я сделал его не таким неповоротливым, как первый, и не так тяжело нагрузил. Впрочем, я всё-таки перевёз на нём много полезных вещей: во-первых, всё, что нашлось в запасах нашего плотника, а именно; два или три мешка с гвоздями (большими и мелкими), отвёртку, десятка два топоров, а главное, такую полезную вещь, как точило. Затем я взял несколько вещей из склада нашего канонира, в том числе три железных лома, два бочонка с ружейными пулями, семь мушкетов, ещё одно охотничье ружьё и немного пороху, затем большой мешок с дробью и свёрток листового свинцу. Впрочем, последний оказался так тяжёл, что у меня не хватило силы поднять и спустить его на плот.

Кроме перечисленных вещей, я забрал с корабля всё платье, какое нашёл, да прихватил ещё запасный парус, гамак и несколько тюфяков и подушек. Всё это я погрузил на плот и, к великому моему удовольствию, перевёз на берег в целости.

Отправляясь на корабль, я немного побаивался, как бы в моё отсутствие какие-нибудь хищники не уничтожили моих съестных припасов. Но, воротившись на берег, я не заметил никаких следов гостей. Только на одном из сундуков сидел какой-то зверёк, очень похожий на дикую кошку. При моём приближении он отбежал немного в сторону и остановился, потом присел на задние лапы и совершенно спокойно, без всякого страха, смотрел мне прямо в глаза, точно выражая желание познакомиться со мной. Я прицелился в него из ружья, но это движение было, очевидно, ему непонятно; он нисколько не испугался, даже не тронулся с места. Тогда я бросил

ему кусок сухаря, проявив этим большую расточительность, так как мой запас провизии был очень невелик. Как бы то ни было, я уделил ему этот кусочек. Он подошёл, обнюхал его, съел и облизнулся с довольным видом, точно ждал продолжения. Но я больше ничего ему не дал, и он ушёл.

Доставив на берег второй транспорт вещей, я хотел было открыть тяжёлые бочонки с порохом и перенести его частями, но принялся сначала за сооружение палатки. Я сделал её из паруса и жердей, которых нарезал в роще для этой цели. В палатку я перенёс все, что могло испортиться от солнца и дождя, а вокруг неё нагромоздил пустых ящиков и бочек на случай внезапного нападения со стороны людей или зверей.

Вход в палатку я загородил снаружи большим сундуком, поставив его боком, а изнутри заложил досками. Затем разостлал на земле постель, в головах положил два пистолета, рядом с тюфяком — ружьё и лёг. Со дня кораблекрушения я в первый раз провёл ночь в постели. От усталости и изнурения я крепко проспал до утра, и немудрено: в предыдущую ночь я спал очень мало, а весь день работал, сперва над погрузкой вещей с корабля на плот, а потом переправляя их на берег.

Никто, я думаю, не устраивал для себя такого огромного склада, какой был устроен мною. Но мне всё было мало: пока корабль был цел и стоял на прежнем месте, пока на нём оставалась хоть одна вещь, которою я мог воспользоваться, я считал необходимым пополнять свои запасы. Поэтому каждый день с наступлением отлива я отправлялся на корабль и что-нибудь привозил с собою. Особенно удачным было третье моё путешествие. Я разобрал все снасти, взял с собой весь мелкий такелаж¹ (и трос, и бечёвки, какие могли уместиться на плоту). Я захватил также большой кусок запасной парусины, служившей у нас для починки парусов, и бочонок с подмокшим порохом, который я было оставил на корабле. В конце концов я переправил на берег все паруса до последнего; только мне пришлось разрезать их на куски и перевозить по частям; паруса были мне бесполезны, и вся их ценность для меня заключалась в материале.

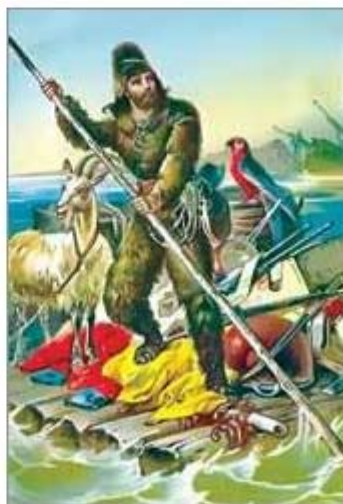
Но вот чему я обрадовался ещё больше. После пяти или шести таких экспедиций, когда я думал, что на корабле уж нечем больше поживиться, я неожиданно нашёл в трюме большую бочку с сухарями, три бочонка рому, ящик с сахаром и бочонок превосходной крупчатки. Это был приятный сюрприз; я больше не рассчитывал найти на корабле какую-нибудь провизию, будучи уверен, что все

¹ *Такелаж* — все снасти судна.

оставшиеся там запасы подмокли. Сухари я вынул из бочки и перенёс на плот по частям, завёртывая в парусину. Всё это мне удалось благополучно доставить на берег.

На следующий день я предпринял новую поездку. Теперь, забрав с корабля решительно все вещи, какие под силу поднять одному человеку, я принялся за канаты. Каждый канат я разрезал на куски такой величины, чтобы мне было не слишком трудно управиться с ними, и перевёз на берег два каната и швартов. Кроме того, я взял с корабля все железные части, какие мог отделить. Затем, обрубив все оставшиеся реи, я построил из них плот побольше, погрузил на него все эти тяжёлые вещи и пустился в обратный путь. Но на этот раз счастье мне изменило: мой плот был так неповоротлив и так сильно нагружён, что мне было очень трудно им управлять. Войдя в бухточку, где было выгружено моё остальное имущество, я не сумел провести его так искусно, как прежние: плот опрокинулся, и я упал в воду со всем своим грузом. Что касается меня, то беда была невелика, так как это случилось почти у самого берега; но груз мой, по крайней мере, значительная часть его, пропал, главное — железо, которое очень бы мне пригодилось и о котором я особенно жалел. Впрочем, когда вода спала, я вытащил на берег почти все куски каната и несколько кусков железа, хотя и с великим трудом: я принуждён был нырять за каждым куском, и это очень утомило меня. После этого мои визиты на корабль повторялись каждый день, и каждый раз я привозил новую добычу.

(Продолжение следует.)

Иллюстрации Карла Офтердінгера (1880)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Расскажите, что произошло с главным героем после спасения. Совпали ли ваши предположения с текстом произведения?
2. Какие чувства переполняли героя после катастрофы? Подтвердите свой ответ цитатами из текста.
3. Почему, обрадовавшись «благополучному избавлению от смертельной опасности», главный герой пришёл в отчаяние?
4. Что решил предпринять герой, очутившись на необитаемом острове? О чём свидетельствует его решение? Аргументируйте свой ответ.
5. Какие вещи забрал с корабля главный герой? Какие из них были, с его точки зрения, самые важные? Почему?
6. Почему, несмотря на то, что, по мнению героя, никто «не устраивал для себя такого склада», он всё-таки продолжал пополнять свои запасы?
7. Как вы думаете, что произойдёт с героем произведения в дальнейшем?

Уже тринадцать дней я жил на острове и за это время побывал на корабле одиннадцать раз, перетаскивая на берег решительно всё, что в состоянии перетаскивать пара человеческих рук. Если бы тихая погода продержалась подольше, я убеждён, что перевёз бы весь корабль по кусочкам, но, делая приготовления к двенадцатому рейсу, я заметил, что подымается ветер. Тем не менее, дождавшись отлива, я отправился на корабль. В первые разы я так основательно обшарил нашу каюту, что, мне казалось, там уж ничего невозможно было найти; но тут я заметил шифоньерку с двумя ящиками: в одном я нашёл три бритвы, большие ножницы и с дюжину хороших вилок и ножей; в другом оказались деньги, частью европейской, частью бразильской серебряной и золотой монетой, всего до тридцати шести фунтов¹.

Я улыбнулся при виде этих денег. «Ненужный хлам! — проговорил я, — зачем ты мне теперь? Ты и того не стоишь, чтобы нагнуться и поднять тебя с полу. Всю эту кучу золота я готов отдать за любой из этих ножей. Мне некуда тебя девать: так оставайся же, где лежишь, и отправляйся на дно морское, как существо, чью жизнь не стоит спасать!» Однако ж, поразмыслив, я решил взять их с собой и

¹ *Фунт* — старинная единица веса в ряде европейских стран.

завернул всё найденное в кусок парусины. Затем я стал подумывать о сооружении плота, но, пока я собирался, небо нахмурилось, ветер, дувший с берега, начал крепчать и через четверть часа совсем засвежел. При береговом ветре плот был бы мне бесполезен; к тому же, надо было спешить добраться до берега, пока не развело большого волнения, ибо иначе мне бы и совсем на него не попасть. Я, не теряя времени, спустился в воду и поплыл. Частью от тяжести бывших на мне вещей, частью от того, что мне приходилось бороться с встречным волнением, у меня едва хватило сил переплыть полосу воды, отделявшую корабль от моей бухточки. Ветер крепчал с каждой минутой и ещё до начала отлива превратился в настоящий шторм.

Но к этому времени я был уже дома, в безопасности, со всем моим богатством, и лежал в палатке. Всю ночь ревела буря, и, когда поутру я выглянул из палатки, от корабля не оставалось и следов! В первую минуту это неприятно меня поразило, но я утешился мыслью, что, не теряя времени и не щадя сил, достал оттуда всё, что могло мне пригодиться, так что, будь даже в моём распоряжении больше времени, мне всё равно почти нечего было бы взять с корабля.

Итак, я больше не думал ни о корабле, ни о вещах, какие на нём ещё остались. Правда, после бури могло прибить к берегу кое-какие обломки. Так оно потом и случилось. Но от всего этого мне было мало пользы.

Мои мысли были теперь всецело поглощены вопросом, как мне обезопасить себя от дикарей, если таковые окажутся, и от зверей, если они водятся на острове. Я долго думал, каким способом достигнуть этого и какое мне лучше устроить жильё: выкопать ли пещеру, или поставить палатку и хорошенько её укрепить. В конце концов я решил сделать и то, и другое. Я полагаю, будет не лишним рассказать здесь о моих работах и описать моё жилище.

Я скоро убедился, что выбранное мною место на берегу не годится для поселения: это была низина, у самого моря, с болотистой почвой и, вероятно, нездоровая; но, главное, — поблизости не было пресной воды. Ввиду всех этих соображений я решил поискать другого местечка, более здорового и более подходящего для жилья.

При этом мне хотелось соблюсти целый ряд необходимых, с моей точки зрения, условий. Во-первых, моё жилище должно быть расположено в здоровой местности и поблизости от пресной воды; во-вторых, оно должно укрывать от солнечного зноя; в-третьих, оно должно быть безопасно от нападения хищников, как двуногих, так и четвероногих; и, наконец, в-четвёртых, от него должен открываться вид на море, чтобы не упустить случая спастись, если Бог пошлёт

какой-нибудь корабль. С надеждой на избавление мне все ещё не хотелось расстаться.

После довольно долгих поисков я нашёл, наконец, небольшую ровную полянку на скате высокого холма, спускавшегося к ней крутым обрывом, отвесным, как стена, так что ничто мне не грозило сверху. В этой отвесной стене было небольшое углубление, как будто бы вход в пещеру, но никакой пещеры или входа в скалу дальше не было.

Вот на этой-то зелёной полянке, возле самого углубления, я и решил разбить свою палатку. Площадка имела не более ста ярдов¹ в ширину и ярдов двести в длину, так что перед моим жильём тянулась как бы лужайка; в конце её гора спускалась неправильными уступами в низину, к берегу моря. Расположен был этот уголок на северо-западном склоне холма. Таким образом, он был в тени весь день до вечера, когда солнце переходит на юго-запад, т.е. близится к закату (я разумею в тех широтах).

[...] Прошло дней десять-двадцать моего житья на острове, и я вдруг сообразил, что потеряю счёт времени, благодаря отсутствию книг, перьев и чернил, и что в конце концов я даже перестану отличать будни от воскресных дней. Для предупреждения этого я водрузил большой деревянный столб на том месте берега, куда меня выбросило море, и вырезал ножом крупными буквами надпись: «Здесь я ступил на этот берег 30 сентября 1659 года», которую прибил накрест к столбу. По сторонам этого столба я каждый день делал ножом зарубку; а через каждые шесть зарубок делал одну подлиннее: это означало воскресенье; зарубки же, обозначавшие первое число каждого месяца, я делал ещё длиннее. Таким образом, я вёл мой календарь, отмечая дни, недели, месяцы и годы.

Перечисляя предметы, перевезённые мною с корабля, как уже сказано, в несколько приёмов, я не упомянул о многих мелких вещах, хотя и не особенно ценных, но сослуживших мне тем не менее хорошую службу. Так, например, в помещениях капитана и капитанского помощника я нашёл чернила, перья и бумагу, три или четыре компаса, некоторые астрономические приборы, подозрительные трубы, географические карты и книги по навигации. Всё это я сложил в один из сундуков на всякий случай, не зная даже, понадобится ли мне что-нибудь из этих вещей. Кроме того, в моём собственном багаже оказались три очень хороших Библии (я получил их из Англии вместе с выписанными мною товарами и, отправляясь в плавание, уложил вместе с своими вещами). Затем мне попалось несколько книг на португальском языке, в том числе три католических молитвенника и

¹ *Ярд* — английская мера длины, равная 0,91 м.

ещё несколько книг. Их я тоже подобрал. Я должен ещё упомянуть, что у нас на корабле были две кошки и собака (я расскажу в своё время любопытную историю жизни этих животных на острове). Кошек я перевёз на берег на плоту, собака же, ещё в первую мою экспедицию на корабль, сама спрыгнула в воду и поплыла следом за мной. Много лет она была мне верным товарищем и слугой. Она делала для меня всё, что могла, и почти заменяла мне человеческое общество. Мне хотелось бы только, чтобы она могла говорить. Но этого ей было не дано. Как уже сказано, я взял с корабля перья, чернила и бумагу. Я сэкономил их до последней возможности, и пока у меня были чернила, аккуратно записывал всё, что случалось со мной; но когда они вышли, мне пришлось прекратить мои записи, так как я не умел делать чернила и не мог придумать, чем их заменить.

Вообще, несмотря на огромный склад у меня всевозможных вещей, мне, кроме чернил, недоставало ещё очень многого; у меня не было ни лопаты, ни заступа, ни кирки, так что нечем было копать или взрыхлять землю, не было ни иголок, ни ниток. Не было у меня и белья, но я скоро научился обходиться без него, не испытывая большого лишения.

Вследствие недостатка в инструментах всякая работа шла у меня медленно и тяжело. Чуть не целый год понадобилось мне, чтоб довести до конца ограду, которою я вздумал обнести своё жильё. Нарубить в лесу толстых жердей, вытесать из них колья, перетаскать. Эти колья к моей палатке — на всё это нужно было много времени. Колья были очень тяжелы, так что я мог поднять не более одной штуки зараз, и иногда у меня уходило два дня только на то, чтобы обтесать кол и принести его домой, а третий день — на то, чтобы вбить его в землю. Для этой последней работы я употреблял сначала тяжёлую деревянную дубину, а потом вспомнил о железных ломах, привезённых мною с корабля, и заменил дубину ломом, хотя не скажу, чтобы это принесло мне большое облегчение. Вообще вбивание кольев было для меня одною из самых утомительных и кропотливых работ.

Но я этим не смущался, так как всё равно мне некуда было девать моё время; по окончании же постройки другого дела у меня не предвиделось, кроме скитаний по острову в поисках за пищей, которым я в большей или меньшей степени предавался каждый день.

Между тем, я принялся серьёзно и обстоятельно обсуждать своё положение и начал записывать свои мысли — не для того, чтобы увековечить их в назидание людям, которые окажутся в моём положении (ибо таких людей едва ли нашлось бы много), а просто, чтобы высказать словами всё, что меня терзало и мучило, и тем хоть скольконибудь облегчить свою душу. Но как ни тягостны были мои размышления, рассудок мой начал мало-помалу брать верх над отчаянием.

По мере сил я старался утешить себя тем, что могло бы случиться и хуже и противопоставлял злу добро. С полным беспристрастием я, словно кредитор и должник, записывал все претерпеваемые мной горести, а рядом всё, что случилось со мной отрадного.

ЗЛО

Я заброшен судьбой на мрачный, необитаемый остров и не имею никакой надежды на избавление.

Я как бы выделен и отрезан от обречён на горе.

Я отдалён от всего человечества; я отшельник, изгнанный из общества людей.

У меня мало одежды и скоро мне будет нечем прикрыть своё тело.

Я беззащитен против нападения людей и зверей.

Мне не с кем перемолвиться словом и некому утешить меня.

ДОБРО

Но я жив, я не утонул подобно всем моим товарищам.

Но зато я выделен из всего нашего мира и экипажа; смерть пощадила одного меня, и тот, кто столь чудесным образом спас меня от смерти, может спасти меня и от моего безотрадного положения.

Но я не умер с голоду и не погиб в этом пустынном месте, где человеку нечем питаться.

Но я живу в жарком климате, где можно обойтись и без одежды.

Но остров, куда я попал, безлюден, и я не видел на нём ни одного хищного зверя, как на берегах Африки. Что было бы со мной, если б меня выбросило на африканский берег?

Но Бог чудесно пригнал наш корабль так близко к берегу, что я не только успел запастись всем необходимым для удовлетворения моих текущих потребностей, но и получил возможность добывать себе пропитание до конца моих дней.

Запись эта с очевидностью показывает, что едва ли кто на свете попадал в более бедственное положение, и тем не менее оно содержало в себе как отрицательные, так и положительные стороны, за которые следовало быть благодарным — горький опыт человека, изведавшего худшее несчастье на земле, показывает, что у нас всегда найдётся какое-нибудь утешение, которое в счёте наших бед и благ следует записать на приход.

Итак, вняв голосу рассудка, я начинал мириться со своим положением. Прежде я поминутно смотрел на море в надежде, не покажется ли где-нибудь корабль; теперь я уже покончил с напрасными надеждами и все свои помыслы направил на то, чтобы по возможности облегчить своё существование.

(Продолжение следует.)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Сжато перескажите прочитанное.
2. Как отреагировал главный герой на деньги, которые он нашёл на корабле? Объясните, что дало ему основание называть их «ненужным хламом».
3. Найдите в тексте и прочитайте, каким в представлении Робинзона должно быть его жилище? Как это характеризует героя?
4. Расскажите, что делал главный герой, чтобы не одичать.
5. Что не позволяло Робинзону ходить без одежды?
6. Подумайте, почему моряк стал записывать свои мысли. Обоснуйте свой ответ.
7. Выразительно прочитайте записи героя о добре и зле. Докажите, что он внял «голосу рассудка».
8. Объясните, как вы понимаете такие рассуждения героя: «... едва ли кто на свете попадал в более бедственное положение, и тем не менее оно содержало в себе как отрицательные, так и положительные стороны, за которые следовало быть благодарным...». Как эти мысли характеризуют героя?

[...] Я уже описал своё жилище. Это была палатка, разбитая на склоне горы и обнесённая частоколом. Но теперь мою ограду можно было назвать скорее стеной, потому что вплотную к ней, с наружной её стороны, я вывел земляную насыпь фута в два толщиной. А спустя ещё некоторое время (насколько помню, года через полтора) я

поставил на насыпь жерди, прислонив их к откосу, а сверху сделал настилку из веток и больших листьев. Таким образом, мой дворик оказался под крышей, и я мог не бояться дождей, которые, как я уже говорил, в известное время года лили на моём острове непрерывно.

Я упоминал уже раньше, что всё своё добро я перенёс в свою ограду и в пещеру, которую я выкопал за палаткой. Но я должен заметить, что первое время вещи были свалены в кучу, как попало, загромождали всю площадь, так что мне негде было повернуться. Ввиду этого я решил увеличить мою пещеру. Сделать это было нетрудно, так как гора была рыхлой, песчаной породы, которая легко уступала моим усилиям. Итак, когда я увидел, что мне не угрожает опасность от хищных зверей, я принялся расширять пещеру. Прокопав вбок, а именно вправо, сколько было нужно по моему расчёту, я повернул опять направо и вывел ход наружу за пределы моего укрепления.

Эта галерея служила не только чёрным ходом к моей палатке, дававшим мне возможность свободно уходить и возвращаться, но также значительно увеличивала мою кладовую.

Покончив с этой работой, я принялся за изготовление самых необходимых предметов обстановки, прежде всего стола и стула: без них я не мог вполне наслаждаться даже теми скромными удовольствиями, какие были мне отпущены на земле, не мог ни есть, ни писать с полным удобством.

И вот я принялся столярничать. Тут я должен заметить, что разум есть основа и источник математики, а потому, определяя и измеряя разумом вещи и составляя о них наиболее разумное суждение, каждый может через известное время овладеть любым ремеслом. Ни разу в жизни до тех пор я не брал в руки столярного инструмента, и тем не менее, благодаря трудолюбию и прилежанию, я мало-помалу так наловчился, что мог бы, я уверен, сделать что угодно, в особенности, если бы у меня были инструменты. Но даже и без инструментов или почти без инструментов, с одним только топором да рубанком, я сделал множество предметов, хотя, вероятно, никто ещё не делал их таким способом и не затрачивал на это столько труда. Так, например, когда мне нужна была доска, я должен был срубить дерево, очистить ствол от ветвей и, поставив его перед собой, обтёсывать с обеих сторон до тех пор, пока он не приобретал необходимую форму. А потом доску надо было ещё выстругать рубанком. Правда, при таком методе из целого дерева выходила только одна доска, и выделка этой доски отнимала у меня массу времени и труда. Но против этого у меня было лишь одно средство — терпение. К тому же, моё время и мой труд стоили недорого, и потому не всё ли было равно, куда и на что они шли?

Итак, я прежде всего сделал себе стол и стул. Я употребил на них короткие доски, которые привёз на плоту с корабля. Когда же затем я натесал длинных досок вышеописанным способом, то приладил в моём погребе по одной стене несколько полок одну над другой, фута по полтора шириною, и сложил на них свои инструменты, гвозди, железо и прочий мелкий скарб, — словом, распределил всё по местам, чтобы легко находить каждую вещь. Я забил также колышков в стену погреба и развесил на них свои ружья и вообще всё то из вещей, что можно было повесить.

Кто увидал бы после этого мою пещеру, тот, наверно, принял бы её за склад предметов первой необходимости. Всё было у меня под руками, и мне доставляло истинное удовольствие заглядывать в этот склад: такой образцовый порядок царил там и столько было там всякого добра.

Только по окончании этой работы я начал вести свой дневник, записывая туда всё сделанное мной в течение дня. Первое время я был так занят и так удручён, что моё мрачное настроение неизбежно отразилось бы на моём дневнике.

[...] Наконец, я решил попытаться сам сделать лодку, или ещё лучше пирогу, как их делают туземцы в этих странах, почти без всяких инструментов и без помощников, прямо из ствола большого дерева. Я считал это не только возможным, но и лёгким делом, и мысль об этой работе очень увлекала меня.

Мне казалось, что у меня больше средств для выполнения её, чем у негров или индейцев. Я не принял во внимание большого неудобства моего положения сравнительно с положением дикарей, а именно — недостатка рук, чтобы спустить пирогу на воду, а между тем это препятствие было гораздо серьёзнее, чем недостаток инструментов. Допустим, я нашёл бы в лесу подходящее толстое дерево и с великим трудом свалил его; допустим даже, что, с помощью своих инструментов, я обтесал бы его снаружи и придал ему форму лодки, затем выдолбил или выжег внутри, словом, сделал бы лодку. Какая была мне от этого польза, если я не мог спустить на воду свою лодку и должен был бы оставить её в лесу?

Конечно, если бы я хоть сколько-нибудь отдавал себе отчёт в своём положении, приступая к сооружению лодки, я непременно задал бы вопрос, как я спущу её на воду. Но все мои помыслы до такой степени были поглощены предполагаемым путешествием, что я совсем не остановился на этом вопросе, хотя было очевидно, что несравненно легче проплыть на лодке сорок пять миль по морю, чем протащить её по земле на расстоянии сорока пяти сажен, отделявших её от воды.

Одним словом, взявшись за эту работу, я вёл себя таким глупцом, каким только может оказаться человек в здравом уме. Я тешился своей затеей, не давая себе труда рассчитать, хватит ли у меня сил справиться с ней. И не то, чтобы мысль о спуске на воду совсем не приходила мне в голову, — но я не давал ей ходу, устраняя её всякий раз глупейшим ответом: «Прежде сделаю лодку, а там уж, наверно, найдётся способ спустить её».

[...] Я был в восторге от своего произведения: никогда в жизни я не видал такой большой лодки из цельного дерева. Зато и стоила же она мне труда. Теперь осталось только спустить её на воду, и я не сомневался, что, если бы это мне удалось, я предпринял бы безумнейшее и самое безнадежное из всех морских путешествий, когда либо предпринимавшихся. Но все мои старания спустить её на воду не привели ни к чему, несмотря на то, что они стоили мне огромного труда. До воды было никак не более ста ярдов; но первое затруднение было в том, что местность поднималась к берегу в гору. Я храбро решился его устранить, сняв всю лишнюю землю таким образом, чтобы образовался пологий спуск. Страшно вспомнить, сколько труда я положил на эту работу (но кто бережёт труд, когда дело идёт о получении свободы?). Когда это препятствие было устранено, дело не подвинулось ни на шаг: я не мог пошевелить мою пирогу, как раньше не мог пошевелить шлюпку.

Тогда я измерил расстояние, отделявшее мою лодку от моря, и решил вырыть канал: видя, что я не в состоянии подвинуть лодку к воде, я хотел подвести воду к лодке. И я уже начал было копать, но когда я прикинул в уме необходимую глубину и ширину канала, когда подсчитал, в какое приблизительно время может сделать такую работу один человек, то оказалось, что мне понадобится не менее десяти, двенадцати лет, чтобы довести её до конца. Берег был здесь очень высок, и его надо было бы углублять, по крайней мере, на двадцать футов.

К моему крайнему сожалению, мне пришлось отказаться от этой попытки.

Я был огорчён до глубины души и тут только сообразил — правда, слишком поздно, — как глупо приниматься за работу, не рассчитав, во что она обойдётся и хватит ли у нас сил для доведения её до конца.

[...] Одним словом, природа, опыт и размышление научили меня понимать, что мирские блага ценны для нас лишь в той степени, в какой они способны удовлетворять наши потребности, и что сколько бы мы ни накопили богатств, мы получаем от них удовольствие лишь в той мере, в какой можем использовать их, но не больше. Самый неисправимый скряга вылечился бы от своего порока, если бы

очутился на моём месте и не знал, как я, куда девать своё добро. Повторяю, мне было нечего желать, если не считать некоторых вещей, которых у меня не было, разных мелочей, однако очень нужных для меня. Как я уже сказал, у меня было немного денег, серебра и золота, всего около тридцати шести фунтов стерлингов. Увы, они лежали, как жалкий, ни на что негодный хлам: мне было некуда их тратить. С радостью отдал бы я пригоршню этого металла за десяток трубок для табаку или ручную мельницу, чтобы размалывать своё зерно! Да что я! — я отдал бы все эти деньги за шестипенсовую пачку семян репы и моркови, за горсточку гороху и бобов или за бутылку чернил. Эти деньги не давали мне ни выгоды, ни удовольствия. Так и лежали они у меня в шкафу и в дождливую погоду плесневели от сырости моей пещеры. И будь у меня полон шкаф брильянтов, они точно так же не имели бы для меня никакой цены, потому что были бы совершенно не нужны мне.

Мне жилось теперь гораздо лучше, чем раньше, и в физическом и в нравственном отношении. Садясь за еду, я часто исполнялся глубокой признательности к щедротам провидения, уготовившего мне трапезу в пустыне. Я научился смотреть больше на светлые, чем на тёмные стороны моего положения, и помнить больше о том, что у меня есть, чем о том, чего я лишён. И это доставляло мне минуты невыразимой внутренней радости. Я говорю об этом для тех несчастных людей, которые никогда ничем довольны, которые не могут спокойно наслаждаться дарованными им благами, потому что им всегда хочется чего-нибудь такого, чего у них нет. Все наши сетования по поводу того, чего мы лишены, проистекают, мне кажется, от недостатка благодарности за то, что мы имеем.

[...] Однажды около полудня я шёл берегом моря, направляясь к своей лодке, и вдруг увидел след голой человеческой ноги, ясно отпечатавшейся на песке. Я остановился, как громом поражённый или как если бы я увидел привидение. Я прислушивался, озирался кругом, но не услышал и не увидел ничего подозрительного. Я взбежал вверх на откос, чтобы лучше осмотреть местность; опять спустился, ходил взад и вперёд по берегу, — нигде ничего: я не мог найти другого отпечатка ноги. Я пошёл ещё раз взглянуть на него, чтоб удостовериться, действительно ли это человеческий след и не вообразилось ли мне. Но нет, я не ошибся; это был несомненно отпечаток ноги: я ясно различал пятку, пальцы, подошву. Как он сюда попал? Я терялся в догадках и не мог остановиться ни на одной. В полном смятении, не слыша, как говорится, земли под собой, я пошёл домой, в свою крепость. Я был напуган до последней степени: через каждые два, три шага я оглядывался назад, пугался каждого куста, каждого дерева, и каждый показавшийся вдали пень принимал за

человека. Вы не можете себе представить, в какие страшные и неожиданные формы облекались все предметы в моём возбуждённом воображении, какие дикие мысли проносились в моей голове и какие нелепые решения принимал я всё время по дороге. [...]

(Продолжение следует.)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Найдите в тексте и прочитайте описание жилища Робинзона.
2. Расскажите, почему герой начал столярничать. Как это его характеризует?
3. Благодаря каким качествам характера Робинзону удалось научиться этому ремеслу? Как сам герой об этом говорит? Свой ответ подтвердите цитатой из текста.
4. Близко к тексту перескажите, как Робинзон соорудил лодку.
5. Почему, смастерив лодку, герой испытал разочарование? Какой урок вынес Робинзон из этой ситуации? В своём ответе используйте цитаты из текста.
6. Согласны ли вы с утверждением Робинзона, что *«все наши сетования по поводу того, чего мы лишены, проистекают... от недостатка благодарности за то, что мы имеем»*?
7. Что испугало Робинзона после многих лет пребывания на острове?
8. Как вы думаете, какие приключения Робинзона ожидают читателя в дальнейшем?

Диалог искусств

В Украине одним из первых читателей Даниеля Дефо был **Тарас Шевченко**. Он советовал и взрослым, и детям прочитать роман «Робинзон Крузо», который называл «бессмертным творением». Тарас Григорьевич, будучи не только великим поэтом, но и талантливым художником, нарисовал к роману Д. Дефо и иллюстрацию.

Тарас Шевченко.
Робинзон Крузо (1856)

[...]

Представьте же себе моё изумление, когда однажды ранним утром я увидел на берегу, на моей стороне острова, по меньшей мере пять индейских пирог. Все они стояли пустые: приехавшие в них дикари куда-то скрылись. Я знал, что в каждую лодку садится обыкновенно по четыре, по шесть человек, а то и больше, и сознаюсь, меня немного смущала многочисленность прибывших гостей. Я решительно не знал, как я справлюсь один с двумя-тремя десятками дикарей. Обескураженный, расстроенный, я засел в своей крепости, однако, сделал все заранее обдуманное приготовления для атаки и решил действовать, если будет нужно. Я долго ждал, прислушиваясь, не доносится ли шум со стороны дикарей, но, наконец, сгорая от нетерпения узнать, что происходит, поставил ружьё под лестницей и полез на вершину холма обыкновенным своим способом — прислоняя лестницу к уступу. Добравшись до вершины, я стал таким образом, чтобы голова моя не высывалась над холмом, и принялся смотреть в подзорную трубу. Дикарей было не менее тридцати человек. Они развели на берегу костёр и что-то стряпали на огне. Я не мог разобрать, как они стряпали и что именно, я видел только, что они плясали вокруг костра с нелепыми ужимками и прыжками. [...]

[...] От моей крепости бежавших отделяла бухточка, о которой я неоднократно упоминал в начале моего рассказа, — та самая, куда я причаливал со своими плотами, когда перевозил вещи с нашего корабля. Я ясно видел, что беглец должен будет переплыть её, иначе ему не уйти от погони. Действительно, он, не задумываясь, бросился в воду, в каких-нибудь тридцать взмахов переплыл бухточку, вылез на другой берег и, не сбавляя шагу, побежал дальше. Из трёх его преследователей только двое бросились в воду, а третий не решился; он постоял на том берегу, поглядел вслед двум другим, потом повернулся и медленно пошёл назад: он избрал себе благую часть, как увидит сейчас читатель.

Я заметил, что двум дикарям, гнавшимся за беглецом, понадобилось вдвое больше времени, чем ему, чтобы переплыть бухточку. И тут-то я всем существом моим почувствовал, что пришла пора действовать, если я хочу приобрести слугу, а может быть товарища или помощника; само провидение, подумал я, призывает меня спасти жизнь несчастного. Не теряя времени, я сбегал по лестницам к подножию горы, захватил оставленные мною внизу ружья, затем с такой же поспешностью взобрался опять на гору, спустился с другой её стороны и побежал к морю наперерез бегущим дикарям. Так как я взял кратчайший путь, к тому же вниз по склону холма, то скоро оказался между беглецом и его преследователями. Услышав мои

крики, беглец оглянулся и в первый момент испугался меня, кажется, ещё больше, чем своих врагов. Я сделал ему знак воротиться, а сам медленно пошёл навстречу преследователям. Когда передний поравнялся со мной, я неожиданно бросился на него и сшиб с ног ударом ружейного приклада. Стрелять я боялся, чтобы не привлечь внимания остальных дикарей, хотя на таком большом расстоянии они едва ли могли услышать мой выстрел или увидеть дым от него. Когда передний из бежавших упал, его товарищ остановился, видимо испугавшись, я же быстро побежал к нему. Но когда, приблизившись, я заметил, что он держит в руках лук и стрелу и целится в меня, мне оставалось только предупредить его: я выстрелил и положил его на месте. Несчастный беглец, видя, что оба его врага упали замертво (как ему казалось), остановился, но был до того напугай огнём и треском выстрела, что растерялся, не зная, идти ли ему ко мне или убегать от меня, хотя, вероятно, больше склонялся к бегству; тогда я стал опять кричать ему и делать знаки подойти ко мне, и он меня понял: сделал несколько шагов и остановился, потом снова сделал несколько шагов и снова остановился. Тут я заметил, что он весь дрожит, как в лихорадке, бедняга, очевидно, считал себя моим пленником, с которым я поступлю точно так же, как поступил с его врагами. Тогда я опять поманил его к себе и вообще старался ободрить его, как умел. Он подходил всё ближе и ближе, через каждые десять-двенадцать шагов падая на колени в знак благодарности за спасение его жизни. Я ласково ему улыбался, я продолжал манить его рукой. Наконец, подойдя совсем близко, он снова упал на колени, поцеловал землю, прижался к ней лицом, взял мою ногу и поставил её себе на голову. Последнее, по-видимому, означало, что он клянётся быть моим рабом до гроба. Я поднял его, потрепал по плечу и всячески старался показать, что ему нечего бояться меня. [...]

[...] Когда мы с ним пришли в грот, я дал ему хлеба, кисть винограда и напоил водой, в чём он сильно нуждался после быстрого бега. Когда он подкрепился, я знаками пригласил его лечь и уснуть, показав ему в угол пещеры, где у меня лежала большая охапка рисовой соломы и одеяло, не раз служившие мне постелью. Бедняга не заставил себя долго просить: он лёг и мгновенно заснул. Это был красивый малый высокого роста, безукоризненного сложения, с прямыми и длинными руками и ногами, небольшими ступнями и кистями рук. На вид ему можно было дать лет двадцать шесть. В его лице не было ничего дикого и свирепого: это было мужественное лицо, обладавшее, однако, мягким и нежным выражением европейца, особенно, когда он улыбался. Волосы у него были чёрные, длинные и прямые, не имевшие ничего общего с курчавыми, как

овечья шерсть, волосами негров; лоб высокий и открытый; цвет кожи не чёрный, а смуглый, но не того противного желто-бурого оттенка, как у бразильских виргинских индейцев, а скорее оливковый, очень приятный для глаз и неподдающийся описанию. Овал лица он имел округлённый, нос небольшой, но совсем не приплюснутый. Ко всему этому у него были быстрые блестящие глаза, хорошо очерченный рот с тонкими губами и правильной формы, белые, как слоновая кость, превосходные зубы. Проспав или, вернее, продремав около получаса, он проснулся и вышел ко мне. Я в это время доил коз в загоне подле грота. Как только он меня увидел, он подбежал ко мне и распростёрся передо мной, выражая всей своей позой самую смиренную благодарность и производя при этом множество самых странных телодвижений. Припав лицом к земле, он опять поставил себе на голову мою ногу, как уже делал это раньше, и вообще всеми доступными ему способами старался доказать мне свою бесконечную преданность и покорность и дать мне понять, что с этого дня он будет мне слугой на всю жизнь. Я понял многое из того, что он хотел мне сказать, и в свою очередь постарался объяснять ему, что я им очень доволен. Тут же я начал говорить с ним и учить отвечать мне. Прежде всего я объявил ему, что его имя будет Пятницей, так как в этот день недели я спас ему жизнь. Затем я научил его произносить слово «господь» и дал понять, что это моё имя; научил также произносить «да» и «нет» и растолковал значение этих слов. Я дал ему молока в глиняном кувшине, предварительно отпив его сам и обмакнув в него хлеб; я дал ему также лепёшку, чтобы он последовал моему примеру; он с готовностью повиновался и знаками показал мне, что угощение пришлось ему очень по вкусу.

Я переночевал с ним в гроте, но, как только рассвело, дал ему знак следовать за мной. Я показал ему, что хочу его одеть, чему он, по-видимому, очень обрадовался, так как был совершенно наг.

На другой день я стал думать, где бы мне его поместить. Чтобы устроить его поудобнее и в то же время чувствовать себя спокойно, я поставил ему маленькую палатку в свободном пространстве между двумя стенами моей крепости — внутренней и наружной; так как сюда выходил наружный ход из моего погреба, то я устроил в нём настоящую дверь из толстых досок, в прочном наличнике, и приладил её таким образом, что она отворялась внутрь, и на ночь запирал на засов; лестницы я тоже убирал к себе; таким образом, Пятница никоим образом не мог проникнуть ко мне во внутреннюю ограду, а если бы вздумал попытаться, то непременно нашумел бы и разбудил меня.

Дело в том, что всё пространство моей крепости за внутренней оградой, где стояла моя палатка, представляло крытый двор. Кры-

ша была сделана из длинных жердей, одним концом упиравшихся в гору. Для большей прочности я укрепил эти жерди поперечными балками и густо переплёл рисовой соломой, толстой как камыш; в том же месте крыши, которое я оставил незакрытым для того, чтобы входить по лестнице, я приладил откидную дверцу, которая падала с громким стуком при малейшем напоре снаружи. Всё оружие я на ночь брал к себе.

Но все эти предосторожности были совершенно излишни; никто ещё не имел такого любящего, такого верного и преданного слуги, какого имел я в лице моего Пятницы: ни раздражительности, ни упрямства, ни своеволия; всегда ласковый и услужливый, он был привязан ко мне, как к родному отцу. Я уверен, что если бы понадобилось, он пожертвовал бы ради меня жизнью. Он дал мне столько доказательств своей преданности, что у меня исчезли всякие сомнения на его счёт, и я скоро пришёл к убеждению, что мне незачем ограждать себя от него.

(Продолжение следует.)

Иллюстрации Лауры Валлентайн (1870-е годы)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Сжато перескажите прочитанное.
2. Как главный герой отреагировал, когда услышал речь человека? Объясните почему.
3. Найдите в тексте и прочитайте портретное описание Пятницы. Обратите внимание на эпитеты. Как они помогают представить спасённого дикаря?

4. Расскажите, какие взаимоотношения сложились между главным героем и Пятницей. Свой ответ подтвердите цитатами из текста.
5. Нарисуйте иллюстрации к прочитанному.
6. Как вы думаете, с какой целью Даниель Дефо ввёл в роман образ Пятницы, ведь прототип Робинзона жил на острове один? Обоснуйте свой ответ.
7. Попробуйте разыграть сценку обучения Пятницы общению с Робинзоном.
8. Подумайте, что ещё может произойти с героями произведения.

[...]

Никогда не пренебрегайте тайным предчувствием, предостерегающим вас об опасности, даже в тех случаях, когда вам кажется, что нет никакого основания придавать ему веру. Что предчувствия бывают у каждого из нас, — этого, я думаю, не станет отрицать ни один мало-мальски наблюдательный человек. Не можем мы сомневаться и в том, что такие внушения внутреннего голоса являются откровением невидимого мира, доказывающим общение душ. И если этот таинственный голос предостерегает нас об опасности, то почему не допустить, что внушения его исходят от благожелательной нам силы (высшей или низшей и подчинённой, всё равно) для нашего блага.

Случай со мной, о котором я веду теперь речь, как нельзя лучше подтверждает верность этого рассуждения. Если б я тогда не послушался предостерегавшего меня тайного голоса, я бы неминуемо погиб или во всяком случае попал бы в несравненно худшее положение, чем в каком я был раньше.

Вскоре я увидел, что лодка приблизилась к берегу, как бы выбирая место, где бы лучше пристать. К счастью, сидевшие в ней не заметили бухточки, где я когда-то приставал с плотами, а причалили в другом месте, приблизительно в полумиле расстояния от неё, говорю — к счастью, потому что, высадись они в этой бухточке, они очутились бы, так сказать, у порога моего жилья, выгнали бы меня и уж, наверно, обобрали бы до нитки.

Когда лодка причалила и люди вышли на берег, я мог хорошо их рассмотреть. Это были несомненно англичане, по крайней мере, большинство из них. Одного или двух я, правда, принял за голландцев, но ошибся, как оказалось потом. Всех было одиннадцать человек, причём трое из них были привезены в качестве пленников, потому что у них не было никакого оружия, и мне показалось, что у них связаны ноги: я видел, как четыре или пять человек, выскочившие на берег первыми, вытащили их из лодки. Один из пленников сильно жестикулировал, о чём-то умолял; он, видимо, был в страшном

отчаянии. Двое других тоже говорили что-то, воздевая руки к небу, но в общем были сдержаннее.

Я был в полнейшем недоумении, не зная, чем объяснить эту сцену. Вдруг Пятница крикнул мне на своём невозможном английском языке: «О, Господи! Смотри: белые люди тоже кушают человека, как дикие люди». «С чего ты взял, Пятница, что они их съедят?». «Конечно, съедят», — отвечал он с убеждением. «Нет, нет, ты ошибаешься, — продолжал я, — боюсь, правда, что они убьют их, но можешь быть уверен, что есть их не станут».

Я с ужасом смотрел на разыгравшуюся передо мной непонятную драму, ежеминутно ожидая, что на моих глазах совершится кровавое дело. Я увидел даже, как над головой одной из жертв сверкнуло какое-то оружие — кинжал или тесак. Вся кровь застыла в моих жилах: я был уверен, что бедняга сейчас свалится мёртвый. Как я жалел в эту минуту, что со мной нет моего испанца и старика-индейца, отца Пятницы. Я заметил, что ни у кого из разбойников не было с собой ружей. Так хорошо было бы подкрасться к ним теперь и выстрелить по ним в упор. Но скоро мысли мои приняли иное направление.

Я увидел, что, поиздевавшись над тремя связанными пленниками, некогда разбежались по острову, желая, вероятно, осмотреть местность. Я заметил также, что и троим пленным была предоставлена свобода идти, куда им вздумается. Но все трое сидели на земле, погружённые в размышления, и были, по-видимому, в глубоком отчаянии.

[...] Дело принимало невыгодный для нас оборот. Даже если бы мы захватили семерых, вышедших на берег, это не принесло бы нам никакой пользы, раз мы упустили бы шлюпку с тремя остальными: вернувшись на корабль, они всё равно рассказали бы там о случившемся, а тогда корабль, наверное, снялся бы с якоря и опять-таки был бы потерян для нас.

Как бы то ни было, нам не оставалось ничего больше, как терпеливо выжидать, чем всё это кончится. Выпустив семерых человек, шлюпка с тремя остальными отошла на порядочное расстояние от берега и стала на якорь, отрезав нам таким образом всякую возможность добраться до неё. Семеро разведчиков, держась плотной кучкой, стали подниматься на горку, под которой было моё жильё. Нам было отлично их видно, но они не могли видеть нас. Мы все надеялись, не подойдут ли они поближе, чтоб мы могли дать по ним залп, или не уйдут ли, напротив, подальше и позволят нам таким образом выйти из своего убежища.

Но, добравшись до гребня холма, откуда открывался вид на всю северо-восточную часть острова, опускавшуюся к морю отлогими лесистыми долинами, они остановились и снова принялись кричать

и аукать, пока не охрипли. Наконец, боясь, должно быть, удалиться от берега и друг от друга, они уселись под деревом и стали совещаться. Оставалось только, чтоб они заснули, как те, что приехали в первой партии; тогда наше дело было бы выиграно. Но страх не располагает ко сну, а эти люди видимо трусили, хотя не знали, какая им грозит опасность и откуда она может прийти.

Тут капитану пришла в голову довольно остроумная мысль, а именно, что в случае, если бы они решили ещё раз попытаться подать сигнал выстрелами своим пропавшим товарищам, мы могли бы броситься на них как раз в тот момент, когда они выстрелят и, следовательно, их ружья будут разряжены. Тогда, говорил он, им ничего больше не останется, как сдаться, и дело обойдётся без кровопролития.

План был недурён, но его можно было привести в исполнение только при том условии, чтобы мы были на достаточно близком расстоянии от неприятеля в тот момент, когда он сделает залп, и успели бы добежать до него, прежде чем ружья будут снова заряжены. Но неприятель и не думал стрелять. Прошло много времени. Мы все сидели в засаде, не зная, на что решиться. Наконец, я сказал, что, по моему мнению, нам нечего и думать что-либо предпринимать до наступления ночи. Если же к тому времени эти семеро не вернутся на лодку, тогда мы в темноте незаметно проберёмся к морю, и может быть нам удастся заманить на берег тех, что остались в лодке.

Время тянулось нестерпимо медленно. Наши враги не трогались с места. Мы думали, что совещанию их не будет конца, но можете себе представить, как мы были разочарованы, когда увидели, что они поднялись и решительным шагом направились прямо к морю. Должно быть, страх неизвестной опасности оказался сильнее товарищеских чувств, и они решили бросить всякие поиски и воротиться на корабль.

Когда я увидел, что они направляются к берегу, то сразу понял, в чём дело. Выслушав мои опасения, капитан пришёл в совершенное отчаяние. Но тут у меня внезапно сложился план, как заставить неприятеля воротиться. План этот как нельзя лучше отвечал моим намерениям.

Я приказал Пятнице и помощнику капитана направиться к западу от бухточки, к месту, где высаживались дикари в день освобождения Пятницы; затем, поднявшись на горку в полумиле расстояния, кричать изо всей мочи, пока их не услышат моряки; когда же те откликнутся, перебежать на другое место и снова аукать и, таким образом, постоянно меняя место, заманивать врагов всё дальше и дальше вглубь острова, пока они не заплутаются в лесу, а тогда указанными мной окольными путями вернуться ко мне.

Матросы уже садились в лодку, когда со стороны бухточки раздался крик Пятницы и помощника капитана. Они сейчас же откликнулись и пустились бежать вдоль берега на голос; но, добежав до бухточки, принуждены были остановиться, так как было время прилива, и вода в бухточке стояла очень высоко. Посоветовавшись между собой, они, наконец, крикнули оставшимся в шлюпке, чтобы те подъехали и перевезли их на другой берег. На это-то я и рассчитывал.

Переправившись через бухточку, они пошли дальше, прихватив с собой ещё одного человека. Таким образом, в шлюпке осталось только двое. Я видел, как они отвели её в самый конец бухточки и привязали там к пеньку.

Всё складывалось как нельзя лучше для нас. Предоставив Пятнице и помощнику капитана делать своё дело, я скомандовал остальному отряду следовать за мной. Мы переправились через бухточку вне поля зрения неприятеля и неожиданно выросли перед ним. Один матрос сидел в шлюпке, другой лежал на берегу и дремал. Увидев нас в трёх шагах от себя, он сделал было движение, чтобы вскочить, но капитан, бывший впереди, бросился на него и хватил его прикладом. Затем, не давая опомниться другому матросу, он крикнул ему: «Сдавайся, или умрёшь!»

Не требуется большого красноречия, чтоб убедить сдаться человека, который видит, что он один против пятерых, и когда вдобавок единственный его союзник только что пал у него на глазах. К тому же этот матрос был как раз одним из троих, про которых капитан говорил, что они примкнули к заговору не по своей охоте, а под давлением большинства. Поэтому он не только беспрекословно положил оружие по первому требованию, но вслед затем сам заявил о своём желании, по-видимому, вполне искреннем, перейти на нашу сторону.

Тем временем Пятница с помощником капитана так чисто обделал своё дело, что лучше нельзя было и желать. Аукая и откликаясь на ответные крики матросов, они водили их по всему острову, от горки к горке, из лесу в лес, пока не завели в такую непроглядную глушь, откуда не было никакой возможности выбраться на берег до наступления ночи. О том, как они измучили неприятеля, можно было судить по тому, что и сами они вернулись домой, еле волоча ноги.

Теперь нам оставалось только подкараулить в темноте, когда моряки будут возвращаться, и, ошеломив их неожиданным нападением, расправиться с ними наверняка.

Прошло несколько часов со времени возвращения Пятницы и его товарища, а о тех не было ни слуху, ни духу. Наконец, слышим: идут. Передний кричит задним, чтоб поторопились, а задние отвечают, что скорее не могут идти, что совсем сбили себе ноги и падают от усталости. Нам было очень приятно слышать это.

Но вот они подошли к лодке. Надо заметить, что за эти несколько часов начался отлив и шлюпка, которая, как я уже говорил, была привязана к пню, очутилась на берегу. Невозможно описать, что с ними сделалось, когда они увидели, что шлюпка стоит на мели, а люди исчезли. Мы слышали, как они проклинали свою судьбу, крича, что попали на заколдованный остров, на котором живут или черти, или разбойники, и что они будут или убиты, или унесены нечистой силой. Несколько раз они принимались кликать своих товарищей, называя их по именам, но, разумеется, не получали ответа. При слабом свете догорающего дня нам было видно, как они то бегали, ломая руки, то, утомившись этой беготнёй, бросались в лодку в безысходном отчаянии, то опять выскакивали на берег и опять шагали взад и вперёд, и так без конца.

Мои люди упрашивали меня позволить им напасть на неприятеля, как только стемнеет. Но я предпочитал не проливать крови, если только будет хоть какая-нибудь возможность этого избежать, а главное, зная, как хорошо вооружены наши противники, я не хотел рисковать жизнью наших людей. Я решил подождать, не разделятся ли неприятельские силы, и, чтобы действовать наверняка, придвинул засаду ближе к лодке. Пятнице с капитаном я приказал ползти на четвереньках, чтобы мятежники не заметили их, и стрелять только в упор.

Недолго пробыли они в этой позе, ибо на них почти наткнулись отделившиеся от остальных два матроса и боцман, который, как уже сказано, был главным зачинщиком бунта, но теперь совсем пал духом. Почувствовав главного виновника своих бедствий в своей власти, капитан едва мог утерпеть и подождать, когда он подойдёт ещё ближе, чтобы удостовериться, действительно ли это он, так как до сих пор был слышен только его голос. Как только он приблизился, капитан и Пятница вскочили и выстрелили.

Боцман был убит наповал, другой матрос ранен в грудь на вылет. Он тоже свалился, как снап, но умер только часа через два. Третий матрос убежал.

Услышав выстрелы, я моментально двинул вперёд главные силы своей армии, численность которой, считая с авангардом, достигала теперь восьми человек. Вот её полный состав: я — генералиссимус; Пятница — генерал-лейтенант, затем капитан с двумя друзьями и трое военнопленных, которых мы удостоили своим доверием, приняв в число рядовых и вооружив ружьями.

Мы подошли к неприятелю, когда уже совсем стемнело, чтобы он не мог разобрать, сколько нас. Я приказал матросу, который был оставлен в лодке и незадолго перед тем добровольно присоединился к нам, окликнуть по именам своих бывших товарищей. Пре-

жде чем стрелять, я хотел попытаться вступить с ними в переговоры и, если удастся, покончить дело миром. Мой расчёт вполне удался, что, впрочем, и понятно. В их положении им оставалось только капитулировать. Итак, мой парламентёр заорал во всё горло: «Том Смит! Том Смит!». Том Смит сейчас же откликнулся. «Кто это? Ты Робинзон?» Он, очевидно, узнал его по голосу. Робинзон отвечал: «Да, да, это я. Ради бога, Том Смит, бросай оружие и сдавайся, а не то через минуту со всеми вами будет покончено!»

«Да кому же сдаваться? Где они там?» — прокричал опять Том Смит. «Здесь!» — откликнулся Робинзон. «Здесь наш капитан и с ним пятьдесят человек. Вот уже два часа как они гоняются за вами. Боцман убит, Уил Фрай ранен, а я попал в плен. Если вы не сдадитесь сию же минуту, вы все погибли».

«А нас помилуют, если мы сдадимся?» — спросил Том Смит. «Сейчас я спрошу капитана», — отвечал Робинзон. Тут вступил в переговоры уже сам капитан. «Эй, Смит, и все вы там!» — закричал он. «Вы узнаете мой голос? Если вы немедленно положите оружие и сдадитесь, я обещаю пощаду, — всем, кроме Вилья Аткинса».

«Капитан, ради бога, смилуйтесь надо мной!» — взмолился Виль Аткинс. «Чем я хуже других? Все мы одинаково виноваты». Кстати сказать, это была ложь, потому что, когда начался бунт, Виль Аткинс первый бросился на капитана, связал ему руки и обращался с ним крайне грубо, осыпая его оскорбительной бранью. Однако капитан сказал ему, чтоб он сдавался без всяких условий, а там уж пусть губернатор решает, жить ему или умереть. Губернатором капитан и все они величали меня.

Словом, бунтовщики положили оружие и стали умолять о пощаде. Наш парламентёр и ещё два человека по моему приказанию связали их всех, после чего моя грозная армия в пятьдесят человек, которая на самом деле вместе с тремя передовыми состояла всего из восьми, окружила их и завладела их шлюпкой. Сам я и Пятница, однако, не показывались пленным по государственным соображениям. [...]

Когда всё было кончено, капитан приказал произвести семь пушечных выстрелов. Это был условный знак, которым он должен был дать мне знать об успешном окончании дела. Я продежурил на берегу до двух часов ночи, поджидая этого сигнала; можете судить, как я обрадовался, услышав его.

Ясно услышав все семь выстрелов, я лёг и, утомлённый волнениями этого дня, крепко уснул. Меня разбудил гром нового выстрела. Я мгновенно вскочил и услышал, что кто-то зовёт меня: «Губернатор! Губернатор!». Я сейчас же узнал голос капитана. Он стоял над моей крепостью, на горе. Я живо поднялся к нему, он заключил меня

в свои объятия и, указывая на корабль, промолвил: «Мой дорогой друг и избавитель, вот ваш корабль. Он ваш со всем, что на нём, и со всеми нами». Взглянув на море, я действительно увидел корабль, стоявший всего в полумиле от берега. Восстановив себя в правах командира, капитан тотчас же приказал сняться с якоря и, пользуясь лёгоньким попутным ветерком, подошёл к той бухточке, где я когда-то причаливал со своими плотами; так как вода стояла высоко, то он на своём катере вошёл в бухточку, высадился и прибежал ко мне.

Увидев корабль, так сказать, у порога моего дома, я от неожиданной радости чуть не лишился чувств. Пробил, наконец, час моего избавления. Я, если можно так выразиться, уже осязал свою свободу. Все препятствия были устранены; к моим услугам было большое океанское судно, готовое доставить меня, куда я захочу. От волнения я не мог вымолвить ни слова: язык не слушался меня. Если бы капитан не поддерживал меня своими сильными руками, я бы упал.

Заметив моё состояние, он достал из кармана пузырёк с каким-то крепительным снадобьем, которое он захватил нарочно для меня, и дал мне выпить глоток; затем осторожно посадил меня на землю. Я пришёл немного в себя, но долго ещё не в силах был говорить.

Бедняга капитан и сам не мог опомниться от радости, хотя для него она уже не была неожиданной, как для меня. Он успокаивал меня, как малого ребёнка, изливался мне в своей признательности и наговорил тысячу самых нежных и ласковых слов. Но я плохо понимал, что он говорит; должно быть, мой ум помутился от наплыва счастья. Наконец, моё душевное смятение разрешилось слезами, после чего способность речи вернулась ко мне. [...]

Простившись с островом, я взял с собой на память сделанную мной собственноручно большую шапку из козьей шкуры, мой зонтик и одного из моих попугаев. Не забыл я взять и деньги, о которых уже упоминал раньше, но они так долго лежали у меня без употребления, что совсем потускнели и заржавели и только после основательной чистки стали опять похожи на серебро; я взял также деньги, найденные мною в обломках испанского корабля.

Так покинул я остров 19 декабря 1686 г. по корабельному календарю, пробывши на нём двадцать восемь лет, два месяца и девятнадцать дней; из этого вторичного плена я был освобождён в тот самый день месяца, как и впервые спасся бегством на баркасе от мавров города Сале.

После продолжительного морского путешествия я прибыл в Англию 11 июня 1687 года, пробыв тридцать пять лет в отсутствии. [...]

Перевод Марии Шишмарёвой

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Составьте план рассказа о том, как главному герою удалось спасти пленников.
2. От имени пленников расскажите об их встрече с Робинзоном.
3. Какие условия выдвинул главный герой пленникам? Как это его характеризует? Обоснуйте свой ответ.
4. Как вы думаете, почему капитан и его люди называли Робинзона губернатором?
5. Расскажите, какой план придумал Робинзон, чтобы освободить корабль.
6. Найдите в тексте и зачитайте описание душевного состояния главного героя, когда он увидел освобождённый корабль. Какие художественные средства использует писатель, чтобы подчеркнуть чувства Робинзона в этот момент?

Читателю XXI столетия на заметку

У романа Даниеля Дефо есть продолжение. Оно о совершенно невероятных событиях, приключившихся с Робинзоном Крузо в Южной Америке, а затем на Мадагаскаре, в Индии и, наконец, во время его возвращения в Англию через Китай и Россию. Д. Дефо опубликовал свой роман в том же 1719 году. Успех произведения был огромный. Новое путешествие Робинзона, совершённое в уже преклонном возрасте, длится 10 лет и 9 месяцев.

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЕ О РОМАНЕ. ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЙ РОМАН

Читая различные произведения русской и зарубежной литературы, вы, наверняка, заметили, что есть среди них и очень большие по объёму тексты, в которых описывается множество событий из жизни разных персонажей. Такие произведения называют романами.

Роман — большое по объёму и сложное по строению повествовательное произведение, раскрывающее историю нескольких, иногда многих, персонажей на протяжении длительного времени.

Особой популярностью у многих читателей пользуется **приключенческий роман**, заставляющий напряжённо следить, как сменяются и развиваются занимательные события, в которых проявляются наиболее значительные черты характера главных героев произведения.

Для приключенческого романа характерны захватывающий сюжет, стремительность развития действия, резкое деление персонажей на героев и антигероев, а также, как правило, счастливая развязка, когда главные действующие лица преодолевают все трудности и побеждают обстоятельства, в которых они оказались.

1. Какие произведения называют романом?
2. На примере одного из прочитанных произведений раскройте характерные особенности приключенческого романа.

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ

1. Определите основную мысль романа о Робинзоне Крузо.
2. Можно ли утверждать, что остров Отчаяния Робинзон превратил в остров Надежды? Аргументируйте свой ответ.
3. Составьте простой план характеристики образа Робинзона.
4. Согласны ли вы с утверждением, что Даниель Дефо верил в силу характера человека, его способность выстоять в любых обстоятельствах? Свой ответ обоснуйте.
5. Докажите, что прочитанное произведение — это приключенческий роман.
6. Напишите сочинение-миниатюру на тему: «Что помогло Робинзону выжить на необитаемом острове?».
7. Если бы вы оказались на необитаемом острове, какие три вещи вы взяли бы с собой? Объясните свой выбор.
8. Подготовьте вопросы к литературной викторине по роману «Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо...».

**Жюль
ВЕРН**
(1828–1905)

... Слава Жюль Верна не потускнела от времени. Произведения талантливого писателя по-прежнему остаются молодыми.

*Евгений Брандис,
российский литературовед*

ГЕНИЙ ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКОГО РОМАНА

Наше следующее путешествие — во Францию, на родину великого мечтателя и фантазёра Жюль Верна. Представьте, что машина времени перенесла нас в XIX век, а счастливый случай подарил встречу с французским писателем, за плечами которого — жизнь, полная удивительных приключений. О чём бы он рассказал своим будущим читателям? Возможно, начал бы с такой истории: «Родился я в портовом городе Нант. Мой отец был адвокатом¹ и видел меня наследником его дела, но я с детства мечтал о далёких морских путешествиях. Часто вместе со своим другом тайно пробирался в гавань, чтобы понаблюдать за кораблями, прибывающими из разных уголков мира. Нас привлекал шум морских волн, мы восхищались обветренными и обожжёнными тропическим солнцем лицами моряков, которые казались нам тогда самыми счастливыми людьми в мире. Хотелось вместе с ними побывать в дальних странах, почувствовать романтику морских путешествий. Море так неудержимо звало к себе, что однажды, когда мне было 11 лет, я, одевшись юнгой, пробрался на шхуну, направлявшуюся в Индию.

¹ *Адвокат* — специалист по праву, который защищает обвиняемых.

Мысленно я был уже далеко от родных берегов, но мечте не было суждено осуществиться. Неожиданно на шхуне появился отец и забрал меня домой».

В дальнейшем Жюлю Верну на собственной яхте удалось побывать во многих странах: Англии, Дании, Голландии, Германии, Швеции, Испании, Италии, Алжире... Увиденное там обогащало его фантазию, подсказывало необычные сюжеты. Но не только из путешествий Жюль Верн черпал знания о природе, традициях и обычаях народов мира. Прежде всего, писателя вдохновляли материалы книг, журналов, газет. Ещё с детства Жюль восхищался произведениями Чарльза Диккенса, Даниеля Дефо и Джеймса Фенимора Купера¹. В одном из шкафов вместо книг писатель хранил несколько десятков дубовых ящичков. В них были разложены карточки с записями из самых разных наук: биологии, физики, математики, химии, языкознания и, конечно же, географии, которую больше всего любил Жюль Верн. Складывая эти карточки в бумажные обложки, он собрал около двадцати тысяч тетрадей. «Ни одна моя книга не написана без помощи этой картотеки», — признавался писатель. Благодаря такому способу сбора информации Жюлю Верну удалось осуществить воистину грандиозный замысел — написать 65 романов (серия «Необыкновенные приключения»), события которых происходят в самых разных странах и даже за пределами планеты Земля! Как отмечает Евгений Брандис, «можно сказать без преувеличения, что на страницы книг Жюля Верна врывается пена волн, песок пустынь, вулканический пепел, арктические вихри, космическая пыль». Среди самых известных произведений писателя — *«Дети капитана Гранта»*, *«Двадцать тысяч лье под водой»*, *«Таинственный остров»*, *«Пятнадцатилетний капитан»*, *«Вокруг Луны»*.

¹ Джеймс Фенимор Купер (1789–1851) — американский писатель, автор приключенческих романов об индейцах.

Жюль Верна часто называют не только гением приключенческого романа, но и первооткрывателем. Ведь в своих романах он предвидел многие научные открытия: создание подводной лодки, полёты в космос, появление кино. Интересно, что некоторые люди даже не верили, что всё это мог написать один человек. Так, ещё при жизни великого француза ходили слухи о целой группе писателей, которая как будто бы работает под именем Жюль Верна. Но настоящий автор незабываемых произведений не обращал внимания на эти вымыслы и продолжал творить.

К пятнадцатилетию своего сына Мишеля Жюль Верн готовил особенный подарок. Он стремился придумать литературного друга, который подсказал бы сыну жизненные ориентиры. Так родился знаменитый роман *«Пятнадцатилетний капитан»*.

1. Представителем какой национальной литературы является Жюль Верн?
2. Что вдохновляло Жюль Верна на творчество?
3. Какие произведения этого писателя вы уже читали?

У литературной карты мира

Памятники Жюлю Верну можно увидеть не только во Франции, но и в Испании, Австралии. Одним из наиболее интересных считают скульптурное изображение великого мечтателя в порту испанского города Виго (автор — **Хосе Моларе**). Жюль Верн, восседавая на гигантских щупальцах кальмара, задумчиво смотрит вдаль. В левой руке писатель держит книгу, которая, видимо, повествует о столь любимых им морских путешествиях.

Памятник Жюлю Верну в Испании (2005)

ПЯТНАДАТИЛЕТНИЙ КАПИТАН

(в сокращении)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Глава вторая. ДИК СЭНД

Анри Мейер. Обложка первого издания романа (1877–1878)

Погода стояла хорошая, и, если не считать отклонения от курса и удлинения пути, плавание совершалось в сносных условиях.

Миссис Уэлдон устроили на борту «Пилигрима» как можно удобнее. На корме не было ни юта¹, ни рубки², и, следовательно, отсутствовали каюты для пассажиров. Миссис Уэлдон предоставили крошечную каюту капитана Гуля. Это было лучшее помещение на судне. Да ещё пришлось уговаривать деликатную женщину занять его. В этой тесной камерке с нею поселились маленький Джек и старуха Нан. Там они завтракали и обедали вместе с капитаном и кузеном Бенедиктом, которому отвели клетушку на носу судна. Капитан Гуль перебрался в каюту, предназначенную для его помощника. Но экипаж «Пилигрима»

ради экономии не был укомплектован полностью, и капитан обходился без помощника.

Команда «Пилигрима» — пять искусных и опытных моряков, державшихся одинаковых взглядов и одинаковых привычек, — жила мирно и дружно. Они плавали вместе уже четвёртый промысловый сезон. Все матросы были американцами, все с побережья Калифорнии и с давних пор знали друг друга.

Эти славные люди были очень предупредительны по отношению к миссис Уэлдон как к жене судовладельца, к которому они питали беспредельную преданность. Надо сказать, что все они были широко заинтересованы в прибылях китобойного промысла и до сих пор получали немалый доход от каждого плавания. Если они и трудились, не жалея сил, так как судовая команда была весьма

¹ Ют — кормовая часть палубы корабля.

² Рубка — закрытое помещение на верхней палубе или в пристройке над ней.

невелика, то всякая лишняя работа увеличивала их долю в доходах при подведении баланса по окончании сезона. На этот раз, правда, не ожидалось почти никакого дохода, и потому они с достаточным основанием проклинали «этих негодяев из Новой Зеландии».

Только один человек на судне не был американцем по происхождению. Негоро, выполнявший на «Пилигриме» скромные обязанности судового кока, родился в Португалии. Впрочем, и он отлично говорил по-английски. После того как в Окленде сбежал прежний кок, Негоро предложил свои услуги. Этот хмурый на вид, неразговорчивый человек сторонился товарищей, но дело своё знал неплохо. У капитана Гуля, который его нанял, очевидно, был верный глаз: за время своей работы на «Пилигриме» Негоро не заслужил ни малейшего упрёка.

И всё-таки капитан Гуль сожалел, что не успел навести справки о прошлом нового кока. Внешность португальца, вернее — его бегущий взгляд не очень нравились капитану. В том крохотном, тесном мирке, каким является китобойное судно, каждый человек на счету, и, прежде чем допустить незнакомца в этот мирок, необходимо всё узнать о его прежней жизни.

Негоро было около сорока лет. Худощавый, жилистый, черно-волосый и смуглый, он, несмотря на небольшой рост, производил впечатление сильного человека. Получил ли он какое-нибудь образование? По-видимому, да, если судить по замечаниям, которые у него изредка вырывались. Негоро никогда не говорил о своём прошлом, о своей семье.

Никто не знал, где он жил и что делал раньше. Никто не ведал, чего ждёт он от будущего. Известно было только, что он намерен списаться на берег в Вальпараисо. Окружающие считали его странным человеком.

Негоро, очевидно, не был моряком. Больше того — товарищи по шхуне заметили, что в морских делах он смыслит меньше, чем всякий кок, который значительную часть своей жизни провёл в плаваниях. Но ни боковая, ни килевая качка на него не действовали, морской болезнью, которой подвержены новички, он не страдал, а это уже немалое преимущество для судового повара.

Негоро редко выходил на палубу. Весь день он проводил на своём крохотном камбузе, большую часть площадки которого занимала кухонная плита. С наступлением ночи, погасив огонь в плите, Негоро удалялся в свою каморку, отведённую ему на носу. Там он тотчас же ложился спать.

Как уже было сказано, экипаж «Пилигрима» состоял из пяти бывалых матросов и одного юного новичка.

Этот пятнадцатилетний матрос был сыном неизвестных родителей. В младенческом возрасте его нашли у чужих дверей, и вырос он в воспитательном доме.

Дик Сэнд — так звали его, — по-видимому, родился в штате Нью-Йорк, а может быть, и в самом городе Нью-Йорке.

Имя Дик, уменьшительное от Ричарда, было дано подкидышу в честь сострадательного прохожего, который подобрал его и доставил в воспитательный дом. Фамилия Сэнд¹ служила напоминанием о том месте, где был найден Дик, — о песчаной косе Сэнди-Гук в устье реки Гудзона, у входа в Нью-Йоркский порт.

Дик Сэнд был невысок и не обещал стать в дальнейшем выше среднего роста, но крепко сколочен. В нём сразу чувствовался англосакс, хотя он был темноволос и с огненным взглядом голубых глаз. Трудная работа моряка уже подготовила его к житейским битвам. Его умное лицо дышало энергией. Это было лицо человека не только смелого, но и способного дерзать.

В пятнадцать лет он умел уже принимать решения и доводить до конца всё то, на что обдуманно решился. Его оживлённое и серьёзное лицо привлекало внимание. В отличие от большинства своих сверстников Дик был скуп на слова и жесты. В возрасте, когда дети ещё не задумываются о будущем, Дик осознал свою участь и пообещал себе «стать человеком» своими силами.

И он добился своего: он был уже взрослым в ту пору, когда его сверстники ещё оставались детьми. Ловкий, подвижный и сильный. Дик был одним из тех одарённых людей, о которых можно сказать, что они родились с двумя правыми руками и двумя левыми ногами: что бы они ни делали — им все «с руки», с кем бы они ни шли — они всегда ступают «в ногу».

Как уже было сказано, Дика воспитывали за счёт общественной благотворительности. Сначала поместили его в приют для подкидышей, каких много в Америке. В четыре года стали учить его чте-

нию, письму и счёту в одной из тех школ штата Нью-Йорк, которые содержатся на пожертвования великодушных благотворителей. Восемь лет его пристроили юнгой на судно, совершавшее рейсы в южные страны; к морю у него было врождённое влечение. На корабле он стал

Иллюстрация Сергея Юкина (1981)

¹ Сэнд — песок (англ.).

изучать морское дело, которому и следует учиться с детских лет. Судовые офицеры хорошо относились к пытливому мальчугану и охотно руководили его занятиями. Юнга вскоре должен был стать младшим матросом в ожидании лучшего.

Тот, кто с детства знает, что труд есть закон жизни, кто смолоду понял, что хлеб добывается только в поте лица (заповедь библии, ставшая правилом для человечества), тот предназначен для больших дел, ибо в нужный день и час у него найдутся воля и силы для свершения их.

Капитан Гуль, командовавший торговым судном, на котором служил Дик, обратил внимание на способного юнгу. Бравый моряк полюбил смелого мальчика, а вернувшись в Сан-Франциско, рассказал о нём Джемсу Уэлдону. Тот заинтересовался судьбой Дика, определил его в школу в Сан-Франциско и помог окончить её; воспитывали его в католической вере, которой придерживалась и семья самого судовладельца.

Дик жадно поглощал знания, особенно его интересовали география и история путешествий; он ждал, когда вырастет и начнёт изучать ту часть математики, которая имеет отношение к навигации. Окончив школу, он поступил младшим матросом на китобойное судно своего благодетеля Джемса Уэлдона. Дик знал, что «большая охота» — китобойный промысел — не менее важна для воспитания настоящего моряка, чем дальние плавания. Это отличная подготовка к профессии моряка, чреватой всяческими неожиданностями. К тому же этим учебным судном оказался «Пилигрим», плававший под командованием его покровителя — капитана Гуля. Таким образом, молодому матросу были обеспечены наилучшие условия для обучения.

Стоит ли говорить, что юноша был глубоко предан семье Уэлдона, которой он был стольким обязан? Пусть факты говорят сами за себя. Легко представить себе, как обрадовался Дик, когда узнал, что миссис Уэлдон с сыном совершат плаванье на «Пилигриме». Миссис Уэлдон в продолжение нескольких лет заменяла Диком мать, а маленького Джека он любил как родного брата, хотя и понимал, что положение у него совсем иное, чем у сына богатого судовладельца. Но его благодетели отлично знали, что семена добра, которые они посеяли, упали на плодородную почву. Сердце сироты Дика было полно благодарности, и он не колеблясь отдал бы жизнь за тех, кто помог ему получить образование и научил любить бога.

В общем, пятнадцатилетний юноша действовал и мыслил как взрослый человек тридцати лет — таков был Дик Сэнд.

Миссис Уэлдон высоко ценила Дика и понимала, что может всецело положиться на его преданность. Она охотно доверяла

ему своего маленького Джека. Ребёнок льнул к Дикю, понимая, что «старший братец» любит его.

Плавание в хорошую погоду в открытом море, когда все паруса поставлены и не требуют маневрирования, оставляет матросам много досуга. Дик всё свободное время отдавал маленькому Джеку. Молодой матрос развлекал ребёнка, показывал ему всё, что могло быть для мальчика занимательным в морском деле... Дик Сэнд всегда был возле малыша, готовый поддержать, подхватить его, если бы ручки пятилетнего Джека вдруг ослабели. Упражнения на вольном воздухе шли на пользу ребёнку, только что перенёсшему тяжёлую болезнь; морской ветер и ежедневная гимнастика быстро возвратили здоровый румянец его побледневшим щёчкам.

В таких условиях совершался переход из Новой Зеландии в Америку. Не будь восточных ветров, у экипажа «Пилигрима» и пассажиров не было бы никаких оснований к недовольству...

День был солнечный и ясный. Часов около девяти утра Дик Сэнд и Джек забрались на салинг¹ фор-брам-стенги²; оттуда им видна была вся палуба корабля и плещущий далеко внизу океан...

Дик Сэнд объяснял Джеку, почему правильно нагруженный и уравновешенный во всех своих частях «Пилигрим» не может опрокинуться, хотя он и даёт довольно сильный крен на штирборт³, как вдруг мальчик прервал его восклицанием:

— Что это?!

— Ты что-нибудь увидел, Джек? — спросил Дик Сэнд, выпрямившись во весь рост на рее.

— Да, да! Вон там! — сказал Джек, указывая пальчиком на какую-то точку, видневшуюся в просвете между кливером и стакселем.

Вглядевшись в ту сторону, куда указывал Джек, Дик Сэнд крикнул во весь голос:

— С правого борта, впереди, под ветром, обломок судна!

(Продолжение следует.)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Расскажите, что вы узнали о Дике Сэнде. Какое впечатление он произвёл на вас?
2. Вспомните, что такое эпитет. Какие эпитеты и с какой целью использует автор, описывая внешность юнга?

¹ *Салинг* — деревянная или металлическая рамная конструкция, состоящая из продольных и поперечных брусьев.

² *Фор-брам-стеньга* — название одной из мачт судна.

³ *Штирборт* — правый по ходу движения борт судна.

3. Кто такой Негоро? Что странного было в его внешности и поведении? Чем, на ваш взгляд, можно объяснить эти странности?

Глава четвёртая. СПАСЁННЫЕ С «ВАЛЬДЕКА»

[...]

Пятеро негров остались на потерпевшем крушение судне, в тысяче двухстах милях от ближайшей земли.

Старшего из негров звали Томом. Спутники признавали его своим руководителем. Этим Том был обязан не только возрасту, но и своей энергии и большому опыту, накопленному за долгую трудовую жизнь. Остальные негры были молодые люди в возрасте от двадцати пяти до тридцати лет. Звали их: Бат, Остин, Актеон и Геркулес. Бат был сыном старика Тома.

Все четверо были рослыми и широкоплечими молодцами — на невольничьих рынках Центральной Африки за них дали бы высокую цену. Сейчас они были изнурены, измучены, но всё же сразу бросалась в глаза могучая стать этих великолепных представителей крепкой чёрной расы и чувствовалось также, что на них наложило свою печать некоторое воспитание, полученное ими в одной из многочисленных школ Северной Америки.

Итак, после катастрофы Том и его товарищи остались в одиночестве. Они не могли ни исправить повреждения «Вальдека», ни покинуть его, потому что обе шлюпки разбились при столкновении. Спасти их могла только встреча с каким-нибудь кораблём. Потеряв управление, «Вальдек» стал игрушкой ветра и течения. Этим и объясняется, что «Пилигрим» встретил потерпевшее крушение судно в стороне от его курса, много южнее обычного пути кораблей, следующих из Мельбурна в Соединённые Штаты.

В течение десяти дней, которые прошли с момента катастрофы до появления «Пилигрима», пятеро негров питались продуктами, найденными в буфете кают-компании. Бочки с пресной водой, хранившиеся на палубе, разбились при столкновении, а камбуз, в котором можно было достать спиртные напитки, был залит водой.

На девятый день Том и его товарищи, жестоко страдавшие от жажды, потеряли сознание; «Пилигрим» как раз вовремя подоспел на помощь.

В немногих словах Том рассказал всё это капитану Гулю. Не было никаких оснований сомневаться в правдивости рассказа старого негра. Сами факты говорили за это, да и спутники Тома подтверждали его слова.

Другое живое существо, спасённое с тонущего корабля, вероятно, повторило бы то же самое, будь оно наделено даром речи. Речь

идёт о собаке, которая пришла в такую ярость, когда увидела Негоро. Было что-то странное в этой антипатии животного к судовому коку.

Динго — так звали собаку — был из породы крупных сторожевых собак, какие водятся в Новой Голландии¹. Однако капитан «Вальдека» приобрёл Динго не в Австралии. Два года назад капитан нашёл полумёртвую от голода собаку на западном берегу Африки близ устья реки Конго. Ему понравилось прекрасное животное, и он взял его к себе на корабль. Однако Динго не привязался к новому владельцу. Можно было подумать, что он тоскует по прежнему хозяину, с которым его насильно разлучили и которого невозможно было разыскать в этой пустынной местности.

Две буквы — «С» и «В», выгравированные на ошейнике, — вот всё, что связывало собаку с её прошлым, остававшимся для нового хозяина неразрешимой загадкой.

Динго был большим, сильным псом, крупнее пиренейских собак, и мог считаться превосходным образцом ново-голландской породы собак. Когда он вставал на задние лапы и скидывал голову, то был ростом с человека. Мускулистые, сильные, необычайно подвижные родичи Динго, не колеблясь, нападают на ягуара и пантеру и не боятся в одиночку бороться с медведем. Шерсть у Динго была густая, тёмно-рыжая, с белесоватыми подпалинами на морде, хвост длинный, пушистый и упругий, как у льва. Такая собака в разъярённом состоянии могла стать опасным врагом, и неудивительно, что Негоро не был в восторге от приёма, который ему оказал этот сильный пёс.

Динго не отличался общительностью, но его нельзя было назвать и злым. Скорее он казался грустным. Старый Том ещё на «Вальдеке» заметил, что Динго как будто недолюбливает негров. Он не пытался причинить им зло, но неизменно держался от них в стороне. Быть может, во время его блужданий по африканскому побережью туземцы дурно обращались с ним? Так или иначе, но он не подходил к Тому и его товарищам, хотя это были славные, добрые люди. В те десять дней, которые они провели вместе на борту потерпевшего крушение корабля, Динго по-прежнему сторонился товарищей по несчастью. Как и чем он питался в эти дни, осталось неизвестным, но так же, как и люди, он жестоко страдал от жажды.

Вот и все, кто уцелел на потерпевшем крушение судне. При первом же волнении на море оно должно было затонуть и, конечно, унесло бы с собой в пучину океана лишь трупы. Но неожиданная встреча с «Пилигримом», который задержался в пути из-за штилей и противных ветров, дала возможность капитану Гулю совершить доброе дело.

¹ *Новая Голландия* — старинное название Австралии.

Надо было только довести это дело до конца, вернув на родину спасённых с «Вальдека» негров, которые в довершение несчастья лишились всех своих сбережений, скопленных за три года работы. Это и предполагалось сделать. «Пилигрим», разгрузившись в Вальпараисо, должен был подняться вдоль американского побережья до берегов Калифорнии. И миссис Уэлдон великодушно обещала Тому и его спутникам, что там они найдут приют у её мужа, мистера Джемса Уэлдона, и он снабдит их всем необходимым для возвращения в Пенсильванию. Несчастные могли теперь быть уверенными в будущем, и им оставалось лишь благодарить миссис Уэлдон и капитана Гуля. Действительно, бедные негры были им многим обязаны и, чувствуя себя в долгу перед ними, надеялись когда-нибудь доказать им на деле свою благодарность.

(Продолжение следует.)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Как на борту «Пилигрима» оказались Том и его друзья?
2. Выразительно прочитайте отрывок о «другом живом существе, спасённом с тонущего корабля».
3. Почему Негоро не был в восторге от Динго?

Глава девятая. КАПИТАН СЭНД

Скорбь и ужас — вот первые чувства, охватившие пассажиров «Пилигрима» при виде ужасной катастрофы. Всех потрясла гибель капитана Гуля и пятерых матросов. Быть свидетелями страшного бедствия, бессильными помочь погибающим товарищам!.. Дик и его спутники не могли даже подоспеть вовремя, чтобы вытащить из воды раненых, но ещё живых людей, и, подняв их на борт, защитить корпусом корабля от ужасных ударов разъярённого кита.

Когда «Пилигрим» подплыл, наконец, к месту катастрофы, ничто уже не могло вернуть к жизни капитана Гуля и пятерых матросов, — океан поглотил их...

Какой злой рок послал этого кита навстречу «Пилигриму»?

Какой злой рок побудил капитана Гуля, обычно такого осторожного и благоразумного, пуститься на охоту ради того, чтобы пополнить груз?

В истории китобойного промысла случаи, когда погибает весь экипаж шлюпки и никого не удаётся спасти, насчитываются единицами.

Да, гибель капитана Гуля и его сотоварищей была страшным бедствием! На «Пилигриме» не осталось ни одного человека из команды. Остался в живых Дик Сэнд. Но ведь Дик был юношей пятнадцати лет, почти мальчиком. И этот мальчик должен был заменить теперь капитана, боцмана, весь экипаж!..

На борту судна находились пассажиры — мать с малым ребёнком, их присутствие ещё более осложняло положение.

Правда, было ещё пятеро негров, и эти честные, храбрые и усердные люди готовы были выполнять любую команду, но ведь они ничего не понимали в морском деле.

Дик Сэнд долго неподвижно стоял на палубе. Скрестив на груди руки, он смотрел на воду, поглотившую капитана Гуля, его покровителя, человека, которого он любил как отца.

Потом он обвёл взглядом горизонт. Он искал какое-нибудь судно, чтобы попросить у него помощи, содействия или хотя бы отправить с ним миссис Уэлдон.

Сам он не собирался покинуть «Пилигрим». О нет! Сначала он сделает всё, чтобы довести судно до ближайшего порта. Но на другом корабле миссис Уэлдон и её сын были бы в безопасности, и Дику не приходилось бы тревожиться за жизнь этих двух существ, к которым он привязался всей душой.

Но океан был пустынен. После исчезновения полосатика вокруг «Пилигрима» были только небо да вода.

Дик Сэнд прекрасно знал, что «Пилигрим» находится в стороне от обычных путей торговых судов и что все китобойные флотилии в это время года плавают ещё далеко, занятые промыслом.

Он понимал, что опасности нужно глядеть прямо в глаза, не приукрашая своё положение. И, вознеся в глубине сердца молитву к небу о помощи и покровительстве, Дик глубоко задумался.

Какое же решение примет он?

В эту минуту на палубу вышел судовой кок, куда-то уходивший после катастрофы.

Негоро с величайшим вниманием следил за всеми перипетиями злосчастной охоты, но не промолвил ни слова, не сделал ни одного движения. Никто не мог сказать, какое впечатление произвело на него непоправимое несчастье. Если бы в такую минуту кому-нибудь пришла мысль понаблюдать за ним, то всякого бы поразило равнодушное выражение его лица, на котором ни один мускул не дрогнул. Он как будто и не слышал благочестивого призыва миссис Уэлдон, молившейся за утонувших, и не отозвался на него.

Негоро не спеша прошёл на корму, где стоял Дик Сэнд, и остановился в трёх шагах от юноши.

— Вы хотите поговорить со мной? — спросил Дик Сэнд.

— Нет, — холодно ответил кок. — Я хотел бы поговорить с капитаном Гулем или хотя бы с боцманом Говиком.

— Вы же знаете, что они погибли! — воскликнул Дик.

— Кто же теперь командир судна? — нагло спросил Негоро.

— Я! — не колеблясь, ответил Дик Сэнд.

— Вы?! — Негоро пожал плечами. — Пятнадцатилетний капитан!

— Да, пятнадцатилетний капитан! — ответил Дик, наступая на него.

Негоро попятился.

— На «Пилигриме» есть капитан, — сказала миссис Уэлдон. — Это Дик Сэнд. И не мешает всем знать, что новый капитан Дик Сэнд сумеет каждого заставить повиноваться ему.

Негоро поклонился, насмешливо пробормотав под нос несколько слов, которых никто не разобрал, и удалился на свой камбуз.

Итак, Дик Сэнд принял решение!

Тем временем ветер начал свежеть, и шхуна-бриг уже оставила позади обширное водное пространство, где кишели красные рачки.

Дик Сэнд осмотрел паруса, а затем обвёл внимательным взглядом людей, стоявших на палубе. Юноша почувствовал, что, как ни тяжела ответственность, которую он принимал на себя, он не вправе от неё уклониться. Глаза всех путников были теперь устремлены на него, и, прочитав в них, что он может положиться на этих людей, юноша просто сказал, что и они могут положиться на него.

Дик не переоценивал своих сил. При помощи Тома и его товарищей он мог в зависимости от обстоятельств ставить или убирать паруса. Но он сознавал, что у него нет достаточных знаний, чтобы определять с помощью приборов место судна в открытом море...

Однако Дик не испугался.

Миссис Уэлдон поняла всё, что творилось в душе отважного юноши.

— Спасибо, Дик! — сказала она недрогнувшим голосом. — Капитана Гуля больше нет на свете, весь экипаж погиб вместе с ним. Судьба корабля в твоих руках. Я верю, Дик, ты спасёшь корабль и всех нас!

— Да, миссис Уэлдон, — ответил Дик, — я постараюсь это сделать с помощью божьей.

— Том и его товарищи — славные люди. Ты можешь всецело положиться на них.

— Я знаю это. Я обучу их морскому делу, и мы вместе будем управлять судном. В хорошую погоду это нетрудно. Если же погода испортится... Ну что ж, мы преодолеем и дурную погоду, миссис Уэлдон, и спасём вас, маленького Джека и всех остальных! Я

чувствую себя в силах это сделать! — И он повторил: — С Божьей помощью.

— Ты знаешь, Дик, где сейчас находится «Пилигрим»? — спросила миссис Уэлдон.

— Это легко узнать, — ответил Дик. — Достаточно взглянуть на карту: капитан Гуль вчера нанёс на неё нашу точку.

— А ты сможешь повести судно в нужном направлении?

— Надеюсь. Я буду держать курс на восток, на тот пункт американского побережья, к которому мы должны пристать.

— Но ты, конечно, понимаешь, Дик, что после случившегося бедствия надо изменить наш первоначальный маршрут? Разумеется, «Пилигрим» не пойдёт теперь в Вальпараисо. Ближайший американский порт — вот куда ты должен вести судно!

— Конечно, миссис Уэлдон, — ответил Дик. — Не тревожьтесь. Американский континент простирается так далеко на юг, что мы никак его не минуем.

— В какой стороне он находится? — спросила миссис Уэлдон.

— Вон там ... — сказал Дик, указывая рукой на восток, который он определил по компасу.

— Итак, Дик, теперь ведь безразлично, придёт ли судно в Вальпараисо или в какой-нибудь другой американский порт. Единственная наша цель — добраться до суши!

— И мы доберёмся до неё, миссис Уэлдон! — уверенно ответил юноша. — Я ручаюсь, что доставлю вас в безопасное место. Впрочем, я не теряю надежды, что вблизи от суши мы встретим какое-нибудь судно, совершающее каботажные рейсы¹. Видите, миссис Уэлдон, поднимается северо-западный ветер. Даст бог, он удержится, а тогда мы и оглянуться не успеем, как доберёмся до берега. Поставим все паруса — от грота до кливера — и полетим стрелой!

Молодой матрос говорил с уверенностью бывалого моряка, знающего цену своему кораблю и не сомневающегося, что при любой скорости этот корабль не выйдет у него из повиновения [...].

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какая трагедия произошла с командой «Пилигрима»?
2. Подготовьте чтение в лицах отрывка от слов: «Теперь Негоро не спеша прошёл на корму...» до слов: «Итак, Дик Сэнд принял решение!»

¹ Каботажные рейсы — короткие рейсы между портами.

3. Одобряете ли вы решение Дика Сэнда? Аргументируйте свой ответ.
4. Как вы оцениваете поведение Негоро? Попробуйте предвидеть, что от него можно ожидать.

Глава десятая. СЛЕДУЮЩИЕ ЧЕТЫРЕ ДНЯ

[...]

Жизнь на борту снова вошла в колею, хотя всё ещё долго пассажиры оставались под впечатлением страшной катастрофы, стоившей жизни шести человекам.

В первый день Дик Сэнд прямо разрывался на части: он стремился привести судно в полный порядок, чтобы быть готовым ко всяким неожиданностям. Негры-матросы усердно исполняли все распоряжения. К вечеру на борту «Пилигрима» уже царил образцовый порядок. Можно было надеяться, что и дальше всё пойдёт хорошо.

[...]

Ночь за ночью Дик Сэнд проводил у штурвала. Иногда он совсем изнемогал, чувствовал непреодолимую слабость, рука его почти инстинктивно правила тогда рулём. Усталость, с которой он не хотел считаться, брала своё.

В ночь с 13 на 14 февраля Дику пришлось разрешить себе несколько часов отдыха. У штурвала его заменил старик Том.

Небо сплошь затягивали облака; к вечеру, когда похолодало, они нависли очень низко. Было так темно, что с палубы нельзя было разглядеть верхние паруса, терявшиеся во мраке. Геркулес и Актеон несли вахту на баке.

На корме слабо светился нактоуз¹, и этот мягкий свет отражался в металлической отделке штурвала. Ходовые огни бросали свет лишь за борт, а палуба судна погружена была в темноту.

Около трёх часов ночи со старым Томом, утомлённым долгой вахтой, произошло что-то похожее на явление гипнотизма: глаза его, слишком долго устремлявшиеся на светящийся круг нактоуза, вдруг перестали видеть, и он оцепенел в сковавшей его дремоте. Он не только ничего не видел, но если бы даже его сильно ущипнули, он, вероятно, ничего не почувствовал бы.

Он не заметил, как по палубе скользнула какая-то тень.

Это был Негоро.

Судовой кок подкрался к компасу и подложил под нактоуз какой-то тяжёлый предмет, который он принёс с собой.

¹ *Накто́уз* — металлический, из специального немагнитного сплава, или деревянный шкаф, в верхней части которого установлен корабельный компас.

С минуту он смотрел на освещённую в нактоузе картушку и затем бесшумно исчез.

Если бы Дик Сэнд, сменивший поутру Тома, заметил предмет, положенный Негоро под нактоуз, он поспешил бы убрать его, потому что Негоро положил под компас железный брусок. Под влиянием этого куска железа показания компаса изменились, и вместо того, чтобы указывать направление на магнитный полюс, которое немного отличается от направления на полюс мира, стрелка указывала теперь на северо-восток; девиация компаса достигла четырёх румбов¹, то есть половины прямого угла.

Том через мгновение очнулся. Он бросил взгляд на компас... Ему показалось — могло ли быть иначе? — что «Пилигрим» сошёл с курса.

Том повернул штурвал и направил корабль прямо на восток... Так ему по крайней мере казалось.

Но вследствие отклонения стрелки, о котором вахтенный рулевой, конечно, и не подозревал, курс корабля, изменённый на четыре румба, взят был теперь на юго-восток.

Таким образом, «Пилигрим» уклонился от заданного курса на 45°, продолжая нестись вперёд с прежней скоростью. [...]

Глава четырнадцатая. ЧТО ДЕЛАТЬ?

Итак, после перехода, длившегося не менее семидесяти четырёх дней, после упорной борьбы со штилями, противными ветрами и ураганом «Пилигрим» кончил тем, что выбросился на берег и разбился о рифы.

Однако миссис Уэлдон и её спутники возблагодарили PROVIDENCE, почувствовав себя бесконечно счастливыми, когда очутились на суше. Ведь они были на материке, а не на каком-нибудь злосчастном острове Полинезии, куда буря могла бы их забросить. В каком бы месте Южной Америки они ни высадились, всё равно они без особого труда возвратятся на родину.

Но «Пилигрим» погиб безвозвратно: за несколько часов прибой разбросает во все стороны обломки его остова. Нечего и думать о спасении груза.

Если Дик Сэнду и не удалось сберечь корабль и доставить его владельцу, всё же он вправе был гордиться тем, что целыми и невредимыми доставил на берег всех находившихся на борту, и среди них жену и сына Джемса Уэлдона.

В какой же части южноамериканского побережья потерпел крушение «Пилигрим»? На побережье Перу, как предполагал Дик Сэнд?

¹ Один румб равен 1/32 круга.

Вполне возможно: ведь после того как корабль миновал остров Пасхи, экваториальные течения и ветры гнали его к северо-востоку. При этих условиях он, разумеется, мог с сорок третьего градуса южной широты попасть на пятнадцатый градус.

Необходимо было как можно скорее установить, где именно потерпел крушение «Пилигрим». На побережье Перу много портов, городков и селений, и, если предположение Дика Сэнда окажется правильным, легко будет добраться до какого-нибудь населённого пункта.

Крутой, но не слишком высокий берег у места крушения казался пустынным... Узкая песчаная полоса была усеяна чёрными обломками скал. Кое-где в скалах зияли широкие трещины, кое-где по более отлогим местам можно было взобраться на гребень утёса.

В четверти мили к северу скалы расступались, давая выход маленькой речке, которую с моря не было видно. Над речкой склонились многочисленные ризофоры — разновидность мангового дерева, имеющая существенные отличия от своих индийских родичей.

Густой зелёный лес, начинавшийся у самого обрыва, тянулся вдаль, до линии гор, возвышавшихся на горизонте. Будь кузен Бенедикт ботаником, он пришёл бы в восторг от бесконечного разнообразия древесных пород — тут росли высокие баобабы, которым раньше приписывали невероятное долголетие, а кору их сравнивали с египетским сиенитом¹, тут росли веерники, белые сосны, тамаринды, перечники и сотни других растений, не встречающихся в северной части Нового Света и непривычных для американцев.

Но любопытным обстоятельством было то, что среди этих древесных пород не встречалось ни единого представителя многочисленного семейства пальм, которое насчитывает более тысячи видов и распространено почти по всему земному шару.

Над берегом реяли стаи крикливых птичек — главным образом ласточек с иссиня-чёрным оперением и светло-каштановыми головками. Кое-где взлетали и куропатки — серые птицы со стройным телом и голой шейкой.

Миссис Уэлдон и Дик Сэнд заметили, что птицы не очень боятся людей. Они позволяли приближаться к себе, не проявляя страха. Неужели они никогда не видели человека и не научились остерегаться его? Неужели тишину этого пустынного берега никогда ещё не нарушали ружейные выстрелы?

У берега меж камней прогуливались неуклюжие птицы, принадлежащие к роду малых пеликанов. Они набивали мелкой рыбёшкой кожистый мешок, который висит у них под нижней створкой клюва.

¹ *Сиенит* — минерал, похожий на гранит.

Над обломками «Пилигрима» уже кружились чайки, прилетевшие с океана.

Птицы, видимо, были единственными живыми существами, посещавшими эту часть побережья. Разумеется, здесь водилось также немало насекомых, представлявших интерес для кузена Бенедикта.

Однако ни у птиц, ни у насекомых не спросишь, что это за берег. Сообщить его название мог только какой-нибудь местный житель. А жителей-то как раз и не было. По крайней мере ни один из них не показывался.

Ни дома, ни хижины, ни шалаша. Ни один дымок не поднимался в воздух ни на севере — по ту сторону речки, ни на юге, ни в густом лесу, уходившем вглубь континента. Ничто не указывало, что этот берег когда-либо посещал человек.

Дика Сэнда это очень удивляло.

— Где же мы? Куда мы попали? Неужели не найдётся человек, который мог бы нам это сказать?

Но такого человека не было: если бы какой-нибудь туземец находился вблизи, Динго поднял бы тревогу. Между тем собака бежала взад и вперёд по песчаному берегу, обнюхивая землю и опустив хвост. Она глухо ворчала. Её поведение казалось странным, но ясно было, что Динго не чуял ни человека, ни животного.

— Дик, посмотри-ка на Динго! — сказала миссис Уэлдон.

— Как странно! — промолвил юноша. — Можно подумать, что собака разыскивает чей-то след.

— Действительно странно, — прошептала миссис Уэлдон.

Затем, спохватившись, она добавила:

— Что делает Негоро?

— То же, что и Динго, — ответил Сэнд, — рыскает взад и вперёд по берегу. Впрочем, здесь он волен поступать как ему угодно. Я уже не вправе отдавать ему приказания. Его служба кончилась после крушения «Пилигрима».

Негоро осматривал песчаную косу, речку и прибрежные скалы с видом человека, попавшего в знакомые, но забытые места. Бывал ли он здесь? Вероятно, он отказался бы ответить, если бы ему задали такой вопрос. Однако не стоило обращать внимания на этого необщительного португальца. Дик Сэнд следил за ним, пока Негоро шагал по направлению к речке, но как только он скрылся за прибрежными утёсами, юноша перестал им интересоваться.

Динго злобно залаял, увидев Негоро, но тотчас же перестал.

Пора было подумать о том, что предпринять. Сначала надо было найти какой-нибудь приют, чтобы отдохнуть и поесть. После этого можно будет держать совет и наметить план дальнейших действий.

Легче всего разрешился вопрос о пропитании. Кроме плодов и дичи, которыми изобиловала эта земля, потерпевшие крушение могли воспользоваться тем, что было в кладовых корабля. Прибой выбросил на обмелевшие с наступлением отлива рифы много разных предметов с погибшего судна. Том и его товарищи собрали несколько бочек с сухарями, коробки консервов, ящики с сушёным мясом. Вода не успела ещё их испортить. Маленький отряд с избытком был обеспечен пищей на всё время, какое понадобится, чтобы добраться до ближайшего селения! Запасы провизии были переправлены в сухое место в берегу, куда не мог достигнуть прилив.

В пресной воде также не было недостатка. Дик Сэнд попросил Геркулеса принести немного воды из речки. Силач негр принёс на плече полный бочонок. Хотя во время прилива море и заходило в устье речки, вода в ней в час отлива была пресная и вполне годная для питья.

Об огне не приходилось беспокоиться: если бы понадобилось развести костёр, кругом было сколько угодно топлива — сучьев и высохших корней мангифер. Старик Том, рьяный курильщик, захватил с собой герметически закрывавшуюся жестяную коробку с трупом. В любой момент он мог высечь искру при помощи огнива и кремня, подобранного на берегу моря.

Оставалось только отыскать убежище, где маленький отряд мог бы отдохнуть и переночевать перед выступлением в поход.

«Гостиницу» нашёл маленький Джек. Бегая у подножия скал, мальчик случайно обнаружил просторную, гладко отполированную пещеру — один из тех гротов, какие море вымывает в скалах, когда волны прибоем налетают на них во время бури.

Мальчик радостно закричал и позвал мать полюбоваться своей находкой.

— Молодец, Джек! — сказала миссис Уэлдон. — Если бы мы были Робинсонами и принуждены были поселиться на этом берегу, мы непременно назвали бы грот твоим именем.

Пещера была небольшая: десять-двенадцать футов в глубину и столько же в ширину, но Джеку она казалась огромной. Потерпевшие крушение могли удобно в ней разместиться. Миссис Уэлдон и Нан с удовольствием отметили, что пещера совершенно сухая. Луна была в первой четверти, — следовательно, не приходилось опасаться особенно сильных приливов, которые могли дойти до подножия скал и до пещеры.

Итак, всё необходимое для отдыха было налицо.

Через десять минут пассажиры «Пилигрима» уже лежали в гроте на подстилке из сухих водорослей. Даже Негоро пожелал присоединиться к ним и получить свою долю завтрака. Очевидно, он не

решился пуститься в одиночку странствовать по глухому лесу, через который пробивалась извилистая речка.

Было около часа пополудни. Завтрак состоял из сухарей и сушёного мяса. Запивали его свежей водой с несколькими каплями рома — Бат среди продуктов нашёл бочонок рома.

Негоро завтракал со всеми, но не вмешивался в общую беседу, в которой обсуждался план дальнейших действий. Однако, не подавая вида, он внимательно прислушивался к разговору и, без сомнения, делал из него какие-то выводы.

Динго, получивший свою долю пищи, караулил у входа в пещеру. С таким стражем можно было спокойно отдыхать. Ни одно живое существо не могло появиться на песчаном берегу без того, чтобы верный пёс не поднял тревоги.

Миссис Уэлдон, посадив к себе на колени сонного Джека, заговорила первая.

— Дик, друг мой, — сказала она, — все мы благодарны тебе за преданность, которую ты проявил в эти трудные дни. Но освободить тебя от твоих обязанностей мы ещё не можем. Ты должен быть нашим проводником на суше, как был нашим капитаном на море. Все мы доверяем тебе. Говори же: что нужно предпринять?

Миссис Уэлдон, Нан, старик Том и остальные негры не спускали глаз с Дика Сэнда. Даже Негоро пристально смотрел на него. Очевидно, португальца чрезвычайно интересовало, что же ответит юноша.

Дик Сэнд несколько минут размышлял. Потом он сказал:

— Прежде всего, миссис Уэлдон, нужно выяснить, где мы находимся. Я думаю, что наш корабль потерпел крушение у берегов Перу. Ветер и течения должны были унести его примерно к этим широтам. Быть может, мы находимся в одной из южных, наименее населённых провинций Перу, которые граничат с пампой. Я бы сказал даже, что это весьма вероятно: ведь берег кажется совсем безлюдным. Если моё предположение правильно, нам, к несчастью, придётся довольно долго идти до ближайшего поселения.

— Что же ты хочешь делать? — спросила миссис Уэлдон.

— Я считаю, что мы не должны покидать грот до тех пор, пока не выясним точно, где мы находимся. Завтра после отдыха двое из нас пойдут на разведку. Они постараются, не очень удаляясь от лагеря, разыскать туземцев, выяснив у них всё, что нас интересует, они вернутся назад. Не может быть, чтобы в радиусе десяти-двенадцати миль не нашлось людей.

— Неужели мы расстанемся? — воскликнула миссис Уэлдон.

— Это необходимо, — ответил юноша. — Если же не удастся ничего разузнать, если против ожидания окажется, что местность

совершенно пустынна, что ж... тогда мы придумаем что-нибудь другое!

— А кто пойдёт на разведку? — спросила миссис Уэлдон после минутного раздумья.

— Это мы сейчас решим, — ответил Дик Сэнд. Во всяком случае, вы, миссис Уэлдон, Джек, мистер Бенедикт и Нан не должны уходить из грота. Бат, Геркулес, Актеон и Остин могут остаться с вами, а Том и я отправимся на разведку. Вероятно, и Негоро предпочтёт остаться здесь, — добавил юноша, глядя на судового кока.

— Вероятно, — уклончиво ответил тот.

— Мы заберём с собой Динго, — продолжал Дик, — он может сослужить нам хорошую службу.

Услышав своё имя, Динго показался у входа в грот и коротко залаял, словно выражая этим своё согласие.

Миссис Уэлдон задумалась. Разлука, даже самая непродолжительная, очень смущала её. Весть о крушении «Пилигрима», возможно, уже облетела соседние туземные племена, появившиеся на этом берегу, в южной или северной его части; в любой час могли нагрянуть местные жители с намерением поживиться кое-чем с погибшего корабля, — стоило ли дробить силы отряда, если нужно будет отразить нападение.

Это замечание миссис Уэлдон следовало серьёзно обсудить.

Однако у Дика Сэнда нашлись веские доводы против него. Индейцев нельзя сравнивать с африканскими или полинезийскими дикарями, говорил юноша, и нет оснований предполагать, что они способны совершить разбойничий набег. А пускаться в странствия по этой незнакомой местности, даже не представляя себе, в какой части Южной Америки она расположена и на каком расстоянии находится ближайшее поселение, — это значило бы напрасно расходовать силы. Слов нет, неприятно расставаться, но всё же это лучше, нежели всем отрядом вслепую пускаться в поход через чащу девственного леса.

— И наконец, — закончил Дик свою речь, — я не допускаю и мысли, что мы расстанемся надолго. Если в продолжение двух дней Том и я не найдём какого-нибудь селения или туземца, мы вернёмся в грот. Но этого быть не может! Я убеждён, что мы не пройдем и двадцати миль в глубь страны, как уже определим её географическое положение. Быть может, я ошибся в счислении, — в конце концов ведь я не делал астрономических наблюдений. Что, если мы находимся в других широтах?

— Итак, поступай, как знаешь, Дик, — сказала миссис Уэлдон. — Отправляйся на разведку с Томом, а мы будем дожидаться вас здесь.

— Решено! — сказал кузен Бенедикт самым спокойным тоном. — А я пойду знакомиться с местными насекомыми.

— Только, пожалуйста, не заходите далеко, господин Бенедикт, — сказал Дик Сэнд, — очень просим вас об этом.

— Не беспокойся, мой милый.

— А главное — не натравите на нас москитов! — добавил Том.

Через несколько минут, перекинув через плечо свою драгоценную жестяную коробку, энтомолог ушёл.

Негоро вышел из грота почти одновременно с ним. Казалось, этот человек считал совершенно естественным всегда заботиться только о самом себе. Но в то время как кузен Бенедикт карабкался вверх по откосу, чтобы выбраться на опушку леса, Негоро не спеша направился к устью речки и зашагал вверх по её течению.

[...]

Между тем Геркулес несколько раз окликнул Негоро. Тот не отвечал: либо он зашёл слишком далеко и не мог расслышать призывов, либо не хотел вернуться.

Негры нисколько не сожалели о том, что избавились от португальца. Но, как правильно сказала миссис Уэлдон, Негоро был, пожалуй, менее опасен вблизи, чем вдали.

Как, однако, объяснить, что судовой кок осмелился в одиночку пуститься в путешествие по этой незнакомой местности?

Не заблудился ли он? Может быть, он искал и не нашёл в кромешной тьме дорогу в грот?

Миссис Уэлдон и Дик Сэнд не знали, что и подумать. Но как бы то ни было, обитатели грота не имели права лишать себя столь необходимого отдыха из-за Негоро.

Вдруг Динго, бегавший по песчаному берегу, залился отчаянным лаем.

— Почему лает Динго? — спросила миссис Уэлдон.

— Сейчас узнаю, — ответил Дик Сэнд. — Может быть, Негоро возвращается?

Тотчас же Дик, Геркулес, Остин и Бат вышли из грота и направились к речке. Но они никого не увидели на берегу. Динго больше не лаял.

Дик Сэнд и его спутники вернулись в грот и постарались как можно лучше устроиться там на ночлег. Негры распределили между собой дежурство, и все путники легли спать.

Не могла заснуть лишь одна миссис Уэлдон. Ей почему-то казалось, что этот долгожданный берег не оправдал надежд, которые она возлагала на него, — не принёс ни безопасности для её близких, ни покоя для неё самой.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Расскажите, почему шхуна «Пилигрим» отклонилась от курса.
2. Кратко перескажите главу четырнадцатую.
3. Охарактеризуйте Дика Сэнда как капитана. В своём рассказе используйте цитаты.
4. Что, по вашему мнению, замыслил Негоро?
5. Подготовьтесь к ролевой игре «Я — литературный герой» (возможные роли — Дик Сэнд, миссис Уэлдон, Геркулес). Попробуйте ответить на вопрос «Что делать?» устами одного из персонажей.

Глава пятнадцатая. ГЭРРИС

Наутро 7 апреля Остин, который нёс караул в предрассветные часы, увидел, как Динго с сердитым лаем бросился к речке. Тотчас же из грота выбежали миссис Уэлдон, Дик Сэнд и негры. Вероятно, что-то произошло.

— Динго учуял человека или какое-то животное, — сказал юноша.

— Во всяком случае, не Негоро, — заметил Том, — на него Динго лает с особенной злостью.

— Но куда же девался Негоро? — спросила миссис Уэлдон, бросив искоса на Дика взгляд, значение которого понял только он один. — И если это не Негоро, то кто бы это мог быть?

— Сейчас узнаем, миссис Уэлдон, — ответил Дик. И, обращаясь к Бату, Остину и Геркулесу, он добавил: — Возьмите ружья и ножи, друзья мои, и идите за мной.

По примеру Дика Сэнда каждый негр заткнул за пояс нож и взял ружьё. Затем все четверо зарядили ружья и быстро двинулись к берегу речки.

Миссис Уэлдон, Том и Актеон остались у входа в грот, где под присмотром старой Нан спал маленький Джек.

Солнце только что взошло. Скалы, поднимавшиеся на востоке, ещё скрывали его, и песчаное побережье было в тени. Но на западе до самого горизонта море уже сверкало под первыми солнечными лучами.

Дик Сэнд и его спутники быстро шли по берегу к устью речки.

Там они увидели Динго. Собака неподвижно стояла на месте, словно делала стойку, и лаяла не переставая. Ясно было, что она увидела или учуяла кого-то постороннего.

Старый Том был прав: Динго лаял не на Негоро, своего давнишнего врага. Какой-то человек спустился по откосу крутого берега. Очутившись на пляже, он медленно зашагал вперёд, стараясь голосом и жестами успокоить Динго. Видно было, что он побаивается сердитого пса.

— Это не Негоро! — сказал Геркулес. — Мы ничего не потеряем от такой замены, — заметил Бат.

— Вероятно, это туземец, — сказал юноша. — Его приход избавит нас от неприятной необходимости различаться друг с другом. Наконец-то мы узнаем, где мы находимся!

И все четверо, закинув ружья за спину, быстро зашагали навстречу незнакомцу.

Незнакомец, увидев их, явно был весьма удивлён. Он как будто не ожидал встретить людей в этой части побережья. Вероятно, он ещё не заметил обломков «Пилигрима», иначе появление на берегу моря жертв крушения показалось бы ему совершенно естественным. Кстати сказать, ночью прибой разломал на части корпус корабля, и теперь в море плавали только обломки его.

Заметив, что идущие навстречу люди вооружены, незнакомец остановился и даже сделал шаг назад. Ружьё висело у него за спиной; он быстро взял его в руки и вскинул к плечу. Его опасения были понятны.

Но Дик Сэнд сделал приветственный жест. Незнакомец, несомненно, понял, что у пришельцев намерения мирные, и после некоторого колебания подошёл к ним.

Дик Сэнд мог теперь рассмотреть его.

Это был рослый мужчина, лет сорока на вид, с седеющими волосами и бородой, с живыми, быстрыми глазами и загорелый почти до черноты. Такой загар бывает у кочевников, вечно странствующих на вольном воздухе по лесам и равнинам. Незнакомец носил широкополую шляпу, куртку из дублёной кожи, похожую на камзол, и штаны; к высоким — до колен — кожаным сапогам были прикреплены большие шпоры, звеневшие при каждом шаге.

Дик Сэнд с первого взгляда понял — и так оно и оказалось, — что перед ним не коренной житель пампы¹. Это был скорее иностранец,

Иллюстрация Анри Мейера,
гравюра Шарля Барбанта

¹ Пампа — степь на юго-востоке Южной Америки.

сомнительный авантюрист, каких немало в отдалённых и полудиких краях. Судя по его манере держаться, словно навьютяжку, и по рыжеватой бороде, он, вероятно, был по происхождению англосакс. Во всяком случае, он не был ни индейцем, ни испанцем.

Догадка перешла в уверенность, когда в ответ на английское приветствие Дика Сэнда незнакомец ответил на том же языке без какого бы то ни было акцента:

— Добро пожаловать, юный друг!

И, подойдя поближе, он крепко пожал руку Дика Сэнда.

Неграм, спутникам Дика, незнакомец только кивнул, не сказав им ни слова.

— Вы англичанин? — спросил он у Дика.

— Американец, — ответил юноша.

— Южанин?

— Нет, северянин.

Этот ответ как будто обрадовал незнакомца. Он ещё раз чисто по-американски, размашисто потряс руку Дик Сэнду.

— Могу ли я спросить вас, мой юный друг, каким образом вы очутились на этом берегу?

Но прежде чем Дик Сэнд успел ответить на вопрос, незнакомец сорвал с головы шляпу и низко поклонился.

Миссис Уэлдон, неслышно ступая по песку, подошла и остановилась перед ним.

Она сама ответила на вопрос незнакомца.

— Сударь, — сказала она, — мы потерпели крушение. Наш корабль вчера разбился о прибрежные рифы!

На лице незнакомца отразилось чувство жалости. Повернувшись лицом к океану, он искал взглядом следа крушения.

— От нашего корабля ничего не осталось, — сказал Дик. — Прибой разбил его в щепы этой ночью.

— И прежде всего мы хотим знать, — добавила миссис Уэлдон, — где мы находимся.

— На южноамериканском побережье, — ответил незнакомец. Казалось, вопрос миссис Уэлдон очень удивил его. — Неужели вы этого не знаете?

— Да, сударь, — ответил Дик Сэнд. — Мы сомневались в этом, потому что в бурю корабль мог отклониться в сторону от курса, а я не имел возможности определить его место. Но я прошу вас точнее указать, где мы. На побережье Перу, не правда ли?

— Нет, нет, юный друг мой! Немного южнее. Вы потерпели крушение у берегов Боливии¹.

¹ *Боливия* — государство в центральной части Южной Америки.

— Ах! — воскликнул Дик Сэнд.

— Точнее — вы находитесь в южной части Боливии, почти на границе Чили.

— Как называется этот мыс? — спросил Дик Сэнд, указывая на север.

— К сожалению, не знаю, — ответил незнакомец. — Я хорошо знаком с центральными областями страны, где мне часто приходилось бывать, но на этот берег я попал впервые.

Дик Сэнд задумался над тем, что услышал от незнакомца. В общем, он был не очень удивлён. Не зная силы течений, он легко мог ошибиться в счислении. Но ошибка эта оказалась не столь значительной. Дик, основываясь на том, что он заметил остров Пасхи, предполагал, что «Пилигрим» потерпел крушение где-то между двадцать седьмой и тридцатой параллелью южной широты. Оказалось — на двадцать пятой параллели. Судно проделало длинный путь, и такая незначительная ошибка в счислении была вполне вероятной.

У Дика не было ни малейших оснований сомневаться в правдивости слов незнакомца. Узнав, что «Пилигрим» потерпел крушение в Нижней Боливии, Дик уже не удивлялся пустынности берега.

— Сударь, — сказал он незнакомцу, — судя по вашему ответу, я должен предположить, что мы находимся на довольно большом расстоянии от Лимы?

— О, Лима далеко... Лима там! — Незнакомец махнул рукой, указав на север.

Миссис Уэлдон, которую исчезновение Негоро заставило насторожиться, с величайшим вниманием следила за этим человеком. Но ни в его поведении, ни в его ответах она не заметила ничего подозрительного.

— Сударь, — начала она, — извините, если мой вопрос покажется вам нескромным. Ведь вы не уроженец Боливии?

— Я такой же американец, как и вы, миссис... — Незнакомец умолк, ожидая, что ему подскажут имя.

— Миссис Уэлдон, — сказал Дик.

— Моя фамилия Гэррис, — продолжал незнакомец. — Я родился в Южной Каролине. Но вот уже двадцать лет как я покинул свою родину и живу в пампе Боливии. Мне очень приятно встретить соотечественников!

— Вы постоянно живёте в этой части Боливии, мистер Гэррис? — спросила миссис Уэлдон.

— Нет, миссис Уэлдон, я живу на юге, на чилийской границе. Но в настоящее время я еду на северо-восток, в Атакаму.

— Значит, мы находимся недалеко от Атакамской пустыни? — спросил Дик Сэнд.

— Совершенно верно, мой юный друг. Эта пустыня начинается за горным хребтом, который виден на горизонте.

— Пустыня Атакама! — повторил Дик Сэнд.

— Да, мой юный друг, — подтвердил Гэррис. — Атакамская пустыня, пожалуй, самая любопытная и наименее исследованная часть Южной Америки. Эта своеобразная местность резко отличается от всей остальной страны.

— Неужели вы рискуете в одиночку путешествовать по пустыне? — спросила миссис Уэлдон.

— О, я уже не раз совершал такие переходы! — ответил Гэррис. — В двухстах милях отсюда расположена крупная ферма — гациенда Сан-Феличе. Она принадлежит моему брату. Я часто бываю у него по своим торговым делам и сейчас направляюсь к нему. Если вы пожелаете отправиться со мной — могу поручиться, что вас встретит там самый сердечный приём. Оттуда уже легко добраться до города Атакамы: мой брат с величайшей радостью предоставит вам средства передвижения.

Это любезное предложение, сделанное как будто от чистого сердца, говорило в пользу американца. Гэррис, ожидая ответа, снова обратился к миссис Уэлдон:

— Эти негры — ваши невольники? — Он указал на Тома и его товарищей.

— В Соединённых Штатах нет больше рабов, — живо возразила миссис Уэлдон. — Северные штаты давно уничтожили рабство, и южанам пришлось последовать примеру северян.

— Ах да, верно, — сказал Гэррис. — Я и позабыл, война тысяча восемьсот шестьдесят второго года разрешила этот важный вопрос. Прошу извинения у этих господ, — добавил Гэррис с оттенком иронии в голосе; так говорили с неграми американцы из южных штатов. — Но видя, что эти джентльмены служат у вас, я подумал...

— Они не служили и не служат у меня, сударь, — прервала его миссис Уэлдон.

[...]

Условившись обо всём, принялись за дело, чтобы ускорить выступление в поход. Сборы были непродолжительны, ведь путь от побережья до гациенды Сан-Феличе должен был отнять не больше десяти дней.

— Мистер Гэррис, прежде чем мы воспользуемся вашим гостеприимством, мы хотели бы видеть вас у себя в гостях, — сказала миссис Уэлдон. — Надеюсь, вы не откажетесь позавтракать с нами?

— С удовольствием, миссис Уэлдон, с удовольствием, — весело ответил Гэррис.

— Через несколько минут завтрак будет готов.

— Отлично, миссис Уэлдон. Я использую это время, чтобы сходить за лошастью. Она-то уже позавтракала.

— Разрешите сопровождать вас? — спросил Дик Сэнд американца.

— Если хотите, мой юный друг, — ответил Гэррис, — пойдёмте, я покажу вам нижнее течение этой реки.

И они ушли вдвоём.

Тем временем миссис Уэлдон послала Геркулеса на поиски энтомолога. Кузену Бенедикту было мало дела до того, что творилось вокруг. Он бродил по опушке леса в поисках редкостных насекомых, но ничего не нашёл.

Геркулесу пришлось чуть не насильно привести его. Миссис Уэлдон сообщила кузену Бенедикту, что решено отправиться пешком через лес в глубь страны и что поход будет продолжаться дней десять.

Кузен Бенедикт ответил, что он готов отправиться в любую минуту. Он согласен пройти пешком через всю Америку из конца в конец, если только ему разрешат дорогой коллекционировать насекомых.

Затем миссис Уэлдон с помощью Нан приготовила вкусный и плотный завтрак. Он был отнюдь не лишним перед дальней дорогой.

Тем временем Гэррис и Дик прошли берегом к устью реки и поднялись на несколько сот шагов вверх по её течению. Там они увидели привязанную к дереву лошадь, которая весёлым ржанием приветствовала своего хозяина.

Это была прекрасная лошадь неизвестной Дику Сэнду породы. Но для опытного человека достаточно было кинуть взгляд на тонкую шею, маленькую голову, длинный круп, покатые плечи, почти горбоносую морду, чтобы узнать отличительные признаки арабской породы.

— Вы видите, мой юный друг, — сказал Гэррис, — какое это сильное животное. Вполне можно рассчитывать, что оно не подведёт в дороге.

Гэррис отвязал лошадь, взял её под уздцы и, шагая впереди Дика, пошёл к гроту. Юноша следовал за ним, пристально всматриваясь, оглядывая лес и оба берега реки. Но он не заметил ничего подозрительного.

Уже подходя к гроту, он задал американцу вопрос, которого тот никак не мог ожидать.

— Мистер Гэррис, — спросил он, — не встретили ли вы этой ночью португальца по имени Негоро?

— Негоро? — переспросил Гэррис тоном человека, не понимающего, чего от него хотят. — Кто такой этот Негоро?

— Судовой кок «Пилигрима», — ответил Дик Сэнд. — Он куда-то исчез.

— Утонул? — спросил Гэррис.

— Нет, нет, — ответил юноша. —

Вчера вечером он ещё был с нами, а ночью ушёл. Вероятно, он поднялся вверх по течению реки. Я потому и спрашиваю вас, что вы пришли с той стороны. Вы не встретили его?

— Я не встретил никого, — сказал американец. — Если ваш кок один забрался в лесную чащу, он рискует заблудиться... Впрочем, быть может, мы нагоним его дорогой.

— Да, может быть... — пробормотал юноша.

Когда Дик Сэнд и Гэррис подошли к гроту, завтрак был уже готов. Как и вчерашний ужин, он состоял из всяких консервов и сухарей. Гэррис накинулся на еду с волчьим аппетитом.

— Я вижу, — сказал он, — что мы не умрём с голоду дорогой. Но что будет с этим несчастным португальцем, о котором мне рассказывал наш юный друг?

— А! — прервала его миссис Уэлдон. — Дик Сэнд уже сказал вам, что Негоро исчез?

— Да, миссис Уэлдон, — ответил юноша. — Я хотел узнать, не встретил ли Негоро мистер Гэррис.

— Нет, не встретил, — сказал американец. — Не стоит думать об этом дезертире, лучше займёмся нашими делами. Мы можем выступить в поход, миссис Уэлдон, когда вы пожелаете.

Каждый взял предназначенный ему тюк. Миссис Уэлдон при помощи Геркулеса уселась в седло. Маленький Джек, с игрушечным ружьём за плечами, сел впереди неё, даже не думая поблагодарить человека, который предоставил в его распоряжение такого великолепного коня.

Джек немедленно заявил матери, что он сам будет править лошадей «чужого господина».

Ему дали держать повод, и Джек сразу почувствовал себя признанным начальником отряда.

Иллюстрация *Сергея Юкина*
(1981)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какое впечатление на вас произвёл Гэррис? Почему?
2. Что Гэррис предложил потерпевшим крушение?
3. Как вы думаете, целесообразно ли было Дику Сэнду и его спутникам доверять свою судьбу незнакомому человеку?
4. Как бы вы поступили в сложившейся ситуации?
5. Составьте и запишите в тетрадь простой план пятнадцатой главы.

Часть вторая

Глава третья. В СТАМИЛЯХ ОТ БЕРЕГА

«Африка!.. Экваториальная Африка... а не Америка?»

Эти слова, говорившие о несомненной и грозной очевидности, всё время звучали в ушах Дика Сэнда.

Перебирая в памяти события последних недель, юноша тщетно искал ответы на вопросы: каким образом «Пилигрим» очутился у этих опасных берегов? Как случилось, что он обогнул мыс Горн и перешёл из одного океана в другой? Только теперь Дик мог отдать себе отчёт, почему, несмотря на быстрый ход корабля, так долго не показывалась земля: пройденное «Пилигримом» расстояние было вдвое больше того перехода, какой он должен был совершить, чтоб достичь берегов Америки.

— Африка!.. Африка!.. — повторял Дик Сэнд.

Эпизод за эпизодом он восстанавливал в памяти все обстоятельства загадочного плавания. Дик вспомнил, как разбился запасной компас, как пропал лаг из-за оборвавшейся верёвки. И вдруг его осенила догадка: компас был намеренно испорчен!..

«На корабле, — думал он, — остался только один компас. Мне не с чем было сверить его показания. Однажды ночью меня разбудил крик старого Тома... Я застал на корме Негоро... Он оступился и упал на нактоуз... Не повредил ли он компас при падении?»

Словно луч света сверкнул в уме Дика Сэнда. Он ощупью подходил к разгадке тайны. Дик начинал понимать, насколько подозрительным было поведение Негоро. Он чувствовал руку Негоро в целом ряде несчастных «случайностей», которые сперва погубили «Пилигрим», а теперь угрожали гибелью и всем его пассажирам.

Но кто он, этот негодяй? Он утверждал, что никогда не был моряком, — правда ли это? Только опытный моряк мог задумать и осуществить гнусный план, который привёл судно к берегам Африки.

Во всяком случае, если в прошлом и оставались невыясненными некоторые обстоятельства, то в настоящем всё было ясно. Юноша хорошо знал, что находится в Экваториальной Африке и, вероятно, в самой опасной её части — в Анголе, в сотне миль от морского берега... Для него стало несомненным, что Гэррис оказался предателем. И вполне естественной, логичной была мысль, что американец и португалец с давних пор знакомы друг с другом; случай свёл их на этом побережье, и они совместно составили заговор против пассажиров «Пилигрима»...

Непонятным было только одно: что задумали эти негодяи? Можно было предположить, что Негоро не прочь захватить в плен Тома и его товарищей, чтобы продать их в рабство в этой стране работорговли. Понятно было, что португалец хочет отомстить ему, Дику Сэнду, за старые «обиды», хотя юный капитан обращался с ним, как он того заслуживал. Но миссис Уэлдон, но Джек? Что намеревается сделать этот негодяй с матерью и её маленьким сыном?

Если бы Дику Сэнду удалось подслушать беседу Гэрриса с Негоро, он знал бы, какие опасности угрожают миссис Уэлдон, пятерым неграм и ему самому.

Положение было ужасным, но юноша не потерял мужества. Он был капитаном на море, он останется капитаном и на суше. Его долгом было — спасти миссис Уэлдон, маленького Джека и остальных людей, чью судьбу небо вверило ему. Он только приступил к выполнению своей задачи. И он её выполнит.

В продолжение двух или трёх бессонных ночей Дик Сэнд размышлял, взвешивая и перебирая в уме всё то хорошее и дурное — увы, последнего было больше! — что сулило будущее. Затем он поднялся на ноги, полный спокойствия и твёрдой решимости.

Первые лучи солнца уже осветили верхушки деревьев; все спали, кроме Дика и старого Тома.

Молодой капитан подошёл к негру.

— Том, — тихо сказал он, — вы слышали рычание льва, вы видели цепи и колодки работорговцев. Значит, вы знаете, что мы находимся в Африке?

— Да, капитан, знаю.

— Так вот, Том, ни слова об этом ни миссис Уэлдон, ни вашим товарищам! Никто, кроме нас, не должен ничего знать. Мы не станем пугать никого.

— Да... правильно, мистер Дик... — ответил Том.

— Том, — продолжал юноша, — мы должны удвоить бдительность. Мы во вражеской стране. Страшная страна и страшные враги!.. Нашим спутникам мы скажем, что Гэррис изменил нам, — этого достаточно, чтобы они были настороже. Пусть они думают, что нам угрожает нападение туземцев.

— Вы можете, мистер Дик, всецело положиться на моих товарищей! Они люди отважные и преданы вам.

— Знаю. И знаю, что я могу положиться на ваш здравый смысл и опытность, Том. Ведь вы не откажетесь помочь мне?

— Всегда и во всём, капитан.

Дик объяснил Тому свои намерения, и старик одобрил их. К счастью, измена Гэрриса обнаружилась раньше, чем он успел осуществить свой план, поэтому Дику Сэнду его спутникам не угрожала непосредственная опасность. Неожиданная находка колодок и цепей, брошенных бежавшими невольниками, а затем рычание льва выдали нечестную игру американца. Гэррис понял, что он разоблачён, и убежал прежде, чем маленький отряд, который он вёл, дошёл до того места, где на него должны были напасть. Поведение Динго свидетельствовало о том, что Негоро все последние дни шёл по пятам за своими бывшими спутниками. Очевидно, он уже успел встретиться с Гэррисом, и сейчас они вместе разрабатывают план дальнейших действий. Дик полагал, что нападут на их отряд лишь через несколько часов, и решил воспользоваться этим сроком.

План его заключался в том, чтобы как можно скорее вернуться на побережье — у юноши были все основания думать, что это побережье Анголы, — двинуться по нему на север или на юг и дойти до ближайшей португальской фактории, где его спутники окажутся в безопасности и будут ждать возможности вернуться на родину.

Но каким путём идти к берегу? Возвращаться назад по уже пройденной дороге? Дик Сэнд не считал это целесообразным. Гэррис не ошибался, когда утверждал, что юноша предпочтёт избрать более короткий путь.

Действительно, было бы по меньшей мере неосмотрительно возвращаться старой дорогой через лес — они пришли бы всего-навсего на то же место, откуда отправились. Да и Негоро со своими сообщниками пошёл бы прямо за ними. Единственный способ уйти, не оставляя следов, это спуститься по реке. Кроме того, тогда можно было бы меньше опасаться нападения хищных зверей, которые до сих пор, по счастью, не подходили к ним близко. На реке не так страшна была бы и встреча с дикарями. На прочном плоту, хорошо вооружённые, Дик Сэнд и его спутники могли бы с успехом защищаться.

Такой способ передвижения был бы удобен для миссис Уэлдон и маленького Джека — ведь их обоих так измучила дорога, а лошади Гэрриса теперь не было. Конечно, если бы решили двигаться лесом, то для миссис Уэлдон и больного ребёнка сплели бы из ветвей носилки и носильщики нашлись бы. Но тогда два негра из пяти были

бы заняты этой работой, а Дик Сэнд предпочитал, чтобы у всех его товарищей руки были свободны на случай внезапного нападения.

Да и спускаясь на плоту по течению реки, юноша чувствовал бы себя в своей стихии!

Оставалось узнать, есть ли поблизости полноводная река. Дик Сэнд предполагал, что река найдётся, и вот почему он так думал.

Река, впадавшая в Атлантический океан в том самом месте, где произошло крушение «Пилигрима», не могла течь издалека. С севера и с востока горизонт замыкала довольно близкая горная цепь, которую вполне можно было принять за Анды. Следовательно, река или текла с этих высот, или русло её загибалось к югу, — в обоих случаях она была где-то недалеко. Возможно, что, не доходя до этой большой реки (она имела право называться большой, ибо прямо впадала в океан), встретится какой-нибудь из её притоков и маленький отряд сможет проехать по нему на плоту. Словом, не-вдалеке, несомненно, был какой-нибудь водный путь. И Дик Сэнд вспомнил, как действительно на протяжении последних миль перехода изменился характер местности: склоны гор стали пологими, а земля влажной. Во многих местах в траве змеились ручейки, что указывало на изобилие подпочвенных вод. В последний день пути отряд шёл вдоль подмытого берега одного из таких ручейков — воды его окрасились в красный цвет от окиси железа. Нетрудно было снова его разыскать. Конечно, спуститься на плоту по этому узкому и порожиному ручью было бы невозможно. Но, следуя по его берегу, отряд, несомненно, дошёл бы до более полноводной реки, в которую он впадает.

И, посоветовавшись со стариком Томом, Дик принял этот простой план.

С наступлением утра путники проснулись один за другим. Миссис Уэлдон передала на руки Нан ещё спящего маленького Джека. В промежутках между приступами лихорадки ребёнок был такой бледный, что на него больно было смотреть.

Миссис Уэлдон подошла к Дику Сэнду.

— Дик, — сказала она, поглядев вокруг, — где Гэррис? Я его не вижу.

Юноша не хотел разуверять своих спутников, что они находятся на земле Боливии. Но измену американца он не собирался скрывать. Поэтому он, не колеблясь, сказал:

— Гэрриса нет здесь больше.

— Он поехал вперёд? — спросила миссис Уэлдон.

— Он бежал, миссис Уэлдон, — ответил Дик Сэнд. — Гэррис оказался предателем. Он действовал заодно с Негоро, и они сговорились завлечь нас сюда.

— С какой целью? — взволнованно спросила миссис Уэлдон.

— Не знаю, — ответил Дик Сэнд. — Но я знаю, что нам нужно немедленно вернуться к берегу океана.

— Этот человек... предатель? — проговорила миссис Уэлдон. — Я предчувствовала это! И ты думаешь, Дик, что у него сговор с Негоро?

— Вероятно, миссис Уэлдон. Негоро шёл всё время по нашим следам. Очевидно, случай свёл этих двух мошенников и...

— И я надеюсь, что они не расстанутся до тех пор, пока не попадутся мне под руку, — вмешался в разговор Геркулес. — Я стукнул их друг о дружку — да так, что у них головы разобьются! — добавил гигант, размахивая огромными кулачищами.

— Но что делать с Джеком? — вскричала вдруг миссис Уэлдон. — Мне так хотелось скорее попасть в гациенду Сан-Феличе! Ведь мальчику нужен уход!..

— Джек поправится, когда мы выйдем к берегу, там воздух здоровее, — сказал старик Том.

— Дик, — снова заговорила миссис Уэлдон, — уверен ли ты, что Гэррис изменил нам?

— Да, миссис Уэлдон, — коротко ответил юноша, желавший избежать объяснений по этому поводу.

И, пристально глядя на старого негра, он добавил:

— Этой ночью Том и я открыли его измену. Если бы он не ускакал на своей лошади, я убил бы его!

— Значит, эта гациенда... эта ферма...

— Здесь нет ни гациенды, ни фермы, ни деревни, ни посёлка, — ответил Дик Сэнд. — Миссис Уэлдон, я повторяю, нам нужно немедленно вернуться на берег океана.

— Той же дорогой, Дик?

— Нет, миссис Уэлдон. Мы спустимся вниз по реке на плоту. Течение доставит нас к морю. Это безопасный и неумолимый путь. Надо пройти ещё несколько миль пешком, и я не сомневаюсь, что...

— О, я полна сил, Дик! — воскликнула миссис Уэлдон, стараясь придать себе бодрый вид. — Я могу идти. Я понесу своего сына...

— А мы-то на что, миссис Уэлдон? — возразил Бат. — Мы понесём вас обоих!

— Да, да, — подхватил Остин. — Возьмём две жерди, переплетём их ветками, сделаем подстилку из листьев...

— Благодарю вас, друзья мои, — ответила миссис Уэлдон, — но я предпочитаю идти пешком... И я пойду! В дорогу!

— В дорогу! — повторил Дик Сэнд.

— Дайте мне Джека, — сказал Геркулес, — Я устаю, когда мне нечего нести.

И великан так бережно взял спящего ребёнка на руки, что тот даже не проснулся.

Оружие было приведено в боевую готовность. Остатки провизии сложили в один тюк. Актеон легко взбросил этот тюк себе на спину; таким образом, у его товарищей руки оказались свободны.

Иллюстрация *Сергея Юкина*
(1981)

[...]

Маленький отряд не прошёл и пятидесяти шагов, как вдруг старик Том остановился.

— А Динго? — воскликнул он.

— Верно! Динго нет, — отозвался Геркулес. И он громко позвал собаку. Раз, другой, третий... Ответом ему было молчание.

Дик Сэнд жалел о пропаже собаки, которая всегда могла поднять тревогу в случае неожиданной опасности.

— Не побежал ли Динго следом за Гэррисом? — спросил Том.

— За Гэррисом? Нет... — ответил Дик Сэнд. — Но он мог напасть на след Негоро. Он чуял, что португалец идёт за нами.

— Этот проклятый повар убьёт её, как только увидит, — воскликнул Геркулес.

— Если только Динго раньше не загрызёт его самого! — возразил Бат.

— Может быть, — сказал Дик Сэнд. — Но мы не можем задерживаться из-за собаки. Если Динго жив, он так умён, что сумеет разыскать нас. Вперёд, друзья!

[...]

Отряд поспешно и осторожно двигался вперёд. Местами земля хранила свежие следы проходивших в лесу людей или зверей. И там, где в кустарниках ветки были раздвинуты, поломаны, удавалось идти быстрее. Но чаще путникам приходилось прокладывать себе дорогу, преодолевая бесчисленные препятствия. Тогда, к великому огорчению Дика, маленький отряд продвигался вперёд убийственно медленно. Перевитые лианами¹ деревья стояли как мачты корабля со спутанным такелажем. Ветви некоторых кустов походили на кривые дамасские клинки, с той лишь разницей, что лезвия этих клинков были утыканы шипами. Змеевидные лианы длиной в пятьдесят — шестьдесят футов стлались по земле, и горе путнику, неосторожно наступившему на них: острые, как иглы, колючки больно вонзались в ногу. Бат, Остин, Актеон топором прокладывали доро-

¹ *Лианы* — разнообразные вьющиеся растения.

гу сквозь заросли. Лианы росли везде, обвивали деревья от самой земли до верхушек и свешивались с них длинными гирляндами.

Животные и птицы, населяющие эту часть Анголы, были не менее своеобразны, чем её растительный мир. Множество птиц порхало под зелёными сводами леса. Но нетрудно догадаться, что люди, стремившиеся как можно скорее и незаметнее проскользнуть по лесу, не пытались подстрелить их. Были тут большие стаи цесарок, рябчики, к которым трудно приблизиться, и те птицы, которых в Северной Америке называют «вип-пурвил» — эти три слога точно воспроизводят их крик. Дик Сэнд и Том могли бы подумать, что находятся в какой-нибудь области Нового Света. Но, увы, они знали, где оказались. По счастью, дикие звери, столь опасные в Африке, не появлялись вблизи маленького отряда.

Дик Сэнд вёл свой отряд вдоль берега ручья, стремясь достичь какой-нибудь полноводной реки. Ему хотелось поскорее спуститься со своими спутниками по быстрому течению вод, бегущих к побережью. Он рассчитывал, что опасности и усталость при этом будут не столь велики.

К полудню отряд прошёл три мили без единой неприятной встречи. О Гэrrрисе и Негоро не было ни слуху ни духу. Динго также не появлялся.

Отряд остановился в густой бамбуковой роще, чтобы отдохнуть и поесть. За завтраком не слышно было разговоров. Миссис Уэлдон снова взяла на руки сына. Она не сводила с него глаз. Есть она не могла.

— Вам непременно нужно поесть, миссис Уэлдон, — сказал Дик Сэнд.

— Что с вами будет, если вы потеряете силы? Надо есть! Мы скоро снова двинемся в путь, найдём реку и тогда уж без всякого труда поплывём к океану.

Миссис Уэлдон смотрела Дикю прямо в глаза, когда он говорил это. Во взоре юноши светились несокрушимая воля и мужество. Глядя на него, глядя на пятерых негров, таких преданных и стойких людей, миссис Уэлдон почувствовала, что она не имеет права отчаиваться. Да и почему бы ей терять надежду? Ведь она думала, что находится на гостеприимной земле. Измена Гэrrриса не пугала миссис Уэлдон, так как она не представляла себе тяжёлых последствий этого предательства.

Дик Сэнд, догадываясь о мыслях этой женщины, должен был делать над собой усилие, чтобы выдержать её взгляд, не отведя своих глаз в сторону.

(Продолжение следует.)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. От имени Дика Сэнда расскажите о разгаданной им тайне.
2. Какой план спасения предложил Дик Сэнд? Как это характеризует его?
3. Почему юный капитан решил не говорить своим спутникам о том, что они в Африке? Можно ли его позицию считать правильной?
4. Найдите в тексте третьей главы описания природы Африки.
5. С какой целью автор вводит в повествование пейзаж? С помощью каких художественных средств он изображает африканскую природу?

Глава седьмая. ЛАГЕРЬ НА БЕРЕГУ КВАНЗЫ

После наводнения, превратившего в озеро котловину, где находилось поселение термитов¹, вид местности изменился до неузнаваемости. Лишь конусообразные вершушки двух десятков термитников поднимались над поверхностью воды в этом своеобразном бассейне.

Ливень вызвал стремительный подъём уровня воды во всех притоках Кванзы, и ночью река вышла из берегов.

Кванза, одна из крупнейших рек Анголы, впадает в Атлантический океан в ста милях от места крушения «Пилигрима».

Эту реку пришлось пересечь лейтенанту Камерону несколько лет спустя, прежде чем достичь Бенгелы. Кванзе самой природой предназначено стать внутренним водным путём в этой части португальской колонии. Пароходы уже поднимаются по её нижнему течению, и не пройдёт и десятилет, как они поплывут к её верховью. Дик Сэнд поступил вполне правильно, когда искал на севере судоходную реку. Ручеёк, вдоль которого он вёл свой отряд, впадал непосредственно в Кванзу. Если бы не внезапное нападение туземцев, которого Дик Сэнд не мог предвидеть, он нашёл бы реку в расстоянии одной мили от посёлка термитов. Маленький отряд погрузился бы на плот, который нетрудно было соорудить, и благополучно добрался бы до португальских поселений в низовьях Кванзы.

Туда часто заходят пароходы, и там путешественники были бы в полной безопасности.

Но судьба распорядилась иначе.

¹ *Термиты* — насекомые, основной едой которых является древесина.

Замеченный Диком лагерь туземцев был разбит на холме по соседству с термитником, оказавшимся роковой западнёй для путешественников. На вершине холма росла огромная смоковница. Под её раскидистыми ветвями свободно могло бы уместиться пятьсот человек. Кто не видел этих африканских деревьев-гигантов, тот не может себе представить, насколько они велики. Ветви их образуют густую чащу, в которой можно затеряться. Широкий пейзаж дополняли баньяны — деревья, у которых семена не обрастают мякотью.

Под сенью смоковницы расположился, как в укромном убежище, целый невольничий караван, тот самый, о котором Гэррис говорил Негоро. Агенты работоторговца Альвеца гнали невольников в Казонде, на главный рынок чёрного товара. Оттуда этих несчастных, вырванных из родных селений, отправляли в бараки на западное побережье или в Ньянгве, в область Больших озёр. В Ньянгве образовывались новые караваны, следовавшие на север — в Верхний Египет или на восток — в фактории¹ Занзибара.

В лагере Дик Сэнд и его спутники тотчас превратились в рабов. Со стариком Томом, его сыном, с Остином, с Актеоном и с бедняжкой Нан, хотя они и не были африканцами, стали обращаться так же, как с туземными невольниками. Новых пленников обезоружили, несмотря на отчаянное их сопротивление, разбили на пары и каждой паре надели на шею длинную, в шесть футов, колодку с раструбами на концах в форме римской цифры V. Раструбы рогатины, плотно охватывавшие шею, замыкались железной скобой. Ужасные ошейники вынуждали невольников идти гуськом, не уклоняясь ни на шаг ни вправо, ни влево. Помимо этой рогатины, несчастных сковывали ещё попарно тяжёлой цепью, опоясывавшей им бёдра. У невольников оставались свободными руки — но только для ношения тяжестей — и ноги — только для ходьбы, а не для побега... И в таком положении они должны были брести под палящим солнцем целые сотни миль, подстёгиваемые кнутом надсмотрщика — хавильдара. Дик и его товарищи, обессиленные только что выдержанной борьбой, больше не оказывали сопротивления. Отчего им не удалось убежать, как Геркулесу? Но, при всей могучей силе беглеца, что ждало его в этой ужасной стране? На что он мог надеяться, когда против него были и голод, и дикие звери, и туземцы? Быть может, скоро он будет завидовать своим товарищам, попавшим в неволю! А между тем пленники не могли рассчитывать ни на какое снисхождение со стороны начальников каравана. Эти последние — арабы и португальцы — говорили между собой на каком-то своём языке, а с невольниками объяснялись только угрожающими жестами и окриками.

¹ *Фактория* — торговая контора и поселение европейских купцов в колониальных странах.

Дик Сэнд был белым, и работорговцы не решались обращаться с ним, как с остальными. Его обезоружили, но цепей не надели и не соединили рогатиной ни с кем из невольников. Зато к нему приставили специального надсмотрщика, который не спускал с него глаз. Дик Сэнд озирался по сторонам, ожидая, что сейчас покажутся Негоро или Гэррис, но они не появлялись. И всё же Дик ни на минуту не сомневался, что эти двое негодяев причастны к нападению на его отряд.

Ему пришла в голову мысль, что миссис Уэлдон, Джека и кузена Бенедикта отделили от остальных пленников по распоряжению американца или португальца. Не видя в лагере ни того, ни другого, Дик подумал, что оба сообщника сопровождают свои жертвы. Куда же они отвели миссис Уэлдон? Как собираются поступить с ней? Мучительная тревога за миссис Уэлдон и её близких не давала Дику покоя и заставляла забывать о собственных бедах.

Караван, расположившийся на отдых под гигантской смоковницей, насчитывал в своём составе не менее восьмисот человек, среди них около пятисот невольников обоего пола, двести солдат-туземцев и около сотни носильщиков, надсмотрщиков и агентов работорговца.

Надсмотрщики были набраны из арабов и португальцев. Трудно представить себе, как жестоко эти люди обращались с невольниками. Они избивали их по всякому поводу, а тех, кто заболел, кто терял силы, не выдержав истязаний, приканчивали ударом ножа или пулей, ибо их уже нельзя было продать. Невольников держали в повиновении зверской жестокостью. В результате такого обращения редкий караван доходил до конца хотя бы с половиной живого «груза». Остальные устлали своими костями караванные пути из внутренних областей Африки к берегу океана; лишь немногим удавалось в дороге бежать.

Легко представить себе нравственный облик европейцев (по большей части португальцев), сопровождавших невольничьи караваны в качестве агентов работорговца. Это были подонки общества, выброшенные из своей страны, преступники, беглые каторжники, бывшие владельцы невольничьих кораблей, ускользнувшие от виселицы. Таким человеческим отребьем были и Негоро, и Гэррис. Они служили у одного из крупнейших работорговцев Центральной Африки Хозе-Антонио Альвеца, — хорошо известного всем мелким торговцам «чёрным товаром».

[...]

За пленниками был установлен строжайший надзор как во время похода, так и на стоянках. Дик Сэнд понял, что нечего думать о побеге. Но как же тогда найти миссис Уэлдон. Никаких сомнений не

могло быть: Негоро участвовал в захвате матери и сына. Какую цель преследовал португалец, разлучая потерпевших крушение на «Пилигриме», Дик Сэнд не знал ещё. Но ведь Негоро был способен на любое преступление, и сердце юноши обливалось кровью при мысли об опасностях, угрожающих миссис Уэлдон.

«Ах! — повторял он. — Подумать только, что я мог пристрелить и того и другого негодяя и не сделал этого!»

Снова и снова юношу осаждали мучительные мысли. От каких страшных несчастий избавила бы людей заслуженная казнь Гэрри-са и Негоро. От каких тяжких горестей избавила бы она по крайней мере тех, с кем эти торговцы человеческим мясом обращаются, как с рабами. Миссис Уэлдон и маленький Джек совершенно беспомощны и одиноки. Кузен Бенедикт — для них не опора. Хорошо, если он сумеет позаботиться хоть о самом себе. Наверное, всех троих уже отправили в какой-нибудь глухой угол Анголы. Но кто понесёт в дороге больного мальчика?

«Мать, — говорил себе Дик, — мать! Она возьмёт Джека на руки и будет нести его до полного изнеможения, пока не упадёт на дороге... Она сделает то же, что делают несчастные рабыни... И как эти рабыни, она умрёт в пути... Ах, дал бы мне Господь только очутиться лицом к лицу с этими палачами...»

Но Дик сам был пленником. Он был одной из голов этого стада, которое надсмотрщики гнали в глубь Африки. Он не знал даже, ведут ли Негоро и Гэррис сами ту партию невольников, в которую включили их жертвы. Теперь уже нет Динго, некому отыскать след Негоро и поднять тревогу при его приближении. Только один Геркулес мог прийти на помощь несчастной миссис Уэлдон. Да разве можно надеяться на чудо?

И всё же Дик, как утопающий за соломинку, цеплялся за эту надежду. Дик считал, что он хорошо знает Геркулеса и может не сомневаться, что, оставшись на свободе, Геркулес сделает всё доступное силам человеческим для спасения товарищей и особенно миссис Уэлдон. Геркулес, наверное, идёт вслед за пленницей и уже нашёл способ дать ей знать, что помощь близка. А может быть, Геркулес задался целью сначала освободить его, Дика Сэнда, чтобы затем уже вдвоём идти на выручку миссис Уэлдон?

Дик живо представлял себе, как ночью Геркулес пробирается в лагерь невольничьего каравана. Он обманул бдительность стражи: такой же чёрный, как остальные рабы, незаметно вмешался в их толпу. Вот он подползает к Дику, освобождает его и увлекает за собой в лес... Вот они оба на свободе!.. Чего только не сделают они для освобождения миссис Уэлдон!..

Река даёт им возможность спуститься к побережью, и Дик Сэнд, лучше зная теперь все трудности, стоящие на пути к спасению, успешнее осуществит свои планы, которые расстроило нападение туземцев.

Так юноша переходил от отчаяния к надежде. Он не поддавался унынию, его энергичная натура не хотела покоряться несчастной доле. Дик Сэнд готов был воспользоваться малейшей возможностью, чтобы начать борьбу.

Прежде всего следовало узнать, куда направлялся невольничий караван. Возможно, что конечным пунктом маршрута была одна из факторий Анголы, до которой оставалось всего несколько дневных переходов. Но если караван шёл во внутренние области Экваториальной Африки, то впереди лежали ещё сотни и сотни миль пути. Главный невольничий рынок находился в Ньянгве, в области Больших озёр, по которой путешествовал тогда Ливингстон. Ньянгве лежит на меридиане, который делит Африку на две почти равные части. Но от лагеря на берегу Кванзы до Ньянгве было очень далеко — путь должен был длиться много месяцев.

Неудивительно, что Дика так заботил вопрос, куда направляется караван: ведь из Ньянгве не стоило даже пытаться бежать. Если бы миссис Уэлдон, Дику, Геркулесу и прочим неграм посчастливилось вырваться из плена, они все равно погибли бы в долгом пути где-нибудь между областью Больших озёр и берегом океана.

Но скоро Дик Сэнд успокоился: очевидно, партия должна была скоро прибыть на место. Не понимая языка, на котором говорили между собой начальники каравана, — то была смесь арабского языка с каким-то из африканских наречий, — он всё же заметил, что они часто называют один из местных невольничьих рынков. Речь шла о Казонде, и Дик знал, что это место — центр работорговли в Анголе. В Казонде, думал Дик, решится участь всех пленников, они попадут там в руки местного царька или же в руки работорговца. И он не ошибся.

Дик Сэнд, прилежно изучавший географию, знал, что расстояние от Сан-Паоло-де-Луанда до Казонде не превышает четырехсот миль. Следовательно, лагерь на Кванзе отстоял от этого невольничьего рынка не больше как в двухстах пятидесяти милях. Дик высчитал это приблизительно, основываясь на переходе, совершённом его маленьким отрядом под водительством Гэрриса. В обычных условиях такой путь можно пройти за десять-двенадцать дней. Но так как караван уже был обессилен пройденной дальней дорогой, то Дик считал, что потребуются не менее трёх недель на переход от Кванзы до Казонде.

Дику очень хотелось поделиться своими догадками со старым Томом и его товарищами. Для них было бы некоторым утешением

узнать, что караван не загонят в дебри Экваториальной Африки, в те страшные края, откуда нет никакой надежды выбраться. Но как передать эту приятную весть? Достаточно было бы бросить мимоходом несколько слов. Удастся ли это сделать?

Четверо пленных негров находились на правом фланге лагеря. Они были скованы попарно: Актеон с Остином, Том с Батом — отец и сын случайно оказались вместе. К пленникам были приставлены специальный надсмотрщик и стража — человек десять солдат.

Дик, свободный от оков, решил подойти поближе к своим товарищам, которые сидели на земле не дальше чем в пятидесяти шагах от него. Он стал осторожно приближаться к ним.

Вероятно, старый Том угадал намерение Дика — он что-то шепнул своим товарищам, и те, прекратив разговор, стали внимательно следить за Диком. Они не могли двинуться с места, но ничто не мешало им смотреть и слушать.

Вскоре Дик незаметно прошёл половину расстояния. Он мог уже крикнуть Тому название города, куда направляется караван, и сколько приблизительно может продлиться дорога. Но ему хотелось поговорить с товарищами и условиться, как держать себя во время этого путешествия. Поэтому он продолжал с равнодушным видом двигаться вперёд. Сердце его бешено стучало — только несколько шагов отделяло его теперь от цели... Но вдруг надсмотрщик, словно разгадав его замысел, с воплем бросился ему наперерез. Солдаты, которых всполошил крик надсмотрщика, тотчас же подбежали и грубо оттолкнули Дика. Вслед за тем Тома и его спутников погнали в противоположный конец лагеря.

Вне себя от гнева Дик Сэнд бросился на надсмотрщика. Он пытался выхватить у него из рук ружьё и, когда это не удалось, оторвал ствол от ложа. Но солдаты гурьбой напали на него и отняли обломок ружья. Разъярённые, они растерзали бы юношу на части, если бы не вмешался один из начальников каравана — высокий араб с очень злым лицом. Это был тот самый Ибн-Хамис, о котором Гэррис говорил с Негоро.

Араб произнёс несколько слов — Дик, конечно, не понял их значения, — и солдаты, послушно оставив свою жертву, отошли в сторону.

Пленникам, очевидно, запрещали общаться друг с другом. Но, с другой стороны, страже, несомненно, было строго приказано сохранить Дикю жизнь. Кто мог отдать такие приказания, кроме Гэрриса или Негоро?

Это было утром 19 апреля. Раздался хриплый звук рога и вслед за ним грохот барабанов. Отдых кончился. Лагерь снимался с места. Через мгновение все — начальники, солдаты, носильщики и не-

вольники — были уже на ногах. Невольники разобрали тюки с поклажей и выстроились в колонну, впереди которой встал надсмотрщик с развёрнутым пёстрым знаменем.

Дан был сигнал к выступлению.

Послышалась негромкая песня. Но пели не победители, а побеждённые. И в песне этой звучала наивная вера угнетённых и угроза палачам-угнетателям:

«Вы гоните меня в рабство — сила на вашей стороне. И я скоро умру. Но мёртвый я избавлюсь от ярма, и тогда я приду и убью вас!»

(Продолжение следует.)

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Что произошло с пассажирами «Пилигрима» по дороге к побережью?
2. Какие мысли и чувства вызвали у вас описания невольничьего каравана?
3. Как черты характера Дика Сэнда раскрываются во время его пребывания в плену?
4. Опираясь на текст, пофантазируйте, что могло произойти с Геркулесом.

Глава двенадцатая. ПОХОРОНЫ КОРОЛЯ

На следующий день, 29 мая, город Казонде имел необычный вид. Перепуганные туземцы не смели выйти на улицу. Никогда не видели они, чтобы король божественного происхождения погиб вместе со своим министром такой страшной смертью. Кое-кому из них, особенно старикам, случалось ещё поджаривать на костре простых смертных. Они помнили, что такие пиршества всегда требовали сложных приготовлений, так как человеческое мясо очень трудно зажарить. А тут король и его министр сгорели, как лучинки! В этом было что-то непостижимое. Хозе-Антонио Альвец также притаился в своём доме. Он боялся, как бы на него не взыскали ответственность за происшедшее. Негоро объяснил ему причину смерти короля и посоветовал держаться настороже.

Плохи будут дела Альвеца, если смерть короля отнесут на его счёт: тогда не выкрутиться ему без изрядных убытков. Но Негоро пришла в голову блестящая мысль. По его совету был пущен слух, что необыкновенная смерть повелителя Казонде — знак особой милости к нему великого Маниту, что это честь, которой боги удостоива-

ют только немногих избранных. Суеверные туземцы легко попались на эту нехитрую удочку. Огонь, пожравший тела короля и министра, был объявлен священным. Оставалось только почтить Муани-Лунга похоронами, достойными человека, возведённого в ранг божества.

Эти похороны и своеобразные обряды, связанные с ними у африканских племён, давали Негоро возможность свести счёты с Диком Сэндом.

Подготовка к похоронам началась в тот же день. В конце главной улицы Казонде протекал полноводный и стремительный ручей, приток Куанго. На дне его Муана приказала вырыть могилу. Для этого следовало на время отвести в сторону течение ручья. Туземцы принялись возводить плотину, преграждавшую путь ручью и направлявшую его на равнину Казонде. Под конец погребальной церемонии эту плотину должны были разрушить, чтобы вода могла вернуться в прежнее русло.

Негоро решил включить Дика Сэнда в число людей, которые будут принесены в жертву богам на могиле короля. Португалец был свидетелем того удара ножом, которым разгневанный юноша встретил известие о смерти миссис Уэлдон и Джека. Будь Дик на свободе, жалкий трус Негоро побоялся бы к нему подойти, чтобы не подвергнуться участи своего сообщника, но беспомощный, связанный по рукам и ногам пленник был не опасен, и Негоро решил навестить его.

Португалец был из тех отъявленных негодяев, которым недостаточно причинять мучения, им надо ещё поиздеваться над своей жертвой. Он хотел насладиться зрелищем страданий Дика Сэнда.

Днём он отправился в сарай, где юношу зорко стерегли хавилдари. Он лежал на полу, связанный по рукам и ногам. В последние сутки ему совсем не давали пищи. Ослабевший от пережитых страданий, измученный болью оттого, что верёвки впивались ему в тело, Дик Сэнд думал о смерти — пусть казнь будет жестокой, но она по крайней мере положит конец всем его мученьям.

Но при виде Негоро он встрепенулся. Он попытался разорвать путы, чтобы кинуться на изменника и задушить его. Однако даже Геркулес не мог бы справиться с такими крепкими верёвками. Дик понял, что борьба не кончена, но характер её меняется. Он спокойно посмотрел Негоро прямо в глаза. Он решил не удостаивать португальца ответом, что бы тот ни говорил.

— Я счёл долгом, — так начал Негоро, — в последний раз навестить моего юного капитана и выразить ему соболезнование по поводу того, что он лишён возможности командовать здесь, как командовал на борту «Пилигрима».

Дик ничего не ответил, и тогда Негоро продолжил:

— Как, капитан, неужели вы не узнаете своего бывшего кока? А я так спешил к вам за распоряжениями! Что прикажете приготовить на завтрак?

Тут Негоро с размаху ткнул ногой распростёртого на земле юношу.

— Кстати, у меня ещё один вопрос к вам, капитан. Не можете ли вы, наконец, объяснить, каким образом, собравшись пристать к берегам Южной Америки, вы прибыли в Анголу?

Дик Сэнд и без того знал, что догадка его была правильной и что изменник португалец намеренно испортил компас на «Пилигриме». Насмешливый вопрос Негоро был прямым признанием.

Дик ничего не ответил. Это презрительное молчание начало раздражать бывшего кока.

— Признайтесь, капитан, — продолжал Негоро, — для вас было большим счастьем, что на борту «Пилигрима» оказался моряк, настоящий, опытный моряк. Страшно подумать, куда бы вы завезли нас, если бы не его вмешательство. Погиб бы корабль, наткнувшись на какие-нибудь скалы, погибли бы и мы с ним! Но благодаря этому моряку пассажиры попали на гостеприимную землю, в общество людей, дружески к ним расположенных, и вы, наконец, очутились в надёжном убежище. Видите, молодой человек, как вы были глубоко не правы, относясь с пренебрежением к этому моряку!

Негоро говорил внешне спокойно, но это спокойствие стоило ему огромных усилий. Кончив речь, он склонился над Диком Сэндом и заглянул ему в глаза. Зверская гримаса перекосила лицо португальца. Казалось, он хочет укусить Дика. Долго сдерживаемая ярость, наконец, прорвалась.

— Каждому своя очередь! — вскричал он в порыве бешеной злобы, рассвирепев от непоколебимого спокойствия жертвы. — Сегодня капитан — я! Я хозяин! Твоя жизнь, моряк-неудачник, в моих руках!

— Этим ты меня не испугаешь, — холодно сказал Дик Сэнд. — Но помни, на небе есть Бог, он карает за всякое преступление, и час возмездия недалёк.

— Ну, если Бог думает о людях, пора ему позаботиться о тебе.

— Я готов предстать перед Всевышним. Смерти я не боюсь, — не повышая голоса, ответил Дик Сэнд.

— Это мы ещё увидим, — зарычал Негоро. — Уж не надеешься ли ты на чью-нибудь помощь? Это в Казонде-то, где Альвец и я всеильны? Безумец! Быть может, ты думаешь, что твои спутники — Том и другие негры — всё ещё здесь? Ошибаешься! Они давно проданы и бредут уже по дороге к Занзибару... Им не до тебя, они заняты одной мыслью: как бы уберечь собственную шкуру.

— У Бога тысячи способов вершить свой суд. Он может воспользоваться и самым малым орудием. Помни, Геркулес на свободе, — заметил Дик.

— Геркулес? — повторил Негоро, топнув ногой. — Его давно растерзали львы и пантеры, и я жалею только о том, что дикие звери отняли у меня возможность отомстить ему.

— Если Геркулес и умер, — ответил ему Дик Сэнд, — то Динго ещё жив. А такой собаки, как Динго, более чем достаточно, чтобы справиться с таким человеком, как ты. Я вижу тебя насквозь, Негоро: ты трус! Динго ещё найдёт тебя, и день встречи с ним будет твоим последним днём.

— Негодяй! — взревел взбешённый португалец. — Негодяй! Я собственноручно застрелил твоего Динго! Динго так же мёртв, как миссис Уэлдон и её сын. И так же, как этот проклятый пёс, умрут все, кто был на «Пилигриме»!..

— И ты в том числе, — ответил Дик. — Только ты умрёшь раньше.

Спокойный голос юноши и его смелый взгляд окончательно вывели Негоро из себя. Не помня себя от ярости, португалец готов был от слов перейти к делу и своими руками задушить беззащитного пленника. Он уже набросился на Дика, принялся трясти его и вцепился было ему пальцами в горло... но сдержал себя. Убить Дика сейчас — значило избавить его от долгих пыток, которые ему готовились. Негоро выпрямился и, приказав хавильдару, бесстрастно стоявшему в карауле, хорошенько стеречь пленника, быстро вышел из барака.

Эта сцена не только не привела Дика в уныние, но, напротив, вернула ему крепость духа и мужество, способное всё вынести. Дик Сэнд вдруг почувствовал прилив сил. Он заметил, что может свободнее шевелить руками и ногами, чем до прихода Негоро. Возможно, что Негоро сам ослабил путы, когда яростно встряхивал его. Юноша подумал, что теперь, может быть, ему удастся без особого труда высвободить руки. Это было бы некоторым облегчением, и только. Ни на что другое Дик не мог рассчитывать в этой наглухо запертой темнице, где постоянно дежурил стражник, не спускавший с него глаз. Но в жизни бывают такие минуты, когда даже самое небольшое улучшение положения кажется неоценимым счастьем.

Разумеется, у Дика не было надежды на освобождение. Спасение могло прийти к нему только извне. Но кто захочет оказать ему помощь? Никто! Да и стоит ли жить теперь? Он вспомнил всех тех, кто уже опередил его на пути к смерти, и хотел теперь лишь одного: поскорее последовать за ними. Негоро подтвердил слова Гэрри-са: миссис Уэлдон и Джека уже нет в живых. Вероятно, и Геркулес, которого на каждом шагу подстерегали смертельные опасности,

также погиб. Том и его спутники проданы в рабство. Они уже далеко, они навсегда потеряны для Дика.

Надеяться на какой-нибудь счастливый случай было бы чистым безумием. Дик Сэнд решил встретить смерть с твёрдостью, смерть, которая прекратит его страдания не может быть более ужасной, чем его жизнь теперь. И юноша готовился умереть, моля бога только о мужестве, только о том, чтоб, не слабая, выдержать пытки до конца. Но мысль о боге — хорошая, благородная мысль. Не напрасно возносятся душой к всемогущему, и, когда Дик Сэнд уже приготовился расстаться с жизнью, в самой глубине сердца у него забрезжил луч надежды, слабый проблеск, который дуновением свыше, вопреки жестокой очевидности, может превратиться в ослепительный свет.

Часы текли. Приближалась ночь. Лучи дневного света, пробивавшегося сквозь щели в соломенной кровле, постепенно угасли. Успокоилась и площадь — в тот день там вообще было тихо по сравнению с неистовым гамом, стоявшим на ней вчера. Тени в тесной камере Дика сгустились, и наступил полный мрак. Город Казонде затих.

Дик Сэнд заснул и проспал около двух часов. Пробудился он отдохнувшим и бодрым. Ему удалось высвободить из верёвок одну руку, опухоли на ней опали, и он с огромным наслаждением вытягивал, сгибал и разгибал её.

Очевидно, уже перевалило за полночь. Хавильдар спал тяжёлым сном: вечером он опорожнил до последней капли бутылку водки, и даже во сне его судорожно сжатые пальцы цепко обхватывали её горлышко.

Дику Сэнду пришла в голову мысль завладеть оружием своего тюремщика: оно могло пригодиться в случае побега. Но в это время ему послышалось какое-то шуршание за дверью сарая, у самой земли. Опираясь на свободную руку, Дик ухитрился подползти к двери, не разбудив хавильдара.

Дик не ошибся. Что-то действительно шуршало за стеной, — казалось, кто-то роет землю под дверью. Но кто? Человек или животное?

— Ах, если бы это был Геркулес! — прошептал юноша.

Он посмотрел на хавильдара. Тот лежал совершенно неподвижно: мертвецкий сон сковал его. Дик приложил губы к щели над порогом и чуть слышно позвал: «Геркулес!» В ответ раздалось жалобное, глухое тьяканье.

«Это Динго! — подумал юноша. — Умный пёс разыскал меня даже в тюрьме! Не принёс ли он новой записки от Геркулеса? Но если Динго жив, значит, Негоро солгал! Значит, и...»

В это мгновение под дверь просунулась лапа. Дик схватил её и тотчас же узнал лапу Динго. Но если верный пёс принёс записку, она должна быть привязана к ошейнику. Как быть? Можно ли настолько расширить дыру под дверью, чтобы Динго просунул в неё голову? Во всяком случае, надо попробовать.

Но едва только Дик Сэнд начал рыть землю ногтями, как на площади залаяли собаки: городские псы услышали чужака. Динго бросился прочь. Раздалось несколько выстрелов, хавильдар зашевелился во сне. Дик Сэнд, оставив мысль о побеге, пробрался обратно в свой угол. Через несколько часов, показавшихся юноше бесконечно долгими, он увидел, что занимается рассвет. Наступил день — последний день его жизни!

В продолжение всего этого дня множество туземцев под руководством первого министра королевы Муаны ревностно работали над сооружением плотины. Надо было закончить её к назначенному сроку, не то нерадивым работникам грозило увечье: новая повелительница собиралась во всем следовать примеру покойного своего супруга.

Когда воды ручья были отведены в стороны, посреди обнажившегося русла вырыли большую яму — пятьдесят футов в длину, десять в ширину и столько же в глубину.

Перед вечером эту яму начали заполнять женщинами, рабынями Муани-Лунга. Обычно этих несчастных просто закапывают живьём в могилу, но в честь чудесной кончины Муани-Лунга решено было изменить церемониал и утопить их рядом с телом покойного короля.

Обычай требовал, чтобы покойников хоронили в их лучших одеждах. Но на этот раз, поскольку от Муани-Лунга осталось лишь несколько обуглившихся костей, пришлось поступить по-иному. Из ивовых прутьев было сплетено чучело, похожее на Муани-Лунга, даже, пожалуй, красивее. В него положили всё, что осталось от Муани-Лунга; затем его обрядили в парадный королевский наряд, стоивший, как известно, совсем недорого. Не были забыты также и очки кузена Бенедикта. В этом маскараде было нечто смешное и в то же время жуткое.

Королева выбрала среди толпы принарядившихся жён тех, что должны были разделить участь рабынь.

Одну из этих жертв, носившую титул второй жены, заставили стать на колени и опереться руками о землю: она должна была служить креслом мёртвому королю, как служила ему живому. Другую заставили поддерживать чучело, третью швырнули на дно ямы — под ноги ему.

Прямо перед чучелом, на противоположном конце ямы, стоял вбитый в землю столб, выкрашенный в красный цвет. К столбу при-

вязали верёвками белого человека, обречённого на смерть вместе с прочими жертвами кровавых похорон.

То был Дик Сэнд. На обнажённом до пояса теле юноши были следы пытки, которой его подвергли по приказу Негоро. Дик спокойно ждал смерти, зная, что на земле ему больше не на что надеяться.

Однако минута, назначенная для разрушения плотины, ещё не настала.

[...]

Наконец королева Муана снова подала знак, и несколько туземцев начали пробивать сток в плотине. С утончённой жестокостью плотину не разрушили сразу, а пустили воду в старое русло тонкой струёй. Смерть медленная вместо смерти быстрой.

Вода залила сначала тела рабынь, распростёртых на дне ямы. Те из них, которые были ещё живы, отчаянно извивались, захлёбываясь. Дик Сэнд, когда вода дошла ему до колен, сделал последнее отчаянное усилие: он попытался разорвать верёвки, привязывавшие его к столбу.

Вода поднималась. Головы рабынь одна за другой исчезали в потоке, заполнявшем своё старое русло.

Через несколько минут уже не осталось никаких следов того, что на дне ручья вырыта могила, где десятки человеческих жизней были принесены в жертву во славу короля Казонде.

Перо отказалось бы описывать такие сцены, если бы стремление к правде не обязывало меня воспроизвести их во всей их отвратительной реальности. В этой мрачной стране человек ещё на такой низкой ступени развития! Нельзя больше игнорировать это.

Глава шестнадцатая. МГАННГА

В этот день, 17 июня, миссис Уэлдон очень встревожилась, когда кузен Бенедикт не явился к обеду. Куда девался этот большой ребёнок? Миссис Уэлдон не допускала и мысли, что он бежал из фактории. Ему не перелезть через высокий частокол. Кроме того, она хорошо знала характер своего кузена: он наотрез отказался бы от свободы, если бы при бегстве ему надо было бросить на произвол судьбы коллекцию насекомых, хранящуюся в жестяной коробке. Но коробка со всеми находками, сделанными учёным в Африке, лежала в полной неприкосновенности. Кузен Бенедикт не мог добровольно расстаться со своими энтомологическими сокровищами — такое предположение было просто невероятным.

И всё-таки кузена Бенедикта не было в фактории Хозе-Антонио Альвеца!

Весь день миссис Уэлдон искала его по всем закоулкам. Маленький Джек и Халима помогали ей. Но все поиски были тщетными.

[...]

Жизнь миссис Уэлдон и её сына стала с тех пор ещё скучнее и однообразнее.

Дождливый период, «мазика», как его называют здесь, окончился ещё в конце апреля, но 19 июня снова пошли дожди. Небо было затянуто тучами, и непрерывные ливни затопляли всю область Казонде. Такие явления редко наблюдаются в Центральной Африке в это время года.

Для миссис Уэлдон дожди были только досадной неприятностью — они мешали её ежедневным прогулкам по фактории. А для туземного населения они представляли настоящее бедствие. Посевы в низменных местах, уже созревшие и ожидавшие жатвы, оказались затопленными разливом рек. Населению, внезапно лишившемуся урожая, угрожал голод, погибли все его труды. Королева Муана и её министры растерялись, не зная, как предотвратить нависшую катастрофу.

Решили призвать на помощь колдунов. Но не тех колдунов, чьё искусство не шло дальше лечения болезней заговорами, заклинаниями, ворожбой. Размеры бедствия были так велики, что только самые искусные мганнги — колдуны, умеющие вызывать и прогонять дожди, — могли помочь горю.

Но и мганнги не помогли.

Положение день ото дня становилось всё более угрожающим. Королева Муана велела призвать прославленного кудесника из Северной Анголы. О могуществе этого мганнги рассказывали чудеса, и вера в него была тем сильнее, что он никогда не бывал в Казонде. Это был первоклассный колдун и к тому же прославленный заклинатель «мазики».

Двадцать пятого июня поутру великий мганнга торжественно вступил в Казонде. Переливчатый звон колокольчиков, которыми он был увешан, возвестил о его приходе. Он прошёл прямо на читоку, и тотчас же толпа туземцев окружила его тесным кольцом. Небо в этот день было не так густо обложено тучами, ветер как будто собирался переменить направление, и эти благоприятные предзнаменования, совпадавшие с приходом мганнги, располагали к нему все сердца.

Внешность нового мганнги и гордая его осанка произвели на толпу зрителей внушительное впечатление. Это был чистокровный негр, ростом не менее шести футов, широкоплечий и, видимо, очень сильный.

Обычно колдуны соединяются по три, по четыре или по пять и появляются в деревнях только в сопровождении многочисленных помощников и почитателей. Этот мганнга пришёл один. Грудь его была испещрена полосками из белой глины. От талии ниспадала

складками широкая юбка из травяной ткани, юбка со шлейфом, не хуже, чем у современных модниц. На шее у колдуна висело ожерелье из птичьих черепов, на голове высился кожаный колпак, украшенный перьями и бусами. Вокруг бёдер обвивался кожаный пояс, и к нему подвешены были сотни бубенчиков и колокольчиков. При каждом движении мганнги они издавали звон громче, чем сбруя испанского мула. Таково было облачение этого великолепного представителя африканских кудесников.

Все необходимые принадлежности его искусства — ракушки, амулеты, резные деревянные идолы и фетиши и, наконец, катышки помёта, — неизменно применяющиеся в Центральной Африке при всех колдовских обрядах и прорицаниях, были уложены в пузатую корзинку.

Скоро толпа подметила ещё одну особенность нового мганнги: он был нем. Но немота могла только увеличить почтение, которое дикари уже начали питать к великану кудеснику. Он издавал какие-то странные, лишённые всякого значения звуки, похожие на мычание. Но это только должно было способствовать успеху его колдовства.

Мганнга начал с того, что обошёл кругом всю читоку, исполняя какой-то торжественный танец. Бубенчики на его поясе при этом бешено звенели. Толпа следовала за ним, подражая каждому его движению, как стая обезьян следует за своим вожаком. Вдруг мганнга свернул с читоки на главную улицу Казонде и направился к королевским покоем.

Королева Муана, предупреждённая о приближении нового кудесника, поспешила выйти к нему навстречу в сопровождении всех своих придворных.

Мганнга склонился перед ней до самой земли и затем выпрямился во весь рост, расправив свои широкие плечи. Он протянул руки к небу, по которому быстро бежали рваные тучи. Кудесник указал на них королеве и оживлённой пантомимой изобразил, как они плывут на запад, потом, описав круг, возвращаются в Казонде с востока. Этого круговращения туч ничто не в силах прекратить.

И вдруг, к глубокому изумлению зрителей — горожан и придворных, колдун схватил за руку грозную властительницу Казонде. Несколько придворных хотели помешать такому грубому нарушению этикета, но силач мганнга поднял за загривок первого осмелившегося приблизиться к нему и отшвырнул его в сторону шагов на пятнадцать.

Королеве этот поступок колдуна как будто даже понравился. Она скорчила гримасу — это должно было означать любезную улыбку. Но колдун, не обращая внимания на этот знак королевской благосклонности, потащил Муану за собой. Толпа устремилась вслед за ними.

Колдун быстро шагал прямо к фактории Альвеца. Скоро он дошёл до ворот ограды. Они были заперты. Мганнга без видимого усилия толкнул ворота плечом, и, сорвавшись с петель, они упали. Восхищённая королева вошла вместе с ним во двор фактории. Работорговец, его солдаты и невольники хотели наброситься на дерзкого пришельца, взламывающего ворота, вместо того чтобы дожидаться, пока их откроют. Но, увидев, что колдуна сопровождает королева и что она не возмущена его действиями, они замерли в почтительной позе.

Альвец не прочь был бы спросить у королевы, чему он обязан честью её посещения, но колдун не дал ему говорить. Он оттеснил толпу в сторону и, став посреди образовавшегося свободного пространства, с ещё большим оживлением, чем прежде, повторил свою пантомиму. Он грозил кулаками облакам, заклинал их. Затем, сделав вид, что с трудом удерживает тучи на месте, он надувал щеки и изо всей силы дул в небо, словно надеясь одним своим дыханием рассеять скопление водяных паров. Затем он поднимал руки, весь вытягивался вверх и, казалось, доставая головой до туч, отбрасывал их в разные стороны.

Суеверная Муана, захваченная — другого слова не найдёшь — игрой этого талантливого актёра, уже не владея собой, вскрикивала и, вся трепеща, инстинктивно повторяла каждое его движение. Придворные и горожане следовали её примеру, и гнусавое мычание немого было совершенно заглушено воплями, криками и пением экзальтированной толпы.

Что ж, тучи разошлись и перестали заслонять солнце? Заклинания немого мганнги прогнали их? Нет. Напротив, в ту самую минуту, когда королева и народ думали, что злые духи уже побеждены и в страхе бегут, небо, на миг посветлевшее, нахмурилось ещё больше, и первые тяжёлые капли дождя упали на землю.

В настроении толпы сразу произошёл перелом. Все с угрозой посмотрели на нового мганнгу, который оказался не лучше прежних. Королева нахмурила брови, и по этому признаку можно было догадаться, что колдуну грозит по меньшей мере потеря обеих ушей. Круг зрителей плотнее сомкнулся вокруг него. Сжатые кулаки уже взлетели в воздух. Ещё мгновение — и несдобровать бы мганнге, но новое происшествие направило гнев толпы в другую сторону.

Мганнга — он на целую голову был выше воющих и рычащих зрителей — вдруг вытянул руку и указал на что-то находившееся внутри фактории. Жест его был таким повелительным, что все невольно обернулись.

Миссис Уэлдон и маленький Джек, привлечённые криками и завываниями толпы, вышли из своей хижины. На них-то и указывал разгневанный чародей левой рукой, поднимая правую руку к небу.

Вот кто виновники бедствия! Эта белая женщина и её ребёнок! Вот источник всех зол! Это они призвали тучи из своих дождливых стран, это они накликали наводнение и голод на землю Казонде!

Мганнга не произнёс ни одного слова, но все его поняли.

Королева Муана угрожающе простёрла руки в сторону миссис Уэлдон. Толпа с яростным криком бросилась к ней.

Миссис Уэлдон поняла, что настал её смертный час. Прижав Джека к груди, она стояла неподвижно, как статуя, перед беснующейся ревушей толпой.

Мганнга направился к ней. Дикари расступились перед колдуном, который как будто нашёл не только причину бедствия, но и средство спасения от него. Альвец, дороживший жизнью своей пленницы, не зная, как поступить, также приблизился к ней.

Мганнга вырвал маленького Джека из рук матери и поднял его к небу. Казалось, он хотел разбить ему череп о землю, чтобы умиловать духов.

Миссис Уэлдон отчаянно вскрикнула и упала без чувств.

Но мганнга сделал королеве знак, который та, по-видимому, хорошо поняла, поднял с земли несчастную мать и понёс её вместе с сыном. Потрясённая толпа почтительно расступилась перед ним.

Альвец был взбешён. Упустить сначала одного пленника, а затем оставаться безучастным свидетелем того, как ускользают двое остальных, а вместе с ними и надежда на большую награду, обещанную ему Негоро, — нет, Альвец не мог примириться с этим, хотя бы всему Казонде грозила гибель от нового всемирного потопа!

Он попытался воспротивиться похищению. Но тогда гнев толпы обратился против него. Королева приказала страже схватить Альвеца, и, понимая, что сопротивление может дорого обойтись, работороговец смирился. Но как проклинал он в душе дурацкое легковерие подданных королевы Муаны!

Дикари действительно думали, что тучи уйдут вместе с теми, кто их накликал; они не сомневались, что кудесник кровью чужеземцев умиловит злых духов и прогонит прочь от Казонде дожди, от которых так страдал весь край.

Между тем мганнга нёс свои жертвы так же легко, как лев тащит в своей

Иллюстрация
Анри Мейера

могучей пасти пару козлят. Маленький Джек дрожал от страха, а миссис Уэлдон была без сознания. Обезумевшая от ярости толпа с воплями следовала за колдуном.

Он вышел из фактории, пересёк Казонде, ступил под своды леса и тем же твёрдым и размеренным шагом прошёл больше трёх миль. Мало-помалу дикари начали отставать. Наконец, и последние повернули назад, поняв, что колдун хочет остаться один. А колдун, не оборачиваясь, всё шагал вперёд, пока не дошёл до берега реки, быстрые воды которой текли на север. Здесь, в глубине узкой бухты, скрытой от глаз густым кустарником, он нашёл пирогу¹ с соломенной кровлей.

Немой мгганга опустил на дно пироги свою ношу, столкнул лёгкое судёнышко в воду и, когда быстрое течение подхватило его, сказал звучным голосом:

— Капитан, позвольте вам представить миссис Уэлдон и её сына! А теперь в путь, и пусть в Казонде все тучи небесные прольются ливнем над головами этих идиотов!

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какие советы вы бы дали актёрам для подготовки диалога Дика Сэнда и Негоро? Определите роль этого диалога в раскрытии характеров персонажей.
2. Как вы думаете, с какой целью автор изображает картины рабства «во всей их отвратительной реальности»? Выражает ли он тем самым своё отношение к этому явлению?
3. Выскажите ваши мысли о рабстве и рабовладении.
4. Кратко перескажите главу шестнадцатую.
5. Что вы узнали о жизни туземцев?
6. Благодаря чему читатель может представить мггангу?
7. На основе прочитанных глав заполните в тетради такую таблицу:

Черты характера Геркулеса	Факты из текста, подтверждающие их

8. По материалам заполненной таблицы подготовьте характеристику Геркулеса.

¹ Пироба — узкая длинная лодка индейцев.

Глава девятнадцатая. «С. В.»

Геркулес мощным ударом весла направил лодку к левому берегу. По счастью, скорость течения пока ещё не увеличилась, так как русло реки почти до самого водопада сохраняло тот же пологий уклон. Лишь в трёхстах — четырёхстах футах от водопада дно круто обрывалось, и река с неукротимой силой несла к обрыву свои воды.

На левом берегу темнел густой, девственный лес. Ни один луч света не проникал сквозь сплошную завесу его листвы. Дик Сэнд с ужасом смотрел на эту землю, где жили людоеды; теперь путешественникам предстояло идти пешком вдоль берега, так как нечего было и думать перетащить пирогу волоком, в обход водопада. Это было не по силам маленькому отряду.

Какой жестокий удар для измученных людей, которые надеялись не сегодня-завтра прибыть в португальские поселения, расположенные в устье реки!

Пирога уже подходила к левому берегу. По мере того как она приближалась к земле, Динго проявлял всё большее беспокойство.

Дик Сэнд — он был всегда настороже, ведь опасности грозили со всех сторон, — не спускал глаз с собаки и спрашивал себя: не скрываются ли в чаще леса дикари или хищные звери? Но вскоре он понял, что не это беспокоит Динго.

— Смотрите, Динго как будто плачет! — воскликнул маленький Джек.

И он обвил ручонками шею умного пса.

Но Динго вырвался из объятий мальчика и прыгнул в воду. Прежде чем пирога коснулась берега, он уже успел скрыться в высокой траве.

Дик Сэнд и миссис Уэлдон переглянулись, не зная, что подумать. Через несколько секунд пирога мягко врезалась носом в зелёную толщу водорослей. Вспугнутые приближением людей, с резким криком взлетели в воздух несколько зимородков и снежно-белых цапель. Геркулес крепко привязал пирогу к стволу склонившейся над водой мангиферы, и все путешественники вышли на берег.

В лесу не было тропинок, и, однако, примятая во многих местах трава свидетельствовала о том, что здесь недавно прошли люди или были звери.

Дик Сэнд с заряжённым ружьём и Геркулес с топором пошли впереди отряда. Не прошли они и десяти шагов, как натолкнулись на Динго. Умная собака, опустив нос к земле, с отрывистым лаем бежала по какому-то следу. Что-то непонятное толкнуло её к берегу и теперь вело в глубь леса. Это было всем ясно.

— Внимание! — сказал Дик Сэнд. — Миссис Уэлдон, возьмите Джека за руку! Господин Бенедикт, не отставайте, пожалуйста! Геркулес, будь наготове!

Динго часто оборачивался и отрывисто лаял, точно просил людей поторопиться. Вскоре он остановился у старой смоковницы.

Под смоковницей ютилась ветхая, покосившаяся набок лачуга. Динго жалобно завыл.

— Эй, кто здесь? — крикнул Дик Сэнд.

Он вошёл внутрь хижины.

Миссис Уэлдон и остальные последовали за ним.

На земляном полу были разбросаны побелевшие кости.

— Здесь умер человек! — сказала миссис Уэлдон.

— И Динго знал этого человека! — подхватил Дик Сэнд. — Наверное, это был его хозяин! Смотрите, смотрите!

Дик Сэнд указал пальцем на ствол смоковницы, заменявший четвертую стену лачуги.

Кора на ней была счищена, и на дереве виднелись две большие полустёршиеся красные буквы.

Динго упёрся лапами в дерево и как будто указывал на эти буквы путешественникам.

— «С» и «В»! — воскликнул Дик Сэнд. — Две буквы, которые Динго узнает среди всех букв алфавита. Те самые буквы, какие выгравированы на его ошейнике!

Юноша вдруг умолк. Нагнувшись к земле, он поднял лежавшую в углу небольшую, всю позеленевшую медную коробку.

Когда он открыл коробку, из неё выпал клочок бумаги. Дик Сэнд прочёл следующее:

*«Здесь... в 120 милях от берега океана... 3 декабря 1871 года...
меня смертельно ранил и ограбил мой проводник
Негоро... Динго!.. ко мне...
С. Вернон»*

Записка разъясняла всё. Французский путешественник, Самюэль Вернон, отправившийся исследовать Центральную Африку, взял в проводники Негоро. Крупная сумма денег, которую путешественник имел при себе, пробудила алчность негодяя португальца. Он решил завладеть деньгами. Самюэль Вернон, добравшись до берега Конго, остановился в этой хижине. Негоро смертельно ранил его и, ограбив, бежал в португальские владения. Но там Негоро арестовали, как агента работоторговца Альвеца; в Сан-Паоло-де-Луанда его судили и приговорили к пожизненному заключению в одной из каторжных тюрем колонии. Дальнейшее известно: он ухитрился бежать с каторги, пробрался в Новую Зеландию и там поступил коком на «Пилигрим», к несчастью тех, кто плыл на этом корабле.

Но что произошло в хижине после преступления? Это нетрудно было угадать. Несчастный Вернон перед смертью успел написать записку, обличавшую убийцу. Он спрятал её в коробку, где раньше хранил деньги, украденные Негоро. Последним усилием он начертал кровью свои инициалы на дереве. Динго, вероятно, немало дней просидел перед этими двумя буквами и научился распознавать их среди всех других букв алфавита. Наконец, поняв, что хозяин никогда больше не встанет, Динго побрёл на берег океана, где его и нашёл капитан «Вальдека», и, наконец, попал на «Пилигрим», где он снова встретился с Негоро! А прах путешественника тем временем истлевал в джунглях Африки, и все забыли о погибшем, кроме его верной собаки. Видимо, события происходили именно так, как и представлял себе Дик Сэнд. Юноша уже собрался было вместе с Геркулесом предать погребению останки несчастного Самюэля Вернона, как вдруг Динго с неистовым лаем выбежал из хижины.

Тотчас же вслед за этим снаружи донёсся ужасный крик. Очевидно, Динго напал на кого-то.

Геркулес бросился за ним. Когда Дик Сэнд и все остальные выбежали из хижины, они увидели на земле какого-то человека, который отбивался от вцепившейся ему в горло собаки.

Это был Негоро.

Приближаясь к устью Конго, где он собирался сесть на отправляющийся в Америку пароход, португалец оставил свой эскорт и один пошёл к месту, где он убил доверившегося ему Вернона.

Но у него были свои причины вернуться сюда, и все поняли, какие, увидев в свежевырытой яме у подножия смоковницы несколько горстей французских золотых монет. Очевидно, после убийства Самюэля Вернона он закопал в землю украденные деньги с тем, чтобы когда-нибудь вернуться за ними. Но в тот момент, когда португалец собрался воспользоваться плодами своего преступления, Динго вцепился ему в горло. Негоро удалось вытащить из-за пояса нож, и он с силой всадил его в грудь собаки как раз в тот момент, когда Геркулес подбежал к нему с возгласом:

— Ах, негодяй! Наконец-то я могу удавить тебя своими собственными руками!

Но вмешательства Геркулеса не понадобилось: небесное правосудие покарало преступника в том месте, где он совершил злодеяние. Динго, истекая кровью, из последних сил сжал челюсти — и португалец перестал дышать; затем верный пёс ползком добрался до того места, где был убит Самюэль Вернон, и там умер.

Геркулес закопал в землю останки путешественника, и в той же могиле похоронили оплакиваемого всеми Динго.

Негоро не было больше в живых. Но туземцы, сопровождавшие его от Казонде, должны были находиться где-то неподалёку. Видя, что португалец не возвращается, эти люди, несомненно, отправятся искать его по берегу реки. Это была серьёзная опасность для путешественников.

Дик Сэнд и миссис Уэлдон посоветовались о том, что делать дальше. Действовать нужно было немедленно, не теряя ни минуты. Для всех стало ясно, что большая река, к которой они приблизились, была именно Конго, которую туземцы называют Коанго, или Икутойя-Конго; под одной широтой её именуют также Заиром, под другой — Луалабой. Это была та самая великая артерия Центральной Африки, которой герой Стенли присвоил славное имя «Ливингстон», но географам, быть может, следовало бы заменить это имя именем самого Стенли.

Но если не оставалось никаких сомнений, что это Конго, то в записке, оставленной Самюэлем Верноном, было указано, что устье реки находится на расстоянии ста двадцати миль от этого места. К несчастью, дальше нельзя было передвигаться по воде — никакая лодка не прошла бы через водопад, — вероятно, это были водопады Нгама. Надо было пройти пешком по берегу милю или две и, миновав водопад, построить плот и снова пуститься вниз по течению.

— Остаётся решить, — сказал Дик Сэнд, — по какому берегу мы пойдём: по левому, где мы сейчас находимся, или по правому. И тот и другой небезопасны, миссис Уэлдон, — приходится остерегаться туземцев. Но всё-таки мне кажется, что нам лучше было бы переправиться на другой берег. Там по крайней мере нам не грозит встреча с эскортом Негоро.

— Хорошо, переправимся на правый берег, — сказала миссис Уэлдон.

— Но есть ли там дороги? — продолжал рассуждать вслух Дик Сэнд. — Негоро пришёл по левому берегу, — надо полагать, что это более удобное сообщение с устьем реки. Впрочем, я проверю. Прежде чем мы все вместе переправимся на правый берег, я пойду один на разведку. Надо узнать, можно ли спуститься по реке ниже водопада.

И Дик Сэнд сразу же отправился в путь.

Ширина реки в том месте, где стояла хижина француза исследователя, не превышала четырехсот футов, и юноша, отлично умевший править кормовым веслом, без труда мог переплыть реку. Миссис Уэлдон, Джек и кузен Бенедикт по возвращении Дика Сэнда должны были остаться на левом берегу под охраной Геркулеса.

Дик уже сел в пирогу и собирался оттолкнуться от берега, когда миссис Уэлдон сказала ему:

— Ты не боишься, Дик, что течение затянет тебя в водопад?

— Нет, миссис Уэлдон. До водопада ещё футов четыреста.

— А на том берегу?...

— Я не высажусь, если замечу какую-нибудь опасность.

— Возьми с собой ружьё.

— Хорошо. Но, пожалуйста, не беспокойтесь обо мне.

— А всё-таки лучше было бы нам не разлучаться, Дик, — добавила миссис Уэлдон, как будто её томило предчувствие беды.

— Нет, миссис Уэлдон... Я должен поехать один, — твёрдо ответил Дик Сэнд. — Это необходимо для общей безопасности. Меньше чем через час я вернусь. Смотри в оба, Геркулес!

С этими словами Дик отчалил и направил лодку к другому берегу.

Миссис Уэлдон и Геркулес, притаившись среди зарослей папируса, не спускали с него глаз.

Дик Сэнд скоро достиг середины реки. Течение здесь было очень сильное, зато в четырёхстах футах от этого места вода с диким грохотом низвергалась со скалы, и водяные брызги, подхваченные западным ветром, долетали до пироги, где сидел Дик Сэнд. Юноша содрогнулся при мысли, что если бы он уснул прошлой ночью, то пирога неминуемо попала бы в водопад, который выбросил бы на прибрежные камни лишь пять изуродованных трупов. Но сейчас такой опасности не было: пирога пересекала реку почти по прямой, для этого достаточно было искусно править кормовым веслом.

Через четверть часа Дик добрался до правого берега Заира. Но не успел он ступить на землю, как раздался оглушительный крик, и человек десять дикарей бросились к пироге, которую ещё прикрывала куча травы.

Это были дикари-людоеды из свайной деревни. В продолжение восьми дней они крались следом за путешественниками по правому берегу реки. Когда лодка проплывала между сваями и с неё сорвало травяной покров, они увидели, что на мнимом плавучем островке скрываются люди, и пустились в погоню. Они были уверены, что добыча не уйдёт от них, так как водопад преграждал течение реки. Беглецам всё равно пришлось бы высадиться на берег.

Дик Сэнд понял, что для него нет спасения. Но он спрашивал себя: не может ли он, пожертвовав своей жизнью, спасти спутников? Не теряя самообладания, юноша совершенно спокойно стоял на носу пироги. Наставив на дикарей ружьё, он не подпускал их к себе.

Между тем дикари уже успели содрать с пироги защитный навес. Увидев только одного человека там, где они рассчитывали найти много жертв, они яростно завывали. Пятнадцатилетний мальчик на десятилетиях! Но тут один из туземцев поднялся, протянул руку к левому

берегу и указал на миссис Уэлдон и её спутников, которые всё видели, и, не зная, что предпринять, вышли из-под прикрытия зарослей папируса. Оставив всякую заботу о себе самом, Дик молил небо вдохновить его на действия, спасительные для его сотоварищей.

Дикари забрались на корму пироги и оттолкнули её от берега. Ружьё в руках Дика все ещё удерживало их от нападения, — очевидно, они знали, чем грозит огнестрельное оружие. Один из дикарей, взяв кормовое весло, умело направил пирогу поперёк течения. Вскоре она уже была в ста футах от левого берега.

— Бегите! — крикнул Дик Сэнд миссис Уэлдон. — Бегите!

Ни миссис Уэлдон, ни Геркулес не пошевелились, как будто у них отнялись ноги.

Бежать? Зачем? Не пройдёт и часа, как все равно их догонят и они попадут в руки людоедов.

Дик Сэнд понял это. И в эту минуту его осенила мысль, о которой он просил небо: он нашёл способ спасти тех, кого любил, спасти ценою собственной жизни. И он без колебаний сделал это.

— Господи, защити их! — прошептал он. — И по бесконечной милости своей сжался надо мной!

Опустив ружьё, он прицелился и выстрелил. Кормовое весло, расщеплённое пулей, переломилось пополам.

У людоедов вырвался крик ужаса. В самом деле, пирога, уже никем не управляемая, поплыла по течению прямо к водопаду. Она неслась все быстрее, и через несколько мгновений уже не более ста футов отделяло её от ревущей и грохочущей бездны.

Миссис Уэлдон и Геркулес все поняли. Дик Сэнд, чтобы спасти своих спутников, решил увлечь лодку в пучину водопада — дикари погибнут, но и он погибнет с ними. Маленький Джек и его мать, стоя на коленях, посылали Дику Сэнду последнее прощание, Геркулес в бессильном отчаянии простирал к нему руки...

В эту минуту дикари бросились за борт, очевидно, надеясь вплавь добраться до левого берега; лодка перевернулась от толчка.

Дик Сэнд не потерял хладнокровия и перед лицом угрожающей ему смерти. Ему пришла в голову мысль, что лодка, именно потому, что она плыла килем вверх, может оказаться для него средством спасения.

Двойная опасность могла угрожать Дику Сэнду в те мгновения, когда он будет подхвачен водопадом: захлебнуться в воде, задохнуться в вихре водяной пыли. А перевернутый корпус лодки был как бы ящиком, в котором ему, может быть, удастся укрыть голову от воды и в то же время заслониться от воздушного вихря, в котором он, несомненно, задохнулся бы при быстром падении. При таком заслоне у каждого человека, пожалуй, был бы некоторый шанс

спастись от двойной опасности задохнуться, даже если бы он спустился по водопаду Ниагара!

Всё это молнией мелькнуло в голове Дика Сэнда. Последним инстинктивным движением он уцепился за скамью, которая соединяла оба борта лодки, и, укрыв голову под опрокинутым корпусом лодки, почувствовал, как поток с непреодолимой силой уносит его и как он почти по отвесной линии падает вниз...

Пирога погрузилась в кипящую пучину у подножия водопада, закружилась в глубине и затем снова всплыла на поверхность реки. Дик Сэнд, отличный пловец, понял, что спасение зависит теперь от силы его рук...

Через четверть часа борьбы с течением он выбрался на левый берег и там увидел миссис Уэлдон, Джека и кузена Бенедикта, которых поспешно привёл туда Геркулес.

Но дикари погибли в бурлящем водовороте; ничем не защищённые во время падения, они задохнулись ещё прежде, чем достигли дна пропасти. Бешеный поток швырнул их трупы на острые скалы...

Глава двадцатая. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Через два дня, 20 июля, миссис Уэлдон и её спутники встретили караван, направлявшийся в Эмбому, в устье Конго. Это были не работоторговцы, а честные португальские купцы, которые везли в Европу слоновую кость. Беглецам был оказан превосходный приём, и последний участок пути не доставил им особых тягот.

Встреча с этим караваном поистине была милостью небес. Дик Сэнд напрасно надеялся спуститься на плоту к устью реки. Следуя от Нгамы до Иеллалы, Стенли насчитал на этой реке семьдесят два водопада. Никакая лодка не могла бы здесь проскользнуть. В устье Конго неустрашимому путешественнику четыре года спустя пришлось выдержать последний из тридцати двух боёв, которые он вёл с туземцами. А ниже он попал в водопад Мбело и только чудом спасся от смерти.

Одиннадцатого августа миссис Уэлдон, Джек, Дик Сэнд, Геркулес и кузен Бенедикт прибыли в Эмбому, где их ожидала самая сердечная встреча. Здесь они застали американский пароход, отправлявшийся к Панамском перешейку. Миссис Уэлдон и её спутники сели на этот пароход и благополучно прибыли в Америку.

Телеграмма, отправленная в тот же день в Сан-Франциско, уведомила Джемса Уэлдона о неожиданном возвращении на родину его жены и ребёнка, следы которых он тщетно разыскивал повсюду, где, по его предположениям, мог быть выброшен на берег «Пилигрим».

Наконец 25 августа путешественники приехали по железной дороге в главный город Калифорнии. О, если бы Том и его товарищи были с ними!..

Что сказать о дальнейшей судьбе Дика Сэнда и Геркулеса? Первый стал сыном, второй — другом семейства Уэлдон. Джемс Уэлдон сознавал, что он всем обязан юноше-капитану и отважному негру Геркулесу. Хорошо, что Негоро не успел побывать в Сан-Франциско. Разумеется, мистер Уэлдон не пожалел бы всего своего состояния, чтобы выкупить из плена жену и сына. Он помчался бы к берегам Африки, но кто знает, каким опасностям он подвергся бы там, жертвой какого коварства стал, вернулся ли бы он оттуда целым и невредимым?...

Через три года маленькому Джеку исполнилось восемь лет. Он уже начал учиться, и Дик Сэнд помогал ему готовить уроки, урывая время от собственных занятий. Тотчас же по возвращении в Сан-Франциско Дик Сэнд принялся за учение с рвением человека, которого терзают угрызения совести: он не мог себе простить, что по недостатку знаний не мог как следует справиться со своими обязанностями на корабле.

«Да, — говорил он себе, — если бы на борту «Пилигрима» я знал всё то, что должен знать настоящий моряк, скольких несчастий можно было бы избежать!»

Так говорил Дик Сэнд. И в восемнадцать лет он с отличием окончил гидрографические курсы и, получив диплом, готовился вступить в командование одним из кораблей Джемса Уэлдона.

Вот чего достиг благодаря своему поведению, своему труду маленький сирота, подобранный на краю песчаной косы Сэнди-Хук. Несмотря на свою молодость, он пользовался всеобщим уважением, можно даже сказать, почётом; но по скромности своей он и не подозревал этого. Ему и в голову не приходило, что решительность, мужество, твёрдость, проявленные им во всех испытаниях, сделали из него своего рода героя, хотя он и не прославился блестящими подвигами.

И всё же одна горькая мысль преследовала его.

В редкие минуты досуга, которые ему оставляли занятия, он всегда думал о старом Томе, Бате, Актеоне и Остине. Он считал себя ответственным за их несчастья. Миссис Уэлдон также не могла без грусти вспоминать о бедственном положении своих бывших спутников. Джемс Уэлдон, Дик Сэнд и Геркулес готовы были перевернуть небо и землю, чтобы разыскать их. Наконец, благодаря широким связям Джемса Уэлдона в коммерческом мире удалось разыскать их следы: Том и его спутники нашлись на Мадагаскаре, где, кстати сказать, рабство в скором времени было уничто-

жено. Дик Сэнд хотел отдать свои небольшие сбережения, чтобы выкупить их, но Джемс Уэлдон и слышать не хотел об этом. Один из его агентов совершил эту сделку, и 15 ноября 1877 года четыре негра постучались в двери дома Джемса Уэлдона. То были Том, Бат, Остин и Актеон. Этих славных людей, избавившихся от стольких опасностей, едва не задушили в дружеских объятиях.

И тем, кого «Пилигрим» забросил на гибельный берег Африки, недоставало только бедной Нан. Но старую служанку нельзя было вернуть к жизни, так же как и Динго. И, конечно, это чудо, что только они двое погибли при таких жестоких испытаниях.

Само собой разумеется, что в день приезда четырёх негров в доме калифорнийского купца Джемса Уэлдона был пир, и лучший тост, встреченный всеобщим одобрением, провозгласила миссис Уэлдон в честь Дика Сэнда, «пятнадцатилетнего капитана».

Перевод Игнатия Петрова

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Подготовьте выборочный пересказ «Тайна букв С. В.» (по прочитанным главам).
2. Разгадайте головоломку. В каких ситуациях Дик Сэнд проявляет именно такую черту характера?

3. Как были вознаграждены герои за пережитые ими злоключения? Чем такая концовка напоминает вам сказку?
4. Расскажите о дальнейшей судьбе персонажей романа.

Читателю XXI столетия на заметку

Большую роль в популяризации произведений Жюль Верна сыграла украинская писательница **Марко Вовчок**. Они были знакомы друг с другом, и великий француз высказал пожелание, чтобы именно она переводила его романы на русский язык. Он заявил своему издателю, что целиком и полностью доверяет «этой умной, интеллигентной, образованной женщине, тонко чувствующей и превосходно знающей французский язык». Благодаря Марку Вовчку у многих поклонников творчества Жюль Верна появилась возможность читать его романы в русскоязычных вариантах почти одновременно с читателями парижских изданий.

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ

1. Кто из персонажей романа вызвал у вас симпатии? Чем именно?
2. Составьте план характеристики Дика Сэнда. Подберите цитаты для раскрытия пунктов вашего плана.
3. Какого человека вы назвали бы капитаном на корабле своей жизни?
4. Хотели бы вы иметь такого друга, как Дик Сэнд? Почему?
5. Можно ли утверждать, что в романе «Пятнадцатилетний капитан» звучит гневный протест против рабства? Обоснуйте свою мысль.
6. Прочитайте статью о романе (на с. 207–208). Чем роман отличается от повести?
7. Докажите, что прочитанное произведение — это приключенческий роман.
8. Знания из каких наук понадобились Жюлю Верну во время работы над произведением? Приведите примеры использования в романе научных сведений.
9. Что нового вы узнали о природе различных местностей, обычаях и верованиях африканских народов?
10. Как в романе показаны взаимоотношения человека и природы?
11. Подготовьтесь к игре «Узнай слово» (по словам, данным в сносках к тексту романа).
12. Напишите сочинение на одну из тем: «Дик Сэнд — настоящий капитан»; «Величие науки и знаний (по роману Жюль Верна "Пятнадцатилетний капитан")».

Джек ЛОНДОН
(Джон Гриффит
Лондон)
 (1876–1916)

Учить справедливости и стойкости в испытаниях — одна из благородных задач искусства. Этой задаче служили книги Джека Лондона, и в каждом, кто их читал, остаётся отблеск их света, даже если сегодня мы этого не осознаём.

Алексей Звёрев, российский литературовед

ВЕЛИКИЙ ИСКАТЕЛЬ СОКРОВИЩ

Произведения американского писателя, прославившегося под псевдонимом Джек Лондон (его настоящее имя — Джон Гриффит), переносят нас на далёкий Север, где властвует прозрачно-чистое, холодное и безжалостное Белое Безмолвие, где природа становится самым суровым испытанием возможностей человека. Именно сюда попадают литературные герои Джека Лондона, гонимые так называемой «золотой лихорадкой»¹ — жаждой обогащения, которая безудержно овладела тысячами современников писателя. Именно здесь, где на каждом шагу подстерегает опасность, они находят сокровища, несравненно более ценные, чем жёлтый металл. Своими книгами великий американец напоминает читателям, что настоящим золотом на пути каждого путешественника являются Человечность, Мужество, Воля и Честь.

Сам Джек Лондон за свою недолгую жизнь неоднократно убеждался в истинности этой мысли. Ещё

¹ *Золотая лихорадка* (англ. *gold rush*) — неорганизованная массовая добыча золота на новых месторождениях; характеризуется стихийным наплывом старателей и хищническими методами добычи.

мальчиком, чтобы заработать себе на хлеб, он разносил газеты, работал на консервной фабрике, помогал владельцу кегельбана¹. При этом, будучи загруженным совсем недетскими заботами, стремился к знаниям, не только успевал, но и очень любил читать. Позже писатель признаётся в своей автобиографии: «В пятнадцать лет я был мужчиной, равным среди мужчин».

Любовь к приключениям и стремление преодолеть бедность привели юного Джека на Клондайк — местность на Севере Канады, где в 1896 г. были открыты богатые месторождения золота и куда в его поисках устремились многие смельчаки. И хотя Джеку Лондону так и не удалось найти драгоценный металл, эта экспедиция оставила глубокий след в его душе. Наблюдения за величественной северной природой, встречи с интересными людьми, впечатления от многочисленных испытаний собственной силы воли — всё это питало писательский дар. На основе воспоминаний о суровом крае родились северные рассказы, которые принесли Джеку Лондону мировую славу. Один из наиболее известных — *«Любовь к жизни»*.

1. Объясните значение словосочетания «золотая лихорадка».
2. Какие сокровища нашёл Джек Лондон на Клондайке?
3. Попробуйте по названию рассказа «Любовь к жизни» предвидеть его содержание.

ЛЮБОВЬ К ЖИЗНИ

(в сокращении)

Прихрамывая, они спустились к речке, и один раз тот, что шёл впереди, зашатался, споткнувшись посреди каменной россыпи. Оба устали и выбились из сил, и лица их выражали терпеливую покорность — след долгих лишений. Плечи им оттягивали тяжёлые тюки, стянутые ремнями. Каждый из них нёс ружьё. Оба шли согрившись, низко нагнув голову и не поднимая глаз.

— Хорошо бы иметь хоть два патрона из тех, что лежат у нас в тайнике, — сказал один.

¹ Кегельбэн — деревянная дорожка для игры в кегли, а также специальное помещение с такими дорожками.

Голос его звучал вяло, без всякого выражения. Он говорил равнодушно, и его спутник, только что ступивший в молочно-белую воду, пенящуюся по камням, ничего ему не ответил.

Второй тоже вошёл в речку вслед за первым. Они не разулись, хотя вода была холодная, как лёд, — такая холодная, что ноги у них и даже пальцы на ногах онемели от холода. Местами вода захлёстывала колени, и оба они пошатывались, теряя опору.

Второй путник поскользнулся на гладком валуне и чуть не упал, но удержался на ногах, громко вскрикнув от боли. Должно быть, у него закружилась голова, — он пошатнулся и замахал свободной рукой, словно хватаясь за воздух. Справившись с собой, он шагнул вперёд, но снова пошатнулся и чуть не упал. Тогда он остановился и посмотрел на своего спутника: тот всё так же шёл впереди, даже не оглядываясь.

Целую минуту он стоял неподвижно, словно раздумывая, потом крикнул:

— Слушай, Билл, я вывихнул ногу!

Билл ковылял дальше по молочно-белой воде. Он ни разу не оглянулся. Второй смотрел ему вслед, и хотя его лицо оставалось по-прежнему тупым, в глазах появилась тоска, словно у раненого оленя.

Билл уже выбрался на другой берег и плёлся дальше. Тот, что стоял посреди речки, не сводил с него глаз. Губы у него так сильно дрожали, что шевелились жёсткие рыжие усы над ними. Он облизнул сухие губы кончиком языка.

— Билл! — крикнул он.

Это была отчаянная мольба человека, попавшего в беду, но Билл не повернул головы. Его товарищ долго следил, как он неуклюжей походкой, прихрамывая и спотыкаясь, взбирается по отлогому склону к волнистой линии горизонта, образованной гребнем невысокого холма. Следил до тех пор, пока Билл не скрылся из виду, перевалив за гребень. Тогда он отвернулся и медленно обвёл взглядом тот круг вселенной, в котором он остался один после ухода Билла.

[...]

Картина была невесёлая. Низкие холмы замыкали горизонт однообразной волнистой линией. Ни деревьев, ни кустов, ни травы, — ничего, кроме беспредельной и страшной пустыни, — и в его глазах появилось выражение страха.

— Билл! — прошептал он и повторил опять: — Билл!

Он задрожал, словно в лихорадке, и его ружьё с плеском упало в воду. Это заставило его опомниться. Он пересилил свой страх, собрался с духом и, опустив руку в воду, нашарил ружьё, потом передвинул тюк ближе к левому плечу, чтобы тяжесть меньше давила на

больную ногу, и медленно и осторожно пошёл к берегу, морщась от боли.

Он шёл, не останавливаясь. Не обращая внимания на боль, с отчаянной решимостью, он торопливо взбирался на вершину холма, за гребнем которого скрылся Билл, — и сам он казался ещё более смешным и неуклюжим, чем хромой, едва ковылявший Билл. Но с гребня он увидел, что в неглубокой долине никого нет! На него снова напал страх, и, снова поборов его, он передвинул тюк ещё дальше к левому плечу и, хромая, стал спускаться вниз.

[...]

Оставшись один, он не сбился с пути. Он знал, что ещё немного — и он подойдёт к тому месту, где сухие пихты и ели, низенькие и чахлые, окружают маленькое озеро Титчинничили, что на местном языке означает: «Страна Маленьких Палок». А в озеро впадает ручей, и вода в нём не мутная. По берегам ручья растёт камыш — это он хорошо помнил, — но деревьев там нет, и он пойдёт вверх по ручью до самого водораздела. От водораздела начинается другой ручей, текущий на запад; он спустится по нему до реки Диз и там найдёт свой тайник под перевернутым челноком, заваленным камнями. В тайнике спрятаны патроны, крючки и лески для удочек и маленькая сеть — всё нужное для того, чтобы добывать себе пропитание. А ещё там есть мука — правда, немного, и кусок грудинки, и бобы.

Билл подождёт его там, и они вдвоём спустятся по реке Диз до Большого Медвежьего озера, а потом переправятся через озеро и пойдут на юг, всё на юг, — а зима будет догонять их, и быстрину в реке затаяет льдом, и дни станут холодней, — на юг, к какой-нибудь фактории Гудзонова залива, где растут высокие, мощные деревья и где сколько хочешь еды.

Вот о чём думал путник, с трудом пробираясь вперёд. Но как ни трудно было ему идти, ещё труднее было уверить себя в том, что Билл его не бросил, что Билл, конечно, ждёт его у тайника. Он должен был так думать, иначе не имело никакого смысла бороться дальше, — оставалось только лечь на землю и умереть. И пока тусклый диск солнца медленно скрывался на северо-западе, он успел рассчитать — и не один раз — каждый шаг того пути, который предстоит проделать им с Биллом, уходя на юг от наступающей зимы.

[...]

Он ничего не ел уже два дня, но ещё дольше он не ел досыта. То и дело он нагибался, срывал бледные болотные ягоды, клал их в рот, жевал и проглатывал. Ягоды были водянистые и быстро таяли во рту, — оставалось только горькое жёсткое семя. Он знал, что ими не насытишься, но всё-таки терпеливо жевал, потому что надежда не хочет считаться с опытом.

В девять часов он ушиб большой палец ноги о камень, пошатнулся и упал от слабости и утомления. Довольно долго он лежал на боку не шевелясь; потом высвободился из ремней, неловко приподнялся и сел. Ещё не стемнело, и в сумеречном свете он стал шарить среди камней, собирая клочки сухого мха. Набрал целую охапку, он развёл костёр — тлеющий, дымный костёр — и поставил на него котелок с водой.

Он распаковал тюк и прежде всего сосчитал, сколько у него спичек. Их было шестьдесят семь. Чтобы не ошибиться, он пересчитывал три раза. Он разделил их на три кучки и каждую завернул в пергамент; один свёрток он положил в пустой кисет, другой — за подкладку изношенной шапки, а третий — за пазуху. Когда он проделал всё это, ему вдруг стало страшно; он развернул все три свёртка и снова пересчитал. Спичек было по-прежнему шестьдесят семь.

Он просушил мокрую обувь у костра. От мокасин остались одни лохмотья, сшитые из одеяла носки прохудились насквозь, и ноги у него были стёрты до крови. Лодыжка сильно болела, и он осмотрел её: она распухла, стала почти такой же толстой, как колено. Он оторвал длинную полосу от одного одеяла и крепко-накрепко перевязал лодыжку, оторвал ещё несколько полос и обмотал ими ноги, заменив этим носки и мокасины, потом выпил кипятку, завёл часы и лёг, укрывшись одеялом.

[...]

В шесть часов он проснулся, лёжа на спине. Он посмотрел на серое небо и почувствовал, что голоден. Повернувшись и приподнявшись на локте, он услышал громкое фырканье и увидел большого оленя, который насторожённо и с любопытством смотрел на него. Олень стоял от него шагах в пятидесяти, не больше, и ему сразу представился запас и вкус оленины, шипящей на сковородке. Он невольно схватил незаряженное ружьё, прицелился и нажал курок. Олень всхрапнул и бросился прочь, стуча копытами по камням.

Он выругался, отшвырнул ружьё и со стоном попытался встать на ноги. Это удалось ему с большим трудом и нескоро. Суставы у него словно заржавели, и согнуться или разогнуться стоило каждый раз большого усилия воли. Когда он, наконец, поднялся на ноги, ему понадобилась ещё целая минута, чтобы выпрямиться и стоять прямо, как полагается человеку.

Он взобрался на небольшой холмик и осмотрелся кругом. Ни деревьев, ни кустов — ничего, кроме серого моря мхов, где лишь изредка виднелись серые валуны, серые озерки и серые ручьи. Небо тоже было серое. Ни солнечного луча, ни проблеска солнца! Он потерял представление, где находится север, и забыл, с какой стороны он пришёл вчера вечером. Но он не сбился с пути. Это он знал.

Скоро он придёт в Страну Маленьких Палок. Он знал, что она где-то налево, недалеко отсюда, — быть может, за следующим пологим холмом.

Он вернулся, чтобы увязать свой тюк по-дорожному; проверил, целы ли его три свёртка со спичками, но не стал их пересчитывать. Однако он остановился в раздумье над плоским, туго набитым мешочком из оленьей кожи. Мешочек был невелик, он мог поместиться между ладонями, но весил пятнадцать фунтов — столько же, сколько все остальное, — и это его тревожило. Наконец, он отложил мешочек в сторону и стал свёртывать тюк; потом взглянул на мешочек, быстро схватил его и вызывающе оглянулся по сторонам, словно пустыня хотела отнять у него золото. И когда он поднялся на ноги и поплёлся дальше, мешочек лежал в тюке у него за спиной.

Он свернул налево и пошёл, время от времени останавливаясь и срывая болотные ягоды. Нога у него одеревенела, он стал хромать сильнее, но эта боль ничего не значила по сравнению с болью в желудке. Голод мучил его невыносимо. Боль всё грызла и грызла его, и он уже не понимал, в какую сторону надо идти, чтобы добраться до страны Маленьких Палок.

Он очень устал, и его часто тянуло лечь на землю и уснуть; но желание дойти до Страны Маленьких Палок, а ещё больше голод не давали ему покоя. Он искал лягушек в озёрах, копал руками землю в надежде найти червей, хотя знал, что так далеко на Севере не бывает ни червей, ни лягушек.

Он заглядывал в каждую лужу и наконец с наступлением сумерек увидел в такой луже одну-единственную рыбку величиной с пещаря. Он опустил в воду правую руку по самое плечо, но рыба от него ускользнула. Тогда он стал ловить её обеими руками и поднял всю муть со дна. От волнения он оступился, упал в воду и вымок до пояса. Он так замутил воду, что рыбку нельзя было разглядеть, и ему пришлось дожидаться, пока муть осядет на дно.

Он опять принялся за ловлю и ловил, пока вода опять не замутилась. Больше ждать он не мог. Отвязав жестяное ведёрко, он начал вычерпывать воду. Сначала он вычерпывал с яростью, весь облился и выплёскивал воду так близко от лужи, что она стекала обратно. Потом стал черпать осторожнее, стараясь быть спокойным, хотя сердце у него сильно билось и руки дрожали. Через полчаса в луже почти не осталось воды. Со дна уже ничего нельзя было зачерпнуть. Но рыба исчезла. Он увидел незаметную расщелину среди камней, через которую рыбка проскользнула в соседнюю лужу, такую большую, что её нельзя было вычерпать и за сутки. Если б он заметил эту щель раньше, он с самого начала заложил бы её камнем, и рыба досталась бы ему.

В отчаянии он опустился на мокрую землю и заплакал. Сначала он плакал тихо, потом стал громко рыдать, будя безжалостную пустыню, которая окружала его; и долго ещё плакал без слёз, сотрясаясь от рыданий.

Он развёл костёр и согрелся, выпив много кипятку, потом устроил себе ночлег на каменистом выступе, так же как и в прошлую ночь. Перед сном он проверил, не намокли ли спички, и завёл часы. Одежда была сырые и холодные на ощупь. Вся нога горела от боли, как в огне. Но он чувствовал только голод, и ночью ему снились пиры, званые обеды и столы, заставленные едой.

Он проснулся озябший и больной. Солнца не было. Серые краски земли и неба стали темней и глубже. Дул резкий ветер, и первый снегопад выбелил холмы. Воздух словно сгустился и побелел, пока он разводил костёр и кипятил воду. Это повалил мокрый снег большими влажными хлопьями. Сначала они таяли, едва коснувшись земли, но снег валил всё гуще и гуще, застилая землю, и наконец весь собранный им мох отсырел, и костёр погас.

Это было ему сигналом снова взвалить тук на спину и брести вперёд, неизвестно куда. Он уже не думал ни о Стране Маленьких Палок, ни о Билле, ни о тайнике у реки Диз. Им владело только одно желание: есть! Он помешался от голода. Ему было всё равно, куда идти, лишь бы идти по ровному месту.

В ту ночь у него не было ни костра, ни горячей воды, и он залез под одеяло и уснул тревожным от голода сном. Снег превратился в холодный дождь. Он то и дело просыпался, чувствуя, что дождь мочит ему лицо. Наступил день — серый день без солнца. Дождь перестал. Теперь чувство голода у путника притупилось. Осталась тупая, ноющая боль в желудке, но это его не очень мучило. Мысли у него прояснились, и он опять думал о Стране Маленьких Палок и о своём тайнике у реки Диз.

Муки голода уже притупились, но он чувствовал, что ослаб. Ему приходилось часто останавливаться и отдыхать, собирая болотные ягоды и луковицы камыша. Язык у него распух, стал сухим, словно ершистым, и во рту был горький вкус. А больше всего его донимало сердце. После нескольких минут пути оно начинало безжалостно стучать, а потом словно подсакивало и мучительно трепетало, доводя его до удушья и головокружения, чуть не до обморока.

Около полудня он увидел двух пескарей в большой луже. Вычерпать воду было немыслимо, но теперь он стал спокойнее и ухитрился поймать их жестяным ведёрком. Они были с мизинец длиной, не больше, но ему не особенно хотелось есть. Боль в желудке всё слабела, становилась всё менее острой, как будто желудок дремал. Он съел рыбок сырыми, старательно их разжёвывая, и это было чисто

рассудочным действием. Есть ему не хотелось, но он знал, что это нужно, чтобы остаться в живых.

Вечером он поймал ещё трёх пескарей, двух съел, а третьего оставил на завтрак. Солнце высушило изредка попадавшие клочки мха, и он согрелся, вскипятив себе воды. В этот день он прошёл не больше десяти миль, а на следующий, двигаясь только когда позволяло сердце, — не больше пяти. Но боли в желудке уже не беспокоили его; желудок словно уснул. Местность была ему теперь незнакома, олени попадались всё чаще и волки тоже. Очень часто их вой доносился до него из пустынной дали, а один раз он видел трёх волков, которые, крадучись, перебежали дорогу.

Ещё одна ночь, и наутро, образумившись наконец, он развязал ремешок, стягивающий кожаный мешочек. Из него жёлтой струйкой посыпался крупный золотой песок и самородки. Он разделил золото пополам, одну половину спрятал на видном издалека выступе скалы, завернув в кусок одеяла, а другую всыпал обратно в мешок. Своё последнее одеяло он тоже пустил на обмотки для ног. Но ружьё он всё ещё не бросал, потому что в тайнике у реки Диз лежали патроны.

Опять туман. Половину одеяла он израсходовал на обмотки. Следы Билла ему не удалось найти, но теперь это было неважно. Голод упорно гнал его вперёд. Но что, если... Билл тоже заблудился? К полудню он совсем выбился из сил. Он опять разделил золото, на этот раз просто высыпав половину на землю. К вечеру он выбросил и другую половину, оставив себе только обрывок одеяла, жестяное ведёрко и ружьё.

Его начали мучить навязчивые мысли. Почему-то он был уверен, что у него остался один патрон, — ружьё заряжено, он просто этого не заметил. И в то же время он знал, что в магазине нет патрона. Эта мысль неотвязно преследовала его. Он боролся с ней часами, потом осмотрел магазин и убедился, что никакого патрона в нём нет. Разочарование было так сильно, словно он и в самом деле ожидал найти там патрон.

[...]

Однажды его привело в себя зрелище, от которого он тут же едва не упал без чувств. Он покачнулся и зашатался, как пьяный, стараясь удержаться на ногах. Перед ним стояла лошадь. Лошадь! Он не верил своим глазам. Их заволакивал густой туман, пронизанный яркими точками света. Он стал яростно тереть глаза и, когда зрение прояснилось, увидел перед собой не лошадь, а большого бурого медведя. Зверь разглядывал его с недружелюбным любопытством.

Он уже вскинул было ружьё, но быстро опомнился. Опустив ружьё, он вытащил охотничий нож из шитых бисером ножен. Перед

ним было мясо и — жизнь. Он провёл большим пальцем по лезвию ножа. Лезвие было острое, и кончик тоже острый. Сейчас он бросится на медведя и убьёт его. Но сердце заколотилось, словно предостерегая: тук, тук, тук — потом бешено подскочило кверху и дробно затрепетало; лоб сдавило, словно железным обручем, и в глазах потемнело.

Отчаянную храбрость смыло волной страха. Он так слаб — что будет, если медведь нападёт на него? Он выпрямился во весь рост как можно внушительнее, выхватил нож и посмотрел медведю прямо в глаза. Зверь неуклюже шагнул вперёд, поднялся на дыбы и зарычал. Если бы человек бросился бежать, медведь погнался бы за ним. Но человек не двинулся с места, осмелев от страха; он тоже зарычал, свирепо, как дикий зверь, выражая этим страх, который неразрывно связан с жизнью и тесно сплетается с её самым и глубокими корнями.

Медведь отступил в сторону, угрожающе рыча, в испуге перед этим таинственным существом, которое стояло прямо и не боялось его. Но человек всё не двигался. Он стоял как вкопанный, пока опасность не миновала, а потом, весь дрожа, повалился на мокрый мох.

Собравшись с силами, он пошёл дальше, терзаясь новым страхом. Это был уже не страх голодной смерти: теперь он боялся умереть насильственной смертью, прежде чем последнее стремление сохранить жизнь заглохнет в нём от голода. Кругом были волки. Со всех сторон в этой пустыне доносился их вой, и самый воздух вокруг дышал угрозой так неотступно, что он невольно поднял руки, отстраняя эту угрозу, словно полотнище колеблемой ветром палатки.

К вечеру он набрёл на кости, разбросанные там, где волки настигли свою добычу. Час тому назад это был живой оленёнок, он резво бегал и мычал. Человек смотрел на кости, дочиста обглоданные, блестящие и розовые, оттого что в их клетках ещё не угасла жизнь. Может быть, к концу дня и от него останется не больше? Ведь такая жизнь, суетная и скоропреходящая. Только жизнь заставляет страдать. Умереть не больно. Умереть — уснуть. Смерть — это значит конец, покой. Почему же тогда ему не хочется умереть?

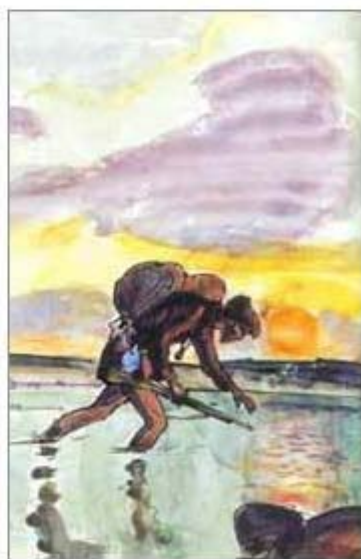

Иллюстрация Григория
Филипповского (1979)

Но он не долго рассуждал. Вскоре он уже сидел на корточках, держа кость в зубах и высасывал из неё последние частицы жизни, которые ещё окрашивали её в розовый цвет. Сладкий вкус мяса, еле слышный, неуловимый, как воспоминание, доводил его до бешенства.

Больше он уже не поднимался на холмы, не пересекал водоразделов, а брёл по отлогому берегу большой реки, которая текла по широкой долине. Перед его глазами были только видения. Его душа и тело шли рядом и всё же порознь — такой тонкой стала нить, связывающая их. [...]

Он услышал за своей спиной какое-то сопение — не то вздох, не то кашель. Очень медленно, преодолевая крайнюю слабость и оцепенение, он повернулся на другой бок. Поблизости он ничего не увидел и стал терпеливо ждать. Опять послышались сопение и кашель, и между двумя островерхими камнями, не больше чем шагах в двадцати от себя, он увидел серую голову волка. Уши не торчали вверх, как это ему приходилось видеть у других волков, глаза помутнели и налились кровью, голова бессильно понурилась. Волк, верно, был болен: он всё время чихал и кашлял.

«Вот это по крайней мере не кажется, — подумал он и опять повернулся на другой бок, чтобы увидеть настоящий мир, не застланный теперь дымкой видений. Но море всё так же сверкало в отдалении, и корабль был ясно виден. Быть может, это всё-таки настоящее? Он закрыл глаза и стал думать — и в конце концов понял, в чём дело. Он шёл на северо-восток, удаляясь от реки Диз, и попал в долину реки Коппермайн. Эта широкая, медлительная река и была Коппермайн. Это блистающее море — Ледовитый океан. Этот корабль — китобойное судно, заплывшее далеко к востоку от устья реки Маккензи, оно стоит на якоре в заливе Коронации. Он вспомнил карту Компании Гудзонова залива, которую видел когда-то, и всё стало ясно и понятно.

Он сел и начал думать о самых неотложных делах. Обмотки из одеяла совсем износились, и ноги у него были содраны до живого мяса. Последнее одеяло было израсходовано. Ружьё и нож он потерял. Шапка тоже пропала, но спички в кисете за пазухой, завёрнутые в пергамент, остались целы и не отсырели. Он посмотрел на часы. Они всё ещё шли и показывали одиннадцать часов. Должно быть, он не забывал заводить их.

Он был спокоен и в полном сознании. Несмотря на страшную слабость, он не чувствовал никакой боли. Есть ему не хотелось. Мысль о еде была даже неприятна ему, и всё, что он ни делал, делалось им по велению рассудка. Он оторвал штанины до колен и обвязал ими ступни. Ведёрко он почему-то не бросил: надо будет выпить

кипятку, прежде чем начать путь к кораблю — очень тяжёлый, как он предвидел.

[...]

Выпив кипятку, он почувствовал, что может подняться на ноги и даже идти, хотя силы его были почти на исходе. Ему приходилось отдыхать чуть не каждую минуту. Он шёл слабыми, неверными шагами, и такими же слабыми, неверными шагами тащился за ним волк.

И в эту ночь, когда блистающее море скрылось во тьме, человек понял, что приблизился к нему не больше чем на четыре мили.

Ночью он всё время слышал кашель больного волка, а иногда крики оленят. Вокруг была жизнь, но жизнь, полная сил и здоровья, а он понимал, что больной волк тащится по следам больного человека в надежде, что этот человек умрёт первым. Утром, открыв глаза, он увидел, что волк смотрит на него тоскливо и жадно. Зверь, похожий на заморённую унылую собаку, стоял, понурился голову и поджав хвост. Он дрожал на холодном ветру и угрюмо оскалил зубы, когда человек заговорил с ним голосом, упавшим до хриплого шёпота.

После полудня он напал на след. Это был след другого человека, который не шёл, а тащился на четвереньках. Он подумал, что это, возможно, след Билла, но подумал вяло и равнодушно. Ему было всё равно. В сущности, он перестал что-либо чувствовать и волноваться. Он уже не ощущал боли. Желудок и нервы словно дремали. Однако жизнь, ещё теплившаяся в нём, гнала его вперёд. Он очень устал, но жизнь в нём не хотела гибнуть; и потому, что она не хотела гибнуть, человек всё ещё ел болотные ягоды и пескаррей, пил кипяток и следил за больным волком, не спуская с него глаз.

Он шёл следом другого человека, того, который тащился на четвереньках, и скоро увидел конец его пути: обглоданные кости на мокром мху, сохранившем следы волчьих лап. Он увидел туго набитый мешочек из оленьей кожи — такой же, какой был у него, — разорванный острыми зубами. Он поднял этот мешочек, хотя его ослабевшие пальцы не в силах были удержать такую тяжесть. Билл не бросил его до конца. Ха-ха! Он ещё посмеётся над Биллом. Он останется жив и возьмёт мешочек на корабль, который стоит посреди блистающего моря. Он засмеялся хриплым, страшным смехом, похожим на карканье ворона, и больной волк вторил ему, уныло подвывая. Человек сразу замолчал. Как же он будет смеяться над Биллом, если это Билл, если эти бело-розовые, чистые кости — всё, что осталось от Билла?

Он отвернулся. Да, Билл его бросил, но он не возьмёт золота и не станет сосать кости Билла. А Билл стал бы, будь Билл на его месте, размышлял он, тащась дальше.

В этот день он сократил на три мили расстояние между собой и кораблём, а на следующий день — на две мили; теперь он полз на четвереньках, как Билл. К концу пятого дня до корабля всё ещё оставалось миль семь, а он теперь не мог пройти и мили в день. Бабые лето ещё держалось, а он то полз на четвереньках, то падал без чувств, и по его следам всё так же тащился больной волк, кашляя и чихая. Колени человека были содраны до живого мяса, и ступни тоже, и хотя он оторвал две полосы от рубашки, чтобы обмотать их, красный след тянулся за ним по мху и камням. Оглянувшись как-то, он увидел, что волк с жадностью лижет этот кровавый след, и ясно представил себе, каков будет его конец, если он сам не убьёт волка. И тогда началась самая жестокая борьба, какая только бывает в жизни: больной человек на четвереньках и больной волк, ковылявший за ним, — оба они, полумёртвые, тащились через пустыню, подстерегая друг друга.

Будь то здоровый волк, человек не стал бы так сопротивляться, но ему было неприятно думать, что он попадёт в утробу этой мерзкой твари, почти падали. Ему стало противно. У него снова начинался бред, сознание туманили галлюцинации, и светлые промежутки становились всё короче и реже.

Однажды он пришёл в чувство, услышав чье-то дыхание над самым ухом. Волк отпрыгнул назад, споткнулся и упал от слабости. Это было смешно, но человек не улыбнулся. Он даже не испугался. Страх уже не имел над ним власти. Но мысли его на минуту прояснились, и он лежал, раздумывая. До корабля оставалось теперь мили четыре, не больше. Он видел его совсем ясно, протирая затуманенные глаза, видел и лодочку с белым парусом, рассекавшую сверкающее море. Но ему не одолеть эти четыре мили. Он это знал и относился к этому спокойно. Он знал, что не проползёт и полумили. И всё-таки ему хотелось жить. Было бы глупо умереть после всего, что он перенёс. Судьба требовала от него слишком много. Даже умирая, он не покорялся смерти. Возможно, это было чистое безумие, но и в когтях смерти он бросал ей вызов и боролся с ней.

[...]

Он лежал на спине неподвижно и слышал, как хриплое дыхание волка приближается к нему. Оно ощущалось всё ближе и ближе, время тянулось без конца, но человек не пошевелился ни разу. Вот дыхание слышно над самым ухом. Жёсткий сухой язык царапнул его щеку словно наждачной бумагой. Руки у него вскинулись вверх — по крайней мере он хотел их вскинуть — пальцы согнулись как когти, но схватили пустоту. Для быстрых и уверенных движений нужна сила, а силы у него не было.

Волк был терпелив, но и человек был терпелив не меньше.

Иллюстрация *Олега Пархаева* (2002)

[...]

Дыхание он не услышал, но проснулся оттого, что шершавый язык коснулся его руки. Человек ждал. Клыки слегка сдавили его руку, потом давление стало сильнее — волк из последних сил старался вонзить зубы в добычу, которую так долго подстерегал. Но и человек ждал долго, и его искусанная рука сжала волчью челюсть. И в то время как волк слабо отбивался, а рука так же слабо сжимала его челюсть, другая рука протянулась и схватила волка. Ещё пять минут, и человек придавил волка всей своей тяжестью. Его рукам не хватало силы, чтобы задушить волка, но человек прижался лицом к волчьей шее, и его рот был полон шерсти. Прошло полчаса, и человек почувствовал, что в горло ему сочится тёплая струйка. Это было мучительно, словно ему в желудок вливали расплавленный свинец, и только усилием воли он заставлял себя терпеть. Потом человек перекатился на спину и уснул.

На китобойном судне «Бедфорд» ехало несколько человек из научной экспедиции. С палубы они заметили какое-то странное существо на берегу. Оно ползло к морю, едва передвигаясь по песку. Учёные не могли понять, что это такое, и, как подобает естествоиспытателям, сели в шлюпку и поплыли к берегу. Они увидели живое существо, но вряд ли его можно было назвать человеком. Оно ничего не слышало, ничего не понимало и корчилось на песке, словно гигантский червяк. Ему почти не удавалось продвинуться вперёд, но оно не отступало и, корчась и извиваясь, продвигалось вперёд шагов на двадцать в час.

Через три недели, лёжа на койке китобойного судна «Бедфорд», человек со слезами рассказывал, кто он такой и что ему пришлось вынести. Он бормотал что-то бессвязное о своей матери, о Южной Калифорнии, о домике среди цветов и апельсиновых деревьев.

Прошло несколько дней, и он уже сидел за столом вместе с учёными и капитаном в кают-компании корабля. Он радовался изобилию пищи, тревожно провожал взглядом каждый кусок, исчезающий в чужом рту, и его лицо выражало глубокое сожаление. Он был в

здравом уме, но чувствовал ненависть ко всем сидевшим за столом. Его мучил страх, что еды не хватит. Он расспрашивал о запасах провизии повара, юнгу, самого капитана. Они без конца успокаивали его, но он никому не верил и тайком заглядывал в кладовую, чтобы убедиться собственными глазами.

Стали замечать, что он поправляется. Он толстел с каждым днём. Учёные качали головой и строили разные теории. Стали ограничивать его в еде, но он всё раздавался в ширину, особенно в поясе.

Матросы посмеивались. Они знали, в чём дело. А когда учёные стали следить за ним, им тоже стало всё ясно. После завтрака он прокрадывался на бак и, словно нищий, протягивал руку кому-нибудь из матросов. Тот ухмылялся и подавал ему кусок морского сухаря. Человек жадно хватал кусок, глядел на него, как скряга на золото, и прятал за пазуху. Такие же подачки, ухмыляясь, давали ему и другие матросы.

Учёные промолчали и оставили его в покое. Но они осмотрели потихоньку его койку. Она была набита сухарями. Матрац был полон сухарей. Во всех углах были сухари. Однако человек был в здравом уме. Он только принимал меры на случай голодовки — вот и всё. Учёные сказали, что это должно пройти. И это действительно произошло, прежде чем «Бедфорд» стал на якорь в гавани Сан-Франциско.

Перевод Нины Дарузес

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Какое впечатление произвёл на вас рассказ?
2. Какие опасности и страхи пришлось переживать герою?
3. Найдите в начале рассказа портретную зарисовку главного героя. С помощью какого художественного средства передано состояние тоски?
4. Выделите эпизоды произведения, которые являются наиболее важными для раскрытия характера главного героя.
5. Выразительно прочитайте отрывок «Встреча с медведем».
6. Сравните этот эпизод с эпизодом «Поединок с волком». Что в них общего, а что различного?
7. Благодаря каким личностным качествам герой выигрывает в борьбе за жизнь? Отвечая, используйте цитаты.
8. Подумайте, почему автор не называет имени главного героя.
9. Объясните смысл названия произведения.
10. Подготовьте краткий пересказ текста.
11. Докажите, что «Любовь к жизни» — это рассказ.

12. Найдите в тексте и прочитайте описание главного героя, обнаруженного научной экспедицией. О чём свидетельствует эта портретная зарисовка?
13. Обобщите, какую роль в рассказе выполняют описания внешности персонажа.
14. Почему, на ваш взгляд, автор так подробно описывает путь главного героя к своей цели?
15. Определите авторское отношение к главному герою.
16. Представьте такую ситуацию: вам необходимо отправиться в путешествие, в котором может подстерегать опасность. Кого бы вы хотели видеть своим спутником — Билла или главного героя? Объясните свой выбор.
17. Прочитайте рассказ Александра Довженко «Воля до життя» и сравните его с рассказом Джека Лондона. Что, на ваш взгляд, объединяет эти произведения?

Из тайников искусства слова

ПЕЙЗАЖ В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ

Подобно тому, как художник рисует на полотне леса, горы, реки, упавший листок и утреннюю росу, писатель тоже создаёт картины природы. Но его материалом для творчества служат не краски и карандаши, а слова. Давайте вспомним, как в начале рассказа «Любовь к жизни» описана природа: *«Картина была невесёлая. Низкие холмы замыкали горизонт однообразной волнистой линией. Ни деревьев, ни кустов, ни травы — ничего, кроме беспредельной и страшной пустыни...»*. Такими скупыми, но точными штрихами автор изображает место действия. Благодаря этому и другим описаниям мы не только представляем всю суровость северного края, его скудный растительный мир, но и ощущаем весь ужас человека, оставшегося один на один с дикой природой.

Описание природы в литературе, как и в изобразительном искусстве, называют **пейзажем**.

В художественном произведении пейзаж часто помогает читателю не только увидеть реальную обстановку, в которой происходят события, но и понять характер персонажа, его душевное состояние и настроение.

1. Продолжите предложение: «Пейзаж — это ...».
2. Как изображена природа Севера в произведении Джека Лондона? Какой цвет преобладает в её описании? Отвечая, приводите примеры из текста.
3. Подготовьте сообщение на тему «Роль пейзажа в рассказе "Любовь к жизни"».
4. Сравните пейзаж, созданный Джеком Лондоном, с изображением природы на картине Рёкуэлла Кента.

Рёкуэлл Кент. Вид с Лисьего острова зимой (1918)

Читателю XXI столетия на заметку

Природный мир Северной Америки ярко отражён на картинах американского художника, скульптора и писателя **Рёкуэлла Кента** (1882–1971). Как и Джека Лондона, его интересовала тема «Человек и дикая природа». В 1918 г. вместе с восьмилетним сыном Рёкуэлл Кент отправился на Аляску¹. Там, в охот-

¹ *Аляска* — полуостров на северо-западе Северной Америки.

ничьей хижине, вдохновлённый путешествиями по суровому краю, он создал серию картин и гравюр, которые во многом созвучны северным рассказам Джека Лондона.

У литературной карты мира

Соотечественники Джека Лондона с глубоким уважением хранят память о знаменитом земляке. Недалеко от города Сан-Франциско, в усадьбе, где родился писатель, размещён исторический парк-музей Джека Лондона. А в городе Окленд, в котором длительное время он жил, именем Джека Лондона названа центральная площадь.

На площади Джека Лондона в Окленде (США)

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ В РАЗДЕЛЕ «В ПЛЕНУ УДИВИТЕЛЬНЫХ ПРИКЛЮЧЕНИЙ И ЗАХВАТЫВАЮЩИХ ИСПЫТАНИЙ»

1. Понравились ли вам произведения, помещённые в этом разделе? Обоснуйте свой ответ.
2. Расскажите, чем запомнились вам герои повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством».
3. Подготовьтесь к инсценизации повести Н. В. Гоголя «Ночь перед Рождеством».
4. На примере прочитанных произведений объясните, как вы понимаете, что такое юмор.
5. Сформулируйте тему и идею «Рождественской песни в прозе» Ч. Диккенса.
6. Сравните рождественские повести Н. В. Гоголя и Ч. Диккенса. Что в них общего, а что различного?

7. Напишите сочинение-миниатюру на тему «Рождественские чудеса».
8. Чешский писатель Юлиус Фучик писал: «...желание стать Робинзоном — это желание быть исследователем, изобретателем, желание трудиться над собственными изобретениями...». А у вас есть желание стать Робинзоном? Обоснуйте свой ответ.
9. Напишите сочинение-миниатюру на тему: «Почему я советую (или не советую) своим сверстникам прочитать “Робинзона Крузо”?»
10. Устно установите правильное соответствие между двумя колонками:

Чарльз Диккенс

Жюль Верн

Джек Лондон

США

Англия

Франция

11. Подготовьте характеристику главного героя рассказа Джека Лондона «Любовь к жизни».
12. Объясните, какова роль пейзажа в художественном произведении.
13. Пейзаж из какого произведения произвёл на вас самое большое впечатление? Чем именно?
14. Кто из писателей является автором романа «Пятнадцатилетний капитан»:
 - а) Джек Лондон;
 - б) Жюль Верн;
 - в) Чарльз Диккенс.
15. Кого из персонажей романа «Пятнадцатилетний капитан» можно назвать друзьями Дика Сэнда, а кого — врагами? Обоснуйте ответ.
16. Какие из прочитанных произведений этого раздела можно отнести к приключенческим романам? Объясните почему.
17. Нарисуйте иллюстрации к прочитанным произведениям и подпишите их цитатами из текста.
18. Как вы считаете, что объединяет произведения, представленные в этом разделе?
19. Согласны ли вы с утверждением известного немецкого философа Людвиг Фейербаха, что «*настоящие свойства человека обнаруживаются лишь тогда, когда наступает время проявить их, доказать на деле*»? Свой ответ аргументируйте, используя примеры из прочитанных произведений.
20. Внимательно рассмотрите иллюстрации к произведениям этого раздела. В плену каких приключений вы оказались, их читая? Прокомментируйте эпиграф и образы-проводники этого раздела.

УРОКИ ВОСПИТАНИЯ СЕРДЦА

... самая большая ценность, которой награждает человека искусство, — это ценность доброты. Награждённый даром понимать искусство, человек становится нравственно лучше, а следовательно, и счастливее.

*Дмитрий Лихачёв, российский литературовед,
общественный деятель*

Читая страницы этого раздела, вы сможете:

- ✓ **осмыслить**, что такое добро и милосердие, забота и сочувствие;
- ✓ **открыть для себя** таких писателей, как **Андрей Платонов, Виктор Астафьев, Людмила Петрушевская**;
- ✓ **задуматься** над тем, к чему могут привести равнодушие и жестокость;
- ✓ **понять смысл** прочитанных рассказов и **сделать** определённые жизненные **выводы**

**Андрей
Платонович ПЛАТОНОВ**
(Климентов)
(1899–1951)

Андрей Платонов — писатель, пожелавший разобраться в самых сложных, а значит, в самых простых основах человеческого бытия.

*Василий Гроссман,
российский писатель, публицист*

«У ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО СЕРДЦА»

Судьба российского писателя Андрея Платонова складывалась непросто. Нищета и горечь безвозвратных утрат меньших братьев и сестёр, непосильный наёмный труд и голод — всё это ему довелось испытать ещё в детстве. Однако «университеты» эпохи глобальных потрясений (Первая мировая война, революция, гражданская война, восстановление хозяйства), которые довелось пережить писателю, не только закалили его, но и сформировали душу и разум, воспитали сердце, болезненно равнодушное к человеческому страданию и нужде.

«Я жил и томился, — вспоминал Платонов, — потому что жизнь сразу превратила меня из ребёнка во взрослого человека». Откроем для себя некоторые факты из жизни писателя...

Андрей Платонович Климентов (Платонов — литературный псевдоним писателя) родился 1 сентября 1899 года в Воронеже. Фамилию он сменил в 1920-х годах, образовав её от имени отца, Платона Фирсовича Климентова, талантливого самоучки, славившегося среди рабочих изобретательством и недюжинным умом. Около полувека отец будущего писателя проработал ма-

шинистом паровоза и слесарем в воронежских железнодорожных мастерских. Дважды ему присваивали звание Героя труда, поскольку он пользовался всеобщим уважением в коллективе. Мама Андрея Платонова, Мария Васильевна, была домохозяйкой, на ней держалось многочисленное семейство. Несмотря на постоянную нужду, она обладала добрым и кротким характером и вносила в семейные отношения заботу и сердечность.

Поскольку Андрей был старшим ребёнком в семье, ему очень рано пришлось начать зарабатывать на хлеб. В автобиографии он об этом говорил так: «Работать я начал самостоятельно с 13-ти лет; работал в железнодорожных мастерских и на трубочном заводе — литейщиком, затем электромонтёром. Работал до 1918 года; с весны 1918 года начал учиться в Воронежском политехникуме». Но учёбу прервала гражданская война, на которую он ушёл в 1919 году. Тогда же Платонов начал писать.

Герои произведений Андрея Платонова живут сердцем, ищут истинный смысл своей жизни. Для писателя без чувства добра, красоты, сострадания и милосердия немислим человек. Не случайно своё писательское предназначение Платонов определил однажды так: *«у человеческого сердца...»*.

Узнать, приблизится ли к вашим сердцам этот писатель, вы сможете, прочитав рассказ *«Юшка»*.

1. Подготовьте сообщение об А. П. Платонове.
2. Какие сведения из жизни писателя впечатлили вас больше всего и почему?
3. Прокомментируйте название и эпиграф к статье о писателе.

ЮШКА

Давно, в старинное время, жил у нас на улице старый на вид человек. Он работал в кузнице при большой московской дороге; он работал подручным помощником у главного кузнеца, потому что он плохо видел глазами и в руках у него мало было силы. Он носил в кузницу воду, песок и уголь, раздувал мехом горн, держал клещами горячее железо на наковальне, когда главный кузнец отковывал его,

вводил лошадь в станок, чтобы ковать её, и делал всякую другую работу, которую нужно было делать. Звали его Ефимом, но все люди называли его Юшкой. Он был мал ростом и худ; на сморщенном лице его, вместо усов и бороды, росли по отдельности редкие седые волосы; глаза же у него были белые, как у слепца, и в них всегда стояла влага, как неостывающие слёзы.

Юшка жил на квартире у хозяина кузницы, на кухне. Утром он шёл в кузницу, а вечером шёл обратно на ночлег. Хозяин кормил его за работу хлебом, щами и кашей, а чай, сахар и одежда у Юшки были свои; он их должен покупать за своё жалованье — семь рублей и шестьдесят копеек в месяц. Но Юшка чаю не пил и сахару не покупал, он пил воду, а одежду носил долгие годы одну и ту же без смены: летом он ходил в штанах и в блузе, чёрных и закопчённых от работы, прожжённых искрами насквозь, так что в нескольких местах видно было его белое тело, и босой, зимою же он надевал поверх блузы ещё полушубок, доставшийся ему от умершего отца, а ноги обувал в валенки, которые он подшивал с осени, и носил всякую зиму всю жизнь одну и ту же пару.

Когда Юшка рано утром шёл по улице в кузницу, то старики и старухи подымались и говорили, что вон Юшка уж работать пошёл, пора вставать, и будили молодых. А вечером, когда Юшка проходил на ночлег, то люди говорили, что пора ужинать и спать ложиться — вон и Юшка уж спать пошёл.

А малые дети и даже те, которые стали подростками, они, увидя тихо бредущего старого Юшку, переставали играть на улице, бежали за Юшкой и кричали:

— Вон Юшка идёт! Вон Юшка!

Дети поднимали с земли сухие ветки, камешки, сор горстями и бросали в Юшку.

— Юшка! — кричали дети. — Ты правда Юшка?

Старик ничего не отвечал детям и не обижался на них; он шёл так же тихо, как прежде, и не закрывал своего лица, в которое попадали камешки и земляной сор.

Дети удивлялись Юшке, что он живой, а сам не сердчает на них. И они снова окликали старика:

— Юшка, ты правда или нет?

Затем дети снова бросали в него предметы с земли, подбегали к нему, трогали его и толкали, не понимая, почему он не поругает их, не возьмёт хворостину и не погонится за ними, как все большие люди делают. Дети не знали другого такого человека, и они думали — вправду ли Юшка живой? Потрогав Юшку руками или ударив его, они видели, что он твёрдый и живой.

Тогда дети опять толкали Юшку и кидали в него комья земли, — пусть он лучше злится, раз он вправду живёт на свете. Но Юшка шёл и молчал. Тогда сами дети начинали сердчать на Юшку. Им было скучно и нехорошо играть, если Юшка всегда молчит, не пугает их и не гонится за ними. И они ещё сильнее толкали старика и кричали вокруг него, чтоб он отозвался им злом и развеселил их. Тогда бы они отбежали от него и в испуге, в радости снова бы дразнили его издали и звали к себе, убегая затем прятаться в сумрак вечера, в сени¹ домов, в заросли садов и огородов. Но Юшка не трогал их и не отвечал им.

Когда же дети вовсе останавливали Юшку или делали ему слишком больно, он говорил им:

— Чего вы, родные мои, чего вы, маленькие!.. Вы, должно быть, любите меня!.. Отчего я вам всем нужен?.. Обождите, не надо меня трогать, вы мне в глаза землёй попали, я не вижу.

Дети не слышали и не понимали его. Они по-прежнему толкали Юшку и смеялись над ним. Они радовались тому, что с ним можно всё делать, что хочешь, а он им ничего не делает.

Юшка тоже радовался. Он знал, отчего дети смеются над ним и мучают его. Он верил, что дети любят его, что он нужен им, только они не умеют любить человека и не знают, что делать для любви, и поэтому терзают его.

Дома отцы и матери упрекали детей, когда они плохо учились или не слушались родителей: «Вот ты будешь такой же, как Юшка! — Вырастешь, и будешь ходить летом босой, а зимой в худых валенках, и все тебя будут мучить, и чаю с сахаром не будешь пить, а одну воду!»

Взрослые пожилые люди, встретив Юшку на улице, тоже иногда обижали его. У взрослых людей бывало злое горе или обида, или они были пьяными, тогда сердце их наполнялось лютой яростью. Увидев Юшку, шедшего в кузницу или ко двору на ночлег, взрослый человек говорил ему:

— Да что ты такой блажнóй², непохожий ходишь тут? Чего ты думаешь такое особенное?

Юшка останавливался, слушал и молчал в ответ.

— Слов у тебя что ли нету, животное такое! Ты живи просто и честно, как я живу, а тайно ничего не думай! Говори, будешь так жить, как надо? Не будешь? Ага!.. Ну ладно!

И после разговора, во время которого Юшка молчал, взрослый человек убеждался, что Юшка во всём виноват, и тут же бил его. От

¹ *Сени* — помещение между жилой частью дома и крыльцом.

² *Блажнóй* — взбалмошный, неуравновешенный, сумасбродный.

кротости Юшки взрослый человек приходил в ожесточение и бил его больше, чем хотел сначала, и в этом зле забывал на время своё горе.

Юшка потом долго лежал в пыли на дороге. Очнувшись, он вставал сам, а иногда за ним приходила дочь хозяина кузницы, она подымала его и уводила с собой.

— Лучше бы ты умер, Юшка, — говорила хозяйская дочь. — Зачем ты живёшь?

Юшка глядел на неё с удивлением. Он не понимал, зачем ему умирать, когда он родился жить.

— Это отец-мать меня родили, их воля была, — отвечал Юшка, — мне нельзя помирать, и я отцу твоему в кузне помогаю.

— Другой бы на твоё место нашёлся, помощник какой!

— Меня, Даша, народ любит!

Даша смеялась.

— У тебя сейчас кровь на щеке, а на прошлой неделе тебе ухо разорвали, а ты говоришь — народ тебя любит!..

— Он меня без понятия любит, — говорил Юшка. — Сердце в людях бывает слепое.

— Сердце-то в них слепое, да глаза у них зрячие! — произносила Даша. — Иди скорее, что ль! Любят-то они по сердцу, да бьют тебя по расчёту.

— По расчёту они на меня серчают, это правда, — соглашался Юшка. — Они мне улицей ходить не велют и тело калечат.

— Эх ты, Юшка, Юшка! — вздыхала Даша. — А ты ведь, отец говорил, нестарый ещё!

— Какой я старый!.. Я грудью с детства страдаю¹, это я от болезни на вид оплошал и старым стал...

По этой своей болезни Юшка каждое лето уходил от хозяина на месяц. Он уходил пешком в глухую дальнюю деревню, где у него жили, должно быть, родственники. Никто не знал, кем они ему приходились.

Даже сам Юшка забывал, и в одно лето он говорил, что в деревне у него живёт вдовая сестра, а в другое, что там племянница. Иной раз он говорил, что идёт в деревню, а в иной, что в самую Москву. А люди думали, что в дальней деревне живёт Юшкина любимая дочь, такая же незлобная и лишняя людям, как отец.

В июне или августе месяце Юшка надевал на плечи котомку с хлебом и уходил из нашего города. В пути он дышал благоуханием трав и лесов, смотрел на белые облака, рождающиеся в небе, плывущие и умирающие в светлой воздушной теплоте, слушал голос рек, бор-

¹ *Страдать грудью* — болеть чахоткой (туберкулёзом).

мочущих на каменных перекатах, и больная грудь Юшки отдыхала, он более не чувствовал своего недуга — чахотки. Уйдя далеко, где было вовсе безлюдно, Юшка не скрывал более своей любви к живым существам. Он склонялся к земле и целовал цветы, стараясь не дышать на них, чтоб они не испортились от его дыхания, он гладил кору на деревьях и подымал с тропинки бабочек и жуков, которые пали за смертью, и долго всматривался в их лица, чувствуя себя без них осиротевшим. Но живые птицы пели в небе, стрекозы, жуки и работающие кузнечики издавали в траве весёлые звуки, и поэтому на душе у Юшки было легко, в грудь его входил сладкий воздух цветов, пахнущих влагой и солнечным светом.

По дороге Юшка отдыхал. Он садился в тень подорожного дерева и дремал в покое и тепле. Отдохнув, отдышавшись в поле, он не помнил более о болезни и шёл весело дальше, как здоровый человек. Юшке было сорок лет от роду, но болезнь давно уже мучила его и состарила прежде времени, так что он всем казался ветхим.

И так каждый год уходил Юшка через поля, леса и реки в дальнюю деревню или в Москву, где его ожидал кто-то или никто не ждал, — об этом никому в городе не было известно.

Через месяц Юшка обыкновенно возвращался обратно в город и опять работал с утра до вечера в кузнице. Он снова начинал жить по-прежнему, и опять дети и взрослые, жители улицы, потешались над Юшкой, упрекали его за безответную глупость и терзали его.

Юшка смиренно жил до лета будущего года, а среди лета надевал котомку за плечи, складывал в отдельный мешочек деньги, что заработал и накопил за год, всего рублей сто, вешал тот мешочек себе за пазуху на грудь и уходил неизвестно куда и неизвестно к кому.

Но год от году Юшка всё более слабел, потому шло и проходило время его жизни и грудная болезнь мучила его тело и истощала его. В одно лето, когда Юшке уже подходил срок отправляться в свою дальнюю деревню, он никуда не пошёл. Он брёл, как обычно вечером, уже затемно из кузницы к хозяину на ночлег. Весёлый прохожий, знавший Юшку, посмеялся над ним:

— Чего ты землю нашу топчешь, божье чучело! Хоть бы ты помер, что ли, может, веселее бы стало без тебя, а то я боюсь соскучиться...

И здесь Юшка осерчал в ответ — должно быть, первый раз в жизни.

— А чего я тебе, чем я вам мешаю!.. Я жить родителями поставлен, я по закону родился, я тоже всему свету нужен, как и ты, без меня тоже, значит, нельзя...

Прохожий, не дослушав Юшку, рассердился на него:

— Да ты что! Ты чего заговорил? Как ты смеешь меня, самого меня с собой равнять, юрод негодный!

— Я не равняю, — сказал Юшка, — а по надобности мы все равны...

— Ты мне не мудрей! — закричал прохожий. — Я сам помудрей тебя! Ишь, разговорился, я тебя выучу уму!

Замахнувшись, прохожий с силой злобы толкнул Юшку в грудь, и тот упал навзничь.

— Отдохни, — сказал прохожий и ушёл домой пить чай.

Полежав, Юшка повернулся вниз лицом и более не пошевелился и не поднялся.

Вскоре проходил мимо один человек, столяр из мебельной мастерской. Он окликнул Юшку, потом переложил его на спину и увидел во тьме белые открытые неподвижные глаза Юшки. Рот его был чёрен; столяр вытер уста Юшки ладонью и понял, что это была спёкшаяся кровь. Он опробовал ещё место, где лежала голова Юшки лицом вниз, и почувствовал, что земля там была сырая, её залила кровь, хлынувшая горлом из Юшки.

— Помер, — вздохнул столяр. — Прощай, Юшка, и нас всех прости. Забраковали тебя люди, а кто тебе судья!..

Хозяин кузницы приготовил Юшку к погребению. Дочь хозяина Даша омыла тело Юшки, и его положили на стол в доме кузнеца. К телу умершего пришли проститься с ним все люди, старые и малые, весь народ, который знал Юшку и потешался над ним и мучил его при жизни.

Потом Юшку похоронили и забыли его. Однако без Юшки жить людям стало хуже. Теперь вся злоба и глумление оставались среди людей и тратились меж ними, потому что не было Юшки, безответно терпевшего всякое чужое зло, ожесточение, насмешку и недоброжелательство.

Снова вспомнили про Юшку лишь глубокой осенью. В один тёмный непогожий день в кузницу пришла юная девушка и спросила у хозяина-кузнеца: где ей найти Ефима Дмитриевича?

— Какого Ефима Дмитриевича? — удивился кузнец. — У нас такого сроду тут и не было.

Девушка, выслушав, не ушла, однако, и молча ожидала чего-то. Кузнец поглядел на неё: что за гостью ему принесла непогода. Девушка на вид была тщедушна и невелика ростом, но мягкое чистое лицо её было столь нежно и кротко, а большие серые глаза глядели так грустно, словно они готовы были вот-вот наполниться слезами, что кузнец подобрел сердцем, глядя на гостью, и вдруг догадался:

— Уж не Юшка ли он? Так и есть — по паспорту он писался Дмитричем...

— Юшка, — прошептала девушка. — Это правда. Сам себя он называл Юшкой.

Кузнец помолчал.

— А вы кто ему будете? — Родственница, что ль?

— Я никто. Я сиротой была, а Ефим Дмитриевич поместил меня, маленькую, в семейство в Москве, потом отдал в школу с пансионном... Каждый год он приходил проводить меня и приносил деньги на весь год, чтоб я жила и училась. Теперь я выросла, я уже окончила университет, а Ефим Дмитриевич в нынешнее лето не пришёл меня проводить. Скажите мне, где же он, — он говорил, что работал у вас двадцать пять лет...

— Половина полвека прошло, состарились вместе, — сказал кузнец. — Он закрыл кузницу и повёл гостью на кладбище. Там девушка припала к земле, в которой лежал мёртвый Юшка, человек, кормивший её с детства, никогда не евший сахара, чтоб она ела его.

Она знала, чем болел Юшка, и теперь сама окончила ученье на врача и приехала сюда, чтобы лечить того, кто её любил больше всего на свете и кого она сама любила всем теплом и светом своего сердца...

С тех пор прошло много времени. Девушка-врач осталась навсегда в нашем городе. Она стала работать в больнице для чахоточных, она ходила по домам, где были туберкулёзные больные, и ни с кого не брала платы за свой труд. Теперь она сама уже тоже состарилась, однако по-прежнему весь день она лечит и утешает больных людей, не утомляясь утолять страдание и отдалять смерть от ослабевших. И все её знают в городе, называя дочерью доброго Юшки, позабыв давно самого Юшку и то, что она не приходилась ему дочерью.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Поделитесь своими впечатлениями от прочитанного.
2. Расскажите, кто такой Юшка. Какие чувства и эмоции вызывает у вас этот персонаж и почему?
3. Почему жители города издевались именно над Юшкой?
4. Как вы думаете, почему Юшка безропотно переносил все издевательства окружающих его людей? Аргументируйте ответ.
5. Какие чувства испытывал главный герой к своим обидчикам? Ответ подтвердите примерами из текста.
6. Объясните, как вы понимаете слова Юшки: «Сердце в людях бывает слепое».
7. Обоснуйте, что для Юшки означает слово «любовь».

8. Найдите в тексте и прочитайте, что делал главный герой в июне или августе, когда уходил из города. Как вы думаете, с какой целью автор даёт подробное описание того, что происходило с Юшкой в пути.
9. Расскажите, каким образом жители города узнали о добром деле Юшки, которое он совершал всю жизнь.
10. Как вы думаете, почему историю о сироте автор поместил в конце рассказа, а не в начале его? На что писатель хотел обратить наше внимание этой историей? Аргументируйте свой ответ.
11. В Библии сказано: «Побеждай зло добром». Можно ли эти слова отнести к Юшке? Свой ответ обоснуйте.
12. Определите главную тему и идею произведения.
13. Вспомните, что называется рассказом. Докажите, что прочитанное произведение — рассказ.
14. Разгадайте ребус. Как вы понимаете это слово? Какое значение оно имеет в вашей жизни? Как оно соотносится с прочитанным рассказом?

У литературной карты мира

Жители российского города Воронеж помнят и чтят своего знаменитого земляка. Именем А. П. Платонова названы улица, библиотека, гимназия. Существует литературная премия, проходит международный фестиваль искусств имени А. П. Платонова. Также в год столетия со дня рождения писателя в центре города ему был установлен памятник (авторы — **Иван Дикун** и **Эльза Пак**). Андрей Платонов представлен шагающим по городу в развевающемся от ветра пальто, а справа начертана фраза «...А без меня народ не полный», принадлежащая одному из персонажей его произведений.

Памятник Андрею Платонову в Воронеже (1999)

**Виктор Петрович
АСТАФЬЕВ**
(1924–2001)

Виктор Астафьев вошёл в нашу культуру каким-то очень ярким явлением и таким в ней, конечно, останется. Это была громадная личность.

Марк Захаров, российский режиссёр

«НАСТОЙЧИВЫЙ ПРАВДОЛЮБЕЦ»

Свою жизнь российский писатель Виктор Петрович Астафьев считал сложной, но менять в ней ничего бы не стал. «Если бы мне дано было родиться второй раз, — часто повторял он, — я выбрал бы эту самую жизнь».

Будущий писатель родился в России недалеко от города Красноярска в селе с добрым и немного необычным названием Овсянка, что расположена на берегу могучей сибирской реки Енисей. Предвоенное детство В. П. Астафьева было трудным. Его мать, Лидия Ильинична, погибла, когда мальчику исполнилось 8 лет. Виктор Петрович так и не смог привыкнуть к этой потере. Много позднее, в 1972 году, он напишет: «Её мне не хватало всю жизнь...». Заступницей и кормилицей мальчика становится бабушка — Екатерина Петровна. Именно она научила В. П. Астафьева любить людей и природу, жить по законам добра и справедливости. Вскорости после смерти матери отец женился второй раз, и в 1935 году Виктор с отцом и мачехой переезжает в город Игарка. Годы, проведённые в этом суровом уголке

Сибири, были не просто трудными. Заработков, на которые рассчитывал отец, не оказалось. Отношения Виктора с мачехой тоже не сложились. Через некоторое время мальчик остаётся один, без крова и средств к существованию. На его долю выпали голод, скитания, бродяжничество, детдом. «Самостоятельную жизнь я начал сразу, безо всякой подготовки», — напишет впоследствии В. П. Астафьев. И всё же в Игарке благодаря встрече с добрыми и порядочными людьми родилась вера в то, что ты не лишней на этой земле человек, что есть в тебе что-то такое, что нужно непременно развить и постараться отдать людям. Именно здесь В. П. Астафьев стал писателем.

О том, что побудило В. П. Астафьева стать писателем, он говорит в своих воспоминаниях: «Моя бабушка Катерина, у которой я жил, когда осиротел, меня называла “врушей”. Смеялась, когда я ей всякие страсти рассказывал... На фронте даже от дежурств освобождали ради этого. После войны занимался в литературном кружке одной уральской газеты. Там я прослушал однажды рассказ кружковца, который взбесил меня надуманностью и фальшью. Тогда я написал рассказ о своём фронтовом друге». Так В. П. Астафьев и стал писателем. Своим долгом он считал нести правду своим читателям. Не случайно другой известный российский писатель Александр Солженицын назвал его «настойчивым правдолюбом».

Однажды Виктора Петровича спросили, не жалеет ли он, что ему не довелось учиться в университете. Он искренне ответил: «Жалею!.. Я страшно завидую молодым, которые имеют возможность учиться. А мне всю жизнь приходилось добирать самообразованием. Я до сих пор учусь на писателя!».

В. П. Астафьева уже нет среди нас. Трудное сиротское детство, ранняя трудовая жизнь, фронтовые ранения в годы войны и острая боль за всё, что происходит вокруг, дали о себе знать. Но остаются его произведения, их добрые и светлые уроки.

1. Расскажите, что вам известно о В. П. Астафьеве.
2. Какие события детских лет повлияли на его писательскую судьбу?
3. Объясните, как вы понимаете слова В. П. Астафьева: «Я до сих пор учусь на писателя!».

КОНЬ С РОЗОВОЙ ГРИВОЙ

(в сокращении)

Бабушка возвратилась от соседей и сказала мне, что левонтьевские ребятишки собираются на увал¹ по землянику, и велела сходить с ними.

— Наберёшь туесок². Я повезу свои ягоды в город, твои тоже продам и куплю тебе пряник.

— Конём, баба?

— Конём, конём.

Пряник конём! Это ж мечта всех деревенских малышей. Он белый-белый, этот конь. А грива у него розовая, хвост розовый, глаза розовые, копыта тоже розовые.

Бабушка никогда не позволяла таскаться с кусками хлеба. Ешь за столом, иначе будет худо. Но пряник — совсем другое дело. Пряник можно сунуть под рубаху, бегать и слышать, как конь лягает копытами в голый живот. Холодея от ужаса — потерял, — хвататься за рубаху и со счастьем убеждаться — тут он, тут конь-огонь!

С таким конём сразу почёту сколько, внимания! Ребята левонтьевские к тебе так и этак ластаняся, и в чиж³ первому бить дают, и из рогатки стрельнуть, чтоб только им позволили потом откусить от коня либо лизнуть его. Когда даёшь левонтьевскому Саньке или Таньке откусывать, надо держать пальцами то место, по которое откусить положено, и держать крепко, иначе Танька или Санька так цапнут, что останется от коня хвост да грива.

Левонтий, сосед наш, работал на бадогах⁴ вместе с Мишкой Коршуковым. Левонтий заготавливал лес на бадого, пилил его, колол и сдавал на известковый завод, что был супротив села, по другую сторону Енисея.

Один раз в десять дней, а может, и в пятнадцать — я точно не помню, — Левонтий получал деньги, и тогда в соседнем доме, где были одни ребятишки и ничего больше, начинался пир горой. [...]

Вот с орлами-то дяди Левонтия и отправился я по землянику, чтобы трудом своим заработать пряник. Ребятишки несли бокалы

¹ Увал — пологий холм, имеющий значительную протяжённость.

² Туесок — берестяная корзинка с тугой крышкой.

³ Бить в чиж — детская игра.

⁴ Бадог — длинные поленья.

с отбитыми краями, старые, наполовину изодранные на растопку, берестяные тески, кринки, обвязанные по горлу бечёвками, у кого ковшики без ручек были. Парнишки вольничали, боролись, бросали друг в друга посудой, ставили подножки, раза два принимались драться, плакали, дразнились. По пути они заскочили в чей-то огород, и, поскольку там ещё ничего не поспело, напластали беремя луку-батуна, наелись до зелёной слюны, остатки побросали. Оставили несколько пёрышек на свистульки. В обкусанные перья они пищали, приплясывали, под музыку шагалось нам весело, и мы скоро пришли на каменистый увал.

Тут все перестали баловаться, рассыпались по лесу и начали брать землянику, только-только ещё поспевающую, белобокую, редкую и потому особенно радостную и дорогую.

Я брал старательно и скоро покрыл дно аккуратненького теска стакана на два-три.

Бабушка говорила: главное в ягодах — закрыть дно посудыны. Вздохнул я с облегчением и стал собирать землянику скорее, да и попадалось её выше по увалу больше и больше.

Левонтьевские ребята сначала ходили тихо. Лишь позвякивала крышка, привязанная к медному чайнику. Чайник этот был у старшего парнишки, и побрякивал он, чтобы мы слышали, что старшой тут, поблизости, и бояться нам нечего и незачем.

Вдруг крышка чайника забренчала нервно, послышалась возня.

— Ешь, да? Ешь, да? А домой че? А домой че? — спрашивал старшой и давал кому-то тумака после каждого вопроса.

— А-га-га-гааа! — запела Танька. — Шанька шажрал, дак ничо-о-о...

Попало и Саньке. Он рассердился, бросил посудину и свалился в траву. Старшой брал, брал ягоды да и задумался: он для дома старается, а те вон, дармоеды, жрут ягоды либо вовсе на траве валяются. Подскочил старшой и пнул Саньку ещё раз. Санька взвыл, кинулся на старшого. Зазвенел чайник, брызнули из него ягоды. Бьются братья богатырские, катаются по земле, всю землянику раздавили.

После драки и у старшого опустились руки. Принялся он собирать просыпанные, давленные ягоды — и в рот их, в рот.

— Значит, вам можно, а мне, значит, нельзя! Вам можно, а мне, значит, нельзя? — зловеще спрашивал он, пока не съел всё, что удалось собрать.

Вскоре братья как-то незаметно помирились, перестали обзываться и решили спуститься к Фокинской речке, побрызгаться.

Мне тоже хотелось к речке, тоже бы побрызгаться, но я не решался уйти с увала, потому что ещё не набрал полную посудину.

— Бабушки Петровны испугался! Эх ты! — закривлялся Санька.

— Зато мне бабушка пряник конём купит!

— Может, кобылой? — усмехнулся Санька, плюнул себе под ноги и тут же что-то смекнул. — Скажи уж лучше — боишься её и ещё жадный!

— Я?

— Ты!

— Жадный?

— Жадный!

— А хочешь, все ягоды съем? — сказал я это и сразу покаялся, понял, что попался на уду¹.

Исцарапанный, с шишками на голове от драк и разных других причин, с цыпками² на руках и ногах, с красными окровленными глазами, Санька был вреднее и злее всех левонтьевских ребят.

— Слабо! — сказал он.

— Мне слабо! — хорохорился я, искоса глядя в туесок. Там было ягод уже выше середины. — Мне слабо?! — повторял я гаснущим голосом и, чтобы не спасовать, не струсить, не опозориться, решительно выпряхнул ягоды на траву: — Вот! Ешьте вместе со мной!

Навалилась левонтьевская орда, ягоды вмиг исчезли. Мне досталось всего несколько малюсеньких, гнутых ягодок с прозеленью. Жалко ягод. Грустно. Тоска на сердце — предчувствует оно встречу с бабушкой, отчёт и расчёт. Но я напустил на себя отчаянность, махнул на всё рукой — теперь уже всё равно. Я мчался вместе с левонтьевскими ребятами под гору, к речке, и хвастался:

— Я ещё у бабушки калач украду!

Парни поощряли меня, действуй, мол, и не один калач носи, шанёг³ ещё прихвати либо пирог — ничего лишнее не будет.

— Ладно!

Бегали мы по мелкой речке, брызгались студёной водой, опрокидывали плиты и руками ловили подкаменщика — пищуженца. Санька ухватил эту мерзкую на вид рыбину, сравнил её со срамом, и мы растерзали пищуженца на берегу за некрасивый вид. Потом пуляли камни в пролетающих птичек, подшибли белобрюшку. Мы отпаивали ласточку водой, но она пускала в речку кровь, воды проглотить не могла и умерла, уронив головку. Мы похоронили беленькую, на цветочек похожую птичку на берегу, в гальке и скоро забыли о ней, потому что занялись захватывающим, жутким делом: забегали в устье холодной пещеры, где жила (это в селе доподлинно знали) нечистая

¹ *Попадать на уду* (попасться на удочку) — давать себя обмануть, перехитрить, провести.

² *Цыпки* — мелкие трещинки на коже рук, лица, появляющиеся при обветривании.

³ *Шаньга* — так называют на Севере и в Сибири ватрушку — булочку с творогом.

сила. Дальше всех в пещеру забежал Санька — его и нечистая сила не брала!

— Это ещё чё! — хвалился Санька, воротившись из пещеры. — Я бы дальше побёг, в глыбь побег ба, да босый я, там змеев гибель.

— Жмеев?! — Танька отступила от устья пещеры и на всякий случай подтянула спадающие штанишки.

— Домовнику с домовым видел, — продолжал рассказывать Санька.

— Хлопуша! Домовые на чердаке живут да под печкой! — срезал Саньку старшой.

Санька смешался было, однако тут же оспорил старшого:

— Дак тама какой домовой-то? Домашний. А тут пещернай. В мохе весь, серай, дрожмя дрожит — студёно ему. А домовника худа-худа, глядит жалобливо и стонет. Да меня не подманишь, подойди только — схватит и слопаёт. Я ей камнем в глаз залимонил!..

Может, Санька и врал про домовых, но всё равно страшно было слушать, чудилось — вот совсем близко в пещере кто-то всё стонет, стонет. Первой дёрнула от худого места Танька, следом за нею и остальные ребята с горы посыпались. Санька свистнул, заорал дурноматом, поддавая нам жару.

Так интересно и весело мы провели весь день, и я совсем уже забыл про ягоды, но наступила пора возвращаться домой. Мы разобрали посуду, спрятанную под деревом.

— Задаст тебе Катерина Петровна! Задаст! — заржал Санька. — Ягоды-то мы съели! Ха-ха! Нарошно съели! Ха-ха! Нам-то ништяк! Ха-ха! А тебе-то хо-хо!..

Я и сам знал, что им-то, левонтьевским, «ха-ха!», а мне «хо-хо!». Бабушка моя, Катерина Петровна, не тётка Васеня, от неё враньём, слезами и разными отговорками не отделаешься.

Тихо плёлся я за левонтьевскими ребятами из лесу. Они бежали впереди меня гурьбой, гнали по дороге ковшик без ручки. Ковшик звякал, подпрыгивал на камнях, от него отскакивали остатки эмалировки.

— Знаешь чё? — проговорив с братанами, вернулся ко мне Санька. — Ты в туес травы натолкай, сверху ягод — и готово дело! Ой, дитятко моё! — принялся с точностью передразнивать мою бабушку Санька. — Пособил тебе воспо-одь, сиротинке, пособи-ил. — И подмигнул мне бес Санька, и помчался дальше, вниз с увала, домой.

А я остался.

Утихли голоса ребятни под увалом, за огородами, жутко сделалось. Правда, село здесь слышно, а всё же тайга, пещера недалеко, в ней домовника с домовым, змеи кишмя кишат.

Повздыхал я, повздыхал, чуть было не всплакнул, но надо было слушать лес, траву, домовые из пещеры не подбираются ли. Тут хныкать некогда. Тут ухо остро держи. Я рвал горстью траву, а сам озирался по сторонам. Набил травую туго туесок, на бычке, чтоб к свету ближе и дома видать, собрал несколько горсток ягодок, заложил ими траву — получилось земляники даже с копной.

— Дитяtko ты моё! — запричитала бабушка, когда я, замирая от страха, передал ей посудину. — Восподь тебе пособил, восподь! Уж куплю я тебе пряник, самый большущий. И пересыпать ягодки твои не стану к своим, прямо в этом туеске увезу...

Отлегло маленько.

Я думал, сейчас бабушка обнаружит моё мошенничество, даст мне что полагается, и уже приготовился к каре за содеянное злодейство.

Но обошлось. Всё обошлось. Бабушка унесла туесок в подвал, ещё раз похвалила меня, дала есть, и я подумал, что бояться мне пока нечего и жизнь не так уж худа.

Я поел, отправился на улицу играть, и там дёрнуло меня сообщить обо всём Саньке.

— А я расскажу Петровне! А я расскажу!..

— Не надо, Санька!

— Принеси калач, тогда не расскажу.

Я пробрался тайком в кладовку, вынул из ларя калач и принёс его Саньке, под рубахой. Потом ещё принёс, потом ещё, пока Санька не нажрался.

«Бабушку надул. Калачи украл! Что только будет?» — терзался я ночью, ворочаясь на полатах¹. Сон не брал меня, как окончательно запутавшегося преступника.

— Ты чего там елозишь? — хрипло спросила из темноты бабушка. — В речке небось опять бродил? Ноги опять болят?

— Не-е, — откликнулся я. — сон приснился...

— Спи с Богом! Спи, не бойся. Жизнь страшнее снов, батюшко...

«А что, если слезть с полатей, забраться к бабушке под одеяло и все-все рассказать?»

Я прислушался. Снизу доносилось трудное дыхание старого человека. Жалко будить, устала бабушка. Ей рано вставать. Нет уж, лучше я не буду спать до утра, скараулю бабушку, расскажу обо всём: и про туесок, и про домовниxу с домовым, и про калачи, и про всё, про всё...

От этого решения мне стало легче, и я не заметил, как закрылись глаза. Возникла Санькина немытая рожа, потом замелькал лес, трава, земляника, завалила она и Саньку, и всё, что виделось мне днём.

¹ *Полáти* — место для спанья под потолком между печкой и стеной.

[...]

Проснулся я от солнечного луча, просочившегося в мутное окошко кладовки и ткнувшего мне в глаза. В луче мошкой мельтешила пыль. Откуда-то наносило заимкой, пашнею. Я огляделся, и сердце моё радостно подпрыгнуло: на меня был накинут дедушкин старенький полушубок. Дедушка приехал ночью. Красота!

На кухне бабушка кому-то обстоятельно рассказывала:

— ...Культурная дамочка, в шляпке. «Я эти вот ягодки все куплю». Пожалуйста, милости прошу. Ягодки-то, говорю, сиротинка горемычный собирал...

Тут я провалился сквозь землю вместе с бабушкой и уже не мог и не желал разбирать, что говорила она дальше, потому что закрылся полушубком, забился в него, чтобы скорее помереть. Но сделалось жарко, глухо, стало нечем дышать, и я открылся.

— Своих вечно потачил! — гремела бабушка. — Теперь этого! А он уж мошенничает! Чё потом из него будет? Каторжанец будет! Вечный арестант! Я вот ещё левонтьевских в оборот возьму! Это ихняя грамота!..

Убрался дед во двор, от греха подальше. Бабушка долго одна не может, ей надо кому-то рассказывать о происшествии либо разносить вдребезги мошенника, стало быть, меня, и она тихонько прошла по сеним, приоткрыла дверь в кладовку. Я едва успел крепко-накрепко сомкнуть глаза.

— Не спишь ведь, не спишь! Всё-о вижу!

Но я не сдавался. Забежала в дом бабушкина племянница, спросила, как бабушка сплавала в город. Бабушка сказала, что слава Богу, и тут же принялась повествовать:

— Мой-то! Малой-то! Чего утворил!..

В это утро к нам приходило много людей, и всех бабушка задерживала, чтоб поведать: «А мой-то! Малой-то!». И это ей нисколько не мешало исполнять домашние дела — она носилась взад-вперёд, доила корову, выгоняла её к пастуху, вытряхивала половики, делала разные свои дела и всякий раз, пробегая мимо дверей кладовки, не забывала напомнить:

— Не спишь ведь, не спишь! Я всё-о вижу!

Но я твёрдо верил: управится по дому и уйдёт. Не вытерпит, чтобы не поделиться новостями, почерпнутыми в городе, и узнать те новости, которые свершились без неё на селе. И каждому встречному и поперечному бабушка с большой охотой будет твердить: «А мой-то! Малой-то!»

В кладовку завернул дедушка, вытянул из-под меня кожаные вожжи и подмигнул:

«Ничего, дескать, терпи и не робей!», да ещё и по голове меня погладил. Я заширкал носом и так долго копившиеся слёзы ягодой,

крупной земляникой, сыпанули из моих глаз, и не было им никакого удержу.

— Ну, что ты, что ты? — успокаивал меня дед, обирая большой рукой слёзы с моего лица. — Чего голодный-то лежишь? Попроси прощенья... Ступай, ступай, — легонько подтолкнул меня дед в спину.

Придерживая одной рукой штаны, прижав другую локтём к глазам, я ступил в избу и завёл:

— Я больше... Я больше... Я больше... — и ничего не мог дальше сказать.

— Ладно уж, умывайся да садись трескать! — всё ещё непримиримо, но уже без грозы, без громов оборвала меня бабушка.

Я покорно умылся, долго возил по лицу сырым рушником, то и дело содрогаясь от всё ещё не прошедших всхлипов и присел к столу. Дед возился на кухне, сматывал на руку старую, совсем, понимал я, ненужную ему верёвку, чего-то доставал с полатей, вынул из-под курятника топор, попробовал пальцем остриё. Чувствуя незримую, но надёжную поддержку деда, я взял со стола краюху и стал есть её всухомятку. Бабушка одним махом плеснула молоко, со стуком поставила посудину передо мной и подбоченилась:

— Ишь ведь какой смирененький! Ишь ведь какой тихонький! И молочка не попросит!..

Дед мне подморгнул — терпи. Я и без него знал: Боже упаси сейчас перечить бабушке, сделать чего не по её усмотрению. Она должна разрядиться и должна высказать всё, что у неё на сердце накопилось, душу отвести и успокоить должна. И срамила же меня бабушка! И обличала же!

Но вот бабушка устала, выдохлась, а может, и почувяла, что уж того она, лишковато всё ж меня громила.

Было покойно в избе, однако все ещё тяжело. Не зная, что делать, как дальше жить, я разглаживал заплатку на штанах, вытягивал из неё нитки. А когда поднял голову, увидел перед собой...

Я зажмурился и снова открыл глаза. Ещё раз зажмурился, ещё раз открыл. По скоблёному кухонному столу, будто по огромной земле, с пашнями, лугами и дорогами, на розовых копытцах, скакал белый конь с розовой гривой.

— Бери, бери, чё смотришь? Глядишь, зато ещё когда обманешь бабушку...

Сколько лет с тех пор прошло! Сколько событий минуло. Нет в живых дедушки, нет и бабушки, да и моя жизнь клонится к закату, а я всё не могу забыть бабушкиного пряника — того дивного коня с розовой гривой.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Понравился ли вам рассказ В. П. Астафьева? Обоснуйте свой ответ.
2. Выделяя основные эпизоды произведения, кратко перескажите прочитанное.
3. От чьего имени ведётся повествование в рассказе? Каким вы представляете рассказчика? Устно опишите его.
4. Какие новые слова и выражения вы узнали, прочитав произведение В. П. Астафьева? Как называются такие слова? Как вы думаете, с какой целью писатель использует их в своём произведении? Ответ обоснуйте.
5. Расскажите о семье Левонтия. Что особенно привлекало рассказчика в этой семье?
6. Близко к тексту перескажите, как главный герой был втянут в обман. Выскажите своё отношение к его поступку.
7. Какие чувства переполняли мальчика после содеянного? Свой ответ аргументируйте цитатами из текста.
8. Найдите в тексте и выразительно прочитайте эпизод, в котором более всего ощутимо, что мальчик сожалеет о случившемся.
9. Подумайте, почему бабушка Катерина Петровна, несмотря на обман внука, всё равно купила ему пряник. Аргументируйте свой ответ.
10. Объясните смысл названия рассказа. Что олицетворяет для героя конь с розовой гривой?
11. Подготовьте рекламу на радио по прочитанному произведению. Обратите внимание на продолжительность, объём звучащей информации, главную мысль и ключевые слова.
12. Напишите сочинение-миниатюру на тему: «Уроки доброты и милосердия в рассказе В. П. Астафьева "Конь с розовой гривой"».

Обложка *Сергея Бордюга* к книге рассказов Виктора Астафьева

**Людмила Стефановна
ПЕТРУШÉВСКАЯ**
(род. в 1938 г.)

Свет, излучаемый Петруше-
вской, непобедим.

*Роман Виктjок,
украинский и российский
театральный режиссёр*

«ЧЕЛОВЕК-ОРКЕСТР»

Она пишет прозу и сочиняет стихи, рисует мультфильмы и комиксы, делает картонных кукол и создаёт шляпки, играет в собственном театре, поёт, исполняет рэп... Вот почему многие, говоря о Людмиле Стефановне Петрушевской, не знают, как её назвать — писательницей, поэтессой, художницей, певицей или мультипликатором.

Сама же Людмила Стефановна разнообразие своих интересов объясняет стремлением «попробовать что-нибудь новенькое». Действительно, в ней уживается так много талантов, и все они востребованы, что некоторые справедливо называют её «человеком-оркестром».

Но что бы она ни делала, доброта и свет, любовь к жизни и мудрость неизменно сопутствуют ей. И это несмотря на трудное военное детство, нищету и голод, периоды запретов и забвения её творчества.

Сегодня Л. С. Петрушевская — общепризнанный литературный классик, автор множества произведений, среди которых и знаменитые «лингвистические сказки» «Пуськи бятые», написанные на несуществующем языке, и пьесы, которые ставят ведущие театральные режиссёры современности.

В настоящее время тираж произведений Л. Петрушевской превысил миллион экземпляров, её книги переведены более чем на 30 языков мира. Писательница является лауреатом многих литературных премий, в 2009 г. она стала первой россиянкой, удостоенной Всемирной премии фэнтези. Такое внимание к творчеству Людмилы Стефановны объясняется тем, что её произведения помогают изучать саму историю людей, их нравы и чувства. А это всегда интересно.

В одном из интервью писательница так охарактеризовала своего читателя: «О мой читатель, я ещё в самом начале своей литературной деятельности знала, что он будет самым умным. Самым тонким и чувствительным. Он поймёт меня и там, где я скрою свои чувства, где я буду безжалостна к своим несчастливым героям».

Предлагаем вам начать открывать тайны Л. С. Петрушевской, задумавшись над тем, о чём может быть рассказ писательницы с необычным названием **«Котёнок Господа Бога»**, который вы будете читать...

1. Расскажите, что вам известно о Л. С. Петрушевской.
2. Обоснуйте название этой статьи о писательнице.
3. Ознакомьтесь с информацией, помещённой в рубрике «Читателю XXI столетия на заметку», и расскажите о Л. С. Петрушевской как создательнице мультфильмов.
4. Выскажите свои предположения относительно того, о чём может быть рассказ «Котёнок Господа Бога».

Читателю XXI столетия на заметку

По сценариям Л. С. Петрушевской был создан ряд мультфильмов («Краденое солнце», «Заячий хвостик», «Кот, который умел петь», «Поросёнок Пётр» и другие). А мультфильм «Сказка сказок» по совместному сценарию Людмилы Стефановны и режиссёра **Юрия Норштёйна** признан «лучшим анимационным фильмом всех времён и народов» по результатам международного опроса, проведённого Академией Киноискусства совместно с АСИФА-Голливуд, Лос-Анджелес (США) в 1984 г.

Интересен тот факт, что Петрушевская утверждает, что именно её профиль послужил для режиссёра Юрия Норштейна «источником вдохновения» при создании главного персонажа мультфильма «Ёжик в тумане».

Сегодня писательница самостоятельно рисует мультфильмы в собственной Студии ручного труда. «Мои фильмы плохо нарисованы, коряво написаны, однако существуют. И не забудьте, что можно смеяться!» — говорит Петрушевская.

КОТЁНОК ГОСПОДА БОГА

Одна бабушка в деревне заболела, заскучала и собралась на тот свет.

Сын её всё не приезжал, на письмо не ответил, вот бабушка и приготовилась помирать, отпустила скотину в стадо, поставила бидончик чистой воды у кровати, положила кусок хлеба под подушку, поместила поганое ведро поближе и легла читать молитвы, и ангел-хранитель встал у неё в головах.

А в эту деревню приехал мальчик с мамой.

У них всё было неплохо, их собственная бабушка функционировала, держала сад-огород, коз и кур, но эта бабушка не особенно приветствовала, когда внук рвал в огороде ягоды и огурцы: всё это зрело и поспевало для запасов на зиму, на варенье и соленье тому же внуку, а если надо, бабушка сама даст.

Гулял этот выгнанный внук по деревне и заметил котёнка, маленького, головастого и пузатого, серого и пушистого.

Котёнок приبلудился к ребёнку, стал тереться о его сандалики, навевая на мальчика сладкие мечты: как можно будет кормить котёночка, спать с ним, играть.

И мальчиков ангел-хранитель радовался, стоя за его правым плечом, потому что всем известно, что котёнка снарядил на белый свет сам Господь, как он всех нас снаряжает, своих детей.

И если белый свет принимает очередное посланное Богом существо, то этот белый свет продолжает жить.

И каждое живое творение — это испытание для уже заселившихся: примут они новенького или нет.

Так вот, мальчик схватил котёнка на руки и стал его гладить и осторожно прижимать к себе.

А за левым локтем его стоял бес, которого тоже очень заинтересовал котёнок и масса возможностей, связанных с этим именно котёнком.

Ангел-хранитель забеспокоился и стал рисовать волшебные картины: вот котик спит на подушке мальчика, вот играет бумажкой, вот идёт гулять, как собачка, у ноги...

А бес толкнул мальчика под левый локоть и предложил: хорошо бы привязать котёнку на хвост консервную банку! Хорошо бы бросить его в пруд и смотреть, умирая со смеху, как он будет стараться выплыть! Эти выпученные глаза!

И много других разных предложений внёс бес в горячую голову выгнанного мальчика, пока тот шёл с котёнком на руках домой.

А дома бабка тут же его выругала, зачем он несёт блохастого в кухню, тут в избе свой кот сидит, а мальчик возразил, что он увезёт его с собой в город, но тут мать вступила в разговор, и всё было кончено, котёнка велено было унести откуда взял и бросить там за забор.

Мальчик шёл с котёнком и бросал его за все заборы, а котёнок весело выпрыгивал навстречу ему через несколько шагов и опять скакал и играл с ним.

Так мальчик дошёл до заборчика той бабушки, которая собралась умирать с запасом воды, и опять котёнок был брошен, но тут он сразу же исчез.

И опять бес толкнул мальчика под локоть и указал ему на чужой хороший сад, где висела спелая малина и чёрная смородина, где золотился крыжовник.

Бес напомнил мальчику, что бабка здешняя болеет, о том знала вся деревня, бабка уже плохая, и бес сказал мальчику, что никто не помешает ему наесться малины и огурцов.

Ангел же хранитель стал уговаривать мальчишку не делать этого, но малина так алела в лучах заходящего солнца!

Ангел-хранитель плакал, что воровство не доведёт до добра, что воров по всей земле презирают и сажают в клетки как свиней, и что человеку-то стыдно брать чужое — но всё было напрасно!

Тогда ангел-хранитель стал напоследок нагонять на мальчишку страх, что бабка увидит из окна.

Но бес уже открывал калитку сада со словами «увидит, да не выйдет» и смеялся над ангелом.

А бабка, лёжа в кровати, вдруг заметила котёнка, который влез к ней в форточку, прыгнул на кровать и включил свой моторчик, умащиваясь в бабушкиных замёрзших ногах.

Бабка была ему рада, её собственная кошка отравилась, видимо, крысиным ядом у соседей на помойке.

Котёнок помурчал, потёрся головой о ноги бабушки, получил от неё кусочек чёрного хлеба, съел и тут же заснул.

А мы уже говорили о том, что котёнок был не простой, а был он котёнком Господа Бога, и волшебство произошло в тот же момент, тут же постучались в окно, и в избу вошёл старухин сын с женой и ребёнком, увешанный рюкзаками и сумками: получив материно письмо, которое пришло с большим опозданием, он не стал отвечать, не надеясь больше на почту, а потребовал отпуск, прихватил семью и

двинул в путешествие по маршруту автобус — вокзал — поезд — автобус — автобус — час пешком через две речки, лесом да полем, и наконец прибыл.

Жена его, засучив рукава, стала разбирать сумки с припасами, готовить ужин, сам он, взявши молоток, двинулся ремонтировать калитку, сын их поцеловал бабушку в носик, взял на руки котёнка и пошёл в сад по малину, где и встретился с посторонним пацаном, и вот тут ангел-хранитель вора схватился за голову, а бес отступил, болтая языком и нагло улыбаясь, так же вёл себя и несчастный воришка.

Мальчик-хозяин заботливо посадил котёнка на опрокинутое ведро, а сам дал похитителю по шее, и тот помчался быстрее ветра к калитке, которую как раз начал ремонтировать бабкин сын, заслонив все пространство спиной.

Бес ушмыгнул сквозь плетень, ангел закрылся рукавом и заплакал, а вот котёнок горячо вступился за ребёнка, да и ангел помог сочинить, что-де вот полез мальчик не в малину, а за своим котёнком, который-де сбежал. Или это бес сочинил, стоя за плетнём и болтая языком, мальчик не понял.

Короче, мальчика отпустили, а котёнка ему взрослый не дал, велел приходиться с родителями.

Что касается бабушки, то её ещё оставила судьба пожить: уже вечером она встала встретить скотину, а наутро сварила варенье, беспокоясь, что всё съедят и нечего будет сыночку дать в город, а в полдень постригла овцу да барана, чтобы успеть связать всей семье варежки и носочки.

Вот наша жизнь нужна — вот мы и живём.

А мальчик, оставшись без котёнка и без малины, ходил мрачный, но тем же вечером получил от своей бабки миску клубники с молочком неизвестно за что, и мама почитала ему на ночь сказку, и ангел-хранитель был безмерно рад и устроился у спящего в головах, как у всех шестилетних детей.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Расскажите, какие чувства и мысли вызвал у вас прочитанный рассказ.
2. Совпали ли ваши предположения о произведении, вызванные его названием, с прочитанным текстом?
3. Сформулируйте, о чём этот рассказ.
4. Охарактеризуйте главных героев произведения. Кто из них у вас вызывает симпатию и наоборот? Почему?

5. Найдите в тексте и прочитайте описание котёнка. Есть ли что-либо необычное в этом описании?
6. Как автор обосновывает, почему это не простой котёнок, а котёнок Господа Бога? А вы согласны с таким объяснением? Аргументируйте свой ответ.
7. Расскажите, как и почему в жизни мальчика появляется котёнок. Случайно ли это?
8. Как вы думаете, может ли история, описанная в произведении, произойти в жизни? Почему?
9. Раскройте смысл финала рассказа.
10. Перескажите прочитанное произведение.

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ В РАЗДЕЛЕ «УРОКИ ВОСПИТАНИЯ СЕРДЦА»

1. Объясните, как вы понимаете название и эпиграф этого раздела.
2. Прокомментируйте мысль известного украинского педагога В. А. Сухомлинского: *«Годы детства — это прежде всего воспитание сердца»*.
3. Подумайте, что объединяет рассказы, представленные в этом разделе. Обоснуйте свой ответ.
4. Расскажите, какие жизненные уроки извлекли вы из прочитанных произведений.
5. Прокомментируйте высказывание исследовательницы А. Акимовой о рассказах А. П. Платонова: *«Он не хотел развлекать, придумывать истории, уводящие подальше от жизни... его писательская цель была другая: открыть мир и помочь ему стать на деле лучше...»*.
6. Объясните, как вы понимаете смысл названия прочитанного произведения В. П. Астафьева.
7. Выразительно прочитайте последний абзац рассказа В. П. Астафьева «Конь с розовой гривой». Как вы думаете, почему главный герой не может забыть «бабушкин пряник»?
8. Раскройте значение образа котёнка в жизни героев рассказа Л. С. Петрушевской «Котёнок Господа Бога».
9. Какие сказочные элементы присутствуют в рассказе Л. С. Петрушевской? Определите их роль в тексте.
10. Приходилось ли вам встречаться с бескорыстным добром? Расскажите об этом.
11. Какие «уроки воспитания сердца» вы вынесли, читая произведения из этого раздела?

ЛИТЕРАТУРА КРЫЛАТОЙ МЕЧТЫ

Для въезда в Страну Фантастики не требуется никакой визы. Там приветливо встретят каждого, кто жаждет Необычного, ищет Невозможного, мечтает о Невероятном. Путешествия туда совершают люди всех возрастов и всех профессий.

Евгений Брандис, российский литературовед

Читая страницы этого раздела, вы сможете:

- ✓ **узнать**, что такое фантастика;
- ✓ **познакомиться** с творчеством всемирно известных писателей-фантастов **Рэя Бредбери** и **Роберта Шекли**;
- ✓ **прочитав** произведения фантастической литературы, **задуматься** над теми проблемами, которые они поднимают

Из тайников искусства слова

ПОНЯТИЕ О ФАНТАСТИКЕ

В фантастике главное — достоверность невероятного.

Алексей Толстой, российский писатель, общественный деятель

Устремляясь в будущее, мы задаём себе многочисленные вопросы... Какова она, наша Вселенная? Каким должен быть следующий шаг в истории человечества и каким должен быть сам человек? Какое будущее ожидает нас в мире «умных машин»? К чему может привести встреча человека с другими цивилизациями и состоится ли она?..

Пока будет существовать человек, он будет искать ответы на эти извечные вопросы. А значит, будет существовать и наш интерес ко всему необычному и таинственному.

Мир невероятных, чудесных картин и образов, рождённых воображением писателей, раскрывает перед нами **фантастическая литература**, или проще **фантастика**.

Фанта́стика (от греческого — искусство воображать) — разновидность художественной литературы, создающая картины «чудесного мира», которые не отвечают представлениям об обычной реальной действительности.

Фантастическая литература, как утверждают известные российские писатели-фантасты Аркадий и Борис Стругацкие, рассматривает общие литературные проблемы, но характеризуется «специфическим литературным приёмом — введением *элемента необычного*». Вместе с тем, несмотря на свою неправдоподобность, фантастическая литература опирается на впечатления действи-

тельности, а иногда и предсказывает события будущего. Так, например, стали реальными научные предвидения Жюль Верна — подводная лодка и самолёт.

В эпоху стремительного развития науки и техники активно развивается особая разновидность фантастической литературы, в которой используются образы и сюжеты, созданные на основе научных предположений и представлений. Такая литература называется *научно-фантастической*.

Тысячи цивилизаций и сотни открытий дарит своим читателям фантастика. Но главное, что, читая фантастические произведения, мы прежде всего ощущаем боль за человека — то, без чего не может быть настоящего искусства. Заставить задуматься о наших стремлениях и поступках, предупредить человечество о возможных опасностях и последствиях уже содеянного, решить проблемы дальнейшего развития цивилизации — в этом и заключается главная задача фантастики, мир которой так же неисчерпаем, как и сам человек.

1. Объясните, как вы понимаете, что такое фантастика.
2. Какую литературу и почему называют научно-фантастической?
3. Прокомментируйте эпиграф к этой статье.
4. Расскажите, какие проблемы поднимаются в произведениях фантастической литературы.
5. Приходилось ли вам уже читать произведения фантастики? Если «да», то поделитесь своими впечатлениями.
6. Рассмотрите репродукции картин Жозефины Ублл. Фантастическими и или реалистическими можно их назвать?

**Рэй Дуглас
БРЭДБЕРИ**
(1920–2012)

Если когда-нибудь после моей смерти к моей могиле придёт мальчик и скажет: «Тут покоится рассказчик приключений», — я буду счастлив.

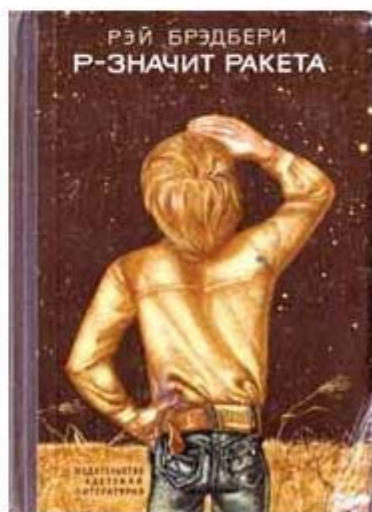
Рэй Бредбери

КОРОЛЬ ФАНТАСТИКИ

«**Я** прежде всего маг. Маг, который может создавать разнообразные вещи... я занимаюсь волшебством...», — эти слова принадлежат известному американскому писателю-фантасту Рэю Дугласу Бредбери.

«Я прожил прекрасную, удивительную, славную жизнь... я написал 25 книг, 300 рассказов, 30 пьес, подготовил 60 телесериалов. Я и сейчас не могу и не хочу бросать писать», — так подытожил свою творческую жизнь Бредбери ещё накануне своего семидесятилетия. Его называют королём фантастики. И с этим трудно не согласиться, ведь он умеет быть одинаково интересным и детям, и молодёжи, и взрослым.

Любовь к литературе возникла у Бредбери ещё в детстве. Не получив высшего образования, он всё же приобрёл энциклопедические познания благодаря чтению книг. Неслучайно сам писатель считал себя «выпуск-

Обложка *Михаила Ромадина* к сборнику рассказов Рэя Бредбери

ником библиотек» и даже, шутя, называл Жюля Верна своим отцом. Книги научили его распознавать добро и зло и увлекли научной фантастикой.

Поэтому неудивительно, что даже творческая позиция писателя сформировалась под влиянием одного из героев романов Жюля Верна: «Все мы похожи на капитана Нэмо: ему не нравилось, как устроен мир. Вместо того, чтобы его разрушить, он создаёт мир, который нужен ему. Тем самым он даёт нам урок... Так и авторы научной фантастики: они затрагивают струны, которые предостерегают людей».

Сам Бредбери неоднократно подчёркивал, что фантастические произведения, прежде всего, обращены к читателям, чьё восприятие мира свежо, а жажда познания неуёмна.

А вы принадлежите к ним?

1. Расскажите, что вам известно о Рэе Бредбери.
2. Объясните, почему американского писателя называют королём фантастики.

КАНИКУЛЫ

День был свежий — свежестью травы, что тянулась вверх, облаков, что плыли в небесах, бабочек, что опускались на траву. День был соткан из тишины, но она вовсе не была немой, её создавали пчёлы и цветы, суша и океан, всё, что двигалось, порхало, трепетало, вздымалось и падало, подчиняясь своему течению времени, своему неповторимому ритму. Край был недвижим, и всё двигалось. Море было беспокойно, и море молчало. Парадокс¹, сплошной парадокс, безмолвие срасталось с безмолвием, звук со звуком. Цветы качались, и пчёлы маленькими каскадами золотого дождя падали на клевер. Волны холмов и волны океана, два рода движения, были разделены железной дорогой, пустынной, сложенной из ржавчины и стальной сердцевины, дорогой, по которой, сразу видно, много лет не ходили поезда. На тридцать миль к северу она тянулась, петляя, потом терялась в мгlistых даях; на тридцать миль к югу пронизывала острова летучих теней, которые на глазах смещались и меняли свои очертания на склонах далёких гор.

¹ *Парад́кс* — противоречащее общепринятому, странное.

Неожиданно рельсы задрожали.

Сидя на путях, одинокий дрозд ощутил, как рождается мерное слабое биение, словно где-то, за много миль, забилось чье-то сердце. Черный дрозд взмыл над морем.

Рельсы продолжали тихо дрожать, и наконец из-за поворота показалась, вдоль по берегу пошла небольшая дрезина¹, в великом безмолвии зафыркал и зарокотал двухцилиндровый мотор.

На этой маленькой четырёхколесной дрезине, на обращенной в две стороны двойной скамейке, защищенные от солнца небольшим тентом, сидели мужчина, его жена и семилетний сынишка. Дрезина проходила один пустынный участок за другим, ветер бил в глаза и развевал волосы, но все трое не оборачивались и смотрели только вперед. Иногда, на выходе из поворота, глядели нетерпеливо, иногда печально, и всё время настороженно — что дальше?

На ровной прямой мотор вдруг закашлялся и смолк. В сокрушительной теперь тишине казалось — это покой, излучаемый морем, землей и небом, затормозил и пресек вращение колёс.

— Бензин кончился.

Мужчина, вздохнув, достал из узкого багажника запасную канистру и начал переливать горючее в бак.

Его жена и сын тихо глядели на море, слушали приглушенный гром, шёпот, слушали, как раздвигается могучий занавес из песка, гальки, зелёных водорослей, пены.

— Море красивое, правда? — сказала женщина.

— Мне нравится, — сказал мальчик.

— Может быть, заодно сделаем привал и поедем?

Мужчина навёл бинокль на зелёный полуостров вдаль.

— Давайте. Рельсы сильно изъело ржавчиной. Впереди путь разрушен. Придётся ждать, пока я исправлю.

— Сколько лопнуло рельсов, столько привалов! — сказал мальчик.

Женщина попыталась улыбнуться, потом перевела свои серьёзные, пытливые глаза на мужчину.

Иллюстрация
Михаила Ромадина

¹ Дрезина — четырёхколесная тележка для езды по железнодорожным рельсам.

— Сколько мы проехали сегодня?

— Неполных девяносто миль. — Мужчина всё ещё напряжённо глядел в бинокль. — Больше, по-моему, и не стоит проходить в день. Когда гонишь, не успеваешь ничего увидеть. Послезавтра будем в Монтерее, на следующий день, если хочешь, в Пало Альто.

Женщина развязала ярко-жёлтые ленты широкополой соломенной шляпы, сняла её с золотистых волос и, покрытая лёгкой испариной, отошла от машины. Они столько ехали без остановки на трясучей дрезине, что всё тело пропиталось её ровным ходом. Теперь, когда машина остановилась, было какое-то странное чувство, словно с них сейчас снимут оковы.

— Давайте есть!

Мальчик бегом отнёс корзинку с припасами на берег.

Мать и сын уже сидели перед расстеленной скатертью, когда мужчина спустился к ним; на нём был строгий костюм с жилетом, галстук и шляпа, как будто он ожидал кого-то встретить в пути. Раздавая сэндвичи и извлекая маринованные овощи из прохладных зелёных баночек, он понемногу отпускал галстук и расстёгивал жилет, всё время озираясь, словно готовый в любую секунду опять застегнуться на все пуговицы.

— Мы одни, папа? — спросил мальчик, не переставая жевать.

— Да.

— И больше никого, нигде?

— Больше никого.

— А прежде на свете были люди?

— Зачем ты всё время спрашиваешь? Это было не так уж давно. Всего несколько месяцев. Ты и сам помнишь.

— Плохо помню. А когда нарочно стараюсь припомнить, и вообще забываю. — Мальчик просеял между пальцами горсть песка. — Людей было столько, сколько песка тут на пляже? А что с ними случилось?

— Не знаю, — ответил мужчина, и это была правда.

В одно прекрасное утро они проснулись — и мир был пуст. Висела бельевая верёвка соседей, и ветер трепал ослепительно белые рубашки, как всегда поутру блестели машины перед коттеджами, но не слышно ничьего «до свидания», не гудели уличным движением мощные артерии города, телефоны не вздрагивали от собственного звонка, не кричали дети в чаще подсолнечника.

Лишь накануне вечером он сидел с женой на террасе, когда принесли вечернюю газету, и даже не развёртывая её, не глядя на заголовки, сказал:

— Интересно, когда мы ему осточертеем и он всех нас выметет вон?

— Да, до чего дошло, — подхватила она. — И не остановишь. Как же мы глупы, правда?

— А замечательно было бы... — Он раскурил свою трубку. — Проснуться завтра, и во всём мире ни души, начинай всё сначала!

Он сидел и курил, в руке сложенная газета, голова откинута на спинку кресла.

— Если бы можно было сейчас нажать такую кнопку, ты бы нажал?

— Наверно, да, — ответил он. — Без насилия. Просто всё исчезнет с лица земли. Оставить землю и море, и всё что растёт — цветы, траву, плодовые деревья. И животные тоже пусть остаются. Всё оставить, кроме человека, который охотится, когда не голоден, ест, когда сыт, жесток, хотя его никто не задевает.

— Но мы-то должны остаться. — Она тихо улыбнулась.

— Хорошо было бы. — Он задумался. — Впереди — сколько угодно времени. Самые длинные каникулы в истории. И мы с корзиной припасов, и самый долгий пикник. Только ты, я и Джим. Никаких сезонных билетов. Не нужно тянуться за Джонсами. Даже автомашины не надо. Придумать какой-нибудь другой способ путешествовать, старинный способ. Взять корзину с сэндвичами, три бутылки шипучки, дальше, как понадобится, пополнять запасы в безлюдных магазинах в безлюдных городах, и впереди нескончаемое лето...

Долго они сидели молча на террасе, их разделяла свёрнутая газета.

Наконец она сказала:

— А нам не будет одиноко?

Вот каким было утро нового мира. Они проснулись и услышали мягкие звуки земли, которая теперь была просто-напросто лугом, города тонули в море травы-муравы, ноготков, маргариток, вьюнков. Сперва они приняли это удивительно спокойно, должно быть потому, что уже столько лет не любили город и позади было столько мнимых друзей, и была замкнутая жизнь в уединении, в механизированном улье.

Муж встал с кровати, выглянул в окно и спокойно, словно речь шла о погоде, заметил:

— Все исчезли.

Он понял это по звукам, которых город больше не издавал.

Они завтракали не торопясь, потому что мальчик ещё спал, потом муж выпрямился и сказал:

— Теперь мне надо придумать, что делать.

— Что делать? Как... разве ты не пойдёшь на работу?

— Ты всё ещё не веришь, да? — Он засмеялся. — Не веришь, что я не буду каждый день выскакивать из дому в десять минут девятого, что Джиму больше никогда не надо ходить в школу. Всё, занятия

кончились, для всех нас кончились! Больше никаких карандашей, никаких книг и кислых взглядов босса! Нас отпустили, милая, и мы никогда не вернёмся к этой дурацкой, проклятой, нудной рутине. Пошли!

И он повёл её по пустым и безмолвным улицам города.

— Они не умерли, — сказал он. — Просто... ушли.

— А другие города?

Он зашёл в телефонную будку, набрал номер Чикаго, потом Нью-Йорка, потом Сан-Франциско. Молчание. Молчание. Молчание.

— Все, — сказал он, вешая трубку.

— Я чувствую себя виноватой, — сказала она. — Их нет, а мы остались. И... я радуюсь. Почему? Ведь я должна горевать.

— Должна? Никакой трагедии нет. Их не пытали, не жгли, не мучали. Они исчезли и не почувствовали этого, не узнали. И теперь мы ни перед кем не обязаны. У нас одна обязанность — быть счастливыми. Тридцать лет счастья впереди, разве плохо?

— Но... но тогда нам нужно заводить ещё детей?

— Чтобы снова населить мир? — Он медленно, спокойно покачал головой. — Нет. Пусть Джим будет последним. Когда он состарится и умрёт, пусть мир принадлежит лошадям и коровам, бурундукам и паукам. Они без нас не пропадут. А потом когда-нибудь другой род, умеющий сочетать естественное счастье с естественным любопытством, построит города, совсем не такие, как наши, и будет жить дальше. А сейчас уложим корзину, разбудим Джима и начнём наши тридцатилетние каникулы. Ну, кто первым добежит до дома?

Он взял с маленькой дрезины кувалду, и пока он полчаса один исправлял ржавые рельсы, женщина и мальчик побежали вдоль берега. Они вернулись с горстью влажных ракушек и чудесными розовыми камешками, сели, и мать стала учить сына, и он писал карандашом в блокноте домашнее задание, а в полдень к ним спустился с насыпи отец, без пиджака, без галстука, и они пили апельсиновую шипучку, глядя, как в бутылках, теснясь, рвутся вверх пузырьки.

Стояла тишина. Они слушали, как солнце настраивает старые железные рельсы. Солёный ветер разносил запах горячего дёгтя от шпал, и мужчина легонько постукивал пальцем по своему карманному атласу.

— Через месяц, в мае, доберёмся до Сакраменто, оттуда двинемся в Сиэтл. Пробудем там до первого июля, июль хороший месяц в Вашингтоне, потом, как станет холоднее, обратно, в Йеллоустон, несколько миль в день, здесь поохотимся, там порыбачим...

Мальчику стало скучно, он отошёл к самой воде и бросал палки в море, потом сам же бегал за ними, изображая учёную собаку.

Отец продолжал:

— Зимуем в Таксоне, в самом конце зимы едем во Флориду, весной — вдоль побережья, в июне попадём, скажем, в Нью-Йорк. Через два года лето проводим в Чикаго. Через три года — как ты насчёт того, чтобы провести зиму в Мехико-Сити? Куда рельсы приведут, куда угодно, и если нападём на совсем неизвестную старую ветку — превосходно, поедем по ней до конца, посмотрим, куда она ведёт. Когда-нибудь, честное слово, пойдём на лодке вниз по Миссисипи, я об этом давно мечтал. На всю жизнь хватит, не маршрут — находка...

Он смолк. Он хотел уже захлопнуть атлас неловкими руками, но что-то светлое мелькнуло в воздухе и упало на бумагу. Скатилось на песок, и получился мокрый комочек.

Жена глянула на влажное пятнышко и сразу перевела взгляд на его лицо. Серьёзные глаза его подозрительно блестели. И по одной щеке тянулась влажная дорожка.

Она ахнула. Взяла его руку и крепко сжала.

Он стиснул её руку и, закрыв глаза, через силу заговорил:

— Хорошо, правда, если бы мы вечером легли спать, а ночью всё каким-то образом вернулось на свои места. Все нелепости, шум и гам, ненависть, все ужасы, все кошмары, злые люди и бестолковые дети, вся эта катавасия, мелочность, суета, все надежды, чаяния и любовь. Правда, было бы хорошо?

Она подумала, потом кивнула. И тут оба вздрогнули.

Потому что между ними (когда он пришёл?), держа в руке бутылку из-под шипучки, стоял их сын.

Лицо мальчика было бледно. Свободной рукой он коснулся щеки отца, там где оставила след слезинка.

— Ты... — сказал он и вздохнул. — Ты... Папа, тебе тоже не с кем играть.

Жена хотела что-то сказать. Муж хотел взять руку мальчика. Мальчик отскочил назад.

— Дураки! Дураки! Глупые дураки! Болваны вы, болваны!

Сорвался с места, сбежал к морю и, стоя у воды, залился слезами. Мать хотела пойти за ним, но отец её удержал.

— Не надо. Оставь его.

Тут же оба оцепенели. Потому что мальчик на берегу, не переставая плакать, что-то написал на клочке бумаги, сунул клочок в бутылку, закупорил её железным колпачком, взял покрепче, размахнулся — и бутылка, описав крутую блестящую дугу, упала в море.

Что, думала она, что он написал на бумажке? Что там, в бутылке? Бутылка плыла по волнам.

Мальчик перестал плакать.

Потом он отошёл от воды и остановился около родителей, глядя на них, лицо ни просветлевшее, ни мрачное, ни живое, ни убитое, ни решительное, ни отрешённое, а какая-то причудливая смесь, словно он примирился со временем, стихиями и этими людьми. Они смотрели на него, смотрели дальше, на залив и затерявшуюся в волнах светлую искорку — бутылку, в которой лежал клочок бумаги с каракулями.

Он написал наше желание? — думала женщина. — Написал то, о чём мы сейчас говорили, нашу мечту?

Или написал что-то своё, пожелал для себя одного, чтобы проснуться завтра утром — и он один в безлюдном мире, больше никого, ни мужчины, ни женщины, ни отца, ни матери, никаких глупых взрослых с их глупыми желаниями, подошёл к рельсам и сам, в одиночку, повёл дрезину через одичавший материк, один отправился в нескончаемое путешествие, и где захотел — там и привал.

Это или не это?

Наше или своё?..

Она долго глядела в его лишённые выражения глаза, но не прочла ответа, а спросить не решилась.

Тени чаек парили в воздухе, осеняя их лица мимолётной прохладой.

— Пора ехать, — сказал кто-то.

Они поставили корзину на платформу. Женщина покрепче привязала шляпу к волосам жёлтой лентой, ракушки сложили кучкой на доски, муж надел галстук, жилет, пиджак и шляпу, и все трое сели на скамейку, глядя в море, — там, далеко, у самого горизонта, поблёскивала бутылка с запиской.

— Если попросить — исполнится? — спросил мальчик. — Если загадать — сбудется?

— Иногда сбывается... даже чересчур.

— Смотря чего ты просишь.

Мальчик кивнул, мысли его были далеко.

Они посмотрели назад, откуда приехали, потом вперёд, куда предстояло ехать.

— До свиданья, берег, — сказал мальчик и помахал рукой.

Дрезина покатила по ржавым рельсам, её гул затих и пропал. Вместе с ней вдали, среди холмов, пропали женщина, мужчина, мальчик.

Когда они скрылись, рельсы минуты две тихонько дребезжали, потом смолкли. Упала ржавая чешуйка. Кивнул цветок.

Море сильно шумело.

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Понравилось ли вам прочитанное? Объясните почему.
2. Выразительно зачитайте начало рассказа. С помощью каких художественных средств писателю удалось воссоздать картину пусто ты?
3. Расскажите, что произошло с героями рассказа.
4. Объясните, как вы поняли идею этого произведения.
5. Раскройте смысл названия рассказа. Свой ответ обоснуйте.
6. А вы бы хотели, чтобы наступили такие каникулы? Аргументируйте свою позицию.
7. Как вы думаете, что написал мальчик в записке? А что бы написали вы?

УЛЫБКА

На главной площади очередь установилась ещё в пять часов, когда за выбеленными инеем полями пели далёкие петухи и нигде не было огней. Тогда вокруг, среди разбитых зданий, ключьями висел туман, но теперь, в семь утра, рассвело, и он начал таять. Вдоль дороги по двое, по трое подстраивались к очереди ещё люди, которых приманил в город праздник и базарный день.

Мальчишка стоял сразу за двумя мужчинами, которые громко разговаривали между собой, и в чистом холодном воздухе звук голосов казался вдвое громче.

Мальчишка притопывал на месте и дул на свои красные, в цыпках, руки, поглядывая то на грязную, из грубой мешковины, одежду соседей, то на длинный ряд мужчин и женщин впереди.

— Слышь, парень, ты-то что здесь делаешь в такую рань? — сказал человек за его спиной.

— Это моё место, я тут очередь занял, — ответил мальчик.

— Бежал бы ты, мальчик, отсюда, уступил бы своё место тому, кто знает в этом толк!

— Оставь в покое парня, — вмешался, резко обернувшись, один из мужчин, стоящих впереди.

— Я же пошутил. — Задний положил руку на голову мальчишки. Мальчик угрюмо стряхнул её. — Просто подумал, чудно это — ребёнок, такая рань, а он не спит.

— Этот парень знает толк в искусстве, ясно? — сказал заступник, его фамилия была Григсби. — Тебя как звать-то, малец?

— Том.

— Наш Том, уж он плюнет что надо, в самую точку — верно, Том?

— Точно!

Смех покотился по шеренге людей.

Впереди кто-то продавал горячий кофе в треснувших чашках. Поглядев туда, Том увидел маленький жаркий костёр и бурлящее варево в ржавой кастрюле. Это был не настоящий кофе. Его заварили из каких-то ягод, собранных на лугах за городом, и продавали по пенни чашка, согреть желудок, но мало кто покупал, мало кому это было по карману.

Том устремил взгляд туда, где очередь пропадала за разваленной взрывом каменной стеной.

— Говорят, она улыбается, — сказал мальчик.

— Ага, улыбается, — ответил Григсби.

— Говорят, она сделана из краски и холста.

— Точно. Потому-то и сдаётся мне, что она не подлинная. Та, настоящая, я слышал, была на доске нарисована, в незапамятные времена.

— Говорят, ей четыреста лет.

— Если не больше. Коли уж на то пошло, никому не известно, какой сейчас год.

— Две тысячи шестьдесят первый!

— Верно, так говорят, парень, говорят. Брешут. А может, трёхтысячный! Или пятитысячный! Почём мы можем знать? Сколько времени одна сплошная катавасия была... И достались нам только рожки да ножки.

Они шаркали ногами, медленно продвигаясь вперёд по холодным камням мостовой.

— Скоро мы её увидим? — уныло протянул Том.

— Ещё несколько минут, не больше. Они огородили её, повесили на четырёх латунных столбиках бархатную верёвку, все честь по чести, чтобы люди не подходили слишком близко. И учти, Том, никаких камней, они запретили бросать в неё камни.

— Ладно, сэр,

Солнце поднималось все выше по небосводу, неся тепло, и мужчины сбросили с себя измазанные дерюги и грязные шляпы.

— А зачем мы все тут собрались? — спросил, подумав, Том. — Почему мы должны плевать?

Тригсби и не взглянул на него, он смотрел на солнце, соображая, который час.

— Э, Том, причин уйма. — Он рассеянно протянул руку к карману, которого уже давно не было, за несуществующей сигаретой. Том видел это движение миллион раз. — Тут всё дело в ненависти, ненависти ко всему, что связано с Прошлым. Ответь-ка ты мне, как мы дошли до такого состояния? Города — груды развалин, доро-

ги от бомбёжек — словно пила, вверх-вниз, поля по ночам светятся, радиоактивные... Вот и скажи, Том, что это, если не последняя подлость?

— Да, сэр, конечно.

— То-то и оно... Человек ненавидит то, что его сгубило, что ему жизнь поломало. Так уж он устроен. Неразумно, может быть, но такова человеческая природа.

— А если хоть кто-нибудь или что-нибудь, чего бы мы не ненавидели? — сказал Том.

— Во-во! А всё эта орава идиотов, которая заправляла миром в Прошлом! Вот и стоим здесь с самого утра, кишки подвело, стучим от холода зубами — ядовитые троглодиты, ни покурить, ни выпить, никакой тебе утечи, кроме этих наших праздников, Том. наших праздников...

Том мысленно перебрал праздники, в которых участвовал за последние годы. Вспомнил, как рвали и жгли книги на площади, и все смеялись, точно пьяные. А праздник науки месяц тому назад, когда притащили в город последний автомобиль, потом бросили жребий, и счастливики могли по одному разу долбануть машину кувалдой!..

— Помню ли я, Том? Помню ли? Да ведь я же разбил переднее стекло — стекло, слышишь? Господи, звук-то какой был, прелесть! Тррах!

Том и впрямь словно услышал, как стекло рассыпается сверкающими осколками.

— А Биллу Гендерсону досталось мотор раздолбать. Эх, и лихо же он это сработал, прямо мастерски. Бамм! Но лучше всего, — продолжал вспоминать Григсби, — было в тот раз, когда громили завод, который ещё пытался выпускать самолёты. И отвели же мы душеньку! А потом нашли типографию и склад боеприпасов — и взорвали их вместе! Представляешь себе, Том?

Том подумал.

— Ага.

Полдень. Запахи разрушенного города отравляли жаркий воздух, что-то копошилось среди обломков зданий.

— Сэр, это больше никогда не вернётся?

— Что — цивилизация? А кому она нужна? Во всяком случае не мне!

— А я так готов её терпеть, — сказал один из очереди. — Не всё, конечно, но были и в ней свои хорошие стороны...

— Чего зря болтать-то! — крикнул Григсби. — Всё равно впустую.

— Э, — упорствовал один из очереди, — не торопитесь. — Вот увидите: ещё появится башковитый человек, который её подлатает. Попомните мои слова. Человек с душой.

— Не будет того, — сказал Григсби.

— А я говорю, появится. Человек, у которого душа лежит к красивому. Он вернёт нам — нет, не старую, а, так сказать, ограниченную цивилизацию, такую, чтобы мы могли жить мирно.

— Не успеешь и глазом моргнуть, как опять война!

— Почему же? Может, на этот раз всё будет иначе.

Наконец и они вступили на главную площадь. Одновременно в город въехал верховой, держа в руке листок бумаги. Огороженное пространство было в самом центре площади. Том, Григсби и все остальные, копя слюну, подвигались вперёд — шли, изготовившись, предвкушая, с расширившимися зрачками. Сердце Тома билось часто-часто, и земля жгла его босые пятки.

— Ну, Том, сейчас наша очередь, не зевай!

По углам огороженной площадки стояло четверо полицейских — четверо мужчин с жёлтым шнурком на запястьях, знаком их власти над остальными. Они должны были следить за тем, чтобы не бросали камней.

— Это для того, — уже напоследок объяснил Григсби, — чтобы каждому досталось плюнуть по разку, понял, Том? Ну, давай!

Том замер перед картиной, глядя на неё.

— Ну, плюй же!

У мальчишки пересохло во рту.

— Том, давай! Живее!

— Но, — медленно произнёс Том, — она же красивая!

— Ладно, я плюну за тебя!

Плевков Григсби блеснул в лучах солнца. Женщина на картине улыбалась таинственно-печально, и Том, отвечая на её взгляд, чувствовал, как колотится его сердце, а в ушах будто звучала музыка.

— Она красивая, — повторил он.

— Иди уж, пока полиция...

— Внимание!

Очередь притихла. Только что они бранили Тома — стал как пень! — а теперь все повернулись к верховому.

— Как её звать, сэр? — тихо спросил Том.

— Картину-то? Кажется, «Мона Лиза»... Точно: «Мона Лиза».

— Слушайте объявление — сказал верховой. — Власти постановили, что сегодня в полдень портрет на площади будет передан в руки здешних жителей, дабы они могли принять участие в уничтожении...

Том и ахнуть не успел, как толпа, крича, толкаясь, мечась, понесла его к картине. Резкий звук рвущегося холста... Полицейские бросились наутёк. Толпа выла, и руки клевали портрет, словно голодные птицы. Том почувствовал, как его буквально швырнули сквозь разбитую раму. Слепо подражая остальным, он вытянул руку, схватил

клочок лоснящегося холста, дёрнул и упал, а толчки и пинки вышибли его из толпы на волю. Весь в ссадинах, одежда разорвана, он смотрел, как старухи жевали куски холста, как мужчины разламывали раму, поддавали ногой жёсткие лоскуты, рвали их в мелкие-мелкие клочки.

Один Том стоял притихший в стороне от этой свистопляски. Он глянул на свою руку. Она судорожно притиснула к груди кусок холста, пряча его.

— Эй, Том, ты что же! — крикнул Григсби. Не говоря ни слова, всхлипывая, Том побежал прочь. За город, на испещрённую воронками дорогу, через поле, через мелкую речушку, он бежал и бежал, не оглядываясь, и сжатая в кулак рука была спрятана под куртку.

На закате он достиг маленькой деревушки и пробежал через неё. В девять часов он был у разбитого здания фермы. За ней, в том, что осталось от силосной башни, под навесом, его встретили звуки, которые сказали ему, что семья спит — спит мать, отец, брат. Тихонько, молча, он скользнул в узкую дверь и лёг, часто дыша.

— Том? — раздался во мраке голос матери.

— Да.

— Где ты болтался? — рявкнул отец. — погоди, вот я тебе утром всыплю...

Кто-то пнул его ногой. Его собственный брат, которому пришлось сегодня в одиночку трудиться на их огороде.

— Ложись! — негромко прикрикнула на него мать.

Ещё пинок.

Том дышал уже ровнее. Кругом царил тишина. Рука его была плотно-плотно прижата к груди. Полчаса лежал он так, зажмурив глаза.

Потом ощутил что-то: холодный белый свет. Высоко в небе плыла луна, и маленький квадратик света полз по телу Тома. Только теперь его рука ослабила хватку. Тихо, осторожно, прислушиваясь к движениям спящих, Том поднял её. Он помедлил, глубоко-глубоко вздохнул, потом, весь ожидание, разжал пальцы и разгладил клочок покрашенного холста.

Мир спал, освещённый луной.

А на его ладони лежала Улыбка.

Он смотрел на неё в белом свете, который падал с полуночного неба. И тихо повторял про себя, снова и снова: «Улыбка, чудесная улыбка...»

Час спустя он всё ещё видел её, даже после того как осторожно сложил её и спрятал. Он закрыл глаза, и снова во мраке перед ним — Улыбка. Ласковая, добрая, она была там и тогда, когда он уснул, а мир был объят безмолвием, и луна плыла в холодном небе сперва вверх, потом вниз, навстречу утру.

Перевод Льва Жданова

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Объясните, как вы поняли прочитанное.
2. Перескажите рассказ близко к тексту.
3. Найдите в тексте и зачитайте отрывок, в котором один из стоящих в очереди рассуждает о том, кто сможет спасти цивилизацию? А как вы считаете, кто же способен её спасти?
4. Расскажите, что произошло с Томом, когда он оказался перед картиной. Почему мальчик изменил своим намерениям и не плюнул, как другие?
5. С помощью каких деталей писатель передаёт волнение Тома в момент встречи с «Моной Лизой»?
6. Рассмотрите репродукцию картины Леонардо да Винчи «Мона Лиза». Расскажите о своих впечатлениях. С помощью каких слов можно описать знаменитую улыбку?

Леонардо да Винчи. Мона Лиза (1503–1505/1506)

7. Подумайте, от чего хочет автор предостеречь людей этим рассказом.
8. Раскройте смысл названия рассказа.
9. Напишите сочинение-миниатюру на тему: «Красота спасёт мир».

**Роберт
ШЕКЛИ**

(1928–2005)

Будущее мира — непредсказуемо...
Роберт Шекли

СОЗДАТЕЛЬ ФАНТАСТИЧЕСКИХ МИРОВ

«**Я** не ожидаю, что люди когда-нибудь станут святыми. Но мне кажется, что цивилизация постепенно приведёт людей к тому, что они станут менее эгоистичными и более щедрыми. Я надеюсь, вместо того чтобы говорить “дай”, они всё чаще будут говорить “возьми”». Эти слова, полные тревоги за способность человека совладать со своим внутренним миром, принадлежат автору более 20 романов, около 400 рассказов, изданных огромными тиражами, известнейшему американскому писателю-фантасту Роберту Шекли.

С детства он привык очень много читать, поэтому большое влияние на него оказала литература. «С самого раннего возраста мне очень нравилось писать, — рассказывал он впоследствии. — Дело в том, что когда я читал книги, я понимал, они написаны людьми, такими же обычными людьми, как я, с этих пор начал мечтать о том, чтобы писать. Я решил: почему бы нет, почему бы не попробовать, раз другие могут, почему я не могу?». Р. Шекли окончил колледж Нью-Йоркского университета и получил специальность инженера-металлурга, но решение стать писателем не покидало его.

Свои первые произведения он опубликовал в 1952 году и сразу же покорила сердца читателей своей безграничной фантазией, живостью воображения и оригинальными сюжетами. Произведения Р. Шекли привлекают читателя непредсказуемым развитием сюжета, ведь писатель показывает привычные нам вещи в совершенно необычном свете.

Возможность существования человека в необычных для него условиях — одна из любимых тем произведений Р. Шекли. Об этом и рассказ писателя «*Запах мысли*», который вы будете читать.

1. Подготовьте сообщение о Роберте Шекли.
2. Расскажите, как Шекли стал писателем.
3. Подумайте, о чём может быть рассказ с таким названием — «Запах мысли». Свой ответ обоснуйте.

ЗАПАХ МЫСЛИ

По-настоящему неполадки у Лероя Кливи начались, когда он вёл почтолёт-243 по неосвоенному звёздному скоплению Прокоугольника. Лероя и прежде-то удручали обычные трудности межзвёздного почталёна: старый корабль, изъязвлённые трубы, невыверенные астронавигационные приборы. Но теперь, считывая показания курса, он заметил, что в корабле становится невыносимо жарко.

Он подавленно вздохнул, включил систему охлаждения и связался с Почтмейстером Базы. Разговор вёлся на критической дальности радиосвязи, и голос Почтмейстера еле доносился сквозь океан статических разрядов.

— Опять неполадки, Кливи? — спросил Почтмейстер зловещим голосом человека, который сам составляет графики и свято в них верует.

— Да как вам сказать, — иронически ответил Кливи. — Если не считать труб, приборов и проводки, всё прекрасно, вот разве изоляция и охлаждение подкачали.

— Действительно, позор, — сказал Почтмейстер, внезапно преисполняясь сочувствием. — Представляю, каково тебе там.

Кливи до отказа крутанул регулятор охлаждения, отёр пот, заливающий глаза, и подумал, что Почтмейстеру только кажется, будто он знает, каково сейчас его подчинённому.

— Я ли снова и снова не ходатайствую перед правительством о новых кораблях? — Почтмейстер невесело рассмеялся. — Похоже, они считают, будто доставлять почту можно на любой корзине.

В данную минуту Кливи не интересовали заботы Почтмейстера. Охлаждающая установка работала на полную мощность, а корабль продолжал перегреваться.

— Не отходите от приёмника, — сказал Кливи. Он направился в хвостовую часть корабля, откуда как будто истекал жар, и обнаружил, что три резервуара заполнены не горючим, а пузырящимся раскалённым добела шлаком. Четвёртый на глазах претерпевал такую же метаморфозу.

Мгновение Кливи тупо смотрел на резервуары, затем бросился к рации.

— Горючего не осталось, — сообщил он. — По-моему, произошла каталитическая реакция. Говорил я вам, что нужны новые резервуары. Сяду на первой же кислородной планете, какая подвернётся.

Он схватил Аварийный Справочник и пролистал раздел о скоплениях Пророкоугольника. В этой группе звёзд отсутствовали колонии, а дальнейшие подробности предлагалось искать по карте, на которую были нанесены кислородные миры. Чем они богаты, помимо кислорода, никому не ведомо. Кливи надеялся выяснить это, если только корабль в ближайшее время не рассыплется.

— Попробую З-М-22, — проревел он сквозь нарастающие разряды.

— Хорошенько присматривай за почтой, — протяжно прокричал в ответ Почтмейстер. — Я тотчас же высылаю корабль.

Кливи ответил, что он сделает с почтой — со всеми двадцатью фунтами почты. Однако к этому времени Почтмейстер уже прекратил приём.

Кливи удачно приземлился на З-М-22, исключительно удачно, если принять во внимание, что к раскалённым приборам невозможно было прикоснуться, размякшие от перегрева трубы скрутились узлом, а почтовая сумка на спине стесняла движения. Почтолёт-243 вплыл в атмосферу, словно лебедь, но на высоте двадцати футов от поверхности отказался от борьбы и камнем рухнул вниз.

Кливи отчаянно силился не потерять остатки сознания. Борта корабля приобрели уже тёмно-красный оттенок, когда он вывалился из запасного люка; почтовая сумка по-прежнему была прочно пристёгнута к его спине. Пошатываясь, с закрытыми глазами он пробежал сотню ярдов. Когда корабль взорвался, взрывная волна опрокинула Кливи. Он встал, сделал ещё два шага и окончательно провалился в небытие.

Когда Кливи пришёл в себя, он лежал на склоне маленького холмика, уткнувшись лицом в высокую траву. Он пребывал в непере-

даваемом состоянии шока. Ему казалось, что разум его отделился от тела и, освобождённый, витает в воздухе. Все заботы, чувства, страхи остались с телом; разум был свободен.

Он огляделся и увидел, что мимо пробегают маленький зверёк, величиной с белку, но с тёмно-зелёным мехом.

Когда зверёк приблизился, Кливи заметил, что у него нет ни глаз, ни ушей.

Это его не удивило — напротив, показалось вполне уместным. На кой чёрт сдались белке глаза да уши? Пожалуй, лучше, что белка не видит несовершенства мира, не слышит криков боли. Появился другой зверь, величиной и формой тела напоминающий крупного волка, но тоже зелёного цвета. Параллельная эволюция? Она не меняет общего положения вещей, заключил Кливи. У этого зверя тоже не было ни глаз, ни ушей. Но в пасти сверкали два ряда мощных клыков.

Кливи наблюдал за животными с вялым интересом. Какое дело свободному разуму до волков и белок, пусть даже безглазых? Он заметил, что в пяти футах от волка белка замерла на месте. Волк медленно приближался. На расстоянии трёх футов он, по-видимому, потерял след — вернее, запах. Он затряс головой и медленно описал возле белки круг. Потом снова двинулся по прямой, но уже в неверном направлении.

Слепой охотился на слепца, подумал Кливи, и эти слова показались ему глубокой извечной истиной. На его глазах белка задрожала вдруг мелкой дрожью: волк закружился на месте, внезапно прыгнул и сожрал белку в три глотка.

Какие у волков большие зубы, безразлично подумал Кливи. И в тот же миг безглазый волк круто повернулся в его сторону.

Теперь он съест меня, подумал Кливи. Его забавляло, что он окажется первым человеком, съеденным на этой планете.

Когда волк ощерился над самым его лицом, Кливи снова лишился чувств.

Очнулся он вечером. Уже протянулись длинные тени, солнце уходило за горизонт. Кливи сел и в виде опыта осторожно согнул руки и ноги. Всё было цело.

Он привстал на одно колено, ещё пошатываясь от слабости, но уже почти полностью отдавая себе отчёт в том, что случилось. Он помнил катастрофу, но так, словно она происходила тысячу лет назад: корабль сгорел, он отошёл поодаль и упал в обморок. Потом повстречался с волком и белкой.

Кливи неуверенно встал и огляделся по сторонам. Должно быть, последняя часть воспоминаний ему пригрезилась. Его бы давно уже не было в живых, окажись поблизости какой-нибудь волк.

Тут Кливи взглянул под ноги и увидел зелёный хвостик белки, а чуть поодаль — её голову.

Он лихорадочно пытался собраться с мыслями. Значит, волк и в самом деле был, да к тому же голодный. Если Кливи хочет выжить до прихода спасателей, надо выяснить, что тут произошло и почему.

У животных не было ни глаз, ни ушей. Но тогда каким образом они выслеживали друг друга? По запаху? Если так, то почему волк искал белку столь неуверенно?

Послышалось негромкое рычание, и Кливи обернулся. Менее чем в пятидесяти футах появилось существо, похожее на пантеру — на зеленовато-коричневую пантеру без глаз и ушей.

Проклятый зверинец, подумал Кливи и затаился в густой траве. Чужая планета не давала ему ни отдыха, ни срока. Нужно же ему время на размышление! Как устроены эти животные? Не развито ли у них вместо зрения чувство локации?

Пантера поплелась прочь.

У Кливи чуть отлегло от сердца. Быть может, если не попадаться ей на пути, пантера...

Едва он дошёл в своих мыслях до слова «пантера», как животное повернулось в его сторону.

Что же я сделал? — спрашивал себя Кливи, поглубже зарываясь в траву. Она не может меня учуять, увидеть или услышать. Я только решил ей не попадаться.

Подняв морду кверху, пантера мерным шагом затрусил к нему.

Вот оно что! Животное, лишённое глаз и ушей, может обнаружить присутствие Кливи только одним способом.

Способом телепатическим!

Чтобы проверить свою теорию, Кливи мысленно произнёс слово «пантера», отождествляя его с приближающимся зверем. Пантера яростно взревела и заметно сократила разделяющее их расстояние.

В какую-то ничтожную долю секунды Кливи постиг многое. Волк преследовал белку при помощи телепатии. Белка замерла — быть может, отключила свой крохотный мозг. Волк сбился со следа и не находил его, пока белке удавалось тормозить деятельность мозга.

Если так, то почему волк не напал на Кливи, когда тот лежал без сознания? Быть может, Кливи перестал думать — по крайней мере перестал думать на той длине волн, какую улавливает волк? Но не исключено, что дело обстоит гораздо сложнее.

Сейчас основная задача — это пантера.

Зверь снова взвыл. Он находился всего лишь в тридцати футах от Кливи, и расстояние быстро уменьшалось. Главное — не думать, решил Кливи, не думать о... думать о чём-нибудь другом. Тогда, может быть, пан... ну, может быть, она потеряет след. Он принялся

перебирать в уме всех девушек, которых когда-либо знал, старательно припоминая мельчайшие подробности.

Пантера остановилась и в сомнении заскребла лапами по земле.

Кливи продолжал думать: о девушках, о космолётах, о планетах и опять о девушках, и о космолётах, и обо всем, кроме пантеры.

Пантера придвинулась ещё на пять футов.

Чёрт возьми, подумал он, как можно не думать о чём-то? Ты лихорадочно думаешь о камнях, скалах, людях, пейзажах и вещах, а твой ум неизменно возвращается к..., но ты отмахиваешься от неё и сосредоточиваешься на своей покойной бабке (святая женщина!), старом пьянчуге отце, синяках на правой ноге. (Сосчитай их. Восемь. Сосчитай ещё раз. По-прежнему восемь.) А теперь ты поднимаешь глаза, небрежно, видя, но не признавая п... Как бы там ни было, она все же приближается.

Пытаться о чём-то не думать — все равно, что пытаться остановить лавину голыми руками. Кливи понял, что человеческий ум не так-то просто поддаётся бесцеремонному сознательному торможению. Для этого нужны время и практика.

Ему осталось около пятнадцати футов на то, чтобы научиться не думать о п...

Ну что ж, можно ведь думать о карточных играх, вечеринках, о собаках, кошках, лошадях, овцах, волках (убирайтесь прочь!), о синяках, броненосцах, пещерах, логовах, берлогах, детёнышах (берегись!), п-панегириках, и мпириках, и мазуриках, и клириках, и лириках, и трагиках (примерно 8 футов), обедах, филе-миньонах, фиалках, финиках, филинах, поросятах, палках, пальто и п-п-п-п...

Теперь пантера находилась в каких-нибудь пяти футах от него и готовилась к прыжку. Кливи был больше не в состоянии изгнать запретную мысль. Но вдруг в порыве вдохновения он подумал: «Пантера-самка!»

Пантера, всё ещё напрягаясь для прыжка, с сомнением повела мордой.

Кливи сосредоточился на идее пантеры-самки. Он и есть пантера-самка, и чего, собственно, хочет добиться этот самец, пугая её? Он подумал о своих (тьфу, черт, самкиных!) детёнышах, о тёплом логове, о прелестях охоты на белок...

Пантера медленно подошла вплотную и потёрлась о Кливи. Он с отчаянием думал о том, какая прекрасная стоит погода и какой мировой парень эта пантера — такой большой, сильный, с такими огромными зубами.

Самец замурлыкал!

Кливи улёгся, обвил вокруг пантеры воображаемый хвост и решил, что надо поспать. Пантера стояла возле него в

нерешительности. Казалось, чувствовала, что дело неладно. Потом испустила глубокий горловой рык, повернулась и ускакала прочь.

Только что село солнце, и всё вокруг залила синева. Кливи обнаружил, что его сотрясает неудержимая дрожь и он вот-вот разразится истерическим хохотом. Задержись пантера ещё на секунду...

Он с усилием взял себя в руки. Пора серьёзно поразмыслить.

Вероятно, каждому животному свойствен характерный запах мысли. Белка испускает один запах, волк — другой, человек — третий. Весь вопрос в том, только ли тогда можно выследить Кливи, когда он думает о каком-либо животном? Или его мысли, подобно аромату, можно засечь, даже если он ни о чём особенном не думает?

Пантера, видно, учуяла его лишь в тот миг, когда он подумал именно о ней. Однако это можно объяснить новизной: чуждый запах мыслей мог сбить пантеру с толку в тот раз.

Что ж, подождём — увидим. Пантера, наверное, не тупица. Просто такую шутку с нею сыграли впервые.

Всякая шутка удаётся... однажды.

Кливи лёг навзничь и воззрился на небо. Он слишком устал, чтобы двигаться, да и тело, покрытое кровоподтёками, ныло. Что предстоит ему ночью? Выходят ли звери на охоту? Или на ночь устанавливается некое перемирие? Ему было наплевать.

К чёрту белок, волков, пантер, львов, тигров и северных оленей! Он уснул.

Утром он удивился, что всё ещё жив. Пока всё идёт хорошо. В конце концов денёк может выдаться недурной. В радужном настроении Кливи направился к своему кораблю.

От почтолёта-243 осталась лишь груда искорёженного металла на оплавленной почве. Кливи нашёл металлический стержень, прикинул его на руке и заткнул за пояс, чуть ниже почтовой сумки. Не ахти какое оружие, но всё-таки придаёт уверенность.

Корабль погиб безвозвратно. Кливи стал бродить по окрестностям в поисках еды. Вокруг рос плодоносный кустарник. Кливи осторожно надкусил неведомый плод и счёл, что он терпкий, но вкусный. Он до отвала наелся ягод и запил их водой из ручейка, что журчал неподалёку в ложбинке.

Пока он не видел никаких зверей. Как знать, сейчас они, чего доброго, окружают его кольцом.

Он постарался отвлечься от этой мысли и занялся поисками укрытия. Самое верное дело — затаиться, пока не придут спасатели. Он блуждал по отлогим холмам, тщетно пытаясь найти скалу, деревце или пещерку. Дружелюбный ландшафт мог предложить разве что кусты высотой в шесть футов.

К середине дня он выбился из сил, пал духом и лишь тревожно всматривался в небо. Отчего нет спасателей? По его расчётам,

быстроходное спасательное судно должно прибыть за сутки, от силы за двое.

Если Почтмейстер правильно указал планету.

В небе что-то мелькнуло. Он взглянул вверх, и сердце его неистово заколотилось. Ну и картина!

Над ним, без усилий балансируя гигантскими крыльями, медленно проплыла птица. Один раз она нырнула, словно провалилась в яму, но тут же уверенно продолжила полёт.

Птица поразительно смахивала на стервятника.

Кливи побрёл дальше. Ещё через мгновение он очутился лицом к лицу с четырьмя слепыми волками.

Теперь по крайней мере с одним вопросом покончено. Кливи можно выследить по характерному запаху его мыслей. Очевидно, звери этой планеты пришли к выводу, будто пришелец не настолько чужероден, чтобы его нельзя было съесть.

Волки осторожно подкрадывались. Кливи испробовал приём, к которому прибег накануне. Вытащив из-за пояса металлический стержень, он принялся воображать себя волчицей, которая ищет своих волчат. Не поможет ли один из вас, джентльмены, найти их? Ещё минуту назад они были тут.

Один зелёный, другой пятнистый, третий...

Быть может, эти волки не мечтают пятнистых детёнышей. Один из них прыгнул на Кливи. Кливи огрел его стержнем, и волк, шатаясь, отступил.

Все четверо сомкнулись плечом к плечу и возобновили атаку.

Кливи безнадежно попытался мыслить так, как если бы его вообще не существовало на свете. Бесплезно. Волки упорно надвигались. Кливи вспомнил о пантере. Он вообразил себя пантерой. Рослой пантерой, которая с удовольствием полакомится волком.

Это их остановило. Волки тревожно замахали хвостами, но позиций не сдали.

Кливи зарычал, забил лапами по земле и подался вперёд. Волки попятнулись, но один из них проскользнул к нему в тыл.

Кливи подвинулся вбок, стараясь не попадать в окружение. Похоже было, что волки не слишком-то поверили спектаклю. Быть может, Кливи бездарно изобразил пантеру. Волки больше не отступали. Кливи свирепо зарычал и замахнулся импровизированной дубинкой. Один волк стремглав пустился наутёк, но тот, что прорывался в тыл, прыгнул на Кливи и сбил его с ног.

Барахтаясь под волками, Кливи испытал новый прилив вдохновения. Он вообразил себя змеей — очень быстрой, со смертоносным жалом и ядовитыми зубами.

Волки тотчас отскочили. Кливи зашипел и изогнул свою бескостную шею. Волки яростно ощерились, но не выказали никакого желания наступать.

И тут Кливи допустил ошибку. Рассудок его знал, что надо держаться стойко и проявлять побольше наглости. Однако тело поступило иначе. Помимо своей воли он повернулся и понёсся прочь.

Волки рванулись вдогонку, и, бросив взгляд вверх, Кливи увидел, что в предвкушении поживы слетаются стервятники. Он взял себя в руки и попытался снова превратиться в змею, но волки не отставали.

Выющиеся над головой стервятники подали Кливи идею. Космонавт, он хорошо знал, как выглядит планета сверху. Кливи решил превратиться в птичку. Он представил себе, как парит в вышине, легко балансируя среди воздушных течений, и смотрит вниз на землю, которая ковром расстилается всё шире и шире.

Волки пришли в замешательство. Они закружились на месте, стали беспомощно подпрыгивать в воздух. Кливи продолжал парить над планетой, взмывая всё выше и выше, и в то же время медленно пятился назад.

Наконец он потерял волков из виду, и наступил вечер. Кливи был измучен. Он прожил ещё один день. Но, по-видимому, все гамбиты удаются лишь единожды. Что он будет делать завтра, если не придёт спасательное судно?

Когда стемнело, он долго ещё не мог заснуть и всё смотрел в небо. Однако там виднелись только звёзды, а рядом слышалось лишь редкое рычание волка да рёв пантеры, мечтающей о завтраке.

... Утро наступило слишком быстро. Кливи проснулся усталый, сон не освежил его. Не вставая, Кливи ждал.

— Где же спасатели? Времени у них было предостаточно, — решил Кливи. — Почему их ещё нет? Если будут слишком долго мешкать, пантера...

Не надо было так думать. В ответ справа послышался звериный рык.

Кливи встал и отошёл подальше. Улучше иметь дело с волками...

Об этом тоже не стоило думать, так как теперь к рёву пантеры присоединилось рычание волчьей стаи.

Всех хищников Кливи увидел сразу. Справа из подлеска грациозно выступила зеленовато-жёлтая пантера. Слева он явственно различил силуэты нескольких волков. Какой-то миг он надеялся, что звери передерутся. Если бы волки напали на пантеру, Кливи удалось бы улизнуть...

Однако зверей интересовал только пришелец. К чему им драться между собой, понял Кливи, когда налицо он сам, во всеуслышание транслирующий свои страхи и свою беспомощность?

Пантера двинулась вперёд. Волки остановились на почтительном расстоянии, по-видимому, намеренные удовольствоваться остатками её трапезы. Кливи опять было попробовал взлететь по-птичьи, но пантера после минутного колебания продолжила свой путь.

Кливи попятился к волкам, жалея, что некуда влезть. Эх, оказался тут скала или хотя бы приличное дерево...

Но ведь рядом кусты! С изобретательностью, порождённой отчаянием, Кливи стал шестифутовым кустом. Вообще-то он понятия не имел, как мыслит куст, но старался изо всех сил.

Теперь он цвёл. А один из корней у него слегка расшатался. После недавней бури. Но всё же, если учесть обстоятельства, он был отнюдь не плохим кустом.

Краешком веток он заметил, что волки остановились. Пантера стала метаться вокруг него, пронзительно фыркнула и склонила голову набок.

Ну право же, подумал Кливи, кому придёт в голову откусить ветку куста? Ты, возможно, приняла меня за что-то другое, но на самом деле я всего-навсего куст. Не хочешь ведь набить себе рот листьями? И ты можешь сломать зуб о мои ветки. Слыханное ли дело, чтобы пантера поела кусты? А ведь я и есть куст. Спроси у моей мамы. Она тоже куст. Все мы кусты, исстари, с каменноугольного периода.

Пантера явно не собиралась переходить в атаку. Однако не собиралась и удалиться. Кливи не был уверен, что долго протянет. О чём он теперь должен думать? О прелестях весны? О гнезде малиновок в своих волосах?

На плечо к нему опустилась какая-то птичка.

Ну не мило ли, подумал Кливи. Она тоже думает, что я куст. Намерена свить гнездо в моих ветвях. Совершенно прелестно. Все прочие кусты лопнут от зависти.

Птичка легонько клюнула Кливи в шею.

Полегче, подумал Кливи. Не надо рубить сук, на котором сидишь...

Птичка клюнула ещё раз, примериваясь. Затем прочно стала на перепончатые лапки и принялась долбить шею Кливи со скоростью пневматического молотка.

Проклятый дятел, подумал Кливи, стараясь не выходить из образа. Он отметил, что пантера внезапно успокоилась. Однако когда птичка долбанула его шею пятнадцатый раз, Кливи не выдержал: он сгрёб птичку и швырнул её в пантеру.

Пантера щёлкнула зубами, но опоздала. Оскорблённая птичка произвела разведочный полёт вокруг головы Кливи и упорхнула к более спокойным кустам.

Мгновенно Кливи снова превратился в куст, но игра была проиграна. Пантера замахнулась на него лапой. Он попытался бежать, споткнулся о волка и упал. Пантера зарычала над его ухом, и Кливи понял, что он уже труп. Пантера оробела.

Тут Кливи превратился в труп до кончиков горячих пальцев. Он лежал мёртвым много дней, много недель. Кровь его давно вытекла. Плоть протухла. К нему не притронется ни одно здравомыслящее животное, как бы голодно оно ни было.

Казалось, пантера с ним согласна. Она попятилась. Волки испустили голодный вой, но тоже отступили.

Кливи увеличил давность своего гниения ещё на несколько дней и сосредоточился на том, как ужасно он неудобоварим, как безнадежно неаппетитен. И в глубине души — он был в этом убеждён — искренне не верил, что годится кому бы то ни было на закуску. Пантера продолжала пятиться, а за нею и волки. Кливи был спасён! Если надо, он может теперь оставаться трупом до конца дней своих.

И вдруг до него донёсся подлинный запах гниющей плоти. Оглядевшись по сторонам, он увидел, что рядом опустилась исполинская птица!

На Земле её называли бы стервятником.

Кливи едва не расплакался. Неужто ему ничто не поможет? Стервятник подошёл к нему вперевалочку. Кливи вскочил и ударил его ногой. Если ему и суждено быть съеденным, то уж, во всяком случае, не стервятником.

Пантера с быстротой молнии явилась вновь, и на её глупой пушистой морде, казалось, были написаны ярость и смятение.

Кливи замахнулся металлическим стержнем, жалея, что нет поблизости дерева — забраться, пистолета — выстрелить или хоть факела — отпугнуть...

Факел!

Кливи тотчас же понял, что выход найден. Он полыхнул пантере огнём в морду, и та отползла с жалобным визгом. Кливи поспешно стал распространяться во все стороны, охватывая пламенем кусты, пожирая сухую траву.

Пантера стрелой умчалась прочь вместе с волками.

Пришёл его черёд! Как он мог забыть, что всем животным присущ глубокий инстинктивный страх перед огнём! Право же, Кливи будет самым огромным пожаром, какой когда-либо бушевал в этих местах.

Поднялся лёгкий ветерок и разнёс его огонь по холмистой земле. Из-за кустов выскочили белки и дружно понеслись прочь. В воздух взмыли стаи птиц, а пантеры, волки и прочие хищники бежали бок о бок, забыв и помышлять о добыче, стремясь лишь уберечься от пожара — от него, Кливи!

Кливи смутно сознавал, что отныне стал настоящим телепатом. С закрытыми глазами он видел всё, что происходит вокруг, и всё ощущал почти физически. Он наступал гудящим пламенем, сметая все на своём пути. И чувствовал страх тех, кто поспешно спасался бегством.

Так и должно быть. Разве благодаря сообразительности и умению приспособиться человек не был всегда и везде царём природы? То же самое и здесь. Кливи торжествующе перепрыгнул через узенький ручеёк в трёх милях от старта, воспламенил группу кустов, выбросил струю пламени...

Тут он почувствовал первую каплю воды.

Он всё горел, но одна капля превратилась в пять, потом в пятнадцать, потом в пятьсот. Он был прибит водой, а его пища — трава и кусты — вскоре промокли насквозь.

Он начинал угасать.

Это просто нечестно, подумал Кливи. По всем правилам он должен был выиграть. Он дал планете бой на её условиях и вышел победителем... лишь для того, чтобы слепая стихия всё погубила.

Животные осторожно возвращались.

Дождь хлынул, как из ведра. У Кливи погас последний язычок пламени. Бедняга вздохнул и лишился чувств...

—...Чертовски удачная работа. Ты берег почту до последнего, а это признак хорошего почтальона. Может, удастся выхлопотать тебе медаль.

Кливи открыл глаза. Над ним, сияя горделивой улыбкой, стоял Почтмейстер. Кливи лежал на койке и видел над собой вогнутые металлические стены звездолёта.

Он находился на спасательном судне.

— Что случилось? — прохрипел он.

— Мы подоспели как раз вовремя, — ответил Почтмейстер. — Тебе пока лучше не двигаться. Ещё немного — и было бы поздно.

Кливи почувствовал, как корабль отрывается от земли, и понял, что покидает планету З-М-22. Шатаясь, он подошёл к смотровому окну и стал вглядываться в проплывающую внизу зелёную поверхность.

— Ты был на волосок от гибели, — сказал Почтмейстер, становясь рядом с Кливи и глядя вниз. — Нам удалось включить увлажняющую систему как раз вовремя. Ты стоял в центре самого свирепого степного пожара из всех, что мне приходилось видеть.

Глядя вниз на безупречный зелёный ковёр, Почтмейстер, видно, усомнился. Он посмотрел ещё раз в окно, и выражение его лица напомнило Кливи обманутую пантеру.

— Постой... А как получилось, что на тебе нет ожогов?

Перевод Натальи Евдокимовой

Читаем, размышляем, обсуждаем...

1. Понравилось ли вам прочитанное? Обоснуйте свой ответ.
2. Совпали ли ваши предположения о теме рассказа, сделанные на основе его названия?
3. Кратко перескажите содержание рассказа.
4. Какую проблему раскрывает рассказ Р. Шекли «Запах мысли»?
5. Найдите в тексте и выразительно прочитайте о первых мгновениях главного героя на планете З-М-22.
6. Расскажите, какие испытания выпали на долю Кливи на неизвестной планете.
7. Охарактеризуйте главного героя произведения, дайте собственную оценку его поступкам в экстремальных ситуациях.
8. Какая спасительная догадка выручила Лероя Кливи из беды?
9. Выберите из «космических» иллюстраций американских художников-фантастов Майкла Уэлана и Тома Фолио ту, которая могла бы быть использована для оформления обложки сборника рассказов Р. Шекли.

10. Напишите сочинение-миниатюру на тему: «Фантастический мир в рассказе Р. Шекли “Запах мысли”».

Читателю XXI столетия на заметку

В 2005 году Р. Шекли посетил Украину. Писатель прибыл в Киев для участия в Международной ассамблее фантастики «Портал». Приезд признанного мастера фантастики стал настоящим праздником для многочисленных почитателей его творчества.

ПОДЫТОЖИМ ИЗУЧЕННОЕ В РАЗДЕЛЕ «ЛИТЕРАТУРА КРЫЛАТОЙ МЕЧТЫ»

1. Объясните, как вы понимаете название этого раздела.
2. Что объединяет прочитанные вами произведения? Обоснуйте свой ответ.
3. Какие из прочитанных рассказов произвели на вас особое впечатление? Объясните почему.
4. Докажите, что прочитанные произведения — фантастические рассказы.
5. Подготовьте развёрнутый ответ на вопрос: «Почему так популярна фантастическая литература?».
6. Прочитайте высказывание Рэя Бредбери: «Фантастика о будущем помогает жить в настоящем. Ведь будущее рождается из настоящего. Будущее создаётся нами сейчас. В каждую минуту, которую мы проживаем, нам дана возможность творить его». Согласны ли вы с таким утверждением? Аргументируйте свой ответ.
7. Определите тему и основную мысль прочитанных произведений Р. Бредбери.
8. Подготовьте сообщение на тему: «Роберт Шекли — создатель фантастических миров».
9. Объясните смысл названия прочитанного рассказа Р. Шекли.
10. Согласны ли вы с утверждением, что рассказ Р. Шекли «Запах мысли» провозглашает победоносную мощь человеческого разума и интуиции, способности человека не сдаваться в самых экстремальных ситуациях? Аргументируйте свою позицию.
11. Подготовьте рекламу одного из прочитанных вами самостоятельно произведений фантастической литературы для молодёжного печатного издания. Представьте её в классе.
12. Если бы вы были писателем-фантастом, на какую тему вы бы написали своё произведение? Обоснуйте свой выбор.

ПОЗНАЁМ СЕБЯ ЧЕРЕЗ КНИГУ

Читатель! Друг из самых лучших,
Из всех попутчиков попутчик,
Из всех своих особо свой...

*Александр Твардовский,
российский поэт и общественный деятель*

• В этом учебном году вы прочитали много интересных литературных произведений. Какие из них запомнились вам больше всего? Объясните свой выбор.

• Российский писатель Михаил Иванович Пришвин говорил: *«Много я книг перечитал, прежде чем выбрал из них себе в вечные спутники десять мудрецов и, перечитывая их во множестве раз, приобрёл священное уважение к слову»*. А у вас есть книги, которые вы выбрали себе в «вечные спутники»? Расскажите о них.

• Составьте вопросы к литературной викторине по текстам прочитанных произведений.

• Проведите в классе конкурс выразительного чтения произведений, выученных наизусть в течение этого учебного года.

• Напишите письмо будущим шестиклассникам с вашими впечатлениями о прочитанных в этом учебном году произведениях.

• С помощью символических рисунков, помещённых на шмуцтитулах перед каждым разделом, вспомните главные идеи произведений, которые вы читали в этом году.

• Попробуйте придумать и изобразить своих «проводников» к каждому разделу учебника.

СЛОВАРИК ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Аллегория (от греческих слов *иной* и *говорю*) — изображение, при котором с помощью сравнения одного явления с другим создаётся конкретный образ, раскрывающий какое-то общее понятие.

Ба́сня — небольшое по объёму литературное произведение с поучительным смыслом, в котором в образах животных, предметов, разных природных явлений показываются человеческие отношения и характеры.

Иде́я произведе́ния — основная мысль произведения, выраженная посредством художественных образов.

Изобразительно-выразительные средства языка — средства художественного изображения в литературном произведении (эпитеты, сравнения, метафоры и другие).

Комическое (от греческого — *смешной, весёлый*) — смешное в жизни и искусстве.

Литерату́рная сказа́ — авторское художественное произведение, в основе которого лежит вымышленная увлекательная история, объединяющая элементы действительности и фантазии.

Литерату́рный геро́й или персона́ж — это общее название любого действующего лица произведения. Персонажами художественного произведения могут быть не только люди, но и наделённые человеческими чертами животные, растения, фантастические существа, предметы, явления природы.

Мета́фора (от греческого — *перенос*) — художественное средство, основанное на перенесении свойств одного предмета или явления на другой по их сходству или противопоставлению.

Миф (от греческого — *слово, сказание*) — сказание, которое передаёт представления древних людей о происхождении и устройстве мира, о богах и героях.

Мифоло́гия (от греческих слов — *миф* и *логос* — *знание*) — 1) наука, изучающая мифы; 2) совокупность мифов определённого народа.

Оригина́л (от латинского — *первичный*) — первичный текст, с которого делается перевод.

Пейза́ж — описание картин природы в художественном произведении.

Перевод — это передача слова, высказывания или текста средствами другого языка.

Персона́ж — общее название любого действующего лица произведения, литературный герой.

По́весть — среднее по объёму прозаическое художественное произведение, в котором раскрывается несколько эпизодов из жизни литературного героя на фоне изображения судеб других персонажей.

Портрёт (от французского — изображение) — описание внешности персонажа в художественном произведении.

Приключе́нский рома́н — большое по объёму и сложное по строению повествовательное произведение, для которого характерны захватывающий сюжет, стремительность развития действия, резкое деление персонажей на героев и антигероев, а также, как правило, счастливая развязка.

Притча — небольшой поучительный рассказ, который на простых жизненных примерах раскрывает какую-либо сложную проблему общечеловеческого (морального) или религиозного содержания.

Расска́з — небольшое по объёму прозаическое произведение, в котором изображается какой-либо эпизод из жизни персонажа (иногда нескольких персонажей).

Ритм (от греческого — стройность) — одинаковое чередование ударных и безударных слогов в строке.

Рифма (от греческого — соразмерность) — звуковое совпадение, созвучие стихотворной строки.

Рома́н — большое по объёму и сложное по строению повествовательное произведение, раскрывающее историю нескольких, иногда многих, персонажей на протяжении длительного времени.

Сравне́ние — это художественное средство, которое состоит в сравнении одного предмета или явления с другим для того, чтобы более ярко изобразить его, глубже раскрыть.

Стихотво́рная речь — это особый тип художественного повествования, определяющим признаком которого, в отличие от прозы, является его строгая соразмерная (ритмическая) организация.

Стихотво́рный разме́р — порядок чередования слогов в поэтической строке.

Строфа́ — группа строк (стихов) с определённым повторяющимся расположением рифм.

Сюже́т — развитие событий в художественном произведении. Выделяют такие основные элементы сюжета: завязка, развитие действия, кульминация, развязка.

Тема́ — то, о чём рассказывается в произведении, круг событий или явлений, описанных в нём.

Фанта́стика (от греческого — искусство воображать) — разновидность художественной литературы, создающая картины «чуждого мира», которые не отвечают представлениям об обычной реальной действительности.

Фольклор, или устное народное творчество (от *английского* — народная мудрость, народное знание) — искусство, создаваемое народом и бытующее в широких народных массах.

Хорей — двусложный размер стиха, в котором ударение падает на первый слог и другие последующие нечётные слоги.

Художественная литература — это вид искусства, отображающий жизнь в художественных картинах при помощи слова. Поэтому литературу называют искусством слова.

Эзопов язык — речь, насыщенная намёками, недомолвками, в которой позиция автора представлена в замаскированной форме.

Эпитет (от *греческого* — дополнение, приложение) — художественное определение, которое образно и эмоционально раскрывает свойства определённого предмета или явления, подчёркивает характерную черту персонажа.

Юмор — добродушный смех над несовершенством мира, человека, отдельных явлений жизни.

Ямб — двусложный размер стиха, в котором ударение падает на второй слог и другие последующие чётные слоги.

Загадочная копилочка (ответы на литературные игры)

Геракл (с. 49, задание 4); остролист (с. 158, задание 8); изобретательность (с. 271, задание 2); милосердие (с. 300, задание 14).

В учебнике использованы портреты писателей кисти художников:

Д. Веласкеса (с. 54); К. Брюллова (с. 58); П. Соколова (с. 67); М. Лермонтова (с. 81); Ф. Мюллера (с. 92); Ф. Александера (с. 124); Дж. Тавернери (с. 170); В. Кудринского (с. 301),

а также репродукции картин:

С. Андрияки (с. 6); Б. Ольшанского (с. 33); Я. Брейгеля-младшего (с. 39); М. Герартса-младшего (с. 54); Г. Нарбута (с. 58); К. Шюльца (с. 67); М. Лермонтова (с. 81); Р. Ингпена (с. 124); Г. Гранвиля (с. 170); Р. Кента (с. 273); В. Пименова (с. 292); М. Ромадина (с. 320); Р. Гонсалвеса (с. 334); **фотографии:** фрагмента фриза Пергамского алтаря (с. 12); Нежинской гимназии (с. 92); села Овсянка на берегу Енисея (с. 301); кадра из мультфильма «Ёжик в тумане» (с. 311); бумажной скульптуры Сью Блэквелл (с. 348).

Сведения о состоянии учебника

№	Фамилия и имя ученика	Учебный год	Состояние учебника		Оценка
			в начале года	в конце года	
1					
2					
3					
4					
5					

Навчальне видання

ІСАЄВА Олена Олександрівна
КЛИМЕНКО Жанна Валентинівна

Інтегрований курс **ЛІТЕРАТУРА** (російська та світова)

Підручник для 6 класу загальноосвітніх навчальних закладів
з навчанням російською мовою
(*Російською мовою*)

Рекомендовано Міністерством освіти і науки України

ВИДАНО ЗА РАХУНОК ДЕРЖАВНИХ КОШТІВ. ПРОДАЖ ЗАБОРОНЕНО

Відповідальна за випуск *О. С. Криворучко*
Редактор *Т. М. Гревцева*
Художній редактор *А. М. Віксенко*
Технічний редактор *Л. І. Аленіна*
Коректор *М. М. Тягунова*

На обкладинці використано фрагменти репродукцій картин
В. Куша, С. Андріяки

У підручнику використано малюнки *С. Конощук, І. Леві*, світліни *Т. Будкевич, П. Молодчика*, а також ілюстрації та світліни з мережі Інтернет:
С. Бочарова, Л. Хо Рена, Д. Куваєва, Н. Лук'янової, Д. Широносова, David Shankbone

Формат 60x90 $\frac{1}{16}$. Ум. друк. арк. 22,0 + 0,25 форзац.
Обл.-вид. арк. 21,5 + 0,44 форзац. Тираж 32 750 прим.
Зам. №

ТОВ «СИЦІЯ»

Свідоцтво «Про внесення суб'єкта видавничої справи до державного реєстру
видавців, виготівників і розповсюджувачів видавничої продукції»
Серія ДК № 4711 від 14.04.2014 р.

Адреса видавництва: 61017, м. Харків, вул. Кокчетавська, 20
www.sicia.com.ua

Віддруковано з готових діапозитивів ТОВ «ПЕТ»
Св. ДК № 4526 від 18.04.2013 р.
61024, м. Харків, вул. Ольмінського, 17

СИЦИЯ

Е. А. ИСАЕВА, Ж. В. КЛИМЕНКО

ИНТЕГРИРОВАННЫЙ КУРС

ЛИТЕРАТУРА

(РУССКАЯ И МИРОВАЯ)

6

